

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Известия
Юго-Западного
государственного
университета
Серия: Экономика. Социология. Менеджмент
Научный журнал**

Том 11 № 6 / 2021

**Proceedings
of the Southwest
State University
Series: Economics, Sociology and Management
Scientific Journal**

Vol. 11 № 6 / 2021

**Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия: Экономика. Социология. Менеджмент**

**(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.
Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment)**

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследований в таких отраслях, как экономические, философские и социологические науки.

Основными разделами журнала являются:

- тренды мировой и национальной экономики;
- модернизация и инновационно-технологическое развитие экономики;
- управление в социально-экономических системах;
- экономическая политика и механизмы ее реализации;
- государство и бизнес на пути цифровой трансформации;
- актуальные проблемы развития региональных социально-экономических систем;
- экономика и организация деятельности предприятий, отраслей, комплексов;
- приоритеты развития маркетинговой и логистической деятельности;
- социально-экономическое прогнозирование и моделирование;
- институциональные факторы развития экономических систем;
- проблемы и перспективы развития финансового сектора;
- трудовые ресурсы и образование;
- социально-экономические проблемы современного общества;
- философские исследования природы, общества, человека;
- научные исследования молодых ученых.

В журнале публикуются оригинальные работы (ранее не опубликованные), в том числе обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители общественности, бизнеса и органов власти.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU. Журнал индексируется в международной базе данных Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory).

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Экономические науки: 08.00.01; 08.00.05; 08.00.10; 08.00.13, 08.00.14.

Философские науки: 09.00.03; 09.00.08; 09.00.11, 09.00.13.

Социологические науки: 22.00.03; 22.00.04; 22.00.06, 22.00.08.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Емельянов Сергей Геннадьевич, д-р техн. наук, профессор, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, ректор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бессонова Елена Анатольевна, д-р экон. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамов Александр Петрович, д-р социол. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Асеева Ирина Александровна, д-р филос. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Банк Сергей Валерьевич, д-р экон. наук, профессор, МИРЭА - Российский технологический университет (Москва, Россия)

Буданов Владимир Григорьевич, д-р филос. наук, доцент, Институт философии РАН (Москва, Россия)

Герасимова Ирина Алексеевна, д-р филос. наук, профессор, Институт философии РАН (Москва, Россия)

Гребенщикова Елена Георгиевна, д-р филос. наук, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия)

Зотов Виталий Владимирович, д-р социол. наук, профессор, Московский физико-технический институт (национально-исследовательский университет) (Москва, Россия)

Киселев Сергей Викторович, д-р экон. наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Кулагина Наталья Александровна, д-р экон. наук, профессор, Брянский государственный инженерно-технологический университет (Брянск, Россия)

Минакова Ирина Вячеславна, д-р экон. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Налетова Ирина Владимировна, д-р филос. наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (Тамбов, Россия)

Нямдорж Даваахуу, канд. экон. наук, Улан-Баторский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Улан-Батор, Монгольская Народная Республика)

Подгорный Борис Борисович, д-р социол. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Полянин Андрей Витальевич, д-р экон. наук, профессор, Среднерусский институт управления (Орел, Россия)

Преображенский Борис Георгиевич, д-р экон. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Воронеж, Россия)

Рисин Игорь Ефимович, д-р экон. наук, профессор, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Родионов Дмитрий Григорьевич, д-р экон. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия)

Сухарев Олег Сергеевич, д-р экон. наук, профессор, Институт экономики РАН (Москва, Россия)

Ткачева Татьяна Юрьевна, д-р экон. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Яновская Ольга Алексеевна, д-р экон. наук, профессор, советник НААР (Республика Казахстан)

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя, издателя и редакции

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Телефон: (4712) 22-25-26,

Факс: (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-82284 от 23.11.2021).

ISSN 2223-1552 (Print)

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieconom/>

Типография:

Полиграфический центр
Юго-Западного государственного
университета, 305040, г. Курск,
ул. 50 лет Октября, 94

Подписка и распространение:

журнал распространяется
по подписке.

Подписной индекс журнала 44284
в объединенном каталоге
«Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен А. Е. Серебряковой

Подписано в печать 29.12.2021. Формат 60х84/8.

Дата выхода в свет 30.12.2021.

Бумага офсетная. Усл.печ.л. 34,9.

Тираж 1000 экз. Заказ 70.

16+

© Юго-Западный государственный университет, 2021

Материалы журнала доступны
под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Proceedings of the Southwest State University Series: economics, Sociology and Management

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication is to publicly present to the scientific community the scientific results of fundamental, applied, problem-oriented scientific research in industries such as economic, philosophical and sociological sciences.

The main sections of the journal are:

- trends of the world and national economy;
- modernisation and innovative technological development of economy;
- management in socio-economic systems;
- economic policy and mechanisms of its realization;
- the government and business on the path of the digital transformation;
- actual problems of regional socio-economic systems development;
- economics and organization of enterprises, industries, complexes;
- development priorities of marketing and logistics activities;
- socio-economic forecasting and modelling;
- institutional factors of economic systems development;
- problems and prospects of the financial sector development;
- human resources and education;
- socio-economic problems of modern society;
- philosophical study of nature, society and human;
- scientific researches of young scientists.

The journal publishes original works (previously unpublished), including review articles, reviews, and discussions relevant to the subject of the publication.

Target audience: scientists, faculty of educational institutions, expert community, young scientists, graduate students, interested representatives of the public, business and government.

The magazine adheres to an open access policy. Full-text versions of articles are available on the website of the journal, the scientific electronic library eLIBRARY.RU. The journal is indexed in the international database Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory).

The journal is included in the list of leading scientific journals and publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of Education and Science, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor of Science, Candidate of Science (Ph.D) in the following scientific specialties should be published:

Economic sciences: 08.00.01; 08.00.05; 08.00.10; 08.00.13, 08.00.14.

Philosophical sciences: 09.00.03; 09.00.08; 09.00.11, 09.00.13.

Sociological sciences: 22.00.03; 22.00.04; 22.00.06, 22.00.08.

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey G. Yemelyanov, Doctor of Engineering Sciences, Professor, a Holder of the Russian Government Prize in the Field of Science and Engineering, Rector of the Southwest State University (Russia, Kursk)

DEPUTY EDITOR

Bessonova Elena Anatolyevna, Doctor of Economic Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Aleksandr P. Abramov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Irina A. Aseyeva, Doctor of Philosophy, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Sergey V. Bank, Doctor of Economics, Professor, MIREA-Russian Technological University (Moscow, Russia)

Vladimir G. Budanov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Irina A. Gerasimova, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Elena G. Grebenshchikova, Doctor of Philosophy, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Sergey V. Kiselev, Doctor of Economics, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Natalia A. Kulagina, Doctor of Economics, Professor, Bryansk State University of Engineering and Technology (Bryansk, Russia)

Irina V. Minakova, Doctor of Economics, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Naletova Irina Vladimirovna, Doctor of Philosophy, Professor, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia)

Nyamdorzh Davaahuu, Candidate of Economic Sciences, Ulan Bator branch of Plekhanov Russian University of Economics (Ulan Bator, Mongolian People's Republic)

Boris B. Podgorny, Doctor of Sociology, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Andrei V. Polyanin, Doctor of Economics, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orel, Russia)

Boris G. Preobrazhensky, Doctor of Economics, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Voronezh, Russia)

Igor E. Risin, Doctor of Economics, Professor, Voronezh State University (Voronezh, Russia)

Dmitry G. Rodionov, Doctor of Economics, Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia)

Oleg S. Sukharev, Doctor of Economics, Professor, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Tatyana Yu. Tkacheva, Doctor of Economics, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Vitalij V. Zotov, Doctor of Sociology, Professor, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University) (Moscow, Russia)

Olga A. Yanovskaya, Doctor of Economics, Professor, adviser to the NAAR (Republic of Kazakhstan)

Founder and Publisher :
“Southwest State University”

**Official address of the Founder, Publisher
and Editoriat Office:**

305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,

Fax: (+74712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:

The Federal Supervising Authority in the Field
of Communication, Information Technology and Mass media
(PI №FS77-82284 of 23.11.2021).

ISSN 2223-1552 (Print)

Web-site: <https://swsu.ru/izvestiya/serieconom/>

© Southwest State University, 2021

Publications are available in accordance with
the Creative Commons Attribution 4.0 License

Printing office:

Printing Center

of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Subscription and distribution:

the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44284 in the General
Catalogue “Pressa Rossii”

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: A. E. Serebryakova

Sent to the printer 29.12.2021. Format 60x84/8.

Release date 30.12.2021.

Offset paper. Printer's sheets: 34,9.

Circulation 1000 copies. Order 70.

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ТРЕНДЫ МИРОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ	10
Оригинальные статьи	
Факторы глобального кризиса	10
<i>Крупнов Ю. А., Старовойтов В. Г., Трошин Д. В.</i>	
Системообразующие элементы обеспечения внешнеэкономической безопасности России на современном этапе.....	22
<i>Савватеева О. В., Меркулова Е. Ю.</i>	
МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ	35
Оригинальные статьи	
Инновационный потенциал металлургических предприятий: корпоративные и институциональные условия развития.....	35
<i>Васильцов В. С., Ныш М. С., Плотников В. А., Мушкатеров П. Р.</i>	
УПРАВЛЕНИЕ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ.....	51
Оригинальные статьи	
Роль хаоса и неопределенности в теории управления социально-экономическими процессами	51
<i>Шманева Л. В., Шманев С. В.</i>	
ГОСУДАРСТВО И БИЗНЕС НА ПУТИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	65
Оригинальные статьи	
Цифровые аспекты комплексной диагностики инновационного потенциала предпринимательских структур.....	65
<i>Кулагина Н. А., Чепикова Е. М., Мугутдинов Р. М.</i>	
Компаративный анализ российских и зарубежных подходов к оценке цифровой трансформации промышленности	78
<i>Положенцева Ю. С.</i>	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ.....	92
Оригинальные статьи	
Оценка социально-экономического развития приграничных регионов Дальневосточного федерального округа Российской Федерации.....	92
<i>Витульева Т. А.</i>	
Вызовы для экономической безопасности регионов России в период пандемии.....	105
<i>Карпунина Е. К., Конищев Е. В.</i>	
Региональный аспект поддержки индивидуальной предпринимательской инициативы в рамках реализации национального проекта	121
<i>Пьянова Н. В., Алекса Е. А., Лыгина Н. И.</i>	
Проблемы формирования инновационной среды региона: социокультурный подход.....	131
<i>Никитин С. А., Тронина И. А., Татенко Г. И., Грекова А. Е.</i>	
ЭКОНОМИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ, ОТРАСЛЕЙ, КОМПЛЕКСОВ.....	146
Оригинальные статьи	
Типология социальной ответственности крупного российского бизнеса в контексте ориентации на внутреннюю и внешнюю среду	146
<i>Никитина Л. М., Тюрина Д. А.</i>	
Управление кадровыми рисками как фактор экономической безопасности сферы услуг.....	161
<i>Оборин М. С.</i>	

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА	175
Оригинальные статьи	
К вопросу о содержании репродуктивного страхования и его месте в классификационной системе страхования	175
<i>Степанова М. Н.</i>	
ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ И ОБРАЗОВАНИЕ	187
Оригинальные статьи	
Исследование отдельных аспектов формирования человеческого капитала в Дальневосточном федеральном округе (оценка динамики системы высшего образования)	187
<i>Ванчикова Е. Н., Нагаслаева И. О., Золотарева Н. А.</i>	
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	199
Оригинальные статьи	
Готовность населения к раздельному сбору твердых коммунальных отходов (на примере одноразовых подгузников)	199
<i>Юшин В. В., Зотов В. В., Преликова Е. А., Юшина У. В.</i>	
Теоретические предпосылки возникновения феномена прокрастинации: сущность и классификация	212
<i>Ветрова О. А., Обозная М. В.</i>	
Контуры цифровой реальности: теоретико-методологические аспекты	223
<i>Гримов О. А.</i>	
Климатическая миграция: тенденции и прогнозы	233
<i>Леденева В. Ю.</i>	
ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА	243
Оригинальные статьи	
Цифровая сетевая платформа: классификация опасностей социотехнической конвергенции	243
<i>Зотов В. В., Асеева И. А., Буданов В. Г.</i>	
О возможности интегральной этики Большого антропологического перехода	260
<i>Буданов В. Г.</i>	
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ	270
Оригинальные статьи	
Стратегическое регулирование цифрового проектного управления в условиях инновационного развития региона	270
<i>Приходченко О. С.</i>	
Применение цифровых технологий при разработке и реализации государственной политики по снижению асимметрии регионального развития (на примере политики по адресному оказанию помощи бедным в Китае)	279
<i>Лю Яи</i>	
Онтологический статус художественного образа на примере актерской работы (I): проблема восприятия, синтез сознания и тела	290
<i>Синицына Т. А.</i>	
К сведению авторов	300

CONTENT

TRENDS OF THE WORLD AND NATIONAL ECONOMY.....	10
Original article	
Factors of the Global Crisis.....	10
<i>Yuriy A. Krupnov, Vladimir G. Starovoitov, Dmitriy V. Troshin</i>	
System-Forming Elements of Russia's Foreign Economic Security at the Present Stage.....	22
<i>Olga V. Savvateeva, Elena Yu. Merkulova</i>	
MODERNISATION AND INNOVATIVE TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF ECONOMY	35
Original article	
Innovative Potential of Metallurgical Enterprises: Corporate and Institutional Conditions for Development.....	35
<i>Vitaly S. Vasiltsov, Maria S. Nysh, Vladimir A. Plotnikov, Pavel R. Mushkaterov</i>	
MANAGEMENT IN SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS	51
Original article	
Role of Chaos and Uncertainty of Theories of Management of Social and Economic Processes	51
<i>Liudmila V. Shmaneva, Sergey V. Shmanev</i>	
THE GOVERNMENT AND BUSINESS ON THE PATH OF THE DIGITAL TRANSFORMATION.....	65
Original article	
Digital Aspects of Complex Diagnostics of the Innovative Potential of Entrepreneurial Structures	65
<i>Natalia A. Kulagina, Evgeniya M. Chepikova, Rashid M. Mukhutdinov</i>	
Comparative Analysis of Russian and Foreign Approaches to Assessment of Digital Transformation of Industry	78
<i>Yulia S. Polozhentseva</i>	
ACTUAL PROBLEMS OF REGIONAL SOCIO- ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT	92
Original article	
Assessment of the Socio-Economic Development of the Border Regions of the Far Eastern Federal District of the Russian Federation.....	92
<i>Tatyana A. Vitulyeva</i>	
Challenges for the Economic Security of Russia's Regions During the Pandemic.....	105
<i>Evgeniya K. Karpunina, Egor V. Konishchev</i>	
Regional Aspect of Support of Individual Entrepreneurial Initiative Within the Framework of the National Project Implementation.....	121
<i>Natalia V. Pyanova, Elizaveta A. Aleksa, Nina I. Lygina</i>	
Problems of Formation of the Innovative Environment of the Region: Socio-Cultural Approach	131
<i>Svyatoslav A. Nikitin, Irina A. Tronina, Galina I. Tatenko, Alina E. Grekova</i>	
ECONOMICS AND ORGANIZATION OF ENTERPRISES, INDUSTRIES, COMPLEXES	146
Original article	
Typology of Social Responsibility of Large Russian Business in the Context of Orientation to the Internal and External Environment	146
<i>Larisa M. Nikitina, Daria A. Tyurina</i>	
Human Resources Risk Management as a Factor of Economic Security of the Service Sector	161
<i>Matvey S. Oborin</i>	
PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE FINANCIAL SECTOR DEVELOPMENT.....	175
Original article	
On the Issue of the Content of Reproductive Insurance and Its Place in the Classification System of Insurance.....	175
<i>Marina N. Stepanova</i>	

HUMAN RESOURCES AND EDUCATION.....	187
Original article	
Study of Certain Aspects of Human Capital Formation in the Far Eastern Federal District (Assessment of the Dynamics of the Higher Education System).....	187
<i>Elena N. Vanchikova, Irina O. Nagaslaeva, Nina A. Zolotareva</i>	
SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF MODERN SOCIETY	199
Original article	
Population Readiness for Separate Collection of Municipal Solid Waste (Example of Disposable Diapers)	199
<i>Vasilii V. Ushin, Vitaly V. Zotov, Elena A. Pelikova, Ulyana V. Ushina</i>	
Theoretical Prerequisites for the Emergence of the Phenomenon of Procrastination: the Essence and Classification.....	212
<i>Oksana A. Vetrova, Mariya V. Oboznaya</i>	
Contours of Digital Reality: Theoretical and Methodological Aspects	223
<i>Oleg A. Grimov</i>	
Climate Migration: Trends and Forecasts	233
<i>Viktoria Yu. Ledeneva</i>	
PHILOSOPHICAL STUDY OF NATURE, SOCIETY AND HUMAN	243
Original article	
Digital Network Platform: Classification of Sociotechnical Convergence Hazards	243
<i>Vitaly V. Zotov, Irina A. Aseeva, Vladimir G. Budanov</i>	
On the Possibility of Integral Ethics The Great Anthropological Transition	260
<i>Vladimir G. Budanov</i>	
SCIENTIFIC RESEARCHES OF YOUNG SCIENTISTS.....	270
Original article	
Solving Strategic Tasks of Regional Economic Management in the Context of Digital Transformation.....	270
<i>Olga S. Prikhodchenko</i>	
The Use of Digital Technologies in the Development and Implementation of State Policies to Reduce the Asymmetry of Regional Development (on the Example of Policies for Targeted Assistance to the Poor in China)	279
<i>Liu Yai</i>	
The Ontological Status of an Artistic Image on the Example of Acting (I): the Problem of Perception, Synthesis of Consciousness and Body	290
<i>Tamara A. Sinitsyna</i>	
Information for Authors	300

Факторы глобального кризиса

Ю. А. Крупнов¹ ✉, В. Г. Старовойтов¹, Д. В. Трошин¹

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Ленинградский просп. 49, г. Москва 125993, Российская Федерация

✉ e-mail: Yukrupnov@mail.ru

Резюме

Актуальность темы статьи обусловлена формированием в мировой экономике негативных тенденций усиления предпосылок и факторов грядущих мировых кризисов. Необходимость уточнения этих факторов обусловлена быстрыми изменениями геоэкономических условий и геополитического расклада сил в мире.

Цель статьи состоит в выявлении факторов глобального кризиса и их ранжировании.

Задачи: исследование действующих подходов к идентификации предпосылок эскалации кризисных явлений и их верификация; обоснование интегрального фактора глобального кризиса и форм его проявления в отдельных сферах; разработка предложений органам управления по оценке и прогнозированию предпосылок кризисов на системной основе с использованием динамического моделирования и с учетом иерархии отдельных факторов.

Методология. Методологической основой исследования является системный и факторный анализ, а также концепция развития и смены мирохозяйственных укладов в глобальном экономическом развитии.

Результаты. Основным результатом исследования является обоснование интегрального фактора глобального кризиса и структуризация его отдельных проявлений в цивилизационной, ресурсной, финансовой, информационной, экологической и других сферах. Показано, что все рассмотренные факторы носят системный характер, вытекают из фундаментальных социально-экономических противоречий и не могут быть устранены без разрешения этих противоречий.

Выводы. Подчеркивается, что процесс выявления и оценки глобальных рисков несвободен от субъективизма и конфликта интересов отдельных экспертов и международных организаций. Этим обусловлена необходимость их верификации и переосмысления с целью устранения субъективизма международных (преимущественно западных) экспертов и с учетом национальных интересов и целей Российской Федерации.

Ключевые слова: глобализация; факторы глобального кризиса; мировая экономика; цифровизация; пандемия.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Финансирование: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

Для цитирования: Крупнов Ю. А., Старовойтов В. Г., Трошин Д. В. Факторы глобального кризиса // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 10-21. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-10-21>.

Поступила в редакцию 25.10.2021

Принята к публикации 26.11.2021

Опубликована 29.12.2021

© Крупнов Ю. А., Старовойтов В. Г., Трошин Д. В., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(6): 10–21

Factors of the Global Crisis

Yuriy A. Krupnov¹ ✉, Vladimir G. Starovoitov¹, Dmitriy V. Troshin¹

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation
49 Leningradsky av., Moscow 125993, Russian Federation

✉ e-mail: Yukrupnov@mail.ru

Abstract

The relevance of the topic of the article is due to the formation of negative trends in the global economy, strengthening the prerequisites and factors of the upcoming global crises. The need to clarify these factors is due to the rapid changes in geo-economic conditions and the geopolitical alignment of forces in the world.

The purpose of the article is to identify the factors of the global crisis and their ranking.

Objectives. To do this, the following tasks are being solved: research of existing approaches to identifying the prerequisites for the escalation of crisis phenomena and their verification; substantiation of the integral factor of the global crisis and the forms of its manifestation in certain areas; development of proposals to management bodies for assessing and predicting the prerequisites of crises on a systematic basis, using dynamic modeling and taking into account the hierarchy of individual factors.

Methodology. The methodological basis of the study is a systematic and factor analysis, as well as the concept of development and change of world economic patterns in global economic development.

Results. The main result of the study is the substantiation of the integral factor of the global crisis and the structuring of its individual manifestations in the civilizational, resource, financial, information, environmental and other spheres.

Conclusions. It is shown that all the factors considered are systemic in nature, stem from fundamental socio-economic contradictions and cannot be eliminated without resolving these contradictions. It is emphasized that the process of identifying and assessing global risks is not free from subjectivity and conflict of interests of individual experts and international organizations. This makes it necessary to verify and rethink them in order to eliminate the subjectivity of international (mainly Western) experts and taking into account the national interests and goals of the Russian Federation.

Keywords: globalization; factors of the global crisis; world economy; digitalization; pandemic.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Funding: The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

For citation: Krupnov Yu. A., Starovoitov V. G., Troshin D. V. Factors of the Global Crisis. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(6): 10–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-10-21>.

Received 25.10.2021

Accepted 26.11.2021

Published 29.12.2021

Введение

Глобализация мировой экономики обеспечивает не только трансграничность хозяйственных связей, но и общность проблем, с которыми сталкивается большинство стран. Правительства США и некоторых других стран, а также МВФ и прочие международные организации добиваются выстраивания всей мировой экономики по единым лекалам [1, с. 281]. Этим объясняется схожесть факторов

кризиса, т. е. вызовов и угроз, с которыми сталкивается все мировое сообщество. Глобальная экономика устроена так, что проблемы развитых стран быстро становятся «головной болью» едва ли не всех участников мирового хозяйственного процесса.

Разумеется, некоторая специфичность в отдельных странах сохраняется. Кроме того, в технологически развитых странах высока острота проблемы зави-

симости от поставок сырья и ресурсов. А в богатых ресурсами странах чаще говорят о риске технологической зависимости и отставания. Однако эту асимметрию следует признать несущественной, т. к. кризисная ситуация, сформировавшись в отдельных странах и регионах, быстро распространяется по всему миру в силу взаимосвязей и взаимозависимостей экономик мира.

Антикризисный потенциал мировой экономики все чаще оценивается как ослабленный ввиду деградации однополярного мироустройства. Уравновешенную многополярную модель, в которой нуждаются международные отношения, только предстоит сформировать [2, с. 47–49]. Процесс перехода к многополярности сопровождается нарастанием геополитической нестабильности и неустойчивости развития мировой экономики, резким обострением глобальной конкуренции и затрагивает практически все страны [3, с. 178].

Противоречия в международных отношениях обретают все более бескомпромиссный характер, что подтверждается усилением тенденции оказания военно-политического и экономического давления с целью получения экономических преимуществ и финансово-экономического шантажа в целях достижения политических целей [4, с. 75].

Особое значение приобретают факторы, связанные с глобальным изменением климата, способные вызвать дефицит продовольствия и пресной воды, обострить конкуренцию за доступ к возобновляемым ресурсам, в том числе к ресурсам Арктической и Антарктической зон, акваторий Северного Ледовитого океана. Страны, являющиеся нетто-импортерами ресурсов, путем введения карбоновых и других сборов стремятся минимизировать преимущества стран, которые являются крупными экспортерами важнейших видов ресурсов. Важным подтверждением кризисного характера международных экономических отношений являются все

менее камуфлируемые и все более бесцеремонные попытки стран-конкурентов занять рынки, овладеть ресурсами, навязать выгодные экономические отношения и просто «огрابتь» тех, кто оказался неспособным обеспечить свою экономическую безопасность. Это происходит на негативном пандемическом фоне, который оказывает усиливающее воздействие на развитие кризисных явлений, дисбалансов и противоречий.

Материалы и методы

С угрозами человечество сталкивалось всегда. Однако риск как фактор повседневности стал особенно актуальным в последние десятилетия. Для отдельных субъектов выявление и снижение рисков стало источником прибылей [5, с. 24–26]. Позитивные цели созидательной деятельности постепенно сменяются целями и задачами борьбы с негативом, возобладала, по выражению В. Е. Лепского, «окопная логика» в подходах к управлению [6, с. 21–23]. С концепциями развития конкурируют стратегии обеспечения безопасности и управления рисками и т. п. [7, с. 136–138]

Акцентирование внимания на рисках может играть роль прогнозов кризисного будущего или отвлекать общественное внимание от действительно актуальных проблем. Отношение к рискам как факторам кризисов в различных регионах мира характеризуется как неоднозначное, что обусловлено специфическими культурными, идеологическими и политическими предпочтениями. При этом благополучие человечества во многом зависит от совместного осмысления этих факторов и согласованной деятельности по предотвращению и минимизации последствий кризисов [8, с. 4–5]. В связи с этим задача уяснения перечня факторов и характерного для каждого из них потенциала дестабилизирующего воздействия на мировое хозяйство имеет важнейшее значение для определения направлений национальной и международной политики.

Поддавливающая часть мирового сообщества рассматривает коронавирусную эпидемию как глобальный вызов [9, с. 6]. Повторяющиеся и незатухающие волны коронавируса привели к осознанию формирования долгосрочных негативных условий функционирования мировой экономики. Опасность вредоносных компьютерных вирусов также признается большинством экспертов, т. к. любая страна или хозяйствующий субъект подвержены риску стать его жертвой, а величина ущерба может оказаться достаточной для дестабилизации финансово-экономической сферы государства или группы стран [10, с. 55–56]. Распространение вредоносного компьютерного вируса, отключающего систему управления инфраструктурой или системе управления ресурсами банков, носит глобальный характер [11, с. 186]. Иногда разработчики вредоносных программ распространяют вирусы, оказывающие избирательное воздействие на конкретные системы, программы и страны. Однако вследствие ответных мер пострадавших потери несут все хозяйствующие системы и органы управления по всему миру.

Вредоносность рассмотренных явлений является общепризнанной. Однако международными организациями и отдельными экспертами выявляются и другие факторы, в отношении которых отсутствует международный консенсус. Иногда это обусловлено субъективизмом или конфликтом интересов. Замечено, что эксперты и ученые, представляющие экономически развитые страны, глобальными факторами кризисов обычно считают угрозы, в наибольшей степени касающиеся их стран. Так, Всемирный экономический форум 2020 года (далее – Форум) среди главных глобальных рисков отметил риск наступления стагнации в мировой экономике. С учетом динамичного роста Китая и других стран данный риск не представляется всеобщим, а скорее относится к совершенно конкретной группе стран Запада и инициирован в

связи с их отставанием от динамично развивающихся стран.

При анализе факторов кризиса часто предпринимается попытка дезинформации общественности относительно его источника. Так, спикеры Форума отметили, что глобальное потепление грозит ростом смертности, недостатком еды и воды, социальной и геополитической напряженностью, усилением миграции и негативным влиянием на экономику. При этом климатический фактор был безосновательно увязан с активностью России в Арктике, которая «в стремлении к геополитическому превосходству игнорирует проблемы таяния арктических льдов». Данный пример подтверждает недобросовестность некоторых экспертов, пытающихся скомпрометировать жизненно необходимое развитие Арктического региона и успехи России с надуманным климатическим коллапсом¹.

Субъективная точка зрения западной экспертной культурой навязывается и экспертным сообществам других стран, включая Россию, и международным экспертным институтам. Такой «западный» эгоизм происходит из давно укоренившейся привычки доминирования [12, с. 173–174] и имеет следующие основные причины:

- многочисленность и высокий профессиональный уровень западных и прозападных институтов в рассматриваемой сфере исследований;
- высокая информационная обеспеченность их исследований и разработок;
- исторически сформированная философия эгоизма западной культуры [13, с. 50–53];
- бизнес-интересы стран и их союзов.

Субъективизм и недобросовестность формировались на догматах чикагской

¹ Ринат Таиров. Давосский форум назвал главные риски 2020 года. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/obshchestvo/391219-davoskiy-forum-nazval-glavnye-riski-2020-goda> (дата обращения: 11.08.2021).

школы Фридмана, разработавшей «экономику катастроф», т. е. технологию захвата рынков с использованием информационных и политических спекуляций на экономических проблемах, возникающих реально или гипотетически в результате каких-либо событий [14, с. 118]. Акцентирование на тех или иных реальных или мнимых рисках, преувеличение их значимости позволяет бизнес-элите привлекать правительственные заказы и упрочить положение в соответствующих секторах и на территориях экономической деятельности.

Формат подготовки и проведения Форума предусматривает классификацию и ранжирование глобальных рисков по степени влияния на мировую экономику на период до 10 лет¹. Между ними устанавливаются связи влияния, строятся прогнозные модели, в основном экспертные или регрессионные. В последние годы основное внимание уделяется проблемам экологии и геополитики, а структурные деформации, включая гипертрофированный размер и автономность финансовых активов и рынков, замалчиваются [15, с. 420–436]. Недостаточное внимание уделяется фактору глобального неравенства, который имеет очевидную тенденцию к обострению [16, с. 120–121]. Не стал исключением и Форум в 2021 г., в рамках которого акценты были сделаны на факторах, обусловленных эпидемией КОВИД-19² и связанных с ней вопросах эскалации проблем «цифровой власти» и «цифрового неравенства». Менее детально рассматривались климатические, социальные, экологические, ресурсные и экономические факторы.

¹ The Global Risks Report 2016. 11th ed. Geneva: World Economic Forum, 2016. URL: <http://reports.weforum.org/global-risks-2016/>. (дата обращения: 03.10.2021).

² World Economic Forum. Executive Summary. URL: <http://reports.weforum.org/global-risks-report-2021/executive-summary/>. (дата обращения: 12.08.2021).

Анализ различных публикаций, мнений международных и российских экспертных сообществ показал, что выявление факторов грядущих кризисов не затрагивает некоторые глубинные противоречия существующей экономической системы. Часто рассматриваются разномасштабные явления и факторы, без учета причинно-следственных связей между ними. В частности, климатические изменения анализируются в отрыве от проблем изменения географии экономической деятельности, реструктуризации производства, изменения ландшафтов и акваторий. Отсутствует строгая онтология рассматриваемой проблематики с идентификацией причин и последствий кризисов. Безработица и занятость, являющиеся предметом прогнозирования и государственного регулирования, исследуются в одном ряду с угрозами природных катастроф. В целом подход экспертов и институтов коллективного Запада характеризуется как недостаточно системный и комплексный.

Наконец, необоснованно игнорируется марксистский принцип материалистического понимания истории [17, с. 6–9], иначе проблемы в экономике не оказались бы вторичными по сравнению с вопросами экологии и геополитики.

Результаты и их обсуждение

Использование методов системного и факторного анализа позволило сформулировать доминирующий фактор кризиса, а также перечень вторичных факторов, которые могут рассматриваться в качестве вызовов и угроз глобальному развитию и служить причиной эскалации кризисных процессов. Доминирующий фактор характеризуется как совокупность проблем, обусловленных нарастающим несовпадением ценностей, сменой экономического лидерства и мирохозяйственного уклада [18], которые несут потенциал прямого экономического, политического и военного столкновения, включая глобальное.

Доминирующий фактор имеет первичный (корневой) характер и под его воздействием обостряются другие проти-

воречия современного мира (табл.). В каждой из рассмотренных сфер он проявляется по-своему.

Таблица. Факторы глобального кризиса

Сфера проявления	Характеристика фактора
Ресурсная	Разрыв в уровне качества жизни между странами – лидерами экономического развития и развивающимися странами Борьба за доступ к ресурсам
Финансовая	Дестабилизация мировой финансовой системы, образование «финансовых пузырей», почти неограниченная эмиссия
Разделения труда и структуризации мировой экономики	Монополизация национальных и международных рынков транснациональными корпорациями Противоречия глобализма и суверенизации
Цивилизационная	Конфронтация и предъявление исторических претензий на расовом, этническом, гендерном и цивилизационном уровнях
Информационная	Глобальный информационный контроль бизнес-сообщества и населения стран со стороны США, их союзников и транснациональных корпораций с использованием телекоммуникаций, цифровизации, интернета вещей Распространение информационных технологий с инструментами манипулирования общественным сознанием и доступа к системам управления
Экологическая	Загрязнение окружающей среды, антропогенное угнетение природной среды
Охраны жизни и здоровья населения	Пандемии в глобальном масштабе
Культурно-поведенческая	Распространение посткультуры, культа потребительства и гедонизма
Интегральный фактор кризиса	Совокупность проблем, обусловленных нарастающим несовпадением ценностей, сменой экономического лидерства и мирохозяйственного уклада, которые несут потенциал прямого экономического, политического и военного столкновения, включая глобальное

Как видно из таблицы, в каждой из рассмотренных сфер интегральный фактор проявляется по-своему. Борьба за доступ к природным ресурсам обусловлена их исчерпанием и возрастающими потребностями растущих экономик. Перечень дефицитных ресурсов включает носители энергии, чистую воду, редкоземельные металлы, бокситы и постоянно расширяется. Борьба имеет разные формы, включая подкуп правительств, «цветные революции» и военные вторжения, как в Ливии, Сирии. При этом под доступом понимается не только получение возможности добычи, но и транспортировки и даже обеспечения транзита, который также может служить источником дохода.

Разрыв в уровне и качестве жизни в странах и регионах является следствием реализации современной формы колониальной политики в отношении развивающихся стран со стороны экономически развитых стран. Исчерпав производственный потенциал своих стран, капитал распространяет влияние на развивающиеся страны, обостряя противоречия глобализма и суверенизации, а также поощряя массовую миграцию в развитые страны. Извлекая колоссальные прибыли, международный капитал мало заботится о решении проблем безработицы и нищеты в развивающихся странах.

Гипертрофия сектора финансовых услуг – одна из серьезных проблем глобальной экономики, обусловленная почти

неограниченной эмиссией и «накачкой» экономического расширения финансовыми ресурсами и их суррогатами. Когда пузыри лопаются, происходит обвал фондовых рынков, падение производства и уровня жизни, обостряется кризис ликвидности в банковской системе, растет безработица.

Для сферы разделения труда и структуризации мировой экономики характерны противоречия *глобализма и суверенизации* экономической политики, а также крайней формы монополизации рынков. Глобалисты стремятся к созданию глобального рынка и доминированию на нем, унификации субкультуры потребления, подчинению национальных институтов интересам глобалистских структур, представленных глобальными транснациональными корпорациями. Национальные правительства все чаще реализуют собственные концептуальные подходы и принципы экономической политики государств [19, с. 248; 20]. Встречая сопротивление в странах, общества и правительства которых придерживаются национальных традиций и интересов, глобальные корпорации инспирируют применение санкций, что наносит ущерб экономическому развитию национальных экономик.

Монополизация рынков является естественным следствием конкурентной борьбы, свойственной капитализму. Противоречия между конкурирующими участниками рынка рано или поздно разрешаются в пользу наиболее сильного и удачливого. Далее по закону системной динамики ресурсы концентрируются там, где их больше, и в полной мере проявляется эффект масштаба производства. Монополизация рынков позволяет диктовать институциональные требования, включая стандарты, технические условия и системы телекоммуникаций и управления. Это угнетает отстающие экономики, мотивирует к проведению политики суверенизации, а также ведет к расслоению по уровню жизни стран и создает предпосылки социальной нестабильности в них. Ре-

зультатом политики монополизации рынков является обострение социальных проблем: безработицы, массовой миграции и утечки национальных кадров. Снижается качество продукции и замедляется научно-технический прогресс. Ведущие корпорации скупают патенты и фирмы, располагающие конкурентным потенциалом.

В цивилизационной сфере отмечается резкий рост конфронтационности и предъявление все новых *исторических претензий на расовом, этническом, гендерном и цивилизационном уровнях*. Эти явления несут угрозу социальной нестабильности и деградации национального самосознания в странах коллективного Запада, которые пытаются втянуть в этот процесс весь мир. Попытки навязать сомнительные ценности и отказ России, Китая и ряда других стран разделить их несут потенциал цивилизационного противостояния и конфликтности.

Информационное глобальное рабство – явление неизбежное в условиях естественного развития рынка информационных технологий и услуг. Являясь источником огромных прибылей, глобальная информатизация стимулирует монополизацию рынков, обеспечивает формирование общественного мнения и управление развитием национального самосознания, а также контроль процессов глобального производства и государственного управления. Информационная экспансия с помощью программно-технических и телекоммуникационных технологий является одним из основных способов и средств ведения гибридной войны. Значительную роль в этом играют средства массовой информации, интернет, социальные сети и глобальная информатизация, которые делают информационное соперничество экстремально эффективным, быстрым и экономически менее затратным инструментом политической борьбы [21, с. 118].

В сфере экологии обостряется фактор *загрязнения окружающей среды, ан-*

тропогенного угнетения природной среды. Загрязнение среды влияет на здоровье и воспроизводство населения. Несмотря на международное признание этой проблемы механизмы ее решения часто носят спекулятивный характер и используются как инструмент глобального противоборства и обеспечения преимуществ на международных рынках. В частности, одной из форм такого противоборства является введение специального налога на продукцию с углеродным следом.

Глобальная *проблема пандемии* не только не сплотила человечество, но и стала дополнительным источником проблем, связанных с недобросовестной конкуренцией в производстве медицинских товаров и неравным доступом населения разных стран к средствам защиты здоровья. Помимо очевидного ущерба здоровью людей и их преждевременной гибели, фактор пандемии способствует развитию информационного рабства, угнетает экономику, порождает социальную разобщенность, психозы и неуверенность.

Развитие *субкультуры потребления, гедонизма* в ущерб развитию высоких уровней культуры является следствием философии индивидуализма западной культурной традиции, доведенной до абсурдного толкования на фоне огромных достижений материального производства, позволивших решить проблемы удовлетворения естественных потребностей человека в странах – лидерах экономического развития. Этот фактор влечет торможение творчества, направленного на развитие духовной природы человека, эгоизм в отношении окружающей среды и других народов. Потребительство и гедонизм в экономически развитых странах приведут к образованию огромной социальной группы, которая не испытывает никакой ответственности перед цивилизацией и будущими поколениями за судьбу человечества. Это открывает путь к отрицанию человека как высшей ценности и ограничивает его предназначение

удовлетворением биологических потребностей организма. С этим связана субкультура «чайлд фри», сокращение деторождения ниже уровня воспроизведения населения. Этот фактор является глубинным и системообразующим для развития цивилизации. Сегодня он в разной степени осознанности стимулирует процесс политической суверенизации.

Все рассмотренные факторы носят системный характер, вытекают из фундаментальных социально-экономических противоречий и не могут быть устранены без разрешения этих противоречий. Они определяются капиталистическим общественным строем, с высоким уровнем обобществления труда, концентрацией экономической власти в руках единиц и монополизацией целых секторов экономики транснациональными корпорациями. Фундаментальные современные противоречия определяются также особенностями национальной культурной традиции в США и цивилизационно близких к ним стран. Эта традиция характеризуется индивидуализмом и стремлением к материальному благополучию за счет других. Бурный рост основных конкурентов США несет новую культуру и традиции. Их столкновение, совпавшее по времени со сменой мирохозяйственного уклада, служит основным источником глобальных кризисов. Поиск путей разрешения этих противоречий может инициировать пересмотр международных экономических отношений и социально-экономической политики в отдельных странах.

Для России представляется важным осознание того, что процесс выявления и оценки глобальных рисков несвободен от субъективизма и конфликта интересов отдельных экспертов и международных организаций. Глобальные риски, выявленные и оцененные международными организациями, подлежат обязательной верификации и переосмыслению с целью устранения субъективизма международных (преимущественно западных) экспер-

тов и с учетом национальных интересов и целей Российской Федерации [22, с. 32].

Выводы

В рамках осуществления антикризисной политики следует оценивать как интегральные, так и производные факторы. С целью наиболее полной и качественной выработки и реализации государственной политики в рассматриваемой сфере предлагается оценивать факторы на системной основе, т. е. в соответствии со специально разработанной и принятой методологией оценки. Инте-

гральный негативный эффект (в силу негативного воздействия всей совокупности факторов) предлагается рассчитывать на основе расчета интегрального показателя. Оценка динамики факторов должна обеспечиваться использованием динамического моделирования, а комплексность оценок – ежегодным уточнением перечня факторов, а также их иерархии и весовых долей. Прогнозирование факторов кризиса может осуществляться на различных временных интервалах и с учетом того, что сила их воздействия меняется во времени.

Список литературы

1. Чувакина Л. Г. Международный валютный фонд как инструмент политики США // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 4-1. С. 281–289.
2. Крайнов Г. Н. Эволюция системы международных отношений и ее особенности на современном этапе // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2015. № 1 (42). С. 47–54.
3. Вякина И. В. Безопасность экономического развития Российской Федерации в условиях нарастания геополитических угроз // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. Т. 12, № 5 (338). С. 178–191.
4. Кузьменков А. М., Плотноков В. А., Рукинов М. В. Национальная экономическая безопасность и ее военно-политические аспекты // Управленческое консультирование. 2018. № 11 (119). С. 71–80. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-11-71-80>.
5. Нестик Т. А. Глобальные риски как психологический феномен // Пути к миру и безопасности. 2016. № 1 (50). С. 24–38.
6. Лепский В. Е. Исходные посыпки совершенствования системы национальной безопасности России (субъектно-ориентированный подход) // Рефлексивные процессы и управление. 2007. Т. 7, № 1. С. 4.
7. Трошин Д. В. Обеспечение безопасности – суррогат управления развитием // Экономическая наука современной России. 2021. № 1. С. 134–145. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-1\(92\)-134-145](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-1(92)-134-145).
8. Нестик Т. А., Задорин И. В. Отношение россиян к глобальным рискам: социально-демографические и психологические факторы восприятия угроз // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 4–28. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1700>.
9. Вспышка нового инфекционного заболевания COVID-19: β-коронавирусы как угроза глобальному здравоохранению / Д. В. Горенков, Л. М. Хантимирова, В. А. Шевцов, А. В. Рукавишников, А. В. Меркулов, Ю. В. Олефир // Биопрепараты. Профилактика, диагностика, лечение. 2020. Т. 20, № 1. С. 6–20. <https://doi.org/10.30895/2221-996X-2020-20-1-6-20>.
10. Экономическая безопасность России: методология, стратегическое управление, системотехника: монография / под ред. С. Н. Сильвестрова. М.: РУСАЙНС, 2017. 350 с.
11. Берова Д. М. Кибератаки как угроза информационной безопасности // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 2. С. 186–188.

12. Комлева Н. А. Глобальное доминирование: какая гецивилизация сменит западную? // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: ежегодник. Вып. 2. Ч. 2 / РАН. ИНИОН; отв. ред. В. И. Герасимов. М., 2019. С. 172–177.
13. Межуев Б. В. «Либеральная империя» Найла Фергюсона // Политическая наука. 2004. № 3. С. 46–56.
14. Кляйн Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. М.: Добрая книга, 2011. 656 с.
15. Смирнов Ф. А. Мировая финансово-экономическая архитектура. Деконструкция: монография. М.: ООО «Буки Веди», 2015. 568 с.
16. Осипова Н. Г. Неравенства в эпоху глобализации. Сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 2. С. 119–139.
17. Гобозов И. А. Материалистическое понимание истории и современность // Философия и общество. 2008. № 2 (50). С. 5–22.
18. Вертакова Ю. В., Бабич Т. Н. Экономическое развитие в условиях технологической и социальной трансформации // Экономика и управление. 2021. Т. 27, № 4 (186). С. 248–261. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2021-4-248-261>.
19. Глазьев С. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52, № 2. С. 3–29.
20. Глазьев С. Прикладные результаты теории мирохозяйственных укладов // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52, № 3. С. 3–21.
21. Валова Ю. И. Информационное оружие в современном мире // Мировой опыт и экономика регионов России: сборник научных работ молодых ученых по материалам XIX Всероссийской студенческой научной конференции с международным участием. Курск: Университетская книга, 2021. С. 56–61.
22. Сильвестров С. Н., Крупнов Ю. А., Старовойтов В. Г. Определение и реализация национальных целей развития в российском стратегическом планировании // Российский экономический журнал. 2021. № 1. С. 32–44. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2021-1-32-44>.

References

1. Chuvakhina L. G. Mezhdunarodnyi valyutnyi fond kak instrument politiki SShA [The International Monetary Fund as an instrument of US policy]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences*, 2014, no. 4-1, pp. 281–289.
2. Krainov G. N. Evolyutsiya sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii i ee osobennosti na sovremenno etape [Evolution of the system of international relations and its features at the present stage]. *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Seriya gumanitarno-obshchestvennykh nauk = Scientific notes of Khujand State University academician B. Gafurov. Humanities and Social Sciences Series*, 2015, no. 1 (42), pp. 47–54.
3. Vyakina I. V. Bezopasnost' ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii v usloviyakh narastaniya geopoliticheskikh ugroz [Security of economic development of the Russian Federation in the conditions of increasing geopolitical threats]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National interests: priorities and security*, 2016, vol. 12, no. 5 (338), pp. 178–191.
4. Kuzmenkov A. M., Plotnikov V. A., Rukinov M. V. Natsional'naya ekonomicheskaya bezopasnost' i ee voenno-politicheskie aspekty [National economic security and its military-political aspects]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management consulting*, 2018, no. 11 (119), pp. 71–80. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-11-71-80>
5. Nestik T. A. Global'nye riski kak psikhologicheskii fenomen [Global risks as a psychological phenomenon]. *Puti k miru i bezopasnosti = Paths to peace and security*, 2016, no. 1 (50), pp. 24–38.
6. Lepski V. E. Iskhodnye posylki sovershenstvovaniya sistemy natsional'noi bezopasnosti Rossii (sub"ektno-orientirovannyi podkhod) [Initial premises for improving the national security system of Rus-

sia (subject-oriented approach)]. *Refleksivnye protsessy i upravlenie = Reflexive processes and management*, 2007, vol. 7, no. 1.

7. Troshin D. V. Obespechenie bezopasnosti – surrogat upravleniya razvitiem [Ensuring security - a surrogate of development management]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii = Economic Science of Modern Russia*, 2021, no. 1, pp. 134–145. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-1\(92\)-134-145](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-1(92)-134-145)

8. Nestik T. A., Zadorin I. V. Otnoshenie rossiyan k global'nym riskam: sotsial'no-demograficheskie i psikhologicheskie faktory vospriyatiya ugroz [Attitude of Russians to global risks: socio-demographic and psychological factors of threat perception]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring public opinion: economic and social changes*, 2020, no. 5, pp. 4–28. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1700>

9. Gorenkov D. V., Khantimirova L. M., Shevtsov V. A., Rukavishnikov A. V., Merkulov A. V., Olefir Yu. V. Vspyska novogo infektsionnogo zabolevaniya COVID-19: β -koronavirussy kak ugroza global'nomu zdavookhraneniyu [Outbreak of a new infectious disease COVID-19: beta-coronaviruses as a threat to global health]. *Biopreparaty. Profilaktika, diagnostika, lechenie = Biologics. Prevention, diagnosis, treatment*, 2020, vol. 20, no. 1, pp. 6–20. <https://doi.org/10.30895/2221-996X-2020-20-1-6-20>

10. Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: metodologiya, strategicheskoe upravlenie, sistemotekhnika [Economic security of Russia: methodology, strategic management, system engineering]; ed. by S. N. Silvestrov. Moscow, RUSAINS Publ., 2017. 350 p.

11. Berova D. M. Kiberataki kak ugroza informatsionnoi bezopasnosti [Cyberattacks as a threat to information security]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*, 2018, no. 2, pp. 186–188.

12. Komleva N. A. Global'noe dominirovanie: kakaya geotsivilizatsiya smenit Zapadnuyu? [Global dominance: which geo-civilization will replace the Western one?]. *Bol'shaya Evraziya: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo. Ezhegodnik. Is. 2, pt. 2* [Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. Yearbook]; ed. by V. I. Gerasimov. Moscow, INION RAN Publ., 2019, pp. 172–177.

13. Mezhuiev B. V. "Liberal'naya imperiya" Naila Fergusona ["The liberal empire" by Niall Ferguson]. *Politicheskaya nauka = Political science*, 2004, no. 3, pp. 46–56.

14. Klein N. Doktrina shoka. Rastsvet kapitalizma katastrof [The doctrine of shock. The heyday of catastrophe capitalism]. Moscow, Dobraya kniga Publ., 2011. 656 p.

15. Smirnov F. A. Mirovaya finansovo-ekonomicheskaya arkhitektura. Dekonstruktsiya [World financial and economic architecture. Deconstruction]. Moscow, Buki Vedi Publ., 2015. 568 p.

16. Osipova N. G. Neravenstva v epokhu globalizatsii. Sushchnost', instituty, regional'naya spetsifika i dinamika [Inequalities in the era of globalization. Essence, institutions, regional specifics and dynamics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya = Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*, 2014, no. 2, pp. 119–139.

17. Gobozov I. A. Materialisticheskoe ponimanie istorii i sovremennost' [Materialistic understanding of history and modernity]. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*, 2008, no. 2 (50), pp. 5–22.

18. Vertakova Yu. V., Babich T. N. Ekonomicheskoe razvitie v usloviyakh tekhnologicheskoi i sotsial'noi transformatsii [Economic development in the conditions of technological and social transformation]. *Ekonomika i upravlenie = Economics and management*, 2021, vol. 27, no. 4 (186), pp. 248–261, <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2021-4-248-261>

19. Glazyev S. Mirokhozyaistvennye układy v global'nom ekonomicheskom razvitii [World economic patterns in global economic development]. *Ekonomika i matematicheskie metody = Economics and mathematical methods*, 2016, vol. 52, no. 2, pp. 3–28.

20. Glazyev S. Prikladnye rezul'taty teorii mirokhozyaistvennykh układov [Applied results of the theory of world economic structures]. *Ekonomika i matematicheskie metody = Economics and mathematical methods*, 2016, vol. 52, no. 3, pp. 3–21.

21. Valova Yu. I. [Information weapons in the modern world]. *Mirovoi opyt i ekonomika regionov Rossii. Sbornik nauchnykh rabot molodykh uchenykh po materialam XIX Vserossiiskoi studencheskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [World experience and the economy of the regions of Russia. Collection of scientific works of young scientists based on the materials of the XIX All-

Russian student scientific conference with international participation]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2021, pp. 56–61. (In Russ.)

22. Silvestrov S. N., Krupnov Yu. A., Starovoitov V. G. Opredelenie i realizatsiya natsional'nykh tselei razvitiya v rossiiskom strategicheskoy planirovani [Definition and implementation of national development goals in Russian strategic planning]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal*, 2021, no. 1, pp. 32–44. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2021-1-32-44>

Информация об авторах / Information about the Authors

Крупнов Юрий Александрович, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономической политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: yukrupnov@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9524-3747

Yuriy A. Krupnov, Doctor of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Economic Policy and Economic Security, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
e-mail: yukrupnov@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9524-3747

Старовойтов Владимир Гаврилович, доктор экономических наук, директор Центра мониторинга и оценки экономической безопасности Института экономической политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: vladstar1953@yahoo.com
ORCID: 0000-0002-7595-6379

Vladimir G. Starovoitov, Doctor of Economic Sciences, Director of the Center for Monitoring and Evaluation of Economic Security of the Institute of Economic Policy and Problems of Economic Safety, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
e-mail: vladstar1953@yahoo.com,
ORCID: 0000-0002-7595-6379

Трошин Дмитрий Владимирович, кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономической политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: giopup2@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8549-6372

Dmitriy V. Troshin, Candidate of Engineering Sciences, Leading Researcher, Institute of Economic Policy and Economic Security, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
e-mail: giopup2@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8549-6372

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-22-34>**Системообразующие элементы обеспечения
внешнеэкономической безопасности России
на современном этапе****О. В. Савватеева¹, Е. Ю. Меркулова¹** ✉

¹ Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
ул. Интернациональная 33, г. Тамбов 392000, Российская Федерация

✉ e-mail: igkuz73@mail.ru

Резюме

Актуальность. Влияние мировых экономических систем, мировых экономических явлений и процессов на национальное хозяйство России в текущих условиях носит довольно значительный характер. Поэтому в рамках актуальности целевой основой исследования послужило обобщение теоретических представлений и методологических подходов к идентификации сущности новых системообразующих элементов обеспечения экономической безопасности страны во внешнеэкономическом сотрудничестве на современном этапе хозяйственных отношений.

Цель исследования состоит в обобщении теоретических представлений и методологических подходов к идентификации сущности системообразующих элементов обеспечения экономической безопасности страны во внешнеэкономическом сотрудничестве на современном этапе хозяйственных отношений.

Задачи: рассмотреть теоретические и методологические аспекты, позволяющие выявить основные проблемы обеспечения экономической безопасности России во внешнеэкономической сфере; уточнить системообразующие элементы обеспечения экономической безопасности России во внешнеэкономическом сотрудничестве на современном этапе, а также оценить воздействие кризисов и санкций.

Методология. Исследование базируется на общенаучных методах эмпирического исследования (наблюдение, измерение, эксперимент), анализа и синтеза, аналогии, систематизации, а также на разработке теоретических и практических рекомендаций по внедрению в федеральные и региональные программы развития предприятий и территорий новые элементы системы обеспечения внешнеэкономической безопасности.

Результаты. Выделяемый авторами второй уровень обеспечения внешнеэкономической безопасности обусловлен тем, что сформировавшиеся в мире за последние 50–70 лет различные инфраструктурные институты, союзы, объединения и коалиции сформировались и устойчиво развиваются, имеют наднациональную роль и статус, способность к саморегуляции, и принимаемые ими управленческие решения влияют не только на стратегию и тактику политического, социально-экономического и иных видов устойчивого развития государств, но и на деятельность и развитие хозяйствующих субъектов резидентов той или иной страны, адаптивно и своевременно реагируют на формирование новых системообразующих элементов внешнеэкономической безопасности.

Выводы. Авторами сделан вывод, что современный этап обеспечения внешнеэкономической безопасности России с учетом глобальных вызовов общемировых проблем и санкционной политики стран Западного блока претерпевает структурную перестройку, вызванную трансформацией старых и появлением новых системообразующих элементов. Основой современной концепции изменений послужит активная политика России на втором, предложенном нами уровне внешнеэкономической безопасности, по формированию новых структур и коалиций международного сотрудничества.

Ключевые слова: экономическая безопасность; внешнеэкономическая безопасность; Россия; системообразующие элементы; внешнеэкономическая сфера; государство.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Савватеева О. В., Меркулова Е. Ю. Системообразующие элементы обеспечения внешнеэкономической безопасности России на современном этапе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 22–34. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-22-34>.

Поступила в редакцию 18.10.2021

Принята к публикации 22.11.2021

Опубликована 29.12.2021

System-Forming Elements of Russia's Foreign Economic Security at the Present Stage

Olga V. Savvateeva¹, Elena Yu. Merkulova¹ ✉

¹ Tambov State University named after G. R. Derzhavin
33 International str., Tambov 392000, Russian Federation

✉ e-mail: igkuz73@mail.ru

Abstract

Relevance. The influence of world economic systems, world economic phenomena and processes on the national economy of Russia in current conditions is quite significant. Therefore, within the framework of relevance, the target basis of the study was the generalization of theoretical concepts and methodological approaches to identifying the essence of new system-forming elements of ensuring the country's economic security in foreign economic cooperation at the present stage of economic relations.

The purpose of the study is to generalize theoretical concepts and methodological approaches to identifying the essence of the system-forming elements of ensuring the economic security of the country in foreign economic cooperation at the present stage of economic relations.

Objectives: To consider theoretical and methodological aspects that make it possible to identify the main problems of ensuring Russia's economic security in the foreign economic sphere; to clarify the system-forming elements of ensuring Russia's economic security in foreign economic cooperation at the present stage, as well as to assess the impact of crises and sanctions.

Methodology. The research is based on general scientific methods of empirical research (observation, measurement, experiment), analysis and synthesis, analogy, systematization, as well as on the development of theoretical and practical recommendations for the introduction of new elements of the foreign economic security system into federal and regional development programs of enterprises and territories.

Results. The second level of ensuring foreign economic security identified by the authors is due to the fact that various infrastructural institutions, unions, associations and coalitions formed in the world over the past 50-70 years have been formed and are developing steadily, have a supranational role and status, the ability to self-regulate, and their management decisions affect not only the strategy and tactics of political, socio-economic and other types of sustainable development of states, but also the activities and development of economic entities residents of a country, adaptively and promptly respond to the formation of new system-forming elements of foreign economic security.

Conclusions. The authors conclude that the current stage of ensuring Russia's foreign economic security, taking into account the global challenges of global problems and the sanctions policy of the Western Bloc countries, is undergoing structural restructuring caused by the transformation of old and the emergence of new system-forming elements. The basis of the modern concept of changes will be Russia's active policy at the second level of foreign economic security, proposed by us, on the formation of new structures and coalitions of international cooperation.

Keywords: economic security; foreign economic security; Russia; system-forming elements; foreign economic sphere; state.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Savvateeva O. V., Merkulova E. Yu. System-Forming Elements of Russia's Foreign Economic Security at the Present Stage. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(6): 22–34. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-22-34>.

Received 18.10.2021

Accepted 22.11.2021

Published 29.12.2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(6): 22–34

Введение

Диалектика мирохозяйственных взаимосвязей и обеспечение экономической безопасности национальных хозяйств государств в современном глобальном общественном пространстве всегда будет на переднем плане как научных, так и общественных дискуссий, с большой долей противоречий в теоретических гипотезах и практических методиках принятия решений на всех уровнях власти и в деятельности предприятий, ориентированных на внешний рынок.

Масштабность проблемы обеспечения внешнеэкономической безопасности России на современном этапе обуславливается как стратегическим планированием развития государства в целом, так и методологией, механизмами и инструментарием практической внешнеэкономической деятельности хозяйствующих субъектов.

Актуальность и важность данного аспекта в жизнедеятельности государства отметил в своем выступлении на заседании Совета Безопасности Президент РФ В. В. Путин: «Ситуация в мире и в России динамично развивается, это понятно, мы все это видим. Появляются новые факторы, тенденции, риски. Иногда происходящие события ощутимо меняют намеченные планы... ...эпидемия коронавирусной инфекции, охватившая в прошлом году все страны мира, привела к серьёзным ограничениям в общественной жизни, к закрытию государственных границ, вынужденному снижению деловой активности» [1].

Таким образом, влияние мировых экономических систем, мировых экономических явлений и процессов на национальное хозяйство России в текущих условиях довольно значительное, что, в свою очередь, воздействует на эффективное и рациональное экономическое поведение национальных хозяйствующих субъектов, их экономических отношений в условиях риска и конкуренции как внутри российского государства, так и в других странах.

Исследование и выявление новых системообразующих элементов обеспечения внешнеэкономической безопасности заключается в идентификации и приведении в соответствие хозяйственных (доходных) результатов внешнеэкономической деятельности с национальными интересами нашего многонационального государства. В соответствии с этим экономическая политика государства во внешнеэкономической сфере должна определяться балансом между суверенным и устойчивым экономическим ростом и комплексом мер по защите экономической безопасности, при этом учитывая фактор взаимовыгодного сотрудничества государств между собой.

На современном этапе руководители страны ориентируют российский бизнес и в целом хозяйствующих субъектов на генерацию прорывных и креативных идей, новаторства, технологий, новых экономических отношений. Это, в свою очередь, стимулирует конкуренцию на внешнеэкономических рубежах, что вызывает негативное восприятие в определенных политэкономических кругах руководства других стран и формирует политическое, экономическое, идеологическо-социальное противодействие. Поэтому исследование и выявление новых системообразующих элементов обеспечения внешнеэкономической безопасности, а также разработка инструментария по совершенствованию механизма обеспечения внешнеэкономической безопасности российского государства являются перспективными и характеризуют актуальность избранной темы.

Материалы и методы

С позиций методологии исследования обратимся к характеристике среды формирования новых системообразующих элементов внешнеэкономической безопасности. На основании данных ежегодного доклада Всемирного экономического форума (ВЭФ) [2] можно сделать вывод, что доминантными социально-экономическими характеристиками, по-

мимо инфекционных болезней и кризиса средств существования, для глобальных мировых изменений являются такие явления и процессы, как:

- внутригосударственные массовые проявления недовольства граждан экономическим состоянием в сочетании с общественной межгосударственной мобильностью;

- разрыв межгосударственных отношений в области экономики, неустойчивость норм, правил, недостаточность правовых государственных и международных гарантий;

- динамично растущее влияние виртуальной (цифровой) реальности и цифровое неравенство в мировых экономических отношениях.

Данное исследование базируется на подходе выявления и систематизации новых проблем и угроз во внешнеэкономическом взаимодействии стран при условиях и интересах устойчивого развития национальных экономик [3].

Также применяются общенаучные методы эмпирического исследования (наблюдение, измерение), анализ и синтез, аналогии, систематизации, а также в выявлении, уточнении и разработке теоретических и практических рекомендаций по совершенствованию механизма обеспечения внешнеэкономической безопасности хозяйствующих субъектов государства.

Результаты и их обсуждения

С позиций категориального аппарата исследования определимся с пониманием сущности рассматриваемых процессов и явлений обеспечения внешнеэкономической безопасности.

Каноническими характеристиками в рамках анализа мирового и отечественного опыта обеспечения экономической безопасности выступают трактовки взглядов таких ученых, как: А. Ю. Архипов, В. И. Дерен, Р. В. Долгих, В. П. Заикин, А. Гезау, А. Н. Кусков, А. П. Кускова, Д. Ламберт, В. Хагер Д. С. Шахов и др.

Ученые-экономисты В. В. Антонов, С. А. Афонцев, А. Е. Городецкий, Ю. Ю. Дашенко, Ю. В. Жилкина, Е. А. Иванов, С. В. Казанцев, Д. А. Мартиновская, Е. С. Матвеева, В. Н. Ильин, Е. А. Олейников, В. К. Сенчагов, Н. С. Смирнова и другие посвятили свои научные работы методологическим аспектам и выявлению проблем обеспечения экономической безопасности России.

Раскрытию вопросов мирохозяйственных связей, глобализации и интеграции отечественного инструментария экономической безопасности в международную экономику посвящены работы Н. А. Волгиной, Б. В. Волженкиной, А. А. Горбачевой, А. И. Дорониной, А. В. Ишхановой, А. Н. Колосовой, Т. Е. Кочергиной, Э. Ф. Мухамадиевой, Т. Н. Орловской, А. В. Рендак, И. И. Сафиной, В. Л. Тамбовцевой, И. Г. Ушкаловой, И. В. Французова и многих других исследователей.

Общепринятое понимание категории «экономическая безопасность» концентрированно выражается в Государственной стратегии экономической безопасности РФ как «...обеспечение такого развития экономики, при котором создались бы приемлемые условия для жизни и развития личности, социально-экономической и военно-политической стабильности общества и сохранения целостности государства, успешного противостояния влиянию внутренних и внешних угроз» [4].

При этой характеристике, изложенной в Стратегии, важна сама среда, сфера или состояние, которое невозможно достичь в рамках автономности, без воздействия внешнеэкономической среды, выражающейся в реализации «...преимуществ международного разделения труда, устойчивости развития страны в условиях ее равноправной интеграции в мирохозяйственные связи, недопущении критической зависимости России от зарубежных стран или их сообществ в жизненно важных вопросах экономического сотрудничества» [4].

Внешнеэкономическая безопасность традиционно рассматривается как комплексный или системный процесс. Сама система обеспечения внешнеэкономической безопасности государства состоит из множества элементов микро-, мезо- и макроуровня.

Исходим из предпосылки, что данная система носит эволюционный, диалектический характер, с присущими элементами новизны и противоречий, порождающих комплекс социально-экономических угроз и рисков. Поэтому требуется выявлять и идентифицировать новые системообразующие элементы и компоненты в рамках анализа и оценки для разработки комплекса мер по нивелированию реальных и потенциальных угроз, в рамках устойчивого развития межгосударственных экономических отношений.

В рамках анализа системообразующих элементов нужно помнить, что данные элементы должны на минимальном уровне носить и обладать системными качествами. По мнению А. Болдачева,

под минимальностью понимается элементарность, в рамках которой «...при дальнейшем “дроблении” минимальных элементов теряется их системная определенность» [5]. Также каждый элемент должен обладать признаками самостоятельности во взаимосвязях.

При этом каждая из соответствующих частей может обладать выраженной самостоятельностью и иметь определенный уровень структурированности. В хозяйственном смысле это свойства организационно-экономического порядка и способности к саморегуляции, адаптации во внутренней и внешней среде, на основе которых формируется экономическая роль и статус системы на уровне стратегии и тактики экономических отношений.

Классически в научной и учебной литературе систему внешней экономической безопасности наделяют двумя уровнями. Мы несколько не согласны с данными подходами и определяем три уровня, представленные на рисунке 1.

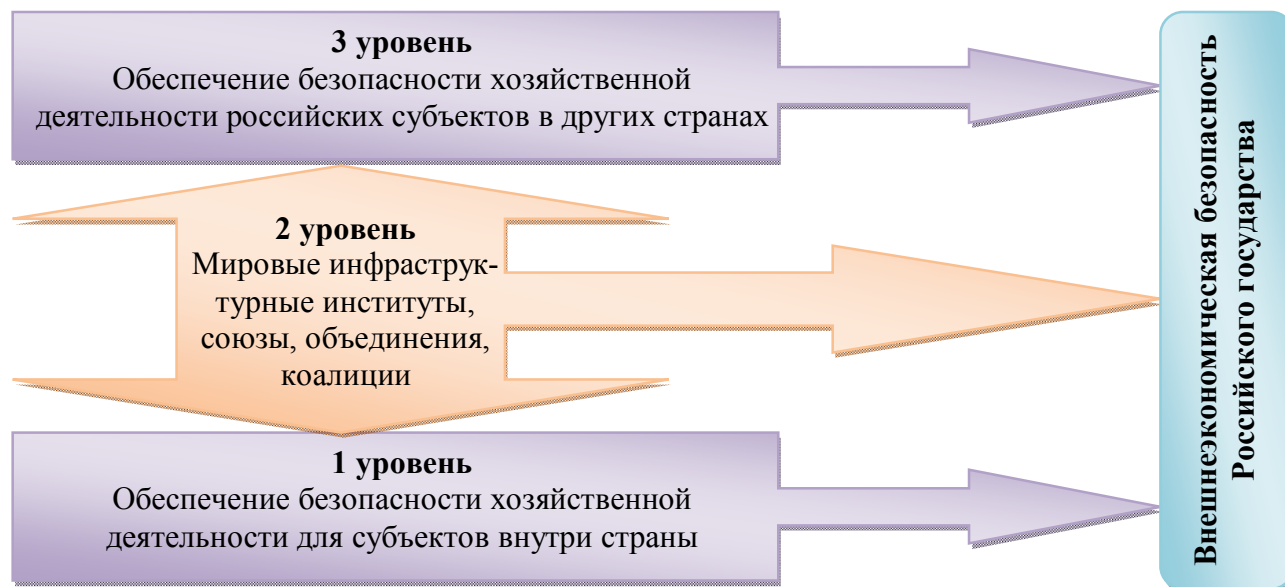

Рис. 1. Уровни внешнеэкономической безопасности

Если о первом и третьем уровнях и их элементах обеспечения внешнеэкономической безопасности есть устоявшееся ранее представление, то выделяемый нами 2 уровень требует формирования своей доказательной концепции.

Мы считаем, что сформировавшиеся в мире за последние 50–70 лет различные инфраструктурные институты, союзы, объединения и коалиции сформировались и устойчиво развиваются, имеют наднациональную роль и статус, способность к

саморегуляции, и принимаемые ими управленческие решения влияют не только на стратегию и тактику политического, социально-экономического и иных видов устойчивого развития государств, но и на деятельность и развитие хозяйствующих субъектов резидентов той или иной страны, как и равно этим решениям подчиняются и транснациональные корпорации (ТНК).

Наиболее крупные объединения: Европейский экономический союз (ЕС) объединяет 27 стран, 505 млн чел., БРИКС объединяет 5 стран, 2,8 млрд чел., СНГ объединяет 12 стран, около 500 млн чел., АТЭС объединяет 21 страну, 40% населения мира, ВТО/ГАТТ, МВФ, МБРР, ЮНКАД, НАФТА, АСЕАН и множество других.

Как отмечают А. А. Горбачева и И. В. Французов: «...основным трендом мирового экономического развития стала и остается по сей день глобализация, направленная на стирание национальных границ, активизацию экономических отношений, носящих трансграничный характер, и поступательную либерализацию всех форм МЭО, проявляющуюся в создании ЗСТ, таможенных союзов, предоставлении режимов наибольшего благоприятствования и национальных режимов иностранным контрагентам, уменьшении валютного контроля, смягчении обременительных норм и режимов, нарушающих равную конкурентную среду» [6, с. 57–63].

Если даже поверхностно изучить и проанализировать различные виды соглашений, сложившихся в рамках функционирования этих объединений, то становится вполне понятно и очевидно, что хозяйственные процессы внутри стран уже давно и устойчиво подчинены мирохозяйственным связям, явлениям и процессам, о которых договорились представители власти стран-участниц этих соглашений. Причем в рамках их функционирования разработаны и самостоятельный инструментарий, механизмы по защите, контролю, стимулированию и наказанию государств и их национальных хозяйств.

К примеру защиты. Политэкономическое противостояние между США, Россией и странами ЕС по вопросам строительства и эксплуатации газопровода «Северный поток – 2». Несмотря на санкции США против организаций, ответственных за планирование, строительство и эксплуатацию газопровода, их руководителей или акционеров газопровод построен и будет запущен. ЕС как организация, ответственная за энергобезопасность граждан, хозяйствующих структур своих 27 государств, экономически противостоит своему политическому и военному союзнику США [7].

Есть пример и противоречий. В том же вопросе об энергобезопасности российская компания «Газпром» и Венгрия заключили договор о поставке газа на 15 лет по «Турецкому потоку», что, в свою очередь, противоречит коллективной экономической политике ЕС, хотя в долгосрочной перспективе «Турецкий поток» будет являться залогом стабильной транспортной логистики по газу для всех членов ЕС.

Таким образом, в современном осмыслении понятно, что вся совокупность сформированных международных институтов мирового развития начала играть доминантную роль во внешнеэкономическом развитии государств и претендует на статус мировой межгосударственной власти. Пока нет единого подчинения, так сказать «мирового правительства», но «воронка централизации» по укрупнению национальных систем уже функционирует. И всеобщие, мировые элементы и процессы мобильности личности, технологии информатизации, цифровизации, виртуализации для человека утрируют понятие государства, делают властные экономические функции отдельного государства архаичными.

В условиях углубления процессов глобализации «...мировой хозяйственной системы, сопровождаемых высокими масштабами усиления взаимозависимости национальных экономик, безусловно акту-

альной становится проблема обеспечения экономической безопасности. Стабильность показателей экономических процессов – это, в первую очередь, формирование гибкой системы мер защиты от неблагоприятных внешних факторов и угроз» [8].

Процессы глобализации, происходящие в мире, несут в себе не только интеграционные, сближающие аспекты социально-экономического и культурного характера, но и формируют среду, которая нивелирует статус суверенности национального хозяйства, а в дальнейшем угрозу национальной безопасности государственного аппарата [8, с. 26; 9, с. 146–149; 10, с. 34–36].

На современном этапе развития международная экономика в достаточно весомой мере оказывает влияние на эконо-

мику отдельного государства, поэтому требуется учитывать влияние глобализации, ее динамичность и основные формирующиеся закономерности. Для экономики России в современном состоянии с политикой протекционизма и импортозамещения проведение исследования и выявление аспектов и факторов, влияющих на уровень внешнеэкономической безопасности страны, очень затруднительно и сопряжено с противоречивыми процессами мировой интеграции [11, с. 51–58; 12, с. 192–196].

К примеру, при всем своем природно-сырьевом потенциале Россия в экспортно-импортных отношениях играет малозаметную роль, что очевидно при рассмотрении параметров, представленных на рисунке 2.

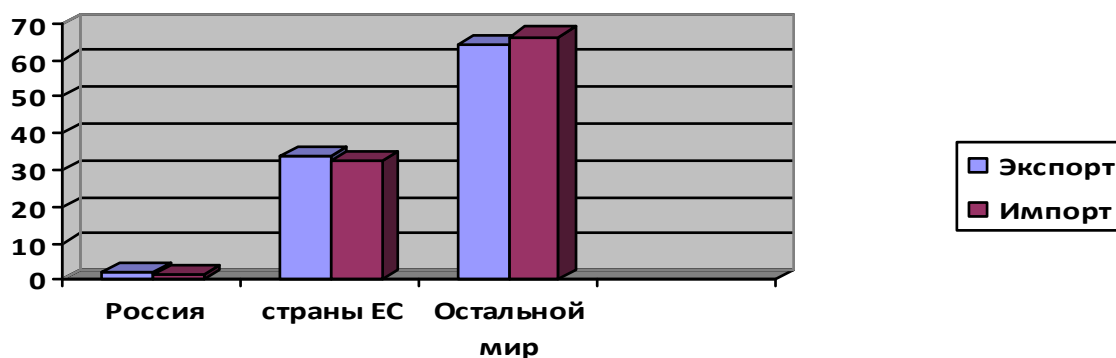

Рис. 2. Удельный вес России и ЕС в мире по экспорту и импорту товаров (данные на 2017 г.) [13]

Как справедливо отмечает Ш. Кабилов, глобализационные процессы органично превращают экономические закономерности, экономические отношения, экономическую политику национальных хозяйств в единый хозяйственный организм мировой экономики. Соответственно, априори идут процессы нивелирования суверенитета и уровня экономической самостоятельности отдельно взятого национального хозяйства, что, в свою очередь, актуализирует выявление и изучение современного состояния внешнеэкономической безопасности и обновления, уточнения системы элементов, комплекса методов совершенствования

устойчивости развития национального хозяйства [14, с. 59–64].

Более того, особо сложной проблемой в анализе проблем и системообразующих элементов внешнеэкономической безопасности выступает текущее экономическое состояние и развитие стран мира в процессе глобализации, фактически приводящее к дифференциации стран на развитые, развивающиеся, слаборазвитые.

В данном аспекте А. В. Рендак определяет три деструктивные причины:

- неравное распределение экономического выигрыша от функционирования технологических и сырьевых рынков;

– несовершенство глобальных рынков, приводящее к частым кризисам, что активизирует в развивающихся странах процессы: вывоза капиталов, сокращение доходов от экспорта, увеличение внутреннего государственного долга и бюджетного дефицита;

– контроль развитых стран над мировой торговлей, искажаемых исключительно в их интересах, а не для реализации равноправия в мировых хозяйственных процессах [15, с. 47–59].

Здесь мы бы уточнили, что экономическое неравенство стран порождает огромную степень экономической зависимости не столько от развитых стран, руководителей ТНК, сколько от международных экономических институтов второго уровня внешнеэкономической безопасности, уточненного и сформированного нами.

И современная политэкономическая власть в развитых странах, руководители ТНК стремятся уже не к прямому контролю мировых экономических процессов, т. к. этот контроль имеет большие финансовые и трудовые затраты и большие временные рамки, а к контролю и подчинению международных экономических институтов за счет внедрения сотрудников – агентов влияния, получения инсайдерской информации.

В рамках обеспечения внешнеэкономической безопасности России очень важно ее позиционирование как равноправного участника в системе международных экономических отношений и международном разделении труда.

Однако степень экономического развития ведущих стран Запада во многом зависит от природного ресурса развивающихся стран, в том числе и России с ее 38% состоянием мировых сырьевых ресурсов. Так, к примеру, стабильное обеспечение доходов 30% граждан США обеспечивается снижением качества жизни населения других государств, где США насаждает «правила демократии» с гегемонией экономических интересов

[16, с. 198–205]. И геополитически сырьевая самодостаточность Российского государства при развитии современных инновационных технологий в реальном секторе экономики позволила бы быть не только экономическим лидером, а центром притяжения новой мировой политэкономической системой. И именно этот аспект не устраивает страны Запада в конкурентной борьбе.

Как отмечает А. С. Панарин, в современных условиях геополитики уже нет доминанты одного государства, а идет блоковое конкурентное противостояние, где выделяется один экономический лидер, определяющий правила внешнеэкономического сотрудничества (к примеру, страны так называемого Запада во главе с США).

Экономическое противостояние Российского государства этому мощному Западному блоку осложнено во внешнеэкономической безопасности коллективными экономическими санкциями, с позиций того, что либо санкции должны исчерпать себя, либо одна из сторон должна победить.

По мнению А. Н. Кускова и А. П. Кусковой: «...происходящие изменения в международной обстановке положили начало новым подходам в сфере политических, экономических и военных отношений стран мирового сообщества. Вместе с тем, поскольку угроза войны в современном мире окончательно не снята, с особой остротой встает проблема обеспечения национальной безопасности государства и практических шагов в этом направлении» [17, с. 141–143].

Современный отход ведущих стран мира от политики глобализации с ее элементами интеграции и сбалансированных экономических интересов породил новый уровень экономической неопределенности и рисков.

Как справедливо отмечает Т. Н. Орловская: «...на современном этапе развития мирохозяйственных связей отмечена стагнация интеграционных и глобализа-

ционных процессов в целом. С введением санкционных ограничений для России меняется вектор направленности внешнеэкономического взаимодействия с рядом европейских стран» [18, с. 18–28].

Смена Россией внешнеэкономических ориентиров сотрудничества от западных стран (на примере трех ведущих

стран ЕС: Германии, Франции, Италии в совокупности) в сторону Китая обусловлена динамикой реального объема ВВП, представленного на рисунке 3. В условиях западных санкций, пандемических инфекционных процессов ориентация на стабильные экономики вполне оправдана.

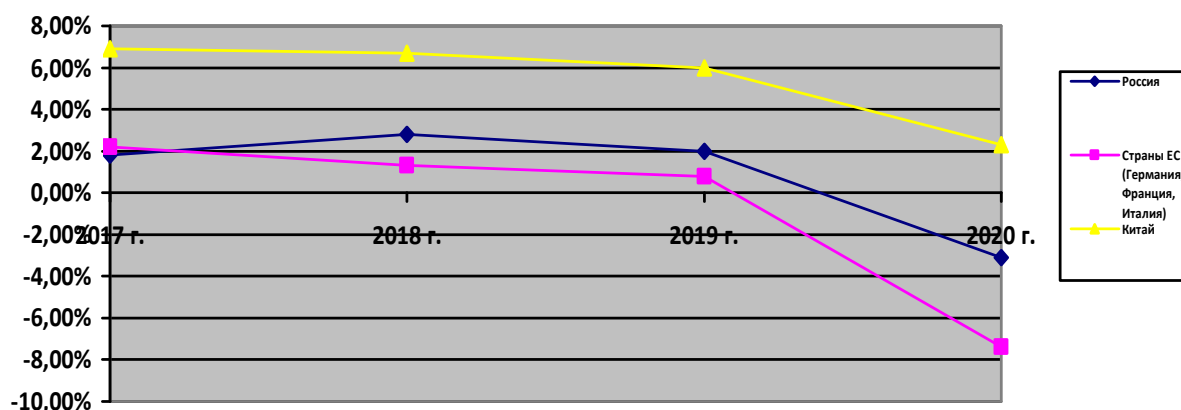

Рис. 3. Динамика реального объема ВВП (2017-2020 гг.), % к предыдущему периоду) [13]

Мы согласны с мнением Д. С. Шахова и Р. В. Долгих о том, что «...необходимо сосредоточить внимание на выявлении и исследовании влияния прямых и основных факторов экономического обеспечения национальной безопасности государства в качестве интегрального экономического строя» [19, с. 195–197].

На современном этапе развития нашей страны внешнеэкономическая безопасность представляет собой совокупность межгосударственных институтов развития, специальные экономические службы, правовую базу, методы и меры на всех уровнях власти для обеспечения защиты жизнедеятельности и реализации экономических интересов гражданина, общества и государства, а также политэкономических стран-партнеров.

На сбалансированной интересосообразной основе данная политика должна строиться по двум направлениям:

1) развитие национального хозяйства в рамках выгоды хозяйствующих субъектов и государства при внешнеэкономическом суверенитете страны;

2) соблюдение комфортности жизнедеятельности граждан с формированием условий их развития в рамках общемировых стандартов качества существования.

В этих условиях внешнеэкономической деятельности российского бизнеса внешнеэкономическая политика Российского государства приобрела новые характеристики с формированием новых системообразующих элементов:

– в новых условиях исполнительная власть, в частности Минэкономразвития, является ответственным по формированию благоприятной внешнеэкономической среды для реализации товаров и услуг на внешних рынках, а также формирует комплекс мер на основе сигналов российского бизнеса, нивелирующих ограничения и санкции для экспорта российских товаров [20];

– активизировались интеграционные процессы со странами южноамериканского и азиатского регионов, что позволяет РФ активно экономически развивать свои Дальневосточные регионы, а также планировать, строить, по новому эксплуатировать новые стратегические струк-

турные и инфраструктурные проекты (газопровод «Сила Сибири», развитие ж/д путей БАМа, продление транспортной артерии Шелкового пути, проект «Дальневосточный гектар», строительство городов, образовательных и научных кампусов на дальневосточных островах, космодром «Восточный» и множество других проектов);

– формируется дифференцированный и индивидуальный подход к внешнеэкономическому сотрудничеству со странами Европы (если наднациональный коллектив не хочет, то всегда найдется та страна, кому это сотрудничество экономически выгодно);

– в условиях экономической изоляции, санкций традиционных взаимоотношений и путей сотрудничества формируется новый тип международного сотрудничества на основе экспорта наукоемких прорывных интеллектуальных технологий и инновационных продуктов (развитие информационных и виртуальных компьютерных систем, приложений, моделирования, на основе искусственного интеллекта, в медицине – создание научно-технологических вакцин и лекарств и пр.), что позволит нашему государству конкурировать с дешевой рабочей силой экономик Азии (Китая, Индии, Вьетнама, Индонезии), так и с высокотехнологичными товарами и услугами стран Европы, США;

– активно создается противодействие и нивелирование активности шпионажа, в том числе защитных мер от кражи коммерческой информации на российских предприятиях. Контроль сети Интернет в

целях обеспечения безопасности электронного бизнеса от воздействия хакеров;

– финансовые кризисы создают предпосылки для структурной перестройки архитектуры международных финансов и финансового регулирования в рамках обеспечения коалиционного, союзнического устойчивого экономического развития стран;

– развитие многосторонней региональной внешнеторговой системы с развитием удаленных российских территорий.

Выводы

На основе вышеизложенного материала можно сделать вывод о том, что современный этап обеспечения внешнеэкономической безопасности России с учетом глобальных вызовов общемировых проблем и санкционной политики стран Западного блока претерпевает структурную перестройку, вызванную трансформацией старых и появлением новых системообразующих элементов. Основой современной концепции изменений послужит активная политика России на втором, предложенном нами уровне внешнеэкономической безопасности по формированию новых структур и коалиций международного сотрудничества, увеличения присутствия (агентов влияния) в международных экономических институтах развития, развитие собственных внешнеэкономических институтов сотрудничества в существующих коалициях и союзах, с перспективой создания единой валютной системы на основе рубля.

Список литературы

1. Путин В. В. Выступление на заседании Совета Безопасности. 27 сентября 2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/66777> (дата обращения: 29.09.2021).
2. Доклад Всемирного экономического форума (ВЭФ). URL: <https://finance.rambler.ru/markets/45639038-doklad-vsemirnogo-ekonomicheskogo-foruma-nazval-naibolshie-riski-2021-goda/> (дата обращения: 30.09.2021).
3. World Economic Outlook Database. International Monetary Fund. URL: imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/02/weodata/index.aspx (дата обращения: 29.09.2021).

4. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (дата обращения: 29.09.2021).
5. Болдачев А. Классификация временно-распределенных систем. URL: http://www.boldachev.com/novations_book/231-235 (дата обращения: 30.09.2021).
6. Горбачева А. А., Французов И. В. Проблема оттока капитала из России: влияние режима санкций // *Modern Economy Success*. 2019. № 2. С. 57–63.
7. Мировая экономика: новости, статьи, статистика, аналитика. URL: <http://www.webeconomy.ru/> (дата обращения: 04.09.2021).
8. Мартиновская Д. А., Смирнова Н. С. Экономическая безопасность России в условиях глобализации // *Вектор экономики*. 2019. № 3 (33). С. 26.
9. Сафина И. И., Мухамадиева Э. Ф. Об угрозах экономической безопасности России во внешнем аспекте // *Актуальные проблемы обеспечения экономической безопасности государства, регионов, предприятий: сборник научных статей II Международной научно-практической конференции*. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2018. С. 146–149.
10. Свирина М. В. Анализ причин снижения экономической безопасности России // *Мировая экономика: проблемы безопасности*. 2019. № 1. С. 34–36.
11. Ахмедзянова Э. Р. Современные вопросы экономической безопасности организации в России // *Экономическая безопасность: проблемы, перспективы, тенденции развития*. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2019. С. 51–58.
12. Экономическая безопасность России / Ю. Ю. Дашенко, А. В. Лифиренко, Ю. О. Пасько, Н. А. Лиманская // *Актуальные вопросы управления, экономики и права. Наука на современном этапе: вопросы, достижения, инновации*. Томск: ИЦ «Quantum», 2019. С. 192–196.
13. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13242> (дата обращения: 20.09.2021).
14. Кабилов Ш. Проблемы открытости национальной экономики и экономическая безопасность // *Евразийский союз ученых*. 2016. № 30-4. С. 59–64.
15. Рендак А. В. Влияние экономической глобализации на экономическую безопасность современной России // *Гуманитарные и социальные науки*. 2017. № 5. С. 47–59.
16. Чеботарев С. С., Доброва К. Б. Экономико-правовые проблемы экономической безопасности современной России и пути их преодоления // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2019. № 1 (45). С. 198–205.
17. Кусков А. Н., Кускова А. П. Анализ экономической безопасности России и направления ее обеспечения // *Актуальные вопросы права, экономики и управления: сборник статей XVII Международной научно-практической конференции*. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2019. С. 141–143.
18. Орловская Т. Н. Исследование влияния интеграционных процессов и процессов глобализации на обеспечение экономической безопасности России // *Петербургский экономический журнал*. 2017. № 2. С. 18–28.
19. Шахов Д. С., Долгих Р. В. Экономическая безопасность современной России: состояние и тенденции // *Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XX Международной научно-практической конференции*. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2019. С. 195–197.
20. Министерство экономического развития: сайт. URL: <http://economy.gov.ru/minec/main/> (дата обращения: 20.09.2021).

References

1. Putin V. V. Vystuplenie na zasedanii Soveta Bezopasnosti [Vozhaty at the Session Councils of Security]. 2021. September 27. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/66777>. (accessed 29.09.2021)

2. Doklad Vsemirnogo ekonomicheskogo foruma (VEF) [Report at the World Economic Forum (WEF)]. Available at: <https://finance.rambler.ru/markets/45639038-doklad-vsemirnogo-ekonomicheskogo-foruma-nazval-naibolshie-riski-2021-goda/>. (accessed 30.09.2021)
3. World Economic Outlook Database. International Monetary Fund. Available at: imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/02/weodata/index.aspx. (accessed 29.09.2021)
4. O Strategii ekonomicheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda. Ukaz Prezidenta RF ot 13.05.2017 № 208 [On strategic economic security of the Russian Federation until 2030. Decree of the President of the Russian Federation dated 13.05.2017 No. 208]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/. (accessed 29.09.2021)
5. Boldachev A. Klassifikatsiya vremennno-raspredelennykh sistem [Classification of temporarily distributed system]. Available at: http://www.boldachev.com/novations_book/231-235. (accessed 30.09.2021)
6. Gorbachev A. A., Frenchov I. V. Problema ottoka kapitala iz Rossii: vliyanie rezhima sanktsii [The problem of capital outflow from Russia: the impact of the sanctions regime]. *Modern Economy Success*, 2019, no. 2, pp. 57–63.
7. Mirovaya ekonomika: novosti, stat'i, statistika, analitika [World economy: news, articles, statistics, analytics]. Available at: <http://www.webeconomy.ru/> (accessed 04.09.2021)
8. Martinovskaya D. A., Smirnova N. S. Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii v usloviyakh globalizatsii [Economic security of Russia in the context of globalization]. *Vektor ekonomiki = Economy vector*, 2019, no. 3 (33), pp. 26.
9. Safina I. I., Mukhamadiyev E. F. [On threats to Russia's economic security in the external aspect]. *Aktual'nye problemy obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti gosudarstva, regionov, predpriyatii. Sbornik nauchnykh statei II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Current problems of ensuring the economic security of the state, regions, enterprises. Collection of scientific articles of the II International Scientific and Practical Conference]. Ufa, UgNTU Publ., 2018, pp. 146–149. (In Russ.)
10. Svirina M. V. Analiz prichin snizheniya ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii [Analysis of the reasons for the decline in economic security in Russia]. *Mirovaya ekonomika: problemy bezopasnosti = World economy: security problems*, 2019, no. 1, pp. 34–36.
11. Akhmedzyanova E. R. [Modern issues of economic security of the organization in Russia Akhmedzyanova]. *Ekonomicheskaya bezopasnost': problemy, perspektivy, tendentsii razvitiya*. [Economic security: problems, prospects, development trends]. Perm', Perm St. Univ. Publ., 2019, pp. 51–58. (In Russ.)
12. Dashchenko Yu. Yu., Lifirenko A. V., Pasko Yu. O., Limanskaya N. A. [Economic Security of Russia]. *Aktual'nye voprosy upravleniya, ekonomiki i prava. Nauka na sovremennom etape: voprosy, dostizheniya, innovatsii* [Current issues of governance, economics and law. Science at the present stage: issues, achievements, innovations]. Tomsk, ITs "Quantum", 2019, pp. 192–196.
13. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Website of the Federal State Statistics Service]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13242>. (accessed 20.09.2021)
14. Kabilov Sh. Problemy otkrytosti natsional'noi ekonomiki i ekonomicheskaya bezopasnost' [Problems of openness of the national economy and economic security]. *Evraziiskii soyuz uchenykh = Eurasian Union of Scientists*, 2016, no. 30-4, pp. 59–64.
15. Rendak A. V. Vliyanie ekonomicheskoi globalizatsii na ekonomicheskuyu bezopasnost' sovremennoi Rossii [Impact of economic globalization on the economic security of modern Russia]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Humanities and social sciences*, 2017, no. 5, pp. 47–59.
16. Chebotarev S. S., Dobrova K. B. Ekonomiko-pravovye problemy ekonomicheskoi bezopasnosti sovremennoi Rossii i puti ikh preodoleniya [Economic and legal problems of economic security of modern Russia and ways to overcome them]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 1 (45), pp. 198–205
17. Kuskov A. N., Kuskova A. P. [Analysis of the economic security of Russia and its areas of support]. *Aktual'nye voprosy prava, ekonomiki i upravleniya. Sbornik statei XVII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Topical issues of law, economics and management]. Penza, Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G. Yu.), 2019, pp. 141–143. (In Russ.)

18. Orlovskaya T. N. Issledovanie vliyaniya integratsionnykh protsessov i protsessov globalizatsii na obespechenie ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii [Study of the impact of integration processes and globalization processes on ensuring the economic security of Russia]. *Peterburgskii ekonomicheskii zhurnal* = *St. Petersburg Economic Journal*, 2017, no. 2, pp. 18–28.

19. Shakhov D. S., Dolgikh R. V. [Economic security of modern Russia: state and trends]. *Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii. Sbornik statei XX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Fundamental and applied scientific research: current issues, achievements and innovations]. Penza, Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G. Yu.), 2019, pp. 195–197. (In Russ.)

20. Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya: sait [The official website of the Ministry of Economic Development]. Available at: <http://economy.gov.ru/minec/main/>. (accessed 20.09.2021)

Информация об авторах / Information about the Authors

Савватеева Ольга Викторовна, аспирант кафедры стратегического развития и экономической безопасности, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: igkuz73@mail.ru, AuthorID: 1063115

Olga V. Savvateeva, Post-Graduate Student of the Department of Strategic Development and Economic Security, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, e-mail: igkuz73@mail.ru, AuthorID: 1063115

Меркулова Елена Юрьевна, доктор экономических наук, профессор кафедры стратегического развития и экономической безопасности, директор Института экономики, управления и сервиса, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: igkuz73@mail.ru, AuthorID: 382678

Elena Yu. Merkulova, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department Strategic Development and Economic Security, Director of the Institute of Economics, Management and Service, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, e-mail: igkuz73@mail.ru, AuthorID: 382678

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ

MODERNISATION AND INNOVATIVE TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF ECONOMY

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-35-50>

Инновационный потенциал металлургических предприятий: корпоративные и институциональные условия развития

В. С. Васильцов¹, М. С. Ныш¹, В. А. Плотников² ✉, П. Р. Мушкатеров¹

¹ Череповецкий государственный университет
пр. Луначарского 5, г. Череповец 162600, Российская Федерация

² Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: plotnikov_2000@mail.ru

Резюме

Актуальность. Переход развитых стран к новому технологическому укладу и экологические противоречия формируют новые вызовы и угрозы в сфере ускорения экологичной трансформации хозяйственной системы на инновационном уровне. Особенно важны эти вызовы для предприятий металлургической сферы, в связи с чем вопрос об инновационном развитии металлургических предприятий является актуальным.

Цель. На основе анализа российской черной металлургии в целом и деятельности ПАО «Северсталь» в частности оценить перспективы развития инновационного потенциала за счет внедрения технологий, снижающих нагрузку на окружающую среду.

Задачи: определить основные факторы, влияющие на снижение платежеспособного спроса на продукцию черной металлургии; дать характеристику направлений деятельности ПАО «Северсталь», с помощью которых решается проблема снижения карбоноёмкости производства; проанализировать эффективность мероприятий по развитию инновационного потенциала.

Методология. Методика исследования включала в себя применение методов ретроспективного анализа объёмов производства и потребления стали; мониторинг отдельных показателей корпоративной финансовой отчетности отечественных металлургических холдингов; анализ и синтез трендов инновационного развития и перспективных направлений модернизации производства в контексте экологического аспекта концепции устойчивого развития.

Результаты. Активность металлургических предприятий в сфере развития инновационного потенциала остается недостаточно высокой, несмотря на ужесточение конкуренции. Одним из трендов развития является внедрение «зеленых» технологий. Этот вывод подтверждается исследованием элементов инвестиционной политики, реализуемой на ПАО «Северсталь», и ростом рейтинга ESG предприятия в исследованиях международных аналитических агентств.

Выводы. Трансформация экономик развитых государств в соответствии с новым технологическим укладом снижает спрос на продукцию экологически грязных производств. Это обуславливает в долгосрочной перспективе необходимость развития инновационно-технологического потенциала отечественных металлургических компаний на основе внедрения проектов, снижающих нагрузку на окружающую среду и повышающих уровень прозрачности в сфере карбоноёмкости производимой продукции при актуализации обновления оборудования и продукции.

© Васильцов В. С., Ныш М. С., Плотников В. А., Мушкатеров П. Р., 2021

Ключевые слова: рынок металлов; природосбережение; инновационный потенциал; продуктовые, процессные и бизнес-инновации; направления инвестирования; рейтинг металлургических компаний.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ НШ-2702.2020.6 «Концептуальные основы новой парадигмы экономического развития в эпоху технологической и социальной трансформации».

Для цитирования: Инновационный потенциал металлургических предприятий: корпоративные и институциональные условия развития / В. С. Васильцов, М. С. Ныш, В. А. Плотников, П. Р. Мушкатеров // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 35–50. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-35-50>.

Поступила в редакцию 20.10.2021

Принята к публикации 19.11.2021

Опубликована 29.12.2021

Innovative Potential of Metallurgical Enterprises: Corporate and Institutional Conditions for Development

Vitaly S. Vasiltssov¹, Maria S. Nysh¹, Vladimir A. Plotnikov² ✉,
Pavel R. Mushkaterov¹

¹ Cherepovets State University
5 Lunacharsky av., Cherepovets 162600, Russian Federation

² Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: Plotnikov_2000@mail.ru

Abstract

Relevance. The transition of developed countries to a new technological order and environmental disasters pose new challenges and threats to the domestic economy in the field of accelerating the environmentally friendly transformation of the economic system at an innovative level. These challenges are especially important for metallurgical enterprises, in connection with which the issue of innovative development of the potential of metallurgical enterprises is urgent.

Purpose. Based on the analysis of ferrous metallurgy and PJSC "Severstal", to assess the prospects for the development of innovative potential through the introduction of technologies that reduce the burden on the environment.

Objectives: Identify the main factors affecting the decline in effective demand for ferrous metallurgy products; to characterize the areas of activity of PJSC "Severstal" with the help of which the problem of reducing the carbon intensity of production is solved; analyze the effectiveness of measures to develop innovative potential.

Methodology. The research methodology included the use of methods of retrospective analysis of the volumes of production and consumption of steel; monitoring of individual indicators of corporate financial statements of domestic metallurgical holdings; analysis and synthesis of trends in innovative development and promising directions for modernization of production in the context of the environmental aspect of the concept of sustainable development.

Results. The activity of metallurgical enterprises in the development of innovative potential remains insufficiently high, despite the volatility in the domestic and foreign markets. One of the development trends is the introduction of "green" technologies. This conclusion is confirmed by a study of the elements of the investment policy implemented at PJSC "Severstal" and the growth of the enterprise's ESG rating in international analytical agencies.

Conclusions. The transition to a new technological structure of developed countries reduces the demand for the products of environmentally dirty industries. This necessitates in the long term the need to develop the innovative and technological potential of domestic metallurgical companies through the implementation of projects that reduce the burden on the environment and increase the level of transparency in the field of carbon intensity of manufactured products while updating equipment and products is updated.

Keywords: metal market; nature conservation; Innovation potential; product, process and business innovations; investment directions; rating of metallurgical companies.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Funding: The study was supported by the grant of the President of the Russian Federation for state support of the leading scientific schools of the Russian Federation NSh-2702.2020.6 "Conceptual foundations of a new paradigm of economic development in the era of technological and social transformation".

For citation: Vasil'tsov V. S., Nysh M. S., Plotnikov V. A., Mushkaterov P. R. Innovative Potential of Metallurgical Enterprises: Corporate and Institutional Conditions for Development. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(6): 35–50. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-35-50>.

Received 20.10.2021

Accepted 19.11.2021

Published 29.12.2021

Введение

Вопросам устойчивого развития экономики как в масштабах государств, так и на уровне отдельных субъектов хозяйствования и отраслей уделяется все больше внимания в научной литературе [1–5]. Единство «концепции устойчивого развития» в виде постановки целей, разработки новых индикаторов, создания условий для их достижения и контроля за их исполнением в социальной, экономической и экологической сферах также прослеживается на уровне государственной политики. Например, в ежегодном Послании Президента РФ Федеральному Собранию вопросы гуманизации экономики и улучшения экологического наследия неразрывны.

В частности, в нем отмечается, что «мы должны ответить на вызовы изменений климата, адаптировать к ним... промышленность... и ввести здесь жёсткий контроль и мониторинг» [6]. Поэтому успешность хозяйствующих субъектов на пути к достижению озвученных Главой государства приоритетов развития с учетом преодоления последствий пандемии коронавирусной инфекции, по мнению авторов, будет напрямую зависеть от выработки новых нестандартных управленческих решений, невозможных без глубокого анализа текущего инновационного потенциала предприятий.

Выбор компаний металлургической отрасли в качестве объекта исследования был продиктован не только важностью отрасли в формировании бюджета и её

социально-экономической ролью в обеспечении устойчивости развития страны и ее регионов (в ряде крупных моногородов РФ металлургические предприятия являются градообразующими), но и наличием высоких экологических рисков на фоне ужесточения государственной политики России в сфере охраны окружающей среды в соответствии с мировыми тенденциями [7].

Материалы и методы

Необходимо уточнить, что в рамках проведенного исследования под инновационным потенциалом нами понимается «совокупность взаимосвязанных условий и ресурсов, обеспечивающих возможность инновационного природосберегающего развития предприятия» [8].

Использования методов формальной логики, ретроспективного и стратегического анализа и синтеза, классификации, сравнения, группировки, экономико-математического моделирования и графического представления расчетов показало, что металлургическое производство является одной из наиболее стабильных базовых составляющих промышленности России, устойчивость которой во многом зависит как от тенденций развития мировой металлургии, так и от экономической ситуации в мире в целом. В общей структуре национального ВВП по итогам 2019 г. данный сектор экономики занимает долю в 5,92%, а в составе обрабатывающей промышленности – 14,6% [9].

Российская Федерация на протяжении последних лет поддерживает статус одного из ключевых участников мирового рынка металлов. Например, по итогам 2019 г., согласно данным Всемирной ассоциации стали (WSA), национальный вклад в мировое производство оценивался экспертами более чем 3,8% [10], а общий объем экспорта составил 29,5 млн тонн готовой сталелитейной продукции.

Анализ показывает, что наибольшую долю среди экспортируемых видов продукции металлургических компаний занимают стальные заготовки с низкой добавленной стоимостью, что, по оценкам экспертов, обусловлено рядом объективных причин, таких как присутствие собственной сырьевой базы и энергетических ресурсов, девальвация национальной валюты, наличие достаточного объема собственных производственных мощностей для дальнейшей переработки металлопродукции и наращивания добавленной стоимости в странах-импортерах [11].

Снижение уровня конкурентоспособности продукции отрасли, отмечаемое экспертами [12; 13], и ужесточающиеся экологические требования создают вынужденные условия для модернизации металлургического производства на инновационной основе, исходя из чего проблема нахождения путей совершенствования инновационного потенциала отечественной металлургии является актуальной и важной.

В последние десятилетия основным объективным фактором риска данного сектора экономики является его низкая экологичность, а одним из главных субъективных факторов риска является снижающийся спрос на выпускаемую продукцию. Потребители расширяют объем использования декларативно экологических (мы специально подчеркиваем декларативность этого потребления, т. к. эта декларируемая «экологичность» не всегда подтверждается фактами) неметаллических материалов, заменяющих металлопродукцию, таких, например, как

полимерные композиционные материалы: текстолиты, стеклопластики и т. п. Поэтому металлурги вынуждены смещать основной фокус инвестиционных интересов в сторону производства новых экологичных продуктов на основе более активного использования зеленых и природосберегающих инноваций.

Результаты и их обсуждение

Как показал анализ инвестиционной программы ПАО «Северсталь» и ряда других отечественных производителей металла, инвестиционная политика предприятий отрасли носит преимущественно поддерживающий характер в отношении основных фондов, а наиболее востребованными в отрасли являются бизнес-инновации, продуктовые и процессные.

Что касается процессных инноваций, то интерес к ним объясняется растущей конкуренцией, заставляющей снижать цену, внедрять передовые технологии и инструменты, позволяющие уменьшить антропогенное воздействие отрасли и внедрять цифровые технологии. Из продуктовых инноваций актуальными являются новшества, предполагающие повышение эксплуатационных характеристик стали, например, покупатели хотят, чтобы сталь была одновременно и прочной, и гибкой.

Наконец, актуальность инноваций в бизнес-моделях направлена на поиск новых форм хозяйствования. В этом случае, например, крупная металлургическая компания создает нишевое предприятие для удовлетворения локального спроса. Другими словами, проводится анализ спроса на рынке и в соответствии с его результатами имеющиеся ресурсы распределяются таким образом, чтобы они были в том месте, где наиболее необходимы. Также для более эффективного контроля за распределением имеющихся ресурсов и за процессом сбыта некоторые организации проводят интеграцию вниз (или вверх) по цепочке создания стоимости [14].

Общая направленность международного производства с учетом уроков, по-

лученных в условиях пандемии COVID-19, по мнению ряда экспертов, свидетельствует о сокращении длины производственно-сбытовых цепочек, стремлении к повышению добавленной стоимости и уменьшению объемов инвестиций в производственные активы. Внимание следует уделить «содействию инвестициям, направленным на обеспечение устой-

чивости; созданию региональных производственно-сбытовых цепочек; выходу на новые рынки с помощью цифровых платформ» [15]. Примером оценки инновационного потенциала металлургических компаний являются итоги опроса финансовых директоров, проведенного в 2019 г. по вопросам целесообразности внедрения инноваций (рис. 1).

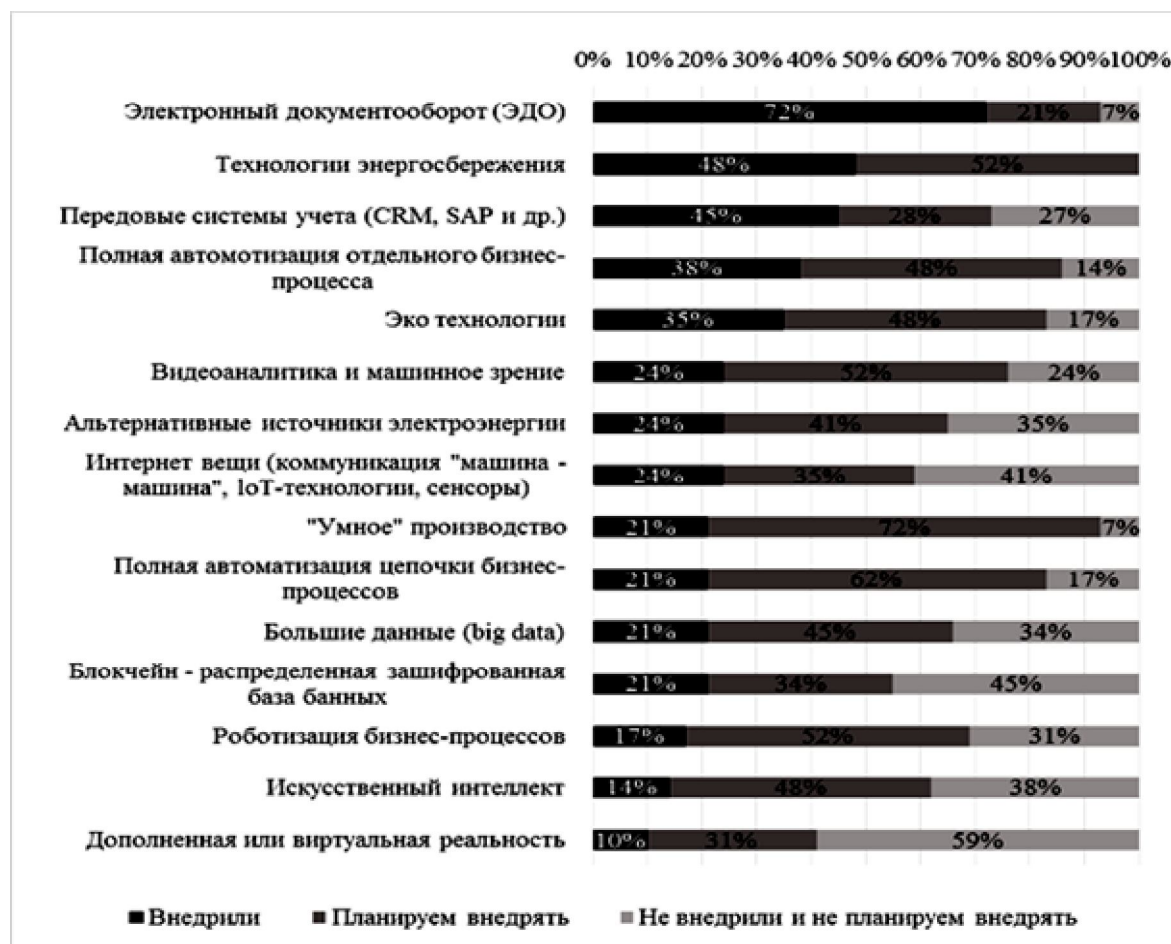

Рис. 1. Внедрение передовых инновационных технологий [14]

Анализируя диаграмму полученных результатов, представленную на рисунке 1, можно сделать вывод, что наиболее распространенным из рассматриваемых новшеств, введенных на предприятиях металлургии уже сейчас, стала технология электронного документооборота (72%). Чуть меньше половины опрошенных компаний успешно используют технологии энергосбережения (48%) и передовые системы учета (CRM, SAP и др.) (45%).

Наибольший интерес в ближайшем будущем у металлургов вызывают технологии «умного» производства (их планируют внедрять 72% опрошенных) и полной автоматизации цепочки бизнес-процессов (62%), кроме того, немногим ниже (52%) внимание к новшествам в технологиях энергосбережения; системам видеоаналитики и машинного зрения; роботизации бизнес-процессов, что, в свою очередь, может свидетельствовать о повышении

уровня цифровизации в отрасли в обозримой перспективе при грамотном распределении текущих инвестиционных потоков.

В подтверждение активизации процесса внедрения инноваций на предприятиях отрасли можно привести данные о динамике показателей произведённых и планируемых инновационных расходов компаний металлургического сектора в 2018–2020 гг. (рис. 2).

Так, более половины опрошенных металлургических предприятий (53%) в

2018 г. направляли на инновационную деятельность от 5% до 20% выручки, планируя в дальнейшем наращивать долю инновационных инвестиций. Средний объем инвестиций в компаниях металлургического сектора, выделяемых на внедрение стратегии инноваций и цифровизации, по оценкам экспертов [14], составляет 1,5% от объема выручки. Исходя из этого можно рассчитать примерный объем инвестиций в инновации в денежном выражении (табл. 1).

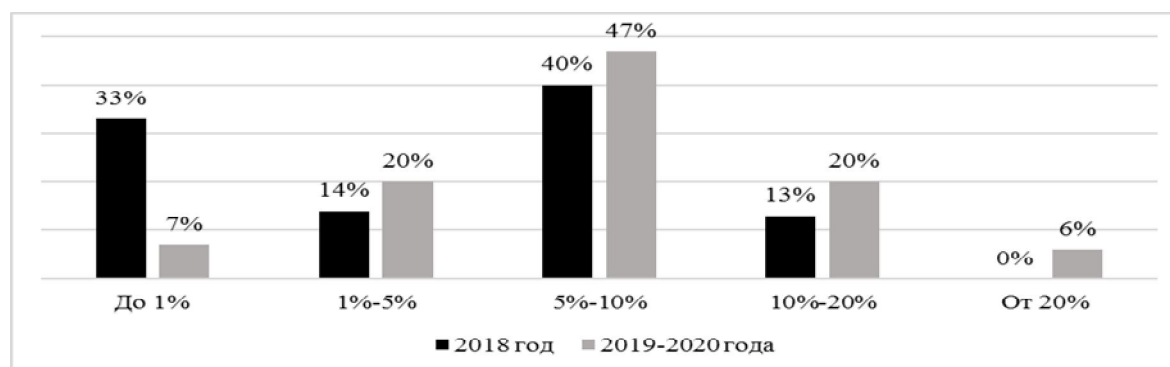

Рис. 2. Расходы на инновации, % от объема выручки [14]

Таблица 1. Объем затрат на инновации у основных металлургических компаний в 2019–2020 гг. [16–21]

Показатель, период		ЕВРАЗ	НЛМК	Северсталь	ММК	Металлоинвест	Мечел	Всего
Инвестиции в инновации, млрд долл.	2019	0,179	0,158	0,122	0,114	0,104	0,063	0,741
	2020	0,146	0,139	0,103	0,096	0,096	0,059	0,639

Основываясь на данных таблицы 1, можно сделать вывод, что наибольшие объемы инвестиций имеются у тех компаний, у которых наибольшая выручка. Кроме того, можно отметить, что в 2020 г. объемы затрат на инновации снизились, во многом это было вызвано именно снижением выручки, которая, в свою очередь, могла быть вызвана пандемией COVID-19 и простоями в производстве.

Анализ карты интереса российских компаний к цифровым технологиям, приведённый в опросе KMDA, позволяет сделать вывод о наибольшем внимании среди российских металлургических

предприятий к технологиям Data Science (Big Data Analytics) и технологиям искусственного интеллекта (Machine Learning, нейросети). Авторы также отмечают, что, согласно данным вышеупомянутого отчета, наибольшее количество респондентов среди тактических приемов на пути инновационного развития своих компаний выделяют: «сотрудничество с партнерами – 71%; развитие внутренних стартапов – 37%; покупку и поглощение компаний и технологий – 18%; акселерацию внешних стартапов – 16%» [22]. Большинство компаний при разработке новых продуктов все еще опираются на

опыт и идеи руководства, а также практикуют копирование лучших практик конкурентов.

По итогу 2020 г. общий объем производства стали в России составил 73,4 млн тонн, месячная динамика приведена на рисунке 3. Несмотря на тяжелую эпидемиологическую ситуацию в мире, вызвавшую экономический спад в 2020 г., производство стали в РФ не только не снизилось, но даже увеличилось на 2,5%: с 71,6 млн тонн в 2019 г. По результатам 2020 г. Россия стала пятым производителем стали в мире после Китая, Индии, Японии и США, сохранив долю в мировом производстве около 3,8%.

Уже за девять месяцев 2020 г. НЛМК, ЕВРАЗ, «Северсталь», ММК, «Металлоинвест» и «Мечел» произвели 45,4 млн тонн стали, что составляло 87% российского производства за аналогичный период (рис. 4). Суммарная выручка пяти компаний (исключая ЕВРАЗ) уже за девять месяцев 2020 г. составила 24 млрд долл. США (–18% по сравнению с предыдущим годом), EBITDA – 6,6 млрд долл. США (–23% по сравнению с предыдущим годом) [23]. Отдельные финансовые результаты ключевых компаний отрасли в целом по итогу 2020 г. представлены в таблице 2.

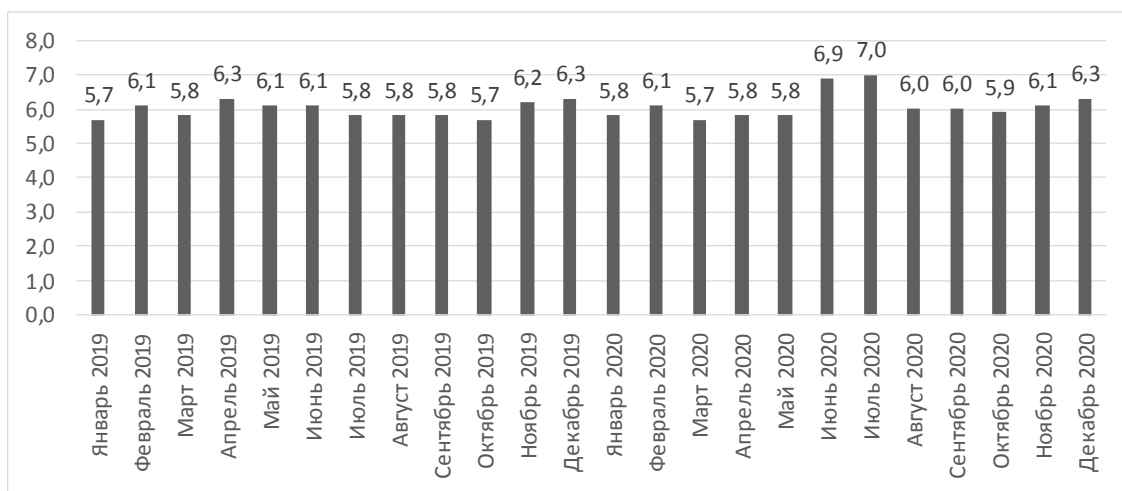

Рис. 3. Производство стали в России за 2019–2020 гг. [10], млн тонн

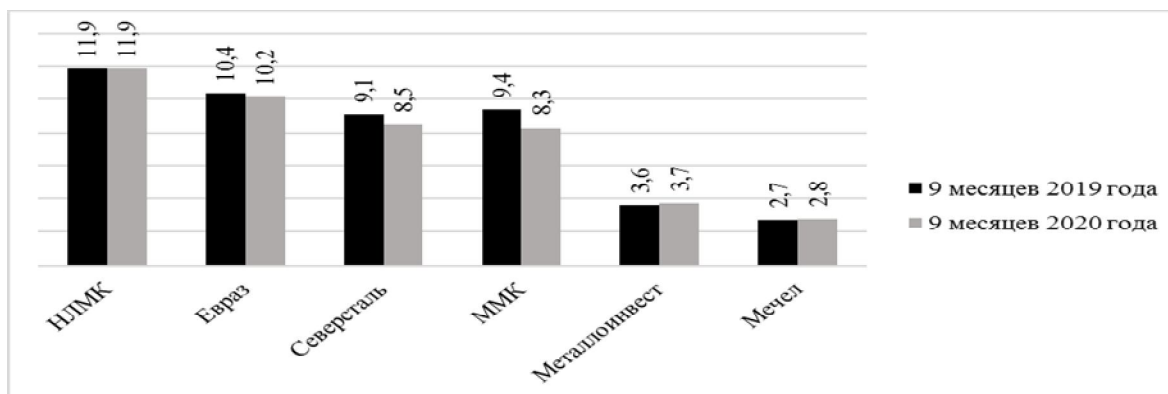

Рис. 4. Динамика производства стали в России по ключевым компаниям за девять месяцев 2019 и 2020 гг. [16–20], млн тонн

Таблица 2. Финансовые показатели ведущих металлургических компаний России в 2019–2020 гг. [16–21]

Показатели, период		ЕВРАЗ	НЛМК	Север- сталь	ММК	Металло- инвест	Мечел	Всего
Выручка, млрд долл.	2019	11,905	10,554	8,157	7,566	6,96	4,230	49,37
	2020	9,754	9,245	6,87	6,395	6,409	3,911	42,58
	Темп роста %	81,93	87,60	84,22	84,52	92,08	92,46	86,25
EBITDA, млрд долл.	2019	2,601	2,564	2,805	1,797	2,514	0,782	13,06
	2020	2,212	2,645	2,422	1,492	2,471	0,605	11,85
	Темп прироста %	-14,96	3,16	-13,65	-16,97	-1,71	-22,63	-9,31
Рентабельность по EBITDA, %	2019	21,85	24,29	34,39	23,75	36,12	18,49	26,46
	2020	22,68	28,61	35,25	23,33	38,56	15,48	27,82
	Изменения	0,83	4,32	0,86	-0,42	2,44	-3,01	1,36

Основываясь на данных таблицы 2, можно сделать следующие выводы:

– несмотря на снижение суммарной выручки по ключевым компаниям металлургического сектора в 2020 г. более чем на 6,79 млрд долл. США по сравнению с 2019 г. и снижение суммарного EBITDA за аналогичный период на 1,22 млрд долл. США общая рентабельность, исчисленная по EBITDA, выросла на 1,36% и составила 27,82%;

– положительная динамика рентабельности по EBITDA присутствует у четырех из шести компаний, при этом наибольших результатов в этом направлении добились НЛМК и Металлоинвест, что может свидетельствовать о качественных изменениях в производстве и управлении данных компаний, достигнутых в том числе и за счёт инвестиций в инновации;

– общее снижение выручки и EBITDA в натуральном выражении в 2020 г. по отношению к 2019 г. прослеживается у всех компаний, что может быть связано как с ухудшением ценовой конъюнктуры в начале 2020 г. и падением спроса в основных странах-потребителях российской продукции черной металлургии, так и с влиянием пандемии COVID-19. Однако влияние

этих факторов на рентабельность частично компенсировалось за счет сокращения себестоимости продаж вследствие ослабления рубля и за счет роста цен в 4 квартале 2020 г.

В 2019 г. крупные российские производители стали представили обновленные стратегии развития до 2023 г., предполагающие увеличение капитальных расходов на расширение и модернизацию производственного потенциала отрасли. Эти инвестиции, по оценкам экспертов, с 2021 г. приведут к возобновлению роста производства стали в России [23].

По итогам 2019 г. потребление стали в России составило 43,7 млн тонн. В апреле и мае 2020 г. произошло значительное падение производственной активности в стране в связи с принятием ограничительных мер по борьбе с коронавирусной инфекцией (рис. 5).

Около 70% внутреннего спроса на продукцию черной металлургии в России обеспечивает строительство. В первом полугодии 2020 г. в РФ произошло сокращение объема строительных работ в сопоставимых ценах на 0,5%. Согласно базовому сценарию, с 2021 г. потребление продукции черной металлургии будет поддержано ускорением реализации национальных проектов в области ин-

фраструктурного и жилищного строительства, и спрос вырастет до 42 млн тонн (рис. 6). При повторном введении

жестких карантинных мер потребление продукции черной металлургии начнет расти только с 2022 г.

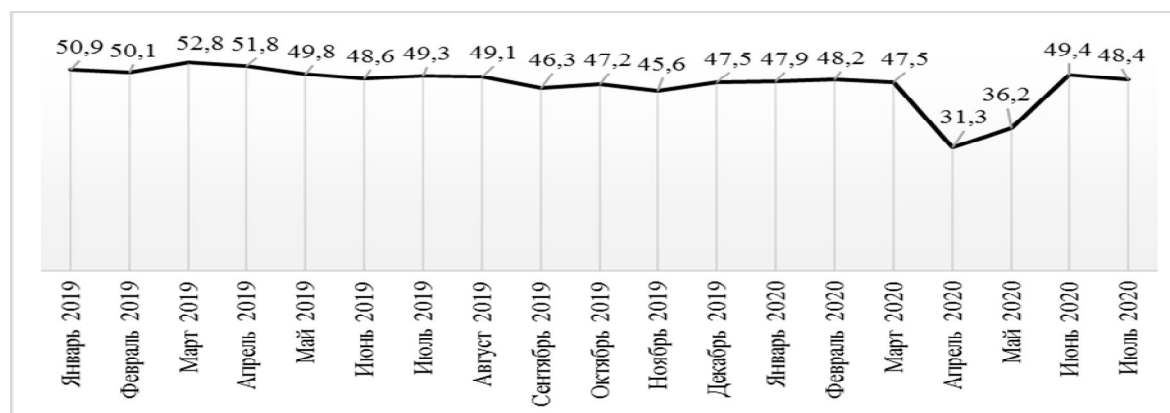

Рис. 5. Индекс производственной активности PMI в России [24]

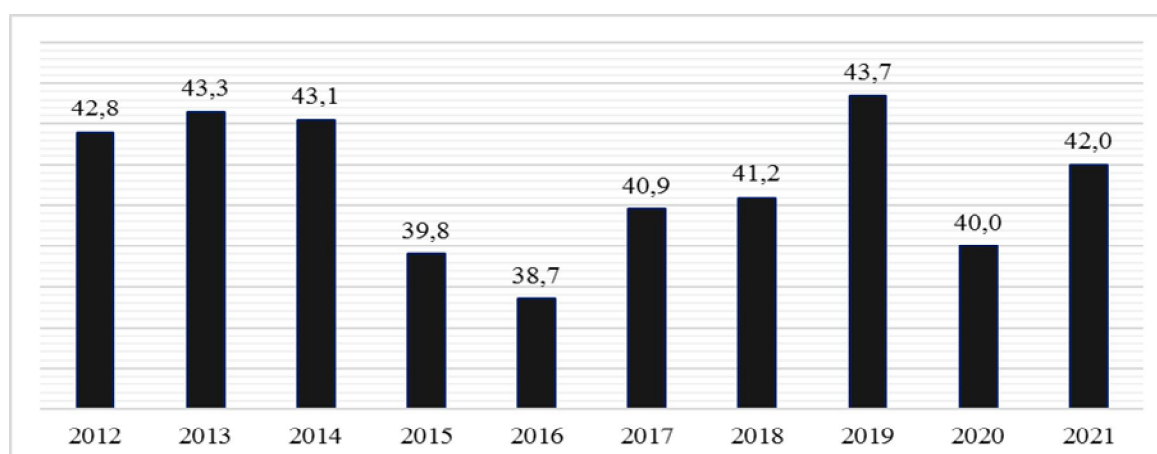

Рис. 6. Потребление продукции отрасли в России [25], млн тонн

Одним из приоритетных направлений развития инновационного потенциала металлургических предприятий в последнее время является повышение экологичности производственной деятельности. В этой связи авторы статьи согласны с мнением Л. Ф. Шайбаковой и С. В. Новоселова о том, что именно «экологическая модернизация металлургических производств на инновационной основе в целях улучшения среды обитания человека» [26] станет в среднесрочной перспективе одним из наиболее предпочтительных вариантов решения текущих проблем отрасли.

Многие крупные промышленные организации вкладывают огромные средства в инновационные разработки в сфере охраны окружающей среды и климатосбережение. Не осталось в стороне и ПАО «Северсталь». Компания старается соблюдать все применимые к её основной деятельности законы, правила и требования по поводу охраны окружающей среды, занимается разработками и внедрением эффективных экологических систем, используя при этом лучший мировой опыт.

В связи с этим в стратегии компании к 2025 г. в рамках природоохранной и

климатосберегающей деятельности были сформированы следующие основные цели: «уменьшение объема выбросов загрязняющих отходов, которые превышают НДС на 12%, в водные объекты через сточные воды; уменьшение объемов производственных отходов 20%; сокращение объемов выбросов в окружающую среду токсичных веществ на 13% (на 66,5 тыс. тонн); уменьшение активности выходов парниковых газов на производстве на 3% по сравнению с 2020 годом» [27].

Конкретным примером направленности «Северстали» на улучшение экологической составляющей инновационного потенциала может служить завершение строительства экологических объектов в рамках проекта реконструкции доменной печи № 3 (ДП-3) в декабре 2020 г. на Череповецком металлургическом комбинате (ЧерМК) – подразделении ПАО «Северсталь». Данный проект предусматривает повышение степени экологичности процессов при выплавке чугуна на протяжении всего технологического пути данного продукта с использованием наиболее эффективных и доступных на современном этапе технологий.

Основными объектами в формируемой новой технологической системе, позволяющей улавливать пыль и газы, являются аспирационная и газоочистительная подсистемы. При помощи аспирационной системы появляется возможность удалять из воздуха пыль, которая появляется вследствие технологических операций. При помощи же газоочистительной системы у предприятия появляется возможность проводить чистку доменных печей от газа, которая предусматривает сухую и мокрую очистку в два этапа. Эффективность такого процесса составляет 99,99%. При его реализации используется сухая очистка доменного газа в пылеуловителе циклонного типа, а также применяется скруббер с регулируемым зазором и каплеуловителем, разработанный фирмой DanieliCorus. Пыль, оставшаяся в пылеуловителях,

утилизируется в аглопроизводстве. Перед разгрузкой пылеуловителей пыль увлажняется, чтобы предотвратить пыление.

Объекты комплекса ДП-3 для своей работы снабжаются водой по оборотной замкнутой схеме. При запуске объектов ДП-3 расходы водных ресурсов (хозяйственно-бытовые и ливневые сточные воды), которые поступают в хозяйственно-бытовую и промышленно-ливневую канализации, не увеличиваются. Непосредственные загрязняющие водные объекты выбросы от комплекса ДП-3 отсутствуют. Проект предполагает схему рационального использования отходов. Согласно данному проекту, все отходы утилизируются в собственном производстве (99,99%), оставшаяся же часть размещается на собственном полигоне для производственных отходов.

Кроме того, на ЧерМК в 2018 г. были реализованы следующие мероприятия в сфере природоохранной деятельности:

- завершена модернизация системы газоочистки сталеплавильных печей МЦ «ССМ-Тяжмаш», а также её техническое перевооружение;
- выполнены пусконаладочные работы на участке переработки шламов газоочисток доменных печей;
- завершена подготовка проекта по строительству системы доочистки сточных вод выпуска № 3;
- завершена модернизация биологической очистки сточных вод, которые вытекают в Рыбинское водохранилище;
- сформирована документация по строительству нового полигона производственных отходов ЧерМК [28].

Также серьёзных достижений в 2018 г. добилось и АО «Окатыш», входящее в структуру ПАО «Северсталь». Им были реализованы следующие мероприятия:

1. Выполнение программы по снижению выбросов диоксида серы в атмосферный воздух.
2. Разработка технических решений по реконструкции хвостового хозяйства

(реализован новый метод укладки хвостов).

3. Подбор оптимальных реагентов на участке сгущения хвостов и улучшение качества осветленной воды, подаваемой на технологические нужды.

4. Завершение строительства установок по переработке отходов производства методом пиролиза. Частичное обезвреживание и утилизация отходов III-IV класса опасности (перевод отходов в продукцию).

5. Полное обезвреживание отходов производства III-IV класса опасности.

Принятые меры не остались бесследными для мировой оценки и переоценки компании, в частности агентство MSCI пересмотрело ESG рейтинг компании с категории «CCC» до категории «B» [29]. Улучшение связано с повышением позиций в блоке «Экология»: отмечен прогресс компании в направлениях «Изменение климата», «Управление водными ресурсами», «Биоразнообразие», «Выбросы и отходы». Рейтинг MSCI ESG присваивается глобальным публичным компаниям и призван оценить долгосрочную устойчивость компании к ESG рискам (риски в области экологии, социальной сферы и корпоративного управления).

Ранее компания сообщала об улучшении позиций в других ESG рейтингах. Агентство Sustainalytics снизило уровень риска, присваиваемый компании, с 39,1 балла в 2019 г. до 34,7 (наилучший результат – 0) баллов. С этим результатом «Северсталь» вошла в 10% лучших сталелитейных компаний мира, заняв 14 место из 140. В рейтинге SAM S&P (ранее RobecoSAM) позиции «Северстали» выросли на 7 пунктов, с 41 до 48 баллов (из 100 возможных). Таким образом, «Северсталь» заняла 15 место в рейтинге мировых металлургических компаний в области ESG в рейтинге SAM Corporate Sustainability Assessment. Аналитическое агентство FTSE Russell подтвердило позицию компании в индексе FTSE4Good в

результате проведенного пересмотра, рейтинг компании был повышен до 3,5 (3,0 в 2019 г.) из максимально возможных 5,0.

В 2019 г. инвестиции компании в экологические проекты составили около 750 млн руб. В первом полугодии 2020 г. компания инвестировала в экологические мероприятия 1,34 млрд рублей, что также подтверждает заинтересованность компании в повышении своего экологического рейтинга [29].

Выводы

Подводя итоги, отметим, что сфера металлургического производства вносит весомый вклад в развитие национальной экономики, являясь одним из ее важнейших сегментов, поэтому необходимо постоянно наращивать и совершенствовать структуру инновационного потенциала металлургической отрасли с учетом актуальных тенденций природосбережения и информатизации. Наиболее перспективными направлениями обновления металлургического производства являются продуктовые, процессные инновации и инновации в бизнес-моделях.

Металлургическая отрасль относительно легко справилась с влиянием пандемии в 2020 г. – производство стали в РФ не только не снизилось за год, но даже увеличилось на 2,5% (с 71,6 млн тонн в 2019 г. до 73,4 млн тонн в 2020 г.). По итогам года Россия стала пятым производителем стали в мире после Китая, Индии, Японии и США с долей в мировом производстве около 3,8%.

Однако стал снижаться спрос на металлы. Около 70% внутреннего спроса на продукцию черной металлургии в России обеспечивает строительство. Если по итогам 2019 г. потребление стали в России составило 43,7 млн тонн, то уже в апреле и мае 2020 г. произошло значительное падение производственной активности в стране в связи с принятием ограничительных мер по борьбе с коронавирусом.

ной инфекцией. Так, в первом полугодии 2020 г. в России произошло сокращение объема строительных работ в сопоставимых ценах на 0,5%. Государство пытается купировать негативные последствия пандемии для отрасли за счет реализации ряда национальных проектов, подразумевающих в том числе строительство новых капитальных объектов.

Одним из приоритетных направлений развития инновационного потенциала отрасли в последнее время является экологическое. Многие корпорации вкладывают огромные средства в инновационные разработки в сфере охраны окружающей среды. ПАО «Северсталь» старается соблюдать все применимые к его

основной деятельности законы, правила и требования по поводу охраны окружающей среды и климатосбережения, занимается разработками и внедрением эффективных экологических систем, используя лучший мировой опыт.

Основываясь на передовых мировых практиках, были сформированы цели компании, направленные на повышение экологичности производства, реализовывались различные инновационные проекты в данном направлении. Грамотная и прогрессивная политика позволила ПАО «Северсталь» улучшить свои позиции в различных международных рейтингах и тем самым повысила имидж и интерес инвесторов к данной организации.

Список литературы

1. Васильцов В. С., Багаутдинова И. В., Федоренко И. Н. Устойчивое развитие промышленности в инновационной экономике: монография. Череповец: Череповец. гос. ун-т, 2020. 133 с.
2. Штанский В. А. Обеспечение устойчивого инновационного развития предприятий металлургического комплекса // Экономика в промышленности. 2019. Т. 12, № 4. С. 466–472.
3. Зеленая экономика и зеленые финансы / Б. Н. Порфирьев, М. В. Сигова, И. К. Ключников [и др.]; Международный банковский институт. СПб., 2018. 327 с.
4. Теория устойчивого развития экономики и промышленности / А. А. Алетдинова, А. В. Бабкин, Н. Н. Булатова [и др.]. СПб.: С.-Петерб. политехн. ун-т Петра Великого, 2016. 756 с.
5. Vertakova Yu., Plotnikov V. Problems of sustainable development worldwide and public policies for green economy // Економічний часопис-XXI. 2017. Т. 166, № 7-8. С. 4-10.
6. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию от 21.04.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418> (дата обращения: 22.09.2021).
7. Караганов С. А. Поворот к природе: новая экологическая политика России в условиях «зеленой» трансформации мировой экономики и политики: доклад по итогам серии ситуационных анализов. М.: Международные отношения, 2021. 97 с.
8. Макаренко Г. Как российской металлургии влиться в эпоху инноваций. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5d6533cd9a794754a5502e5c> (дата обращения: 28.09.2021).
9. Россия в цифрах. 2020: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2020. 550 с.
10. Производство стали в России за 2019–2020 гг. URL: <http://www.worldsteel.org> (дата обращения: 22.09.2021).
11. Прокопьева А. С. Потенциал инновационного развития предприятий металлургического комплекса в Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 6-2. С. 91–94.
12. Глеков П. М., Крыжановская О. А. Анализ тенденций развития черной металлургии и их влияние на промышленный потенциал // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 2 (19). С. 89–101.

13. Костюхин Ю. Ю., Мосейкин Ю. Н. Методические положения формирования системы управления промышленным предприятием на основе использования его потенциала // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2020. Т. 28, № 1. С. 110–122.
14. Обзор рынка черной металлургии – второе полугодие 2019 года. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/metals-2h-2019.pdf> (дата обращения: 28.04.2021).
15. Вертакова Ю. В., Крыжановская О. А. Особенности развития организаций в условиях цифровой трансформации // Вестник университета. 2020. № 10. С. 33–39.
16. Публичное акционерное общество "ЕВРАЗ Объединенный Западно-Сибирский металлургический комбинат". Финансовые результаты (2019–2020). URL: https://www.evraz.com/upload/iblock/7b5/EVRAZ_FY2020_financial_results_presentation_final_.pdf (дата обращения: 22.09.2021).
17. Публичное акционерное общество «Мечел». Финансовые результаты (2019–2020). URL: <https://www.mechel.com/upload/iblock/3f1/3f1ac1836d6dc3e4f9117d2b8499208c.pdf> (дата обращения: 22.09.2021).
18. Публичное акционерное общество «Магнитогорский металлургический комбинат». Финансовые результаты (2019–2020). URL: https://mmk.ru/upload/iblock/5b6/cgjh4ku3yfai8qu0q8y150ua5eb0d7eg/MMK_2020_USD_0102_signed.pdf (дата обращения: 22.09.2021).
19. Публичное акционерное общество «Новолипецкий металлургический комбинат». Финансовые результаты группы НЛМК за 4 квартал и 12 мес. 2020 года по МСФО (2019–2020). URL: https://nlmk.com/upload/iblock/fb9/NLMK_Presentation_IFRS_Q4_2020.pdf (дата обращения: 22.09.2021).
20. Публичное акционерное общество «Северсталь». Финансовые результаты (2019–2020). URL: https://www.severstal.com/files/55782/Severstal%20%20Q4%202020%20Presentation_final.pdf (дата обращения: 22.09.2021).
21. Публичное акционерное общество «Холдинговая компания «Металлоинвест». Финансовые результаты (2019–2020). URL: https://www.metalloinvest.com/upload/iblock/fea/ifrs_2020_fy_presentation.pdf (дата обращения: 22.09.2021).
22. Цифровая трансформация в России – 2020. Обзор и рецепты успеха. URL: https://komanda-a.pro/projects/dtr_2020 (дата обращения: 22.09.2021).
23. Обзор рынка черной металлургии – 2020. URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/research-center/articles/overview-of-steel-and-iron-market-2020.html> (дата обращения: 22.09.2021).
24. Индекс менеджеров по закупкам Purchasing Managers' Index (PMI): статистические данные. URL: <https://www.markiteconomics.com> (дата обращения: 22.09.2021).
25. Потребление продукции черной металлургии в России за 2012–2021 гг. URL: <http://www.worldsteel.org> (дата обращения: 22.09.2021).
26. Шайбакова Л. Ф., Новоселов С. В. Тенденции, особенности и проблемы развития черной металлургии России // Управленец. 2017. № 5 (69). С. 40–49.
27. Публичное акционерное общество «Северсталь». Цели в области устойчивого развития 2020–2025. URL: https://www.severstal.com/files/63899/SR_Severstal_2020_RU.pdf (дата обращения: 22.09.2021).
28. Публичное акционерное общество «Северсталь». Реализация мероприятий по природоохранной деятельности на предприятиях общества. URL: https://www.severstal.com/files/44632/Severstal_CSR_SD_Report_2019_RU.pdf (дата обращения: 22.09.2021).
29. Публичное акционерное общество «Северсталь». Позиции компании в международных рейтингах. URL: <https://www.severstal.com/rus/media/news/document53262.phtml> (дата обращения: 22.09.2021).

References

1. Vasil'tsov V. S., Bagautdinova I. V., Fedorenko I. N. Ustoichivoe razvitie promyshlennosti v innovatsionnoi ekonomike [Sustainable development of industry in an innovative economy]. Cherepovec, Cherepovec. St. Univ. Publ., 2020. 133 p.
2. Shtansky V. A. Obespechenie ustoichivogo innovatsionnogo razvitiya predpriyatii metallurgicheskogo kompleksa [Ensuring sustainable innovative development of the metallurgical complex enterprises]. *Ekonomika v promyshlennosti = Russian Journal of Industrial Economics*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 466–472.
3. Porfiriev B. N., Sigova M. V., Klyuchnikov I. K., eds. Zelenaya ekonomika i zelenye finansy [Green economy and green finance]. St. Petersburg, International Banking Institute Publ., 2018. 327 p.
4. Aletdinova A. A., Babkin A. V., Bulatova N. N., eds. Teoriya ustoichivogo razvitiya ekonomiki i promyshlennosti [The theory of sustainable development of the economy and industry]. St. Petersburg, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic Univ. Publ., 2016. 756 p.
5. Vertakova Yu., Plotnikov V. Problems of sustainable development worldwide and public policies for green economy. *Economic Annals-XXI*, 2017, vol. 166, no 7-8, pp. 4–10.
6. Poslanie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii V.V. Putina Federal'nomu Sobraniyu ot 21.04.2021 [Message of the President of the Russian Federation V. V. Putin to the Federal Assembly dated 21.04.2021]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418>. (accessed 22.09.2021)
7. Karaganov S. A. Povorot k prirode: novaya ekologicheskaya politika Rossii v usloviyakh "zelenoi" transformatsii mirovoi ekonomiki i politiki: doklad po itogam serii situatsionnykh analizov [Turning to nature: Russia's new environmental policy in the context of the "green" transformation of the world economy and politics: a report following a series of situational analyzes]. Moscow, International Relations, 2021. 97 p.
8. Makarenko G. Kak rossiiskoi metallurgii vlit'sya v epokhu innovatsii [How to join the Russian metallurgy in the era of innovation]. Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5d6533cd9a794754a5502e5c>. (accessed 22.09.2021)
9. Rossiya v tsifrakh [Russia in numbers]. 2020. Moscow, Rosstat Publ., 2020. 550 p.
10. Proizvodstvo stali v Rossii za 2019-2020 gg. [International metallurgical association WSA: statistical data. Steel production in Russia for 2019-2020]. Available at: <http://www.worldsteel.org>. (accessed 22.09.2021)
11. Prokopyeva A. S. Potentsial innovatsionnogo razvitiya predpriyatii metallurgicheskogo kompleksa v Rossiiskoi Federatsii [Potential of the innovative development of the enterprises of the metallurgical complex in the Russian Federation]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and business: theory and practice*, 2019, vol. 6-2, pp. 91–94.
12. Glekov P. M., Kryzhanovskaya O. A. Analiz tendentsii razvitiya chernoi metallurgii i ikh vliyanie na promyshlennyy potentsial [Analysis of tendencies of ferrous metallurgy development and their influence on industrial potential]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2016, no. 2 (19), pp. 89–101.
13. Kostyukhin Yu. Yu., Moseykin Yu. N. Metodicheskie polozheniya formirovaniya sistemy upravleniya promyshlennym predpriyatiem na osnove ispol'zovaniya ego potentsiala [Methodological provisions for the formation of an industrial enterprise management system based on the use of its potential]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika = RUDN Journal of Economics*, 2020, no. 28 (1), pp. 110–122.
14. Obzor rynka chernoi metallurgii – vtroe polugodie 2019 goda [Overview of the iron and steel market – H2 2019]. Available at: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/metals-2h-2019.pdf>. (accessed 28.04.2021)

15. Vertakova Yu. V., Kryzhanovskaya O. A. Osobennosti razvitiya organizatsii v usloviyakh tsifrovoy transformatsii [Features of development of organizations in the context of digital transformation]. *Vestnik universiteta = Vestnik Universiteta*, 2020, no. 10, pp. 33–39.
16. Publichnoe aktsionernoe obshchestvo "EVRAZ Ob"edinennyi Zapadno-Sibirskii metallurgicheskii kombinat". Finansovye rezul'taty (2019-2020) [Public Joint Stock Company "EVRAZ United West Siberian Metallurgical Combine" (evraz.com). Financial results (2019-2020)]. Available at: https://www.evraz.com/upload/iblock/7b5/EVRAZ_FY2020_financial_results_presentation_final_.pdf. (accessed 22.09.2021)
17. Publichnoe aktsionernoe obshchestvo "Mechel" Finansovye rezul'taty (2019-2020) [Mechel Public Joint Stock Company (mechel.com). Financial results (2019-2020)]. Available at: <https://www.mechel.com/upload/iblock/3f1/3f1ac1836d6dc3e4f9117d2b8499208c.pdf>. (accessed 15.04.2021)
18. Publichnoe aktsionernoe obshchestvo "Magnitogorskii metallurgicheskii kombinat". Finansovye rezul'taty (2019-2020) [Public Joint Stock Company "Magnitogorsk Iron and Steel Works" (mmk.ru). Financial results (2019-2020)]. Available at: https://mmk.ru/upload/iblock/5b6/cgjh4ku3yfai8qu0q8y150ua5eb0d7eg/MMK_2020_USD_0102_signed.pdf. (accessed 22.09.2021)
19. Publichnoe aktsionernoe obshchestvo "Novolipetskii metallurgicheskii kombinat". Finansovye rezul'taty gruppy NLMK za 4 kvartal i 12 mes. 2020 goda po MSFO (2019-2020) [Public Joint Stock Company "Novolipetsk Metallurgical Combine" (nlmk.com). NLMK Group's financial results for the 4th quarter and 12 months of 2020 under IFRS (2019-2020)]. Available at: https://nlmk.com/upload/iblock/fb9/NLMK_Presentation_IFRS_Q4_2020.pdf. (accessed 22.09.2021)
20. Publichnoe aktsionernoe obshchestvo "Severstal". Finansovye rezul'taty (2019-2020) [Public Joint Stock Company "Severstal" (severstal.com). Financial results (2019-2020)]. Available at: https://www.severstal.com/files/55782/Severstal%20%20Q4%202020%20Presentation_final.pdf. (accessed 22.09.2021)
21. Publichnoe aktsionernoe obshchestvo "Kholdingovaya kompaniya "Metalloinvest". Finansovye rezul'taty (2019-2020) [Public Joint Stock Company "Metalloinvest Holding Company" (metalloinvest.com). Financial results (2019-2020)]. Available at: https://www.metalloinvest.com/upload/iblock/fea/ifrs_2020_fy_presentation.pdf. (accessed 22.09.2021)
22. Tsifrovaya transformatsiya v Rossii – 2020. Obzor i retsepty uspekha [Digital transformation in Russia – 2020. Overview and recipes for success: Analytical report based on a survey of representatives of Russian companies]. Available at: https://komanda-a.pro/projects/dtr_2020. (accessed 22.09.2021)
23. Obzor rynka chernoi metallurgii – 2020 [Overview of the iron and steel market – 2020]. Available at: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/research-center/articles/overview-of-steel-and-iron-market-2020.html>. (accessed 22.09.2021)
24. Indeks menedzherov po zakupkam Purchasing Managers' Index (PMI): statisticheskie dannye [Purchasing Managers' Index (PMI): statistical data. PMI manufacturing activity index in Russia]. Available at: <https://www.markiteconomics.com>. (accessed 22.09.2021)
25. Potreblenie produktsii chernoi metallurgii v Rossii za 2012–2021 gg. [International metallurgical association WSA: statistical data. Consumption of ferrous metallurgy products in Russia for 2012-2021]. Available at: <http://www.worldsteel.org>. (accessed 22.09.2021)
26. Shaybakova L. F., Novosyolov S. V. Tendentsii, osobennosti i problemy razvitiya chernoi metallurgii Rossii [Development of ferrous metallurgy in Russia: trends, special features and problems]. *Upravlenets = Upravlenets – The Manager*, 2017, no. 5(69), pp. 40–49.
27. Publichnoe aktsionernoe obshchestvo "Severstal". Tseli v oblasti ustoichivogo razvitiya 2020–2025 [Public Joint Stock Company "Severstal". Sustainable Development Goals 2020-2025]. Available at: https://www.severstal.com/files/63899/SR_Severstal_2020_RU.pdf. (accessed 22.09.2021)
28. Publichnoe aktsionernoe obshchestvo "Severstal". Realizatsiya meropriyatii po prirodookhrannoi deyatel'nosti na predpriyatiyakh obshchestva [Public Joint Stock Company "Severstal". Im-

plementation of environmental protection activities at the company's enterprises 2019]. Available at: https://www.severstal.com/files/44632/Severstal_CSR_SD_Report_2019_RU.pdf. (accessed 22.09.2021)

29. Publichnoe aktsionernoe obshchestvo "Severstal". Pozitsii kompanii v mezhdunarodnykh reitingakh [Public Joint Stock Company "Severstal". The company's position in the international rankings 2020]. Available at: <https://www.severstal.com/rus/media/news/document53262.phtml>. (accessed 22.10.2021)

Информация об авторах / Information about the Authors

Васильцов Виталий Сергеевич, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и управления, Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Российская Федерация,
e-mail: 3297@rambler.ru,
ORCID: 0000-0001-7029-6060

Vitaly S. Vasil'tsov, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Management, Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation,
e-mail: 3297@rambler.ru,
ORCID: 0000-0001-7029-6060

Ныш Мария Сергеевна, аспирант, Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Российская Федерация,
e-mail: marianysh@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-5408-1569

Maria S. Nysh, Post-Graduate Student, Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation,
e-mail: marianysh@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-5408-1569

Плотников Владимир Александрович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры региональной экономики и менеджмента, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: Plotnikov_2000@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-3784-6195

Vladimir A. Plotnikov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Department of Regional Economics and Management, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: Plotnikov_2000@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-3784-6195

Мушкатеров Павел Романович, студент, Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Российская Федерация,
e-mail: dark_ness58@mail.ru

Pavel R. Mushkaterov, Student, Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation,
e-mail: dark_ness58@mail.ru

Роль хаоса и неопределенности в теории управления социально-экономическими процессами

Л. В. Шманева¹, С. В. Шманев² ✉

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
ул. Академика Волгина 12, г. Москва 117997, Российская Федерация

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Ленинградский проспект 49, г. Москва 125993, Российская Федерация

✉ e-mail: shmanev_s_v@mail.ru

Резюме

Актуальность представленной статьи обусловлена сложностью и неоднозначностью протекания в России реформ, связанных с модернизацией прежних экономических отношений, систем, структур, институтов, и замена их новыми, адекватными вызовам и угрозам устойчивому экономическому развитию страны в условиях глобализации, политических противоречий, санкций со стороны западных государств. Одной из причин несостоятельности проводимых экономических преобразований в стране является устранение государства от участия в финансировании реального сектора экономики и регулирования социально-экономических процессов. В теории управления разрабатывается новое направление, особенность которого основана на использовании теории хаоса для анализа динамики процессов управления.

Цель исследования: выявление и осознание механики развития хаоса, что позволит прогнозировать вероятность его приближения, а следовательно, выявлять причины и предотвращать негативные проявления.

Задачи: выявить основные тенденции управленческих процессов и рассмотреть сценарии возможного развития на основе знаний о формах управленческих взаимоотношений, а также разработать научно обоснованные рекомендации по совершенствованию системы управления.

Методология. В проведенном исследовании были использованы методы сравнительного анализа, экспертных оценок, а также методы нечеткой логики и динамического программирования, что позволило решить поставленные задачи.

Результаты. Принятие решений, связанных с управлением всей системы в целом, или ее отдельных звеньев, цели, задачи, условия осуществления управляющих воздействий, а также критерии оценки уровня достижения поставленных целей во многом субъективны и имеют вероятностную основу. Это порождает нечеткие отношения, вероятностные значения, что со временем приводит к изменению свойств, целей и задач, стоящих перед системой.

Выводы. Для достижения поставленной цели в процессе решения задач управления нередко возникает необходимость проведения серьезных структурных, кадровых изменений и финансовых вложений, причем принимаемые решения должны учитывать возможности достижения стратегических задач, стоящих перед страной, регионом или отраслью.

Ключевые слова: управление; хаос; неопределенность; система; модели; эффективность.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Шманева Л. В., Шманев С. В. Роль хаоса и неопределенности в теории управления социально-экономическими процессами // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 51–64. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-51-64>.

Поступила в редакцию 25.10.2021

Принята к публикации 24.11.2021

Опубликована 29.12.2021

Role of Chaos and Uncertainty of Theories of Management of Social and Economic Processes

Liudmila V. Shmaneva¹, Sergey V. Shmanev² ✉

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Y. Kikot
12 Akademika Volgina str., Moscow 117997, Russian Federation

² Financial University under the Government of the Russian Federation
41 Leningradskii prospect, Moscow 125993, Russian Federation

✉ e-mail: shmanev_s_v@mail.ru

Abstract

The relevance of the presented article is due to the complexity and ambiguity of the course of reforms in Russia associated with the modernization of previous economic relations, systems, structures, institutions and their replacement by new ones, adequate to the challenges and threats to the sustainable economic development of the country in the context of globalization, political contradictions, sanctions from Western countries. One of the reasons for the failure of the ongoing economic transformations in the country is the removal of the state from participation in the financing of the real economy and the regulation of socio-economic processes. A new direction is being developed in management theory, the peculiarity of which is based on the use of chaos theory to analyze the dynamics of management processes.

The aim of the research. the identification and awareness of the mechanics of chaos development will allow us to predict the likelihood of its approach, and therefore, to identify the causes and to prevent negative manifestations.

Objectives. To identify the main trends in managerial processes and consider scenarios of possible development based on knowledge of the forms of managerial relationships, and to develop science-based recommendations for improving the management system.

Methodology. In the conducted research the methods of comparative analysis, expert assessments, as well as methods of fuzzy logic and dynamic programming were used, which allowed to solve the tasks.

Results. Decision-making associated with the management of the system as a whole, or its units, goals, objectives, conditions of control actions, as well as criteria for assessing the level of achievement of the goals are largely subjective and have a probabilistic basis. This generates fuzzy relations, probabilistic values, which over time leads to a change in the properties, goals and objectives facing the system.

Conclusions. In order to achieve a goal in the process of solving management problems, it is often necessary to make major structural, personnel changes and financial investments, and the decisions made must take into account the possibility of achieving the strategic objectives facing the country, region or industry.

Keywords: management; chaos; uncertainty; system; models; efficiency.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Shmaneva L. V., Shmanev S. V. Role of Chaos and Uncertainty of Theories of Management of Social and Economic Processes. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(6): 51–64. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-51-64>.

Received 25.10.2021

Accepted 24.11.2021

Published 29.12.2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(6): 51–64

Введение

Современные теория и практика управления базируются на ряде подходов, таких как системный, ситуационный, процессный и функциональный. Такое многообразие, с одной стороны, обеспечивает исследователя огромным массивом информации по данной проблематике, дает возможность многостороннего изучения проблемы управления, позволяет проследить динамику развития взглядов на нее и облегчает разработку новых методов и моделей, а с другой – затрудняет выявление общих закономерностей, проведение анализа и обобщения имеющихся результатов исследования.

Одновременно необходимость совершенствования системы управления сопряжена также с развитием производительных сил и производственных отношений, с трудностями организации и координации множества людей, связанных в процессе своей трудовой деятельности в одно целое для достижения поставленной цели [1].

Современная система управления должна быть способна создать условия для руководителей любого уровня, склоняющие их к поиску возможностей достижения наибольшей эффективности ее функционирования.

Материалы и методы

Теорию управления принято рассматривать как науку о принципах, подходах, методах и механизмах управления различными системами, процессами и объектами, опирающуюся на теоретические и прикладные знания. Как и любая наука, теория управления имеет свой предмет изучения, функции, цели, задачи, методологическую базу, свои методы, способы, подходы и стратегии исследования. Управление включает сбор, обработку, анализ информации и осуществление управляющих действий. К сожалению, как правило, оно осуществляется в условиях неполной информации. Его

особенностью как процесса является то, что его хотя и можно формализовать и автоматизировать, но основная составляющая: отбор информации и принятие решения – все-таки остается за человеком.

К основным целям процесса управления можно отнести: 1) выявление основных тенденций управленческих процессов и построение сценариев возможного развития на основе знаний о формах управленческих взаимоотношений; 2) разработка и реализация научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию системы управления.

Исследование базируется на методах сравнительного анализа, экспертных оценок, а также методах нечеткой логики и динамического программирования, что позволило решить поставленные задачи.

Результаты и их обсуждение

Смысл управляющего воздействия заключается в качестве целеполагания, т. е. в том, насколько в поставленных стратегических, среднесрочных или краткосрочных (оперативных) целях отражены потребности и интересы управляемой системы.

Для восприятия механизма достижения целей через решение поставленных задач вводится понятие «функции управления». Под функцией управления понимают обособленные действия, связанные с решением конкретных задач с помощью специализированных приемов. Это обусловлено производственным процессом или иной хозяйственной деятельностью.

Современные научные школы выделяют разные функции управления, но все они сходятся в том, что к основным характеристикам отдельной функции следует отнести однородность работы в ее рамках, единую цель и свой обособленный комплекс задач. Выделение некоторых функций управления и наделение ее конкретным содержанием и признаком позволяет:

1) при усложнении деятельности организаций вводить новые функции и обеспечивать их анализ;

2) систематизировать информацию о динамике, направлениях, причинно-следственных связях между функциями в системе;

3) выявить наиболее перспективные механизмы совершенствования всей системы управления;

4) четко обозначить круг компетенций, цели и задачи в рамках каждой структурной единицы системы управления;

5) распределить права и обязанности между работниками;

6) разработать функциональную модель всей системы управления, в которой прописаны взаимосвязь и взаимодействие всех функций, увязанных с конкретным должностным лицом;

7) задать структуру и штат организации;

8) выявить взаимосвязь между функциями и структурой системы управления.

В современной теории управления, как правило, выделяют пять функций системы управления: планирование, организация, координация, контроль и мотивация. Хотя, если обратиться к работам О. Виханского [2], мы заметим, что он рассматривает процесс управления как функцию администрирования. Такой подход можем увидеть в работах А. Файоля [3], который описывал данную функцию как предвидение, руководство, координирование и контролирование. О. Виханский функцию администрирования представляет в виде последовательных действий: постановка цели (целей), выработка стратегии действий, прогноз и планирование, разработка проекта, мотивация персонала к действию, координирование и контроль работы, ее учет, оценка.

Разумеется, невозможно жестко разграничить друг от друга функции управления. В реальности они могут быть настолько сильно переплетены, что один и тот же вид управленческой деятельности будет содержать в себе несколько

функций. Да и сам функциональный подход в реальных условиях трудовой деятельности зачастую создает сложности в распределении функциональных обязанностей между руководителями структурных подразделений.

Одна из основных проблем организации с функциональной системой управления связана с тем, что сотрудников конкретной функциональной структуры не интересуют проблемы и задачи всей организации или территории (региона), на которой она действует. Другой проблемой функционального распределения обязанностей внутри организации является то, что конкуренция внутри системы между функциональными структурами намного выше, чем с внешними системами. Это серьезно подрывает эффективность функционирования организационной структуры на любом уровне, будь то предприятие, организация, регион или государство.

В настоящее время система управления в большинстве организаций имеет ярко выраженную функциональную направленность. Несмотря на то, что функциональное управление не оправдало себя, до сих пор многие организации построены именно по функциональному признаку, в которых работники выполняют специализированные задачи.

Вместе с тем существует весьма приемлемая альтернатива – давно разработан и активно используется целый ряд методологий, позволяющих строить руководство и управление на процессном подходе. Среди них: ARIS, IDEF0, IDEF3, предназначенные для процессного моделирования управляющих воздействий. Применение для управления системы взаимосвязанных процессов основано на следующей методике: разработка сети бизнес-процессов, назначение руководителя, разработка модели бизнес-процесса, разработка регламента, построение прогноза, управление процессами, проведение аудита анализа и осуществление контроля.

Использование процессного подхода к управлению дает возможность оптимизировать систему управления, сделать ее гибкой к возможным изменениям внешней среды; разработать и успешно применить систему критериев и показателей, характеризующих эффективность управляющих усилий; обеспечить четкость организации работы и прозрачность в исполнении своих обязанностей в рамках делегированных обязанностей каждого участника процесса.

Такой подход особенно актуален в условиях российской действительности, когда управлять приходится в условиях неопределенности ситуации, что сопряжено с высоким уровнем риска непредсказуемости последствий принятия того или иного решения. В основе процессного подхода лежат проработанные на практике технологии осуществления бизнес-процессов, учитывающие взаимодействие и взаимовлияние процессов не только внутри рассматриваемой системы, но и процессы взаимодействия системы с внешней средой, внешними факторами.

Современное управление рассматривают с позиции текущего оперативного решения задач, т. е. управления, направленного на объект (организацию, компанию, предприятия) для достижения поставленных на ближайшую перспективу целей в рамках выбранной стратегии [4; 5; 6].

Цели стратегического управления подразделяют на несколько уровней:

- 1) главная цель, определяемая как миссия;
- 2) генеральная цель, выражаемая через определенные критерии в конкретных значениях показателей;
- 3) ключевые цели, рассматриваемые как общеорганизационные.

Стратегическое управление предполагает:

- открытость системы, что предопределяет ее способность к быстрому приспособлению к меняющейся внешней среде;

- гибкость организационной структуры и ее адаптивные свойства к воздействию внешних факторов;

- постановку целей и задач, назначение ответственных исполнителей, определение методов и средств, а также расчет необходимых ресурсов;

- построение прогнозных оценок возможных достижений и динамики развития процессов во времени;

- определение возможных рисков, методов контроля и путей снижения их остроты;

- оценку эффективности управляющих воздействий.

Цель затрагивает все стадии управления: информационную, прогнозную, плановую, организационно-технологическую, регулирующую, координирующую, учета и контроля.

Как было сказано выше, учитывая многогранность и многоплановость управляющего воздействия, в основе процесса управления лежит принцип системности, представляющий собой единство субъекта и объекта управления. Такое единство формируется в результате проявления двух взаимодополняющих процессов: первый – целенаправленное влияние на управляемый объект со стороны управляющего органа, второй – процессы самоорганизации и саморазвития, присущие любой реальной открытой системе [7; 8; 9].

Эффективность управляющих действий во многом зависит от качества функционирования созданной организации, качества функционирования органов управления, анализа, контроля и компетенции людей, принимающих решения и осуществляющих управленческие, организационные и контрольные функции. Поскольку в решении задач по достижению поставленных целей задействовано множество исполнителей, имеющих разные психотипы, их самооценка своих действий и действий других субъектов может быть слабо связана с реальной обстановкой в коллективе и внешней среде.

Это не только порождает конфликтные ситуации, но и может вызвать в системе очаги внутренней неустойчивости, которые со временем могут привести к флуктуациям, не совместимым с дальнейшим существованием системы. Механизм зарождения каскада проблем начинается с активизации в системе так называемых случайных шумов, или случайных событий, которые на начальных стадиях оказывают влияние только на процессы, происходящие в данный момент времени, не затрагивая динамику развития системы в целом и, следовательно, не влияя на нее.

Появление случайных шумов вызывают с рядом причин [10; 11]. Во-первых, любая система состоит из множества элементов (подразделения организации, работники, формальные и неформальные отношения между людьми и т.д.), между которыми протекают прямые и обратные связи.

Во-вторых, функционирование системы осуществляется в условиях ограниченности информации, что затрудняет возможность элементов системы своевременно и адекватно реагировать на внешние воздействия.

В-третьих, инерционность реакции субъектов и объектов управления на изменения внешних условий сказывается на эффективности ответных действий.

В-четвертых, стремление подразделений, и прежде всего индивидов, к максимизации достижения своих интересов и рефлексии по отношению к остальным участникам системы является источником противоречий между системой и составляющими ее элементами.

В-пятых, нелинейность процессов взаимодействия элементов системы, а также качественные изменения системы в точках бифуркации определяют особенность механизма управляющих усилий: результат усилий проявляется только после преодоления некоторого уровня воздействий.

На особенность создаваемой системы управления и качество ее функциони-

рования влияют множество факторов. Прежде всего, это социально-экономическая политика государства, региона, организации (предприятия), культурные особенности территории и ее географическое положение. Большое значение имеют цели и задачи, стоящие перед системой, структура иерархии, количество и состав лиц, принимающих решения, их квалификация и т. д. Многообразие воздействия всех этих факторов снижает горизонт прогнозирования, что требует проведения постоянной корректировки управляющих воздействий на систему.

В отличие от привычных подходов к процессу управления, когда задача управленца заключается в поиске оптимального вектора развития и строгое следование намеченному пути, нелинейность протекающих процессов в открытых социально-экономических системах и высокая динамика изменения конъюнктуры рынка диктует необходимость пересмотра традиционных подходов к управлению. Управлять – это значит так воздействовать на элементы системы, чтобы они функционировали и развивались в нужном направлении, что в дальнейшем обеспечит переход системы из одного состояния в другое, соответствующее ожидаемым результатам. Управленец в ходе своей деятельности сталкивается с рядом ограничений и проблем: во-первых, управленческие процессы сложны, нелинейны и зачастую противоречивы; во-вторых, за последние десятилетия обнаружено явление ускорения всех процессов в природе и обществе; в-третьих, значительно возросла роль личности в принятии решения и исполнении решения, слишком высока цена ошибки, что усиливает напряженность в коллективах на предприятиях, в организациях, в обществе.

Поэтому подход к управлению как процессам, в которых сигнал и отклик на него находятся в линейной зависимости, проявляется только если либо в самой системе элементы существуют в состоянии перманентного устойчивого равновесия.

Однако такое состояние для открытых систем противоречит законам развития общества и природы. В естественных системах постоянно протекают нелинейные процессы и, следовательно, подчиняются нелинейным законам развития (т.е. реакция системы неэквивалентна силе воздействия на нее). В таких системах возможны резонансные возбуждения, и если область функционирования близка к точке бифуркации, то даже небольшие возмущения могут привести к скачкообразному ее переходу в новое качество. В условиях кризисов, продления санкций, обострения конкуренции внутри страны и на международной арене, во времена, когда в обществе происходят глобальные изменения, возможности, которые дает управление системами в состоянии их неустойчивости и неравновесности, когда небольшие усилия могут вызвать резонансные явления, особенно актуальны.

В новых условиях существования общества стратегию развития нужно рассматривать в качестве задания общего направления с обозначением общих принципов руководства. При таком подходе вопрос, как должна функционировать система, тесно связан с вопросом, как она устроена и что с ней происходит на самом деле. Поскольку очевидность «открытости» для любых созданных обществом систем не вызывает сомнения, обратимся к сопутствующим этому свойствам. Одно из таковых выражается в сочетании порядка и хаоса. Это связанная пара обеспечивает новый порядок, т.е. переход к нему осуществляется через хаос, образующийся в ходе постоянного обмена системы с окружающей средой веществом, энергией, информацией. Установленный новый порядок есть ее реакция на изменившиеся условия во внешней среде, и именно он обеспечивает системе устойчивость. Новый порядок, или новое качественное состояние системы, представляет собой один из возможных путей ее развития. При этом в системе могут произойти изменения в струк-

туре, составе, в количестве и качестве связи. И если система оказалась не готова к таким изменениям, то она перестает выполнять предписанные ей функции, в ней нарастают флуктуации, приводящие в конечном итоге к полному разрушению системы, т.е. хаос не переродится в новый порядок [10; 11].

Определенно, возможность предположить, когда наступит критический момент, позволит предпринять необходимые шаги и вывести систему к точке перехода на новый качественный уровень. Одним из признаков приближения хаоса является повышенная чувствительность системы к небольшим воздействиям извне, что делает прогноз ее развития на длительный период времени бесперспективным. Зная это, управленцы разрабатывают генеральную линию управляющих воздействий, определяющую общее направление развития системы, позволяя ей самой, изменяя свою структуру, состав и связи, самонастраиваться и самоорганизовываться. Для срабатывания этого механизма достаточно приблизительное представление о моменте, когда общая координация обеспечит сохранение прежнего вектора развития и возможность функционировать системе в новых условиях.

В зависимости от особенностей системы, ее размеров и структуры уровень хаотичности в ней, способствующий кардинальным структурным изменениям, разный. Возникает парадоксальная ситуация: для перехода системы на более высокий уровень функционирования, для появления в ней более высокого уровня порядка и стабильности в ней необходимы хаотичность, неустойчивость и возможность изменять свое состояние.

Конечно, выражение «порядок возник из хаоса» не понимается буквально. Дело в том, что хаос есть внутренняя составляющая порядка и, следовательно, неотделим от него. Причем наблюдаемые на макроуровне хаотичные процессы для отдельного элемента системы или неко-

торой их совокупности, возникающие, как кажется, в результате невозможности справиться с объемом поступающей информации и неспособности эффективно функционировать в новых условиях, является на самом деле началом зарождения новой структуры, состава, вида взаимодействия между элементами системы и, следовательно, условием формирования нового порядка на макроуровне. Отсечение всего ненужного, тормозящего ее развитие происходит самой системой спонтанно, а не в результате целенаправленного воздействия на нее извне.

Получается, что развитие системы наблюдается как чередование порядка – хаоса – нового порядка и т. д., система подчиняется колебательным процессам, т. е. постоянно флуктуирует. В этом и проявляется ее адекватная реакция на внешние изменения. Эти флуктуации в зависимости от условий могут со временем как затухать, так и усиливаться, поэтому в управлении очень важно понимать и уметь оценивать их степень и не доводить ситуацию до уровня, когда они выходят из-под контроля.

Уверенность в том, что устойчивость системы обуславливает ее развитие, приводит к постоянному расширению базы механизмов, позволяющих снизить внутренние противоречия в системе, а следовательно, и риски наступления хаоса [11; 12]. К таким механизмам, прежде всего, относится административное регулирование социально-экономических систем через разработку нормативных документов и совершенствование законодательной базы, направленной на нивелирование имеющихся противоречий; формирование идеологии в обществе, способствующей объединению его членов, созданию комфортной среды для развития социально-экономических отношений, повышению культурного уровня и благоприятного психологического климата в социуме.

Но нередко человеческая деятельность построена таким образом, что в це-

лях облегчения себе работы или в силу недостаточной компетенции, отбрасываются неудобные, сложно контролируемые или просчитываемые факторы. Результатом становится формирование условий, когда ситуация становится неконтролируемой, т. е. решая одни проблемы и задачи, мы порождаем новые, которые устранить старыми подходами и методами уже невозможно. Получается парадоксальная ситуация: стараясь контролировать хаос, мы на самом деле своей целенаправленной деятельностью его и порождаем.

Отсюда можно сделать предположение: стремясь заменить хаос порядком и сделать окружающий мир предсказуемым и контролируемым, мы создаем новые проблемы [6; 7; 8].

Вместе с тем обеспечить развитие социально-экономических систем без управленческого вмешательства довольно сложно. На практике существует проверенный алгоритм управления, представляющий собой последовательность действий: получение и обработка информации, выработка нескольких вариантов решения, определение наиболее приемлемого из них в данных условиях и, наконец, осуществление собственно управляющего воздействия.

При управлении важно учитывать, что интересы управляемой и управляющей подсистем могут не совпадать. Создание позитивного, рабочего климата в коллективе, создание условий, при которых возможны компромиссные решения, обеспечивающие достижения ожиданий обеих подсистем, – одна из важнейших функций управления.

Современный мир представляет собой довольно неустойчивую, неравновесную, а потому постоянно изменяющуюся систему. Поэтому с точки зрения теории управления социально-экономические системы, созданные творческим усилием человечества, представляют собой крайне децентрализованные структуры. Однако, как показала практика, управление не

только возможно, но и необходимо. Все дело в том, как влиять, когда и на какие системы.

В реальности состояние равновесия для социально-экономических процессов – это частный случай в целом неравновесного и неустойчивого состояния, которое и является условием развития, а следовательно, внутренней устойчивости системы. Источником неравновесия становятся множество факторов, такие как НТП, смена потребительских предпочтений, динамика экономического развития, ограниченность ресурсов, амбиции и интересы отдельных субъектов и т. д.

Эти и другие факторы имеют логическое обоснование, т. е. должен существовать генератор, вызывающий трансформационные изменения в государстве, обществе, производстве. Этот генератор инициирует периодически или непрерывно «фоновые» (слабые) и «толчковые» (кратковременные большой мощности) импульсы определённого направления и силы, механизм действия которых аналогичен механизму инновационных «толчков» И. Шумпетера [5]. Вступая в резонанс, они создают «базисные» факторы, порождая при этом конструктивные изменения в социально-экономических системах.

К базовым факторам относятся, прежде всего, НТП, потребительские интересы субъектов, система культурных ценностей, уровень образования, национально-исторические особенности, психологический портрет общества и индивидов и т. д.

Действие названных факторов изменяет характер инфраструктуры социально-экономической системы, что приводит к дальнейшей трансформации и расширению области нашего незнания о механизме и процессах, протекающих в ней. Это формирует новые нечеткие отношения и алгоритмы. Поэтому одной из основных задач управления является своевременное и адекватное реагирование на текущие и возможные (прогнозные)

трансформации воздействия внешней среды, а также на трансформации структуры и связей в самой системе. Адекватность реагирования подразумевает правильную оценку изменения уровня воздействия на систему как внутренних, так и внешних факторов, характер и продолжительность этого воздействия. И обеспечивает ее своевременность, интенсивность, объем и качество информации, поступающей управленцам разного уровня системы управления.

Если руководитель смог правильно оценить ситуацию, сделать правильный прогноз развития системы на перспективу и выработать систему мер, способной устранить внутренние напряжения, то управляемая система выживает. Если же это сделать не удастся, то система становится нестабильной и в конечном итоге может погибнуть либо в результате дестабилизирующих действий, порожденных процессами в самой системе, либо в результате конкурентной борьбы с другими [5; 8; 13].

Для разных стадий развития системы характерна различная чувствительность к внешним воздействиям. Особенно чувствительна она к ним, когда наступают кризисные периоды, т. е. когда процессы, протекающие в системе, имеют высокий уровень хаотичности. В значительной степени такую хаотичность порождают субъекты управляющей системы. Ее деятельность подвержена рефлексии по поводу оценки их результатов работы руководителями более высокого уровня, коллегами и подчиненными. Корректировка своей деятельности под влиянием окружающей среды без жесткой привязки к реальности порождает дополнительную внутреннюю неустойчивость системы. Эта неустойчивость может усилиться еще и тем, что интересы и, следовательно, деятельность отдельных субъектов может не совпадать. Устранить эти факторы неустойчивости можно только хорошо налаженным процессом управления, когда эффект управления превышает опре-

деленный порог синхронизации или, как его еще называют, «минимальный уровень стабилизации». В противном случае система распадается.

Кроме субъективных факторов неустойчивости, следует назвать еще временной интервал достоверного прогноза наступления хаотических явлений в системе [6; 9; 11; 14; 15]. В научной литературе его называют «горизонт прогнозирования». Он обусловлен объективной сложностью прогнозирования динамики развития социально-экономических процессов на длительную перспективу из-за технической трудности разработки модели, способной предсказать характер изменения воздействия различных факторов на управляемую систему. Более того, значение прогнозных оценок с усложнением социально-экономических систем возрастает, т. к. предвидение условий и времени наступления хаоса в системе дает возможность разработать управляющие меры по предотвращению условий наступления хаотических процессов и, если он все-таки наступил, то своевременное нивелирование его негативных последствий.

Принятие решений, связанных с управлением всей системы в целом или ее отдельных звеньев, цели, задачи, условия осуществления управляющих воздействий, а также критерии оценки уровня достижения поставленных целей во многом субъективны и имеют вероятностную основу [16; 17; 18]. Это порождает нечеткие отношения, вероятностные значения, что со временем приводит к изменению свойств, целей и задач, стоящих перед системой.

Нечеткие отношения позволяют осуществлять необходимые действия в условиях недостатка информации и позволяют анализировать последствия принятия решения в отношении сложных систем, когда известные количественные методы малоэффективны. К таким сложно регулируемым системам относятся социально-экономические процессы, анализируемые на уровне государства, региона, от-

расли. С помощью нечетких алгоритмов можно моделировать неопределенность динамики развития сложной системы и давать прогнозную оценку последствиям принимаемого решения в условиях, когда, например, центр управления не имеет достаточно полной информации о процессах, протекающих в различных регионах или отраслях экономики.

Открытость управляемых систем, неравномерность их развития вследствие взаимодействия с окружающей средой ставят перед управленцем целый ряд трудно разрешимых вопросов: неопределенность ситуации, а следовательно, сложность при описании проблем, мешающих достижению поставленных социально-экономических задач; определение и измерение необходимых показателей эффективности функционирования систем; обеспечение качества исполнительской дисциплины на разных уровнях; допущение ошибок в моделировании динамики социально-экономической системы и процессов, протекающих в ней и т. д.

Все эти сложности определяют нечеткость разрабатываемых моделей. В связи с этим до недавнего времени при разработке моделей управляющих воздействий, чтобы избежать множественной неопределенности, моделировали либо отдельные процедуры управляемой системы, либо отдельные этапы процесса принятия решения, что лишало управленца представления об общей динамике происходящих изменений.

Кроме того, руководителям нередко приходилось принимать волевое решение, т. к. на согласование предоставлялось несколько проектов, в которых методы, подходы и критерии оценки сильно различались, а это приводило к значительному возрастанию риска не достигнуть поставленной цели.

Разумеется, принятие решения всегда сопряжено с неопределенностью, и эта неопределенность в разных ситуациях довольно сильно варьируется. Для ее снижения следует использовать модели,

основанные на теории нечетких множеств. Данные модели представляют собой математические модели, формализующие различные этапы выбора и управления. В них цели, альтернативы, критерии оценки, ограничения, предпочтения всех участников разрабатываемого проекта считаются известными и заданными.

Для разработки математических моделей для решения многошаговых задач с нечетко поставленными целями применяют метод динамического программирования. В теории управления он представляет собой метод, при котором сложная задача разбивается на несколько более простых, это дает возможность значительно сократить время проведения необходимых вычислений [2; 12; 19].

Основная идея данного метода заключается в том, что решение общей задачи сводится к решению ее отдельных частей (подзадач), которые могут повторяться с последующим соединением всех решений в одно. Избавляя себя от возможных повторных вычислений, можно значительно сократить время выполнения поставленной задачи. Модели динамического программирования очень хорошо зарекомендовали себя при применении их к детерминированным и стохастическим системам, особенно если время окончания процесса задано неявно, т. е. такие модели позволяют решать задачи с нечетко поставленными целями при нечетких ограничениях и последующим выбором того варианта решения, которое наиболее желательное при данных условиях и возможностях управления. Если оценка предпочтительности по каким-то причинам не была проведена, то лица, принимающие решения, прогнозируют, исходя из своего субъективного восприятия ситуации, нечеткие последствия с заданной степенью полезности [16; 19; 20].

Выводы

Подводя итог, можно сказать, что задачи многоцелевого или многокрите-

риального принятия решения сводятся к выбору наиболее приемлемого варианта из имеющихся альтернатив.

Учитывая, что любые реальные системы, к которым относятся и социально-экономические, не могут существовать без изменения своих свойств, структуры, числа и качества связей в ней, разрабатывая модели управления процессами в них, необходимо, прежде всего, обращаться к динамическим моделям принятия решения. В связи с чем критерии оценки эффективности принятого решения должны принимать во внимание информационные потоки и уровни риска. Управление представляет собой весьма сложное и многогранное явление, и для его оценки следует использовать ряд показателей. При этом требуется выделить ключевой принцип. Для бизнеса это достаточная прибыль, для государственного управления – достижение с минимальными затратами поставленной цели в долгосрочной перспективе. К сожалению, на практике довольно сложно отказаться от извлечения сиюминутной выгоды в пользу будущих перспектив. И эта проблема стоит остро не только для нашей страны. В этом нет парадокса. Конечно, большинство управленцев понимают, что стабильные результаты в долгосрочной перспективе более важны для любой функционирующей системы, но психология вносит свои коррективы: сложно отказаться от получения сиюминутной прибыли, тем более что долгосрочные прогнозы социально-экономического развития имеют не очень высокую достоверность.

Таким образом, оценка управляющего воздействия несет в себе комплексный характер и представляет собой совокупность качественных и количественных критериев. При этом особенно высокая роль отводится количественным показателям, т. к. они имеют высокую степень определенности, являются сравнимыми с критериями других альтернативных проектов и поддаются довольно простым расчетам. Сложность в работе с количественными показателями

телями связана, прежде всего, с тем, что приходится их сравнивать в различные

временные интервалы, т. е. существует проблема их сопоставимости.

Список литературы

1. Нечеткие множества в моделях управления и искусственного интеллекта / А. Н. Аверкин, И. З. Батыршин, А. Ф. Блишун, В. Б. Силов, В. Б. Тарасов; под ред. Д. А. Поспелова. М.: Наука, 1986. 311 с.
2. Виханский О. С. Стратегическое управление. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Гардарика, 1998. 296 с.
3. Файоль А. Общее и промышленное управление / пер. Б. В. Бабина-Кореня с предисл. А. К. Гастева. М.: Центральный институт труда, 1923. 122 с.
4. Тинберген Я. Использование моделей в экономике: опыт и перспективы: Нобелевская лекция // Нобелевские лауреаты по экономике: взгляд из России. СПб.: Гуманистика, 2003. С. 34–45.
5. Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры): пер. с англ. М.: Прогресс, 1982. 455 с.
6. Шманев С. В. Методология управления инвестициями в промышленности: синергетико-институциональный подход: дис. ... докт. экон. наук. М., 2007. 288 с.
7. Швайб Д. Н. Эволюция институциональных условий обеспечения социально-экономической защищенности // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4, № 3. С. 248–256.
8. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. М.: Экономика, 1995. 540 с. (Экономическое наследие).
9. Шманев С. В., Незамайкин В. Н., Юрзинова И. Л. Совершенствование системы научного и экспертно-аналитического обеспечения стратегического управления, планирования и проектирования // Вестник ОрелГИЭТ. 2015. №4(34). С. 43–48.
10. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой (Синергетика от прошлого к будущему). М.: Едиториал УРСС, 2003. 312 с.
11. Трубецков Д. И. Введение в синергетику. Хаос и структуры. М.: Едиториал УРСС, 2004. 235 с.
12. Shmaneva L. V., Shmanev S. V. Effective functioning of institutions as a basis for sustainable economic development // The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences EPSBS. 2019. Vol. 77. P. 114–119.
13. Эрроу К. Дж. Неполное знание и экономический анализ // Истоки. Вып. 4 / редкол.: Я. И. Кузьминов (гл. ред.), В. С. Автономов, О. И. Ананьин [и др.]. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 10–27.
14. Шманева Л. В. Системы управления организациями: методология, технология и методы: монография. М.: Моск. ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя, 2021. 280 с.
15. Шманева Л. В., Шманев С. В. Новый подход к управлению социально-экономическими преобразованиями в России // Вестник экономической безопасности. 2020. № 5. С. 229–235.
16. Шугаева О. В. Синергетический подход к прогнозированию устойчивого развития производственных систем // Концепт. 2014. Т. 20. С. 4106–4110.
17. Экономика, управление, право: актуальные вопросы и векторы развития: сборник статей III Международной научно-практической конференции / под общ. ред. А. Б. Черемисина. Петрозаводск : Новая наука, 2020. 66 с.
18. Эмерсон Г. 12 принципов производительности. 2-е изд. М.: Экономика, 1992. 220 с.
19. Недосекин А. О. Применение нечетких множеств в задачах управления финансами // Аудит и финансовый анализ. 2000. № 2. С. 18.
20. Яницкий О. Н. «Переход на цифру»: некоторые вопросы теории и методологии исследования // Россия реформирующаяся. 2019. № 17. С. 287–307. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2019.12>.

References

1. Averkin A. N., Batyrshin I. Z., Blishun A. F., Silov V. B., Tarasov V. B. *Nechetkie mnozhestva v modelyah upravleniya i iskusstvennogo intellekta* [Fuzzy sets in control and artificial intelligence models]; ed. by D. A. Pospelov. Moscow, Nauka Publ., 1986. 311 p.
2. Vihanskij O. S. *Strategicheskoe upravlenie* [Strategic management]. 2th ed. Moscow, Gardarika Publ., 1998. 296 p.
3. Fajol' A. *Obshchee i promyshlennoe upravlenie* [General and industrial management]. Moscow, Central'nyj institut truda Publ., 1923. 122 p.
4. Tinbergen Y. A. *Ispol'zovanie modelej v ekonomike: opyt i perspektivy: Nobelevskaya lekcija* [Using models in economics: experience and prospects: Nobel Lecture]. *Nobelevskie laureaty po ekonomike: vzglyad iz Rossii = Nobel Laureates in Economics: A View from Russia*. St. Petersburg, Gumanistika Publ., 2003, pp. 34–45.
5. Shumpeter J. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya (Issledovanie predprinimatel'skoj pribyli, kapitala, kredita, procenta i cikla kon'yunktury)* [Theory of economic development (Research of entrepreneurial profit, capital, credit, interest and the cycle of conjuncture)]. Moscow, Progress Publ., 1982. 455 p.
6. Shmanev S. V. *Metodologiya upravleniya investitsiyami v promyshlennosti: sinergetiko-institucional'nyj podhod*. Diss. dokt. ekon. nauk [Methodology of investment management in industry: synergetic-institutional approach. Diss. dr. econ. sci.]. Moscow, 2007. 288 p.
7. Shvaib D. N. *Evoluciya institucional'nyh uslovij obespecheniya social'no-ekonomicheskoy zashchishchennosti* [Evolution of institutional conditions for ensuring socio-economic security]. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and practice*, 2018, vol. 4, no. 3, pp. 248–256.
8. Shumpeter J. *Kapitalizm, socializm i demokratiya* [Capitalism, Socialism and Democracy]. Moscow, Ekonomika Publ., 1995. 540 p. (Ekonomicheskoe nasledie).
9. Shmanev S. V., Nezamajkin V. N., Yurzinova I. L. *Sovershenstvovanie sistemy nauchnogo i ekspertno-analiticheskogo obespecheniya strategicheskogo upravleniya, planirovaniya i proektirovaniya* [Improving the system of scientific and expert-analytical support for strategic management, planning and design]. *Vestnik OrelGIET = Bulletin of OrelGIET*, 2015, no. 4(34), p. 44.
10. Prigozhin I., Stengers I. *Poryadok iz haosa. Novyj dialog cheloveka s prirodoj (Sinergetika ot proshlogo k budushchemu)* [Order from chaos. A new dialogue between man and nature (Synergetics from the past to the future)]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 312 p.
11. Trubeckov D. I. *Vvedenie v sinergetiku. Haos i struktury* [Introduction to synergetics. Chaos and structures]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 235 p.
12. Shmaneva L. V., Shmanev S. V. *Effective functioning of institutions as a basis for sustainable economic development*. *The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences EPSBS*, 2019, vol. 77, pp. 114–119.
13. Errou K. Dzh. *Nepolnoe znanie i ekonomicheskij analiz* [Incomplete knowledge and economic analysis]. *Istoki* [Origins]; ed. by Ya. I. Kuz'minov, V. S. Avtonomov, O. I. Anan'in, eds. Moscow, GU VSHE, 2000, is. 4, pp. 10–27.
14. Shmaneva L. V. *Sistemy upravleniya organizatsiyami: metodologiya, tekhnologiya i metody* [Management systems of organizations: methodology, technology and methods]. Moscow, Mosk. Univ. MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya Publ., 2021. 280 p.
15. Shmaneva L. V., Shmanev S. V. *Novyj podhod k upravleniyu social'no-ekonomicheskimi preobrazovaniyami v Rossii* [A new approach to the management of socio-economic transformations in Russia]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, 2020, no. 5, p. 229.
16. Shugaeva, O. V. *Sinergeticheskij podhod k prognozirovaniyu ustojchivogo razvitiya proizvodstvennyh sistem* [Synergetic approach to forecasting sustainable development of production systems]. *Koncept = Concept*, 2014, vol. 20, pp. 4106–4110.
17. *Ekonomika, upravlenie, pravo: aktual'nye voprosy i vektory razvitiya. Sbornik statej III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Economics, management, law: topical issues and vectors of development. Collection of articles of the III International Scientific and Practical Conference]; ed. by A. B. Cheremisin. Petrozavodsk, Novaya nauka Publ., 2020. 66 p.

18. Emerson G. 12 principov proizvoditel'nosti [12 principles of productivity]. 2th ed. Moscow, Ekonomika Publ., 1992. 220 p.
19. Nedosekin A. O. Primenenie nechetkih mnozhestv v zadachah upravleniya finansami [Application of fuzzy sets in financial management tasks]. *Audit i finansovyj analiz = Audit and financial analysis*, 2000, no. 2, p. 18.
20. Yanickij O.N. "Perekhod na cifru": nekotorye voprosy teorii i metodologii issledovaniya ["Transition to digital": some questions of theory and methodology of research]. *Rossiya reformiruyushchaya = Russia reforming*, 2019, no. 17, pp. 287–307. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2019.12>

Информация об авторах / Information about the Authors

Шманева Людмила Валерьевна, кандидат философских наук, доцент, заместитель начальника по заочному обучению, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: shmaneva_luda@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0755-6637,
Researcher ID: AAY-8472-2020

Шманёв Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: shmanev_s_v@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1243-5100,
Researcher ID: A-5585-2016

Liudmila V. Shmaneva, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Deputy Chief for Distance Education, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot, Moscow, Russian Federation,
e-mail: shmaneva_luda@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0755-6637,
Researcher ID: AAY-8472-2020

Sergey V. Shmanev, Doctor of Economic Sciences, Professor, Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
e-mail: shmanev_s_v@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1243-5100,
Researcher ID: A-5585-2016

ГОСУДАРСТВО И БИЗНЕС НА ПУТИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

THE GOVERNMENT AND BUSINESS ON THE PATH OF THE DIGITAL TRANSFORMATION

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-65-77>

Цифровые аспекты комплексной диагностики инновационного потенциала предпринимательских структур

Н. А. Кулагина¹ ✉, Е. М. Чепикова¹, Р. М. Мугутдинов²

¹ Брянский государственный инженерно-технологический университет
пр-т Станке Димитрова 3, г. Брянск 241037, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский политехнический университет имени Петра Великого
ул. Политехническая 29, г. Санкт-Петербург 195251, Российская Федерация

✉ e-mail: kulaginana2013@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Мощная цифровая трансформация, которую сейчас переживает мировая экономика, выводит на первый план вопросы инновационного развития предпринимательских структур как флагманов их конкурентных преимуществ. Недостаточное внимание к вопросам цифровой зрелости предприятий и их инновационного потенциала подтверждает актуальность научно-теоретической проработки данного направления. В рамках данной статьи мы обратимся к неявному показателю инновационной сферы – инновационному потенциалу, вопросам его оценки в условиях дисбаланса экономических отношений и необходимости повышения как условия инвестиционной привлекательности бизнес-субъектов.

Целью исследования является теоретико-методическая проработка вопросов комплексной оценки инновационного потенциала предпринимательских структур с учетом аспектов цифровизации экономики, что требует значительного переосмысления всей стратегии развития хозяйствующих субъектов в долгосрочной перспективе.

Задачи: анализ существующих подходов к определению понятия «инновационный потенциал»; рассмотрение современных методик оценки уровня инновационного потенциала организаций; разработка авторской методики оценки уровня инновационного потенциала с учетом показателей цифрового развития.

Методология. Методической базой исследования является системный подход как совокупность методов структурной, статистической и динамической оценки. В качестве исследовательских методов были применены метод классификации и сравнительный анализ, эмпирический, монографический методы познания, дедуктивный и индуктивный, метод экспертных оценок.

Результаты. В статье рассмотрены основные тенденции инновационного развития Российской Федерации как условия для реализации инновационного потенциала предпринимательских структур; проанализированы существующие подходы к определению и оценке дефиниции «инновационный потенциал»; предложена авторская методика диагностики инновационного потенциала предпринимательских структур с учетом аспектов цифровой трансформации.

Вывод. Предложенная методика оценки уровня инновационного потенциала в долгосрочной перспективе предоставляет возможности сравнительного ретроспективного анализа полученных результатов как для одного бизнес-субъекта, так и для предпринимательских структур, функционирующих в рамках одной отрасли. Полученные результирующие значения могут быть использованы при разработке стратегии обеспечения конкурентоспособности предприятия в части инновационной политики организации и более детального анализа причин успехов и неудач в сфере инновационного развития, в т. ч. в условиях цифрового развития.

© Кулагина Н. А., Чепикова Е. М., Мугутдинов Р. М., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(6): 65–77

Ключевые слова: инновационный потенциал; цифровизация; цифровая экономика; инновационное развитие.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Кулагина Н. А., Чепикова Е. М., Мугутдинов Р. М. Цифровые аспекты комплексной диагностики инновационного потенциала предпринимательских структур // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 65–77. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-65-77>.

Поступила в редакцию 05.10.2021

Принята к публикации 04.11.2021

Опубликована 29.12.2021

Digital Aspects of Complex Diagnostics of the Innovative Potential of Entrepreneurial Structures

Natalia A. Kulagina¹ ✉, Evgeniya M. Chepikova¹, Rashid M. Mukhutdinov²

¹ Bryansk State Engineering and Technological University
3 Stanke Dimitrova Ave., Bryansk 241037, Russian Federation

² St. Petersburg Polytechnic University named after Peter the Great
29 Politechnicheskaya str., St. Petersburg 195251, Russian Federation

✉ e-mail: kulaginana2013@yandex.ru

Abstract

Relevance. The powerful digital transformation that the world economy is currently undergoing brings to the fore the issues of innovative development of entrepreneurial structures as flagships of their competitive advantages. Insufficient attention to the issues of digital maturity of enterprises and their innovative potential confirms the relevance of scientific and theoretical study of this direction. Within the framework of this article, we will turn to the implicit indicator of the innovation sphere – the innovation potential, the issues of its assessment in the conditions of an imbalance of economic relations and the need to increase the investment attractiveness of business entities as a condition.

The purpose of the study is a theoretical and methodological study of the issues of a comprehensive assessment of the innovative potential of entrepreneurial structures, taking into account the aspects of digitalization of the economy, which requires a significant rethinking of the entire strategy of development of economic entities in the long term.

Objectives: analysis of existing approaches to the definition of the concept of "innovative potential"; consideration of modern methods for assessing the level of innovative potential of organizations; development of the author's methodology for assessing the level of innovative potential, taking into account indicators of digital development.

Methodology. The methodological basis of the study is a systematic approach, as a set of methods of structural, statistical and dynamic assessment. The methods of classification and comparative analysis, empirical, monographic methods of cognition, deductive and inductive, and the method of expert assessments were used as research methods.

Results. The article considers the main trends of innovative development of the Russian Federation as conditions for the realization of the innovative potential of entrepreneurial structures; the existing approaches to the definition and evaluation of the definition of "innovation potential" are analyzed; the author's method of diagnostics of the innovative potential of entrepreneurial structures with consideration of aspects of digital transformation is proposed.

Conclusion. The proposed methodology for assessing the level of innovation potential in the long term provides opportunities for comparative retrospective analysis of the results obtained, both for one business entity and for business structures operating within the same industry. The resulting values can be used in the development of a strategy to ensure the competitiveness of the enterprise in terms of the innovation policy of the organization and a more detailed analysis of the causes of successes and failures in the field of innovative development, including in the context of digital development.

Keywords: innovative potential; digitalization; digital economy; innovative development.

Conflict of interest: *In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kulagina N. A., Chepikova E. M., Mukhutdinov R. M. Digital Aspects of Complex Diagnostics of the Innovative Potential of Entrepreneurial Structures. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(6): 65–77. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-65-77>.

Received 05.10.2021

Accepted 04.11.2021

Published 29.12.2021

Введение

Современное общество сегодня переживает мощную трансформацию, которая вызвана переходом к новому технологическому укладу – фазе цифрового развития. Инновационное развитие уже давно признается одним из ключевых драйверов экономического роста, однако в настоящее время его значимость велика как никогда [1; 2]. Инновации, а главное скорость, с которой новые знания могут быть коммерциализированы, – это базис динамичного развития экономических систем различных уровней [3; 4].

Однако при особой значимости вопросов, связанных со сферой инновационного развития, в Российской Федерации сегодня практически отсутствуют стратегические документы по этому направлению. Цели и направления модернизации отечественной экономики, включая инновационное развитие, определены в Указе Президента России от 7.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», Основных направлениях деятельности Правительства на период до 2024 года, утвержденных Правительством Российской Федерации 29 сентября 2018 г. № 8028п-П13 и в иных государственных документах. Тем не менее эти законодательные акты лишь косвенно затрагивают сферы инноваций [5].

Если говорить о инновационном развитии с позиции нормативно-правового регулирования, то нельзя не заметить возникший перекося в вопросах цифровизации экономики. Главный акцент сейчас

сделан на становлении и развитии цифровой экономики, хотя, по сути, это лишь узкий пласт инновационного развития. Последняя принятая Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р (далее – Стратегия), уже утратила свою актуальность. Тем не менее стоит обратиться к тому, какие результаты показала ее реализация в течение последних 10 лет.

Материалы и методы

В рамках данного исследования были применены метод классификации и сравнительный анализ. Методической базой исследования является системный подход как совокупность методов структурной, статистической и динамической оценки. Информационной базой исследования выступили материалы справочно-правовых систем, данные Росстата и работы современных ученых-экономистов.

Результаты и их обсуждение

Целевые индикаторы в Стратегии насчитывают 45 показателей и объединены в 8 групп по видам и уровням инновационной активности, таких как «территории инноваций», «эффективная наука», «инновационное государство», «инфраструктура инноваций» и др. Обратимся к показателям группы «инновационный бизнес», которая представляет наибольший интерес с позиции перехода на инновационный путь развития экономики страны [5].

Доля инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции в 2009 г. составляла 4,9%. Планируемый рост данного показателя за 11 лет предполагался более чем в 5 раз до 25–35% к

2020 г. По данным службы Федеральной статистики, лучший результат по этому показателю был достигнут в 2013 г. и составлял 9,15%. Наглядно динамика отражена на графике ниже (рис. 1).

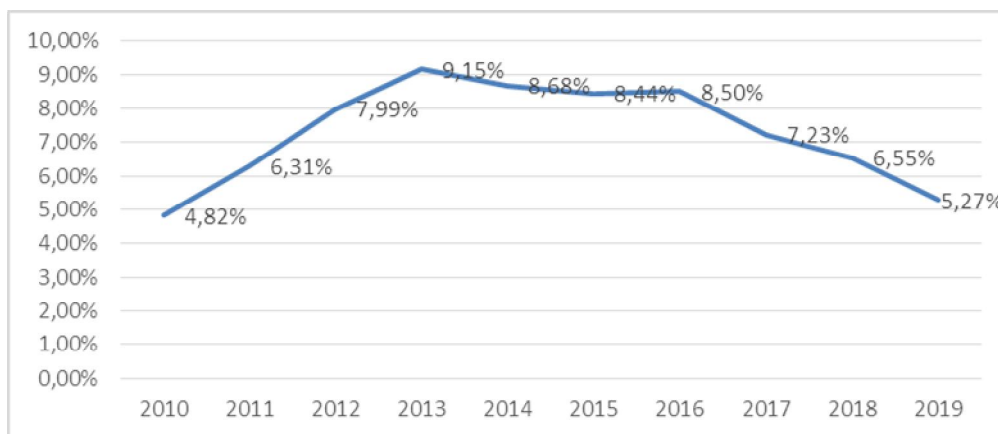

Рис. 1. Доля инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции (по данным Росстата), %

Характерной является и динамика другого показателя – удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации. Исходя из Стратегии к 2020 г. значение показателя должно было достигнуть 40%. Упомянем отдельно, что целевой показатель был выделен в майском Указе Президента от 2018 г. как принципиальный в достижении поставленных целей (рис. 2).

Стоит отдельно отметить, что активный рост рассматриваемого показателя в 2017 г. вызван не столько активизацией инновационной деятельности, сколько изменением методики расчета анализируе-

мой величины, согласно новым критериям руководства Осло «Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям». Тем не менее даже при таком подходе целевых значений достигнуто не было [6].

Еще один показатель, динамику которого мы проиллюстрируем, – это коэффициент изобретательской активности в России. В Стратегии было заложено, что к 2020 г. число отечественных патентных заявок на изобретения, поданных в России в расчете на 10 тыс. человек, составит почти три процента. По факту произошло лишь снижение до 1,59% в 2019 г. (рис. 3).

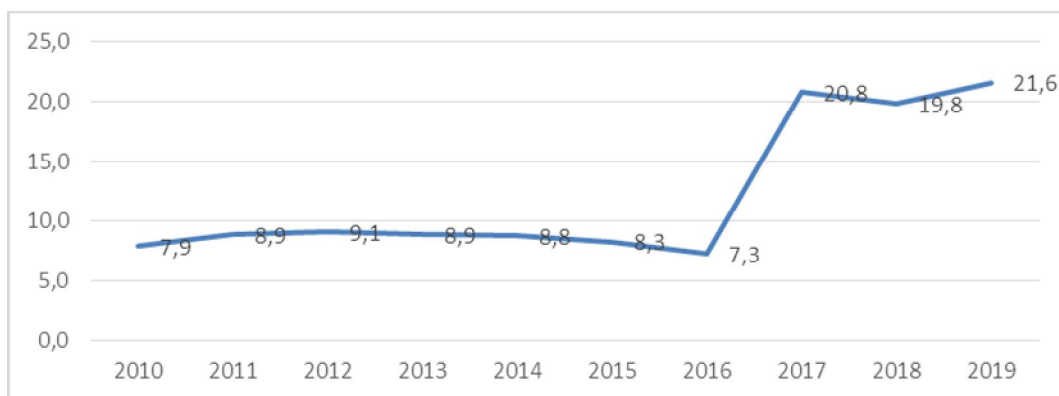

Рис. 2. Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации (по данным Росстата)

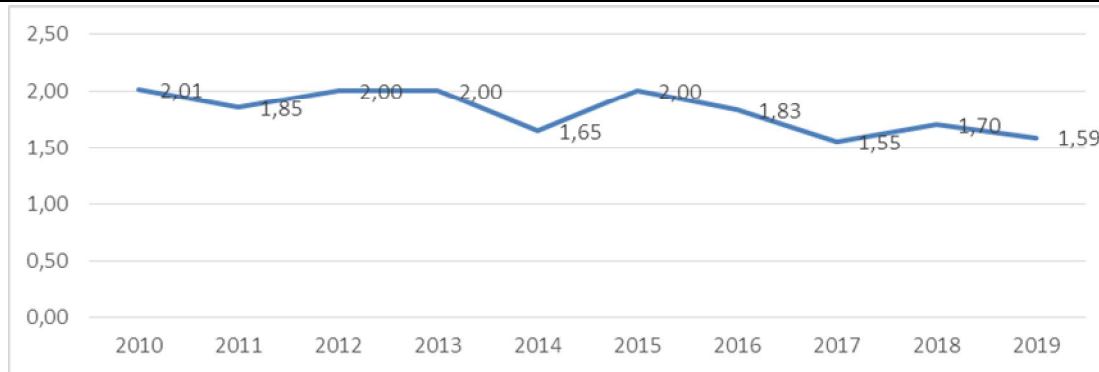

Рис. 3. Коэффициент изобретательской активности (по данным Росстата)

Довольно плачевная ситуация и по другим ключевым показателям эффективности. Так, в частности, по таким показателям, как доля экспорта российских высокотехнологичных товаров в общем мировом объеме, совокупный уровень инновационной активности организаций промышленного производства — без положительной динамики. В Стратегии был обозначен рост финансирования инновационных исследований и разработок частным бизнесом и, как следствие, уменьшение доли государственного финансирования. Но, к сожалению, данная инициатива также осталась лишь в рамках Стратегии.

Тем не менее мы не можем говорить о сбалансированном экономическом развитии вне контекста инновационного развития. Неэффективность мер, направленных на его активизацию, еще раз подтверждает актуальность научно-теоретической проработки данного направления. В рамках данной статьи мы обратимся к неявному показателю инновационной сферы — инновационному потенциалу. Именно данная дефиниция должна рассматриваться как первооснова деятельности по построению инновационных процессов экономических субъектов различных уровней. Опираясь на статистические данные, можно с уверенностью говорить о том, что активизация инновационной деятельности реального сектора экономики возможна главным образом за счет ускоренного воспроизводства инновационного потенциала [7].

В рамках данного исследования сделаем акцент на достаточно узком понятии — инновационном потенциале промышленных предприятий. Теоретическое осмысление дефиниции «инновационный потенциал» стоит начать с того факта, что промышленное предприятие — это сложная социально-экономическая система, которой присуща иерархическая структура. Инвестирование в инновационную деятельность всегда предполагает наличие временного лага, что может не вписываться в интересы отдельных структур предприятия. Достижение баланса по данному направлению возможно при грамотном распределении приоритетов, которое должно основываться на оценке существующего уровня инновационного потенциала для адекватной оценки возможных объемов задействования факторов производства.

Вопросами оценки и управления развитием инновационного потенциала занимались многие отечественные экономисты, такие как Д. А. Белоусов [8], С. В. Кочетков [9], Т. А. Шаповалова [10], Д. Г. Родионов [11], С. В. Еремеева [12]. Среди зарубежных авторов, чьи работы были посвящены вопросам инновационного развития, отметим Й. Шумпетера, П. Друкера, П. Хауитт, М. Хирука, Э. Тоффлера, Дж. Бернала, А. Кляйнкнехта, Р. Нельсона, Б.Твисса.

В таблице 1 отражены основные подходы к определению понятия «инновационный потенциал».

Таблица 1. Подходы к определению понятия «инновационный потенциал»

Авторы	Сущность подхода
М. Данько, А. Николаева	Рассмотрение инновационного потенциала как аспекта научно-технического потенциала предприятия
С. В. Кортов, Б. А. Патеев, А. А. Трофилова	Акцент на рассмотрение инновационного потенциала через совокупность внутренних ресурсов предприятия, достаточных для обеспечения целостности инновационного цикла
В. П. Баранчев, А. Г. Поршнева	Рассмотрение инновационного потенциала как меры готовности к вызовам инновационных изменений
В. П. Баранчев, А. Г. Поршнев	Определение инновационного потенциала как меры готовности к реализации поставленных инновационных целей и задач

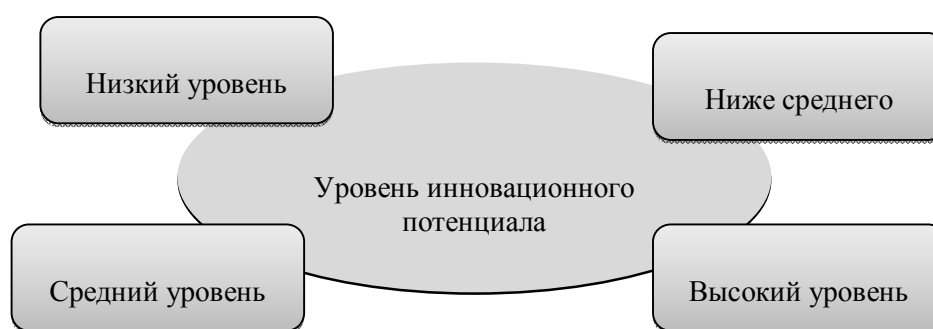
По нашему мнению, говоря об инновационном потенциале, необходимо делать акцент на его главной особенности – синергетическом эффекте, который возникает в процессе взаимодействия его подсистем.

Предлагаем рассматривать инновационный потенциал как особое совокупное состояние внутренних потенциалов предприятия, синергетический эффект взаимодействия которых дает возможность разрабатывать и успешно реализовывать инновации во всех сферах деятельности конкретного субъекта бизнеса. Акцент в таком подходе делается на возможность осуществлять выбор стратегических альтернатив развития исходя из глубины влияния синергетического эффекта внутреннего взаимодействия относительно вопросов активизации иннова-

ционного потенциала в долгосрочной перспективе и возможных угроз [13].

В качестве внутренних подсистем предприятия, образующих дефиницию инновационного потенциала, нами предлагается выделять: кадровый, научный, финансово-инвестиционный, маркетинговый, организационно-технический и цифровой потенциалы [14]. Именно такая структура, на наш взгляд, позволит получить качественную оценку и позволит разрабатывать впоследствии резервы повышения инновационно-инвестиционной активности предпринимательских структур [15].

По нашему мнению, уровень инновационного потенциала предприятия с учетом аспектов стратегического развития может быть высоким, средним, низким и ниже среднего (рис. 4).

Рис. 4. Градация оценки уровня инновационного потенциала

Такая градация в рамках комплексной оценки позволит сопоставлять полученные значения с показателями социально-экономической и инвестиционной результативности, а также учитывать

взаимосвязи цифровой зрелости предприятия и инновационных возможностей.

Ключевым этапом эффективного управления инновационной деятельностью организации является объективная оценка уровня ее инновационного потен-

циала с позиции получения результирующих значений [16].

Несмотря на то, что современная экономическая наука обладает широким инструментарием проведения такого рода оценки, сложность и многогранность самой дефиниции инновационного потенциала делают эту задачу многогранной и требующей системного подхода [17].

Подавляющее большинство существующих методик оценки можно разделить на две группы – структурные и результативные. Ключевые различия данных подходов базируются не столько на отличии инструментария, используемого в проведении оценки, сколько на разности подходов к самому оцениваемому понятию. В рамках структурного подхода, к которому, например, можно отнести методики В. Г. Матвейкина, А. А. Трофиловой [16; 17], инновационный потенциал позиционируется как система, в которой возможно учитывать производительность ресурсов.

Второй подход же берет за основу оценку анализа эффективности результатов реализации инновационного потенциала. Методики такого вида представлены в трудах В. Д. Артерчук, И. А. Аренкова [18; 19].

Тем не менее процессы цифровизации экономики вносят значительные коррективы в особенности оценки инновационного потенциала предприятий и организаций. Цифровая трансформация предполагает, что главным драйвером экономического роста хозяйствующих систем является производство наукоемких товаров и услуг. Это, с одной стороны, выводит на первый план готовность предприятия к внедрению и реализации технологических инноваций, с другой – требует значительного переосмысления всей стратегии развития в долгосрочной перспективе с учетом вызовов цифровой экономики.

Исходя из авторского понимания дефиниции инновационного потенциала предприятия методика его оценки должна строиться на следующих принципах:

1. Универсальность методики и возможность ее адаптации под специфику предприятий различных отраслей и/или региональных особенностей функционирования.

2. Для достижения целей объективности проводимой оценки необходимо наличие непосредственных численных данных по исследуемым показателям.

3. Учет сложной структуры инновационного потенциала при расчете итоговых результатов, что достигается построением интегрального показателя.

4. Наличие четкой градации итогового показателя, а также возможность интерпретации и позиционирования полученных результатов.

Авторский подход к оценке инновационного потенциала предприятия предполагает три этапа реализации: подготовительный, основной и заключительный.

На первом этапе должны быть обозначены цели и задачи проводимой оценки исходя из миссии предприятия и конкретных условий его функционирования, обусловленных факторами внутренней и внешней среды. В общем случае оценка уровня инновационного потенциала производится с целью получения наиболее полной информации о состоянии инновационной сферы предприятия, однако в частных случаях это может быть, например, оценка возможностей создания новых технических комплексов, внедрение конкретных продуктовых и технологических инноваций и т. д.

Цели оценки могут принципиально различаться в зависимости от конечных пользователей результатов оценки, которых условно можно разделить на внутренних (например, руководители предприятия) и внешних (например, инвесторы) [20].

Далее, на этом этапе должен быть произведен выбор показателей оценки уровня инновационного потенциала предприятия в зависимости от специфики его деятельности и обозначенных целей. В общем виде иерархическая модель

структурных компонентов инновационного потенциала предприятия представлена ниже (табл. 2).

Но объект анализа также может варьироваться. Тем не менее конкретные коэффициенты, а в особенности их нормативные значения, в зависимости от отрасли деятельности, размеров и других

фактов должны определяться индивидуально в каждом отдельном случае.

Основной этап включает в себя непосредственно расчеты (в первую очередь по каждой из составляющих инновационного потенциала).

Приведем пример расчета финансово-инвестиционного потенциала (табл. 3).

Таблица 2. Иерархическая модель структурных компонентов инновационного потенциала предприятия

Внутренний потенциал предприятия	Декомпозиция внутренних потенциалов
Научный потенциал	Информационная компонента научного потенциала
	Ресурсная компонента научного потенциала
Кадровый потенциал	Качество условий труда и социально-психологического состояния коллектива
	Количественная оценка движения работников
	Квалификационные и компетентностные характеристики
	Расходы на персонал
Организационно-технический потенциал	Уровень технологической оснащённости
	Оценка эффективности производительности труда
	Качество материально-технического снабжения и использования ресурсов
Финансово-инвестиционный потенциал	Финансовая безопасность
	Инвестиционная привлекательность
	Деловая активность
Маркетинговый потенциал	Развитость маркетинговых коммуникаций
	Оценка эффективности маркетинговых исследований
Цифровой потенциал	Уровень цифровизации производства
	Уровень информационной безопасности
	Уровень цифровизации бизнеса (финансы, маркетинг, персонал)

Таблица 3. Пример показателей оценки финансово-инвестиционного потенциала предприятия

Показатель	Формула расчета
Коэффициент валовой прибыли	Валовая прибыль / Выручка
Рентабельность активов	Чистая прибыль / Валюта баланса
Рентабельность инвестиций	Чистая прибыль / (Долгосрочные обязательства + Краткосрочные обязательства)

У каждого из этих коэффициентов существуют общие нормативные значения. Однако, как было сказано выше, в зависимости от целей оценки, особенностей функционирования предприятия они могут существенно развиваться. Для того чтобы ликвидировать такого рода особенность, нами предлагается экспертным путем проводить оценку соответствия

полученных значений нормативному критерию: «-1» – при полном несоответствии; «0» – при допустимом уровне несоответствия; «1» – при высоком уровне показателя. Такого рода подход позволяет устранить недостатки, связанные со сложностью определения нормативной базы для сравнения результатов с эталонными.

Оценку структурного компонента предлагается оценивать как среднее арифметическое, что позволяет заметно облегчить расчеты, не влияя на качество полученных данных.

Итоговый показатель оценки уровня инновационного потенциала при таком подходе может быть рассчитан по формуле среднего арифметического взвешенного:

$$IP = \frac{\sum_1^6 w_i \cdot ВП_i}{\sum_1^6 w_i},$$

где IP – интегральный показатель уровня инновационного потенциала предприятия; w_i – вес внутреннего потенциала, определяемый экспертным путем; ВП_i – соответственно итоговые показатели оценки внутренних потенциалов, входящих в состав инновационного потенциала предприятия (кадровый, научный, финансово-инвестиционный, маркетинговый, организационно-технический и цифровой потенциалы).

Заключительный этап представляет собой главным образом интерпретацию полученных результатов и исходя из них разработку стратегических альтернатив развития. Содержание итогового отчета о проведенной оценке должно помимо непосредственных результатов оценки структурных компонентов и итогового показателя включать аналитические расчеты, конкретные выводы и предложения.

Интерпретация полученного значения итогового показателя внутреннего потенциала осуществляется по шкале, представленной таблице 4.

Таблица 4. Интерпретация итогового показателя внутренних потенциалов предприятия, входящих в состав инновационного потенциала

Уровень итогового показателя	Интервальная оценка
Низкий уровень	[-1; -0,5)
Ниже среднего	[-0,5; 0)
Средний	[0; 0,5)
Высокий	[0,5; 1]

Апробация предложенной методики представлена на примере ООО «Новатор» – малого предприятия, специализирующегося на производстве вентиляционного оборудования, ведущего свою деятельность в г. Брянске и Брянской области. Рассмотрим фрагмент расчета анализируемых данных на основе балльного подхода (табл. 5).

В целях диагностики инновационного потенциала предпринимательских структур целесообразно графически представить полученные расчетные значения, характеризующие каждый из структурных элементов инновационного потенциала. Это позволит анализировать эффективность принятых мер стратегического развития в условиях цифровой трансформации социально-экономических систем (рис. 5).

Таблица 5. Апробация оценки финансово-инвестиционного потенциала на примере ООО «Новатор»

Показатель	Значение показателя	Баллы		
		-1	0	1
Коэффициент валовой прибыли	0,19			
Рентабельность активов	0,03			
Рентабельность инвестиций	0,103			
Коэффициент оборачиваемости выручки	3,1			
Коэффициент автономии	0,045			
Коэффициент текущей ликвидности	1,35			
Коэффициент инвестирования	0,96			
Итоговый балл	0,28			

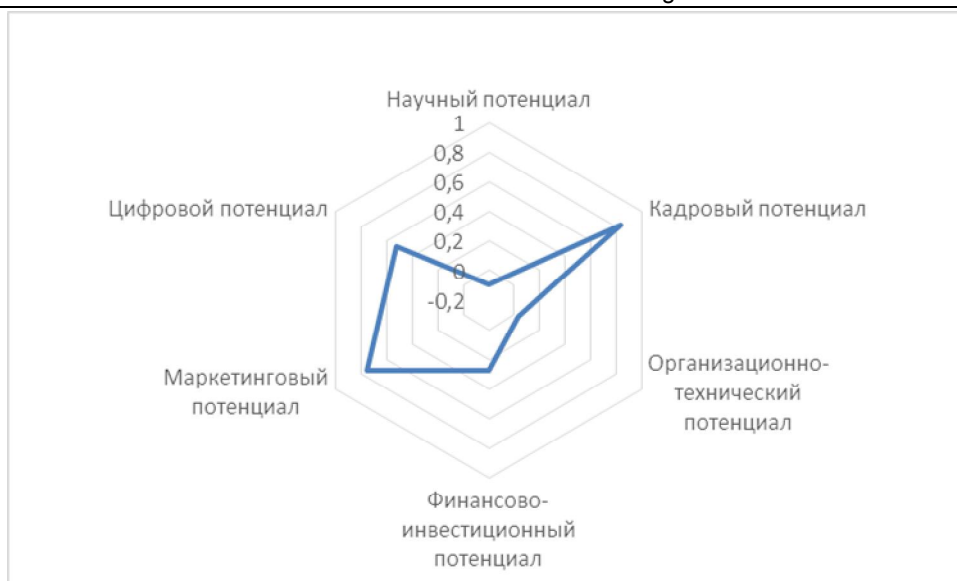

Рис. 5. Значение показателей оценки внутренних структурных элементов инновационного потенциала ООО «Новатор»

Значение итогового показателя оценки уровня инновационного потенциала предприятия с учетом весовых коэффициентов составило $-0,02$, что соответствует низкому уровню инновационного потенциала. Такой уровень развития говорит о том, что инновационная составляющая предприятия на данном этапе не способна создать условия успешного протекания инновационного процесса.

Выводы

Предложенный авторский подход к оценке уровня инновационного потен-

циала предпринимательских структур позволит проводить качественную оценки всех структурных элементов, характеризующих инновационный потенциал, а также осуществлять диагностику всех дестабилизирующих факторов, оказавших влияние на полученные результаты. Это является основанием для совершенствования инновационной политики бизнес-структур, а также возможностей инновационного развития в условиях происходящих процессов цифровизации.

Список литературы

1. Харламов А. В., Харламова Т. Л. Трансформация российской хозяйственной системы: теоретические и практические аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 4 (33). С. 8–16.
2. Родионов Д. Г., Карпенко П. А., Конников Е. А. Концептуальная модель управления развитием региональных социально-экономических систем // Экономические науки. 2021. № 197. С. 163–170.
3. Bessonova E., Kelesh Y., Babichev A. Shaping an effective ecosystem of the regional digital economy in the context of uneven digital development // Lecture Notes in Networks and Systems. 2021. Vol. 315. P. 207–218.
4. Аношина Ю. Ф., Симонов С. Ю. Россия в цифровом будущем: проблемы и перспективы развития // Russian Journal of Management. 2020. Т. 8, № 1. С. 146–150.
5. Плотников В. А., Пирогова О. Е. Устойчивое развитие цифровых предприятий на основе баланса интересов стейкхолдеров // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 2. С. 94–105.

6. Управление инновационной деятельностью экономических систем: теория и практика / А. В. Полянин, Л. И. Кулакова, И. Л. Авдеева, Л. В. Парахина, А. А. Адаменко, Т. Е. Хорольская, А. С. Цысов, Н. А. Азарова, Т. А. Головина, С. М. Сахарова, С. А. Долгова, Ю. Б. Голикова, Е. А. Кыштымова, Н. А. Лытнева, Н. А. Кулагина, Д. Г. Родионов, А. С. Чмаро, Н. И. Лаврикова, Н. Н. Масюк, М. А. Бушуева [и др.] / Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС. Орел, 2021. 260 с.
7. Аношина Ю. Ф., Гужина Г. Н. Цифровая экономика – новые возможности для бизнеса // Российское предпринимательство: от мануфактуры к цифровой экономике и кластерным конструкциям: сборник материалов II Всероссийских Морозовских чтений / Государственный гуманитарно-технологический университет. Орехово-Зуево, 2019. С. 6–11.
8. Белоусов Д. А. Оценка инновационного потенциала производственной деятельности организации: дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск: БТИ АлтГТУ, 2010. 121 с.
9. Кочетков С. В. Управление развитием инновационного потенциала промышленного предприятия: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2011. 41 с.
10. Шаповалова Т. А. Оценка инновационного потенциала организации и пути повышения эффективности его использования: дис. ... канд. экон. наук. Белгород, 2010. 213 с.
11. Родионов Д. Г., Алферьев Д. А. Устойчивость оптимального плана производства инновационной продукции промышленного предприятия // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2020. Т. 13, № 5. С. 106–119.
12. Еремеева С. В. Инструменты оценки и управления развитием инновационного потенциала наукоемкого предприятия РКП: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Красноярск, 2015. 25 с.
13. Аношина Ю. Ф. Угрозы экономической безопасности бизнеса в связи с цифровой революцией и возможности их нейтрализации // Вызовы цифровой экономики: развитие комфортной городской среды: труды III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Брянский государственный инженерно-технологический университет. Брянск, 2020. С. 64–71.
14. Трифилова А. А. Анализ инновационного потенциала предприятия // Инновации. 2003. № 6. С. 67–72.
15. Сергеева И. Г., Чеботарь А. В., Харламов А. В. Оценка применения информационных технологий и систем в инновационной деятельности организации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 1 (121). С. 62–66.
16. Инновационный потенциал: современное состояние и перспективы развития / В. Г. Матвейкин, С. И. Дворецкий, Л. В. Минько, В. П. Таров, Л. Н. Чайникова, О. И. Летунова. М.: Машиностроение, 2007. 284 с.
17. Кулагина Н. А., Козлова Е. М. Инновационная активность промышленного сектора экономики: тенденции и проблемы на национальном и региональном уровне (на примере Брянской области) // Проблемы теории и практики управления. 2015. № 6. С. 68–74.
18. Аренков И. А., Салихова Я. Ю., Гаврилова М. А. Конкурентный потенциал предприятия: модель и стратегическое развитие // Проблемы современной экономики. 2011. № 4(40). С. 120–125.
19. Артерчук В. Д., Гузньева М. Д. Управление инновационным потенциалом предприятия. URL: <http://www.uccs.ru/uccs-46-102112/item> (дата обращения: 11.09.2021).
20. Родионов Д. Г., Конников Е. А., Мугутдинов Р. М. Системный анализ конкурентоспособности цифрового предприятия в рамках информационной среды // Экономические науки. 2020. № 193. С. 394–401. <https://doi.org/10.14451/1.193.394>.

References

1. Kharlamov A. V., Kharlamova T. L. Transformatsiya rossiiskoi khozyaistvennoi sistemy: teoreticheskie i prakticheskie aspekty [Transformation of the Russian economic system: theoretical and practical aspects]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya.*

Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2019, vol. 9, no. 4 (33), pp. 8–16.

2. Rodionov D. G., Karpenko P. A., Konnikov E. A. Kontseptual'naya model' upravleniya razvitiem regional'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem [Conceptual model of management of the development of regional socio-economic systems]. *Ekonomicheskie nauki = Economic Sciences*, 2021, no. 197, pp. 163–170.

3. Bessonova E., Kelesh Y., Babichev A. Shaping an effective ecosystem of the regional digital economy in the context of uneven development of digital. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2022, vol. 315, pp. 207–218.

4. Anoshina Y. F., Simonov S. Y. Rossiya v tsifrovom budushchem: problemy i perspektivy razvitiya [Russia in the digital future: problems and prospects]. *Russian Journal of Management*, 2020, vol. 8, no. 1, pp. 146–150.

5. Plotnikov V. A., Pirogova O. E. Ustoichivoe razvitie tsifrovyykh predpriyatiy na osnove balansa interesov steikholderov [Sustainable development of digital enterprises based on the balance of interests of stakeholders]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 94–105.

6. Polyagin A. V., Kulakova L. I., Avdeeva I. L., Parakhina L. V., Adamenko A. A., Khorolskaya T. E., Tsysov A. S., Azarova N. A., Golovina T. A., Sakharova S. M., Dolgova S. A., Golikova Yu. B., Kyshtymova E. A., Lytneva N. A., Kulagina N. A., Rodionov D. G., Chmaro A. S., Lavrikova N. I., Masyuk N. N., Bushueva M. A., eds. Upravlenie innovatsionnoi deyatel'nost'yu ekonomicheskikh sistem: teoriya i praktika [Management of innovation activity of economic systems: theory and practice]. Orel, Central Russian Institute of Management – branch.RANEPa, 2021. 260 p.

7. Anoshina Yu. F., Guzhina G. N. [Digital economy – new business opportunities]. Rossiiskoe predprinimatel'stvo: ot manufaktury k tsifrovoi ekonomike i klasternym konstruksiyam. Sbornik materialov II Vserossiiskikh Morozovskikh chtenii [Russian entrepreneurship: from manufacturing to the digital economy and cluster structures. Collection of materials of the II All-Russian Morozov Readings]. Orekhovo-Zuyevo, State University of Humanities and Technology Publ., 2019, pp. 6–11. (In Russ.)

8. Belousov D. A. Otsenka innovatsionnogo potentsiala proizvodstvennoi deyatel'nosti organizatsii. Diss. kand. ekon. nauk [Assessment of the innovative potential of the production activity of the organization. Cand. econ. sci. diss.]. Novosibirsk, BTI AltSTU, 2010. 121 p.

9. Kochetkov S. V. Upravlenie razvitiem innovatsionnogo potentsiala promyshlennogo predpriyatiya. Avtoref. diss. dokt. ekon. nauk [Management of the development of the innovative potential of an industrial enterprise. Dr. econ. sci. abstract diss.]. St. Petersburg, FINEK, 2011. 41 p.

10. Shapovalova T. A. Otsenka innovatsionnogo potentsiala organizatsii i puti povysheniya effektivnosti ego ispol'zovaniya. Diss. kand. ekon. nauk [Assessment of the innovative potential of the organization and ways to improve the efficiency of its use. Cand. econ. sci. diss.]. Belgorod, 2010. 213 p.

11. Rodionov D. G., Alferyev D. A. Ustoichivost' optimal'nogo plana proizvodstva innovatsionnoi produktsii promyshlennogo predpriyatiya [Stability of the optimal plan for the production of innovative products of an industrial enterprise]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki = Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic Sciences*, 2020, vol. 13, no. 5, pp. 106–119.

12. Ereemeeva S. V. Instrumenty otsenki i upravleniya razvitiem innovatsionnogo potentsiala naukoemkogo predpriyatiya RKP. Avtoref. diss. dokt. ekon. nauk [Tools for assessing and managing the development of the innovative potential of a knowledge-intensive enterprise of the RCP. Dr. econ. sci. abstract diss.]. Krasnoyarsk, 2015. 25 p.

13. Anoshina Yu. F. [Threats to the economic security of business in connection with the digital revolution and the possibility of their neutralization]. Vyzovy tsifrovoi ekonomiki: razvitie komfortnoi gorodskoi sredy. Trudy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [Challenges of the digital economy: the development of a comfortable urban environment. Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation]. Bryansk, Bryanskii gosudarstvennyi inzhenerno-tekhnologicheskii universitet, 2020, pp. 64–71. (In Russ.)

14. Trifilova A. A. Analiz innovatsionnogo potentsiala predpriyatiya [Analysis of the innovative potential of the enterprise]. *Innovatsii = Innovations*, 2003, no. 6, pp. 67–72.

15. Sergeeva I. G., Chebotar A. V., Kharlamov A. V. Otsenka primeneniya informatsionnykh tekhnologii i sistem v innovatsionnoi deyatel'nosti organizatsii [Evaluation of the use of information technologies and systems in the innovative activity of the organization]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Proceedings of St. Petersburg State University of Economics*, 2020, no. 1 (121), pp. 62–66.
16. Matveikin V. G., Dvoretzky S. I., Minko L. V., Tarov V. P., Chaynikova L. N., Letunova O. I. Innovatsionnyi potentsial: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [Innovative potential: current state and prospects of development]. Moscow, Mechanical Engineering Publ., 2007. 284 p.
17. Kulagina N. A., Kozlova E. M. Innovatsionnaya aktivnost' promyshlennogo sektora ekonomiki: tendentsii i problemy na natsional'nom i regional'nom urovne (na primere Bryanskoi oblasti) [Innovative activity of the industrial sector of the economy: trends and problems at the national and regional level (on the example of the Bryansk region)]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya = Problems of Theory and Practice of Management*, 2015, no. 6, pp. 68–74.
18. Arenkov I. A., Salikhova Ya. Yu., Gavrilova M. A. Konkurentnyi potentsial predpriyatiya: model' i strategicheskoe razvitie [Competitive potential of the enterprise: model and strategic development]. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of Modern Economy*, 2011, no. 4(40), pp. 120–125.
19. Arterchuk V. D., Guzyaeva M. D. Upravlenie innovatsionnym potentsialom predpriyatiya [Management of the innovative potential of the enterprise]. Available at: <http://www.uccs.ru/uccs-46-102112/item>. (accessed 11.09.2021)
20. Rodionov D. G., Konnikov E. A., Mugutdinov R. M. Sistemnyi analiz konkurentosposobnosti tsifrovogo predpriyatiya v ramkakh informatsionnoi sredy [System analysis of the competitiveness of a digital enterprise within the information environment]. *Ekonomicheskie nauki = Economic Sciences*, 2020, no. 193, pp. 394–401. <https://doi.org/10.14451/1.193.394>

Информация об авторах / Information about the Authors

Кулагина Наталья Александровна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления, экономической и информационной безопасности, Брянский государственный инженерно-технологический университет, г. Брянск, Российская Федерация,
e-mail: kulaginana2013@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-7303-6923,
Researcher ID: O-5530-2017

Чепикова Евгения Михайловна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления, экономической и информационной безопасности, Брянский государственный инженерно-технологический университет, г. Брянск, Российская Федерация,
e-mail: kozlovavev@gmail.com,
ORCID 0000-0002-8225-2978

Мугутдинов Рашид Магомедрасулович, соискатель Высшей инженерно-экономической школы, Санкт-Петербургский политехнический университет имени Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: kulaginana2013@yandex.ru

Natalia A. Kulagina, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Public Administration, Economic and Information Security, Bryansk State Engineering and Technological University, Bryansk, Russian Federation,
e-mail: kulaginana2013@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-7303-6923,
Researcher ID: O-5530-2017

Evgeniya M. Chepikova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Administration, Economic and Information Security, Bryansk State Engineering and Technological University, Bryansk, Russian Federation,
e-mail: kozlovavev@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-8225-2978

Rashid M. Mukhutdinov, Applicant of the Higher School of Engineering and Economics St. Petersburg Polytechnic University named after Peter the Great, St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: kulaginana2013@yandex.ru

Компаративный анализ российских и зарубежных подходов к оценке цифровой трансформации промышленности

Ю. С. Положенцева¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: polojenceva84@mail.ru

Резюме

Актуальность. Промышленная цифровая трансформация относится к набору инновационных решений для перехода к новым бизнес-моделям. Но этот тип трансформации не ограничивается используемыми технологиями; он представляет собой культуру изменений, интегрированную во все сферы, поэтому вопросами изучения цифровой трансформации и формирования цифрового потенциала промышленности уделяется все больше внимания. Российскими и зарубежными организациями, а также учеными разработано множество индексов, позволяющих оценить уровень цифровизации как страны в целом, так и отдельных отраслей. В рамках данного процесса цифровая трансформация промышленности занимает особое значение, поскольку определяет ключевые технологии цифровизации, важную роль в этом процессе играет цифровой потенциал предприятия, определяющий возможность внедрения инновационных технологий.

Целью исследования является анализ российских и зарубежных подходов к оценке цифровизации отраслей промышленности на основе систем целевых показателей и индикаторов оценки.

Задачи: проанализировать подходы к оценке цифрового потенциала промышленных предприятий, используемые зарубежными странами, а также выявить сдерживающие факторы цифровизации промышленного сектора Российской Федерации, что позволит сформулировать предложения по эффективному формированию цифрового потенциала в промышленности.

Методология. Основу исследования составили методы теоретического сравнения и обобщение различных взглядов на формирование подходов к оценке цифровизации промышленности; логико-исторические методы для анализа основных теоретических концепций, а также методы анализа и синтеза.

Результаты. В исследовании проведено обобщение различных систем индикаторов оценки цифровизации промышленности. Проведен анализ подходов к оценке цифровизации отраслей промышленности на основе систем целевых показателей и индикаторов оценки. Проанализированы индикаторы оценки, уровень цифровой трансформации промышленности на примере сравнения достигнутого уровня по ключевым мировым индексам среди США, Китая и России, а также некоторых стран-членов Евросоюза.

Выводы. В заключение сделан вывод о том, что множество стран и международных организаций ведут активную разработку комплексных методик оценки готовности к цифровой трансформации как экономик отдельных государств, так и ее отраслей, в том числе и промышленности. Рассмотрено, как различные страны формируют свои системы оценок и показателей цифровой трансформации, определены основные направления оценки, а также возможные результаты внедрения цифровых технологий. Проведен анализ цифрового потенциала промышленности в международном разрезе на основе ключевых индексов.

Ключевые слова: цифровые технологии; цифровая трансформация; система целевых показателей; индикаторы; цифровизация промышленности.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке проекта в рамках реализации внутриуниверситетского гранта по программе развития ЮЗГУ (Приоритет – 2030) № ПР 2030/2021-48 «Современные доктрины управления цифровой трансформацией социально-экономической системы территорий с учетом вызовов постковидной экономики».

Для цитирования: Положенцева Ю. С. Компаративный анализ российских и зарубежных подходов к оценке цифровой трансформации промышленности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 78–91. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-78-91>.

Поступила в редакцию 10.10.2021

Принята к публикации 07.11.2021

Опубликована 29.12.2021

Comparative Analysis of Russian and Foreign Approaches to Assessment of Digital Transformation of Industry

Yulia S. Polozhentseva¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: polojenceva84@mail.ru

Abstract

Relevance. Industrial digital transformation refers to a set of innovative solutions for the transition to new business models. But this type of transformation is not limited to the technologies used; it represents a culture of change integrated into all areas, therefore, more and more attention is paid to the study of digital transformation and the formation of digital potential in industry. Russian and foreign organizations, as well as scientists, have developed many indices to assess the level of digitalization, both for the country as a whole and for individual industries. Within the framework of this process, the digital transformation of industry is of particular importance, since it determines the key technologies of digitalization, an important role in this process is played by the digital potential of the enterprise, which determines the possibility of introducing innovative technologies.

The purpose of the study is to analyze Russian and foreign approaches to assessing the digitalization of industries based on systems of target indicators and assessment indicators.

Objectives: analyze the approaches to assessing the digital potential of industrial enterprises used by foreign countries, and also identified the constraining factors of digitalization of the industrial sector of the Russian Federation, which made it possible to formulate proposals for the effective formation of digital potential in industry.

Methodology. The research was based on the methods of theoretical comparison and generalization of various views on the formation of approaches to assessing the digitalization of industry; logical-historical methods for the analysis of basic theoretical concepts, as well as methods of analysis and synthesis.

Results. The study summarizes various systems of indicators for assessing the digitalization of industry. The analysis of approaches to assessing the digitalization of industries based on systems of target indicators and assessment indicators is carried out. Indicators for assessing the level of digital transformation of industry are analyzed, based on the example of comparing the achieved level by key world indices, among the USA, China and Russia, as well as some EU member states.

Conclusions. In conclusion, it was concluded that many countries and international organizations are actively developing comprehensive methods for assessing the readiness for digital transformation of both the economies of individual states and its industries, including industry. It considers how different countries form their systems of assessments and indicators of digital transformation, identifies the main areas of assessment, as well as the possible results of the introduction of digital technologies. The analysis of the digital potential of the industry in the international context was carried out on the basis of key indices.

Keywords: digital technologies; digital transformation; system of targets; indicators; digitalization of industry.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Funding: The study was carried out with the support of a project within the framework of the implementation of an intra-university grant under the Southwestern State University Development program (Priority -2030) No. PR

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(6): 78–91

For citation: Polozhentseva Yu. S. Comparative Analysis of Russian and Foreign Approaches to Assessment of Digital Transformation of Industry. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(6): 78–91. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-78-91>.

Received 10.10.2021

Accepted 07.11.2021

Published 29.12.2021

Введение

Процесс трансформации, который происходит в настоящее время, связан с внедрением цифровых технологий, делает производственные процессы более эффективными и менее энергозатратными и приводит к кардинальным изменениям в жизни населения. Кроме того, для эффективного управления процессом трансформации необходимо не только его планирование и осуществление контроля реализации, но и определение уровня готовности к трансформации, а также актуального уровня внедрения цифровых технологий. Цифровая трансформация промышленности неразрывно связана с развитием цифровой экономики и общества.

В 2017 г. цифровая трансформация вошла в решающую фазу, уже более половины жителей земли имеют доступ к Интернету, активным ходом идет трансформация промышленности. Согласно прогнозам, к 2025 г. 25% операционных задач будут роботизированы [1; 2; 3]. Однако одна из особенностей процесса цифровизации – это его неравномерность, в разных странах он идет с разной скоростью. Рассмотрим уровень цифровой трансформации промышленности в мире на примере США, Китая, Европейского союза и России, а также некоторых стран-членов Евросоюза.

Методы и материалы

Методологический инструментарий исследования включает в себя использование методики, подходов и научных положений, представленных в трудах зарубежных и отечественных ученых, а также общепринятые научные методы (системного и экономического анализа, моно-

графическое описание) и специальные методы исследования (методы теоретического сравнения и обобщение различных взглядов, логико-исторические методы, методы сопоставления и сравнения, методы графического анализа).

Результаты и их обсуждение

Одним из показателей, позволяющих оценить уровень цифровой трансформации, является Международный индекс цифровой экономики и общества (I-DESI), разработанный по запросу Еврокомиссии для измерения показателей цифровой экономики государств-членов Евросоюза в сравнении с другими странами мира. Это комплексный показатель, который отслеживает эволюцию цифровой конкурентоспособности.

Несмотря на это, рядом международных организаций разработано множество индексов, позволяющих оценить уровень цифровизации, некоторые из них представлены в таблице.

Среди индексов и методик оценки, разработанных различными международными организациями, есть те, которые предлагают провести комплексную оценку, такие как «Набор инструментов для измерения цифровой экономики», предложенный ОЭСР, или «Методика оценки готовности страны к цифровой трансформации» от Всемирного банка, а также узкоспециализированные, такие как «Глобальный индекс кибербезопасности», предложенный Международным союзом электросвязи. Данные индикаторы признаны в международном сообществе и активно используются государствами при оценке уровня цифровой трансформации.

Таблица. Индикаторы измерения цифровой трансформации

Организация-разработчик	Название	Содержание
Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)	Набор инструментов для измерения цифровой экономики, 2018 г.	Более 30 ключевых показателей для мониторинга и оценки размера и проникновения цифровой экономики, организованных по четырем темам в соответствии с их главной целью измерения: инфраструктура, права и возможности общества, инновации и внедрение технологий, занятость и образование
Международный союз электросвязи	Индекс развития информационных и коммуникационных технологий [4]	Состоит из 11 статистических показателей, отражающих доступность и использование ИКТ, а также практические навыки применения ИКТ населением 190 стран мира
	Глобальный индекс кибербезопасности	Основу показателей рейтинга образуют пять областей, которые формируют неотъемлемые составные элементы национальной культуры кибербезопасности: юридическая, техническая, организационная, наращивания потенциала, сотрудничества
Всемирный банк	Методика оценки готовности страны к цифровой трансформации, 2019 г.	Оценка существующего уровня развития и определения уровня зрелости цифровой экономики в стране помогает выявить ключевые пробелы, проблемы и возможности для будущего роста, а также области, требующие более тщательного анализа, включающего нецифровые и цифровые факторы
	Индекс внедрения цифровых технологий	Измеряет глубину и широту внедрения цифровых технологий в 171 стране, охватывая каждый регион и каждую группу доходов, и основан на трёх отраслевых субиндексах, измеряющих предприятия, население и органы власти

Однако целенаправленную оценку цифровизации различных отраслей, в т. ч. промышленности, ведет только Китай. В основном страны используют комплексные методики, предоставляющие информацию о проникновении цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности [5; 6; 7]. Поэтому далее рассмотрим, как организован процесс управления цифровизацией промышленности и формирования цифрового потенциала в различных странах.

Соединенные Штаты в процессе цифровизации промышленности, как и других отраслей, отдают предпочтение добровольному, возглавляемому различными отраслевыми объединениями, рыночному подходу. Схема организации данного процесса представлена на рисунке 1. Такой подход благоприятствует роли государственных учреждений, участвующих в процессе разработки стандартов путем приглашения за стол переговоров и предоставления своего опыта, потребностей, проблем и требований, но не

путем явного руководства процессом разработки стандартов [8; 9].

Так, в разработке стандартов «умного» производства в США участвуют несколько ключевых объединений, главным из которых является Консорциум промышленного Интернета. Кроме того, выделяют Ассоциацию производственных технологий, Коалицию лидеров умного производства, Американский национальный институт стандартов, а также институты производственных инноваций. Данные организации занимаются разработкой и популяризацией новых технологий, а также их стандартизацией. В свою очередь государство определяет основные направления цифровой трансформации промышленности. В противопоставление США цифровая трансформация Китая характеризуется сильным подходом сверху вниз, который в основном определяется государственными структурами [10] (рис. 2). Китай сделал разработку собственных технологических стандартов

центральный компонент своей стратегии технологической модернизации и экономического развития «Сделано в Ки-

тае 2025», стремясь использовать отечественные стандарты как способ получения конкурентных преимуществ.

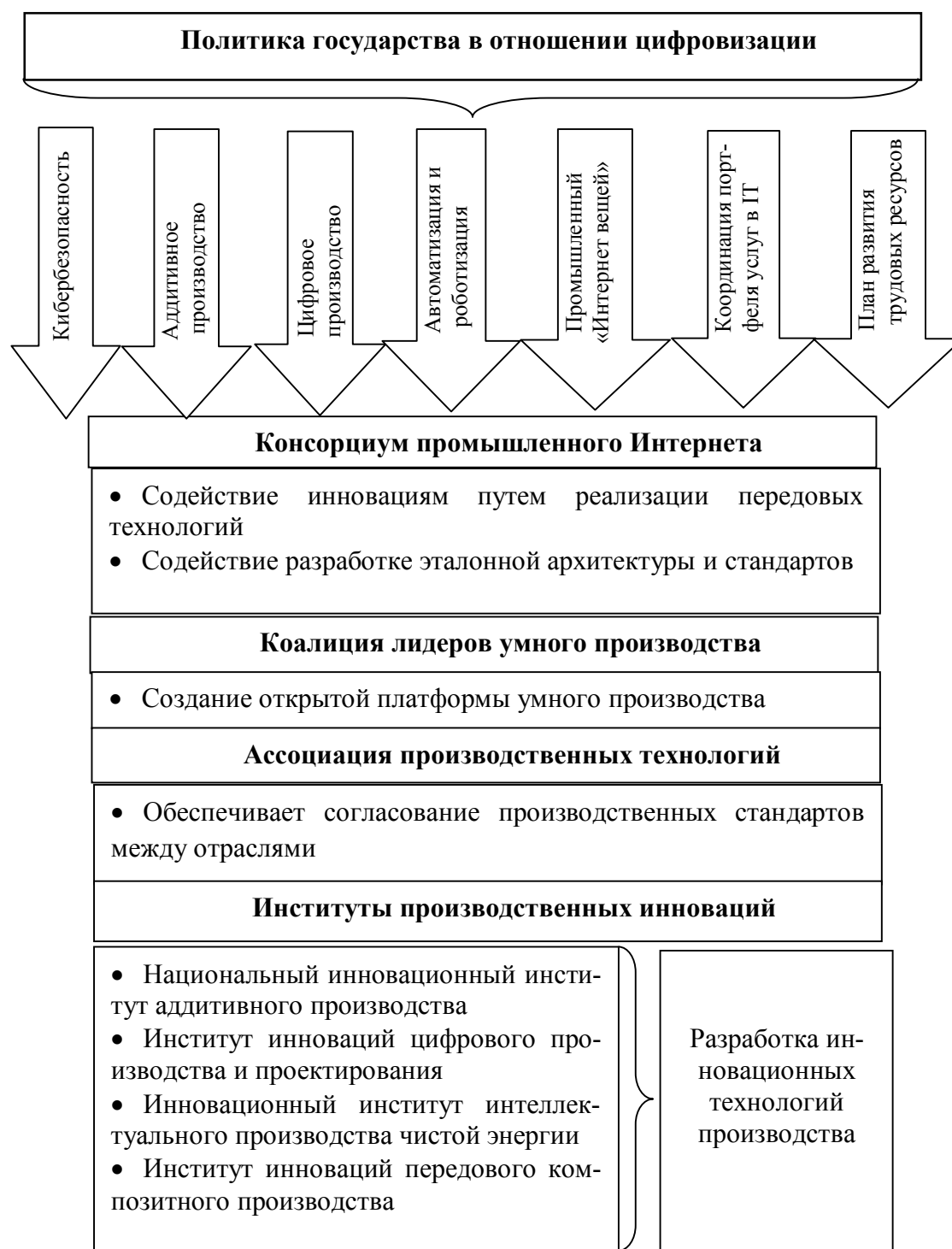

Рис. 1. Система оценки и регулирования цифровой трансформации промышленности США

Дополнением к программе стратегического развития «Сделано в Китае 2025» является ориентированная на реа-

лизацию китайская инициатива «Интернет +», запущенная в июле 2016 г., которая направлена на использование потен-

циала новых возможностей для бизнеса, экономических моделей и видов деятельности с высокой добавленной стоимостью путем содействия большей интеграции Интернета в традиционные отрасли (рис. 2). «Интернет +» способствует цифровизации в 11 секторах и стремится к тому, чтобы к 2025 г. Китай создал взаи-

мосвязанную промышленную экосистему, ориентированную на услуги [11].

В РФ внедрение цифровых процессов регулируется программой «Цифровая экономика» [12], принятой в 2017 г., которая включает ключевые аспекты цифровизации промышленности, основные приоритеты государственной промышленной политики и финансирования (рис. 3).

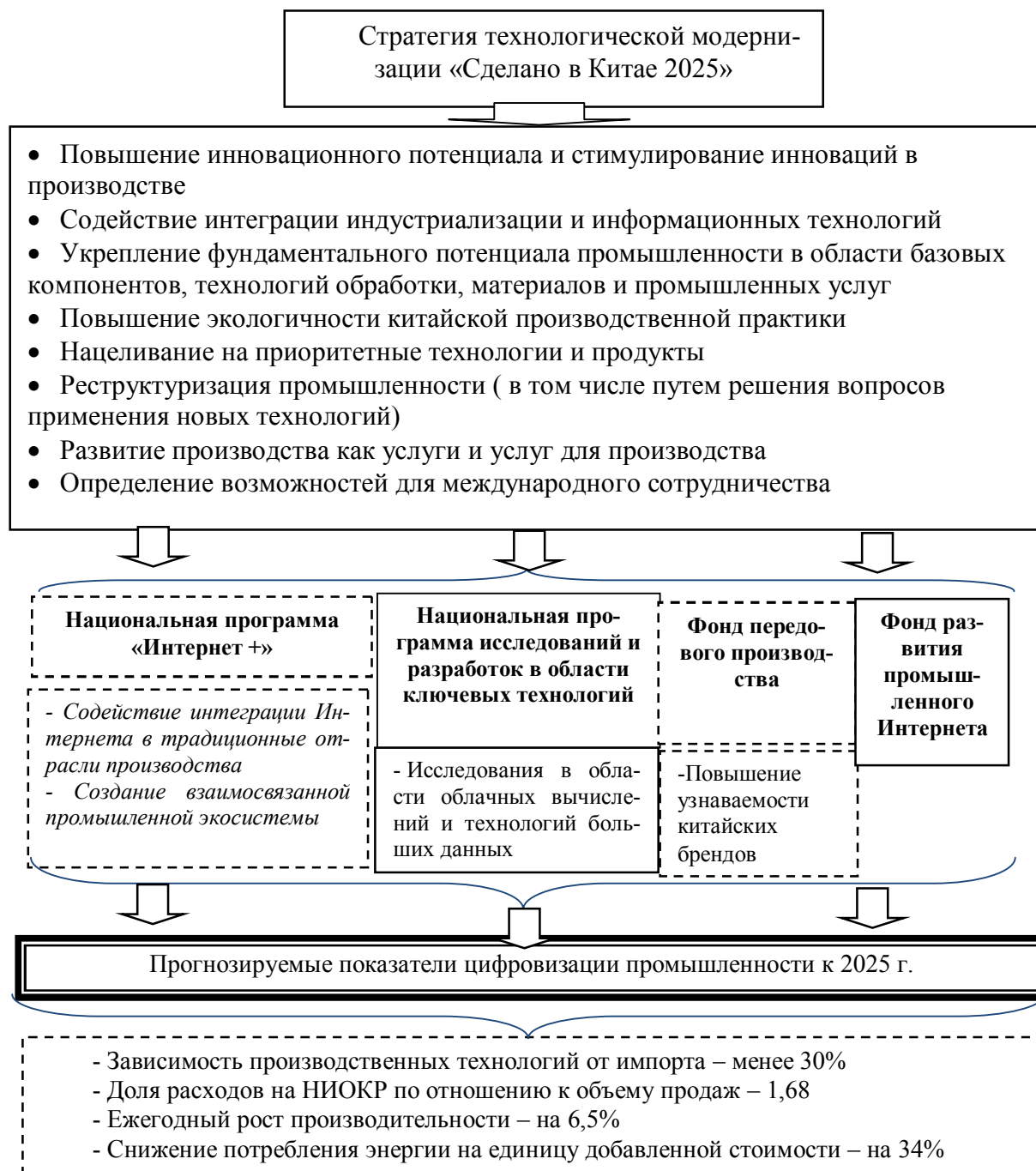

Рис. 2. Система оценки и регулирования цифровой трансформации промышленности Китая

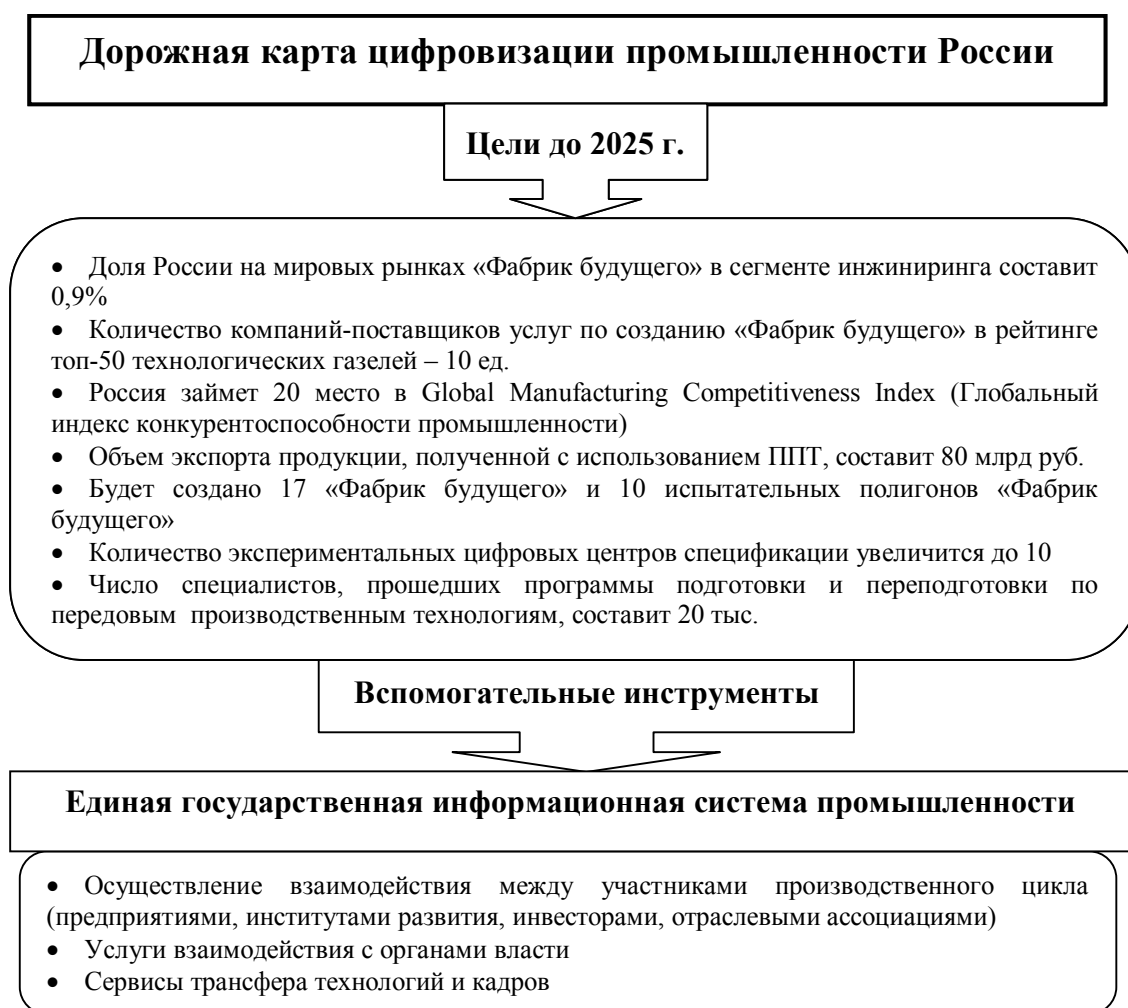

Рис. 3. Система оценки и регулирования цифровой трансформации промышленности России [12]

Цифровая трансформация промышленности основана на инновационно-технологическом развитии России на основе технологической трансформации и модернизации технологий, автоматизации бизнес-процессов, роботизации, применении искусственного интеллекта и «Интернета вещей». При этом учитывалось, что практическая реализация технологизации на уровне предприятия обособывается в плане его технического развития, реализации собственной информационной перестройки производственного комплекса и выхода на мировой рынок IT-технологий.

В основе цифровизации промышленности Евросоюза (рис. 4) лежит платформа оцифровки европейской промышлен-

ности, которая служит координационным механизмом и форумом для определения проблем, требующих решения на уровне ЕС, и функционирует в рамках Европейского круглого стола промышленников. На данный момент круглый стол выделяет несколько основных направлений цифровизации (см. рис. 4). Первое – увеличение инвестиций в те области, которые могут помочь правительствам и компаниям, в частности малому и среднему предпринимательству (МСП), совершить цифровой переход. Второе направление должно заключаться в принятии мер по поддержке благоприятной политики и нормативно-правовой базы для развития инклюзивной, цифровой и «зеленой» трансформации Европы [13].

Рис. 4. Система оценки и регулирования цифровой трансформации промышленности Евросоюза

Государственные инвестиции в восстановление должны соответствовать зеленому обязательству «не навредить», в то время как инвестиции в цифровое восстановление помогут стимулировать конкурентные инновации и предоставить пользователям больший выбор. Цифровой переход также обеспечит конкурентоспособность европейских товаров и услуг на мировом рынке, что является необходимым условием успеха «зеленой» промышленности. Кроме того, одной из важнейших задач круглого стола является обмен опытом и лучшими практиками, стимулирование сотрудничества государств-членов ЕС, стимулирование соинвестиций, а также изучение общих подходов к регулированию, образованию и рабочим местам, поэтому платформа включает в себя пятнадцать

национальных инициатив по переводу промышленности в цифровой формат, и еще несколько инициатив находятся в стадии подготовки.

Данные международного индекса цифровой экономики и общества подтверждаются индексом сетевой готовности (The Networked Readiness Index) [14; 15], представленным ниже (рис. 5). В работе рассматриваются позиции анализируемых государств в данном рейтинге в 2016 и 2020 гг. Таким образом, из 70 стран рейтинга в 2016 г. США занимает 5 место, что подтверждает его лидирующую позицию, Евросоюз и Россия занимают уверенные средние позиции, а Китай находится в числе замыкающих стран. В 2020 г. в рейтинге представлены уже более 100 государств. Здесь, как и в предыдущей группе показателей, виден значительный рост Китая. Он

переместился вверх на 19 позиций. Россия же, наоборот, показывает отрицательную динамику. Однако, поскольку она все еще

занимает среднее положение в рейтинге, это значит, что у нее есть потенциал для развития.

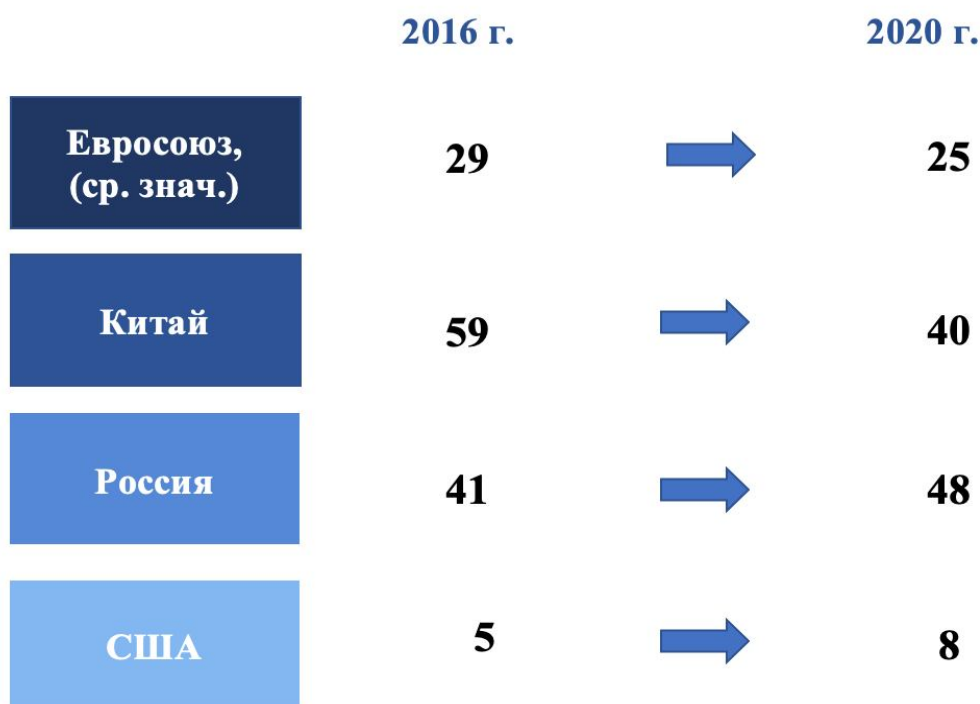

Рис. 5. Изменения в рейтинге индекса сетевой готовности

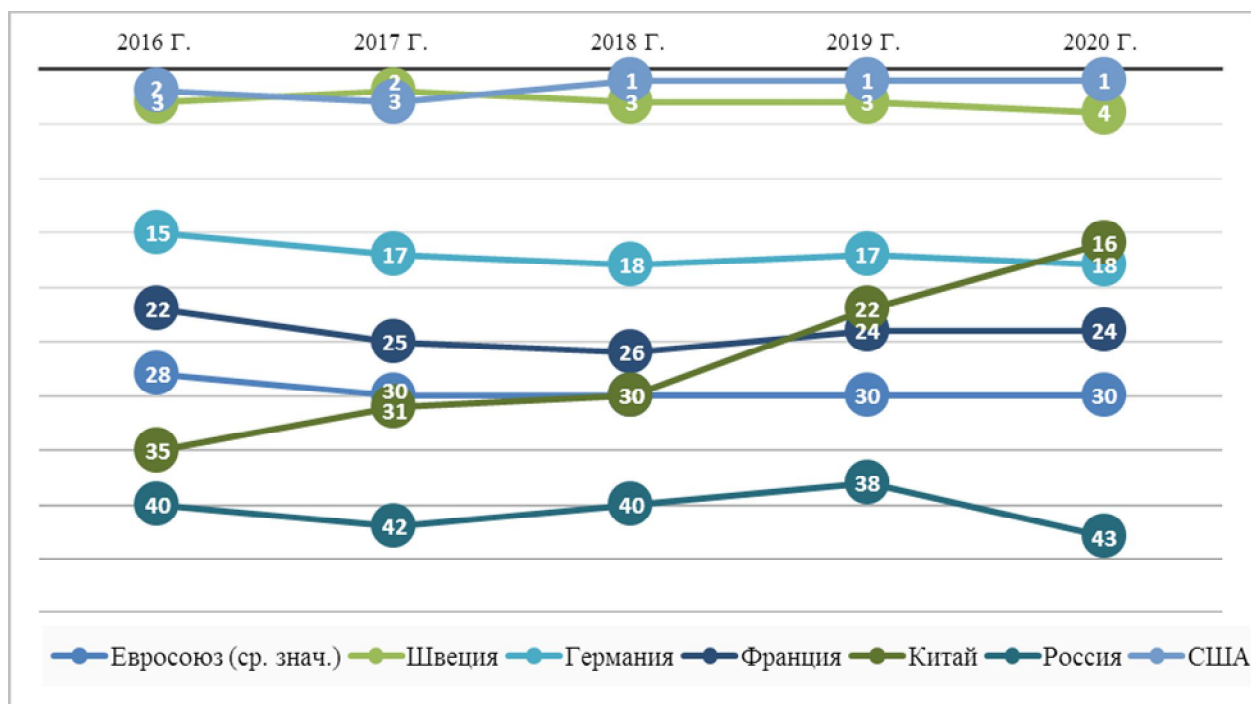

Рис. 6. Мировой рейтинг цифровой конкурентоспособности

Об этом же свидетельствует и мировой рейтинг цифровой конкурентоспособности [16]. Рейтинг анализирует и ранжирует степень, в которой страны внедряют и исследуют цифровые технологии, ведущие к трансформации государственной практики, бизнес-моделей и общества в целом. На рисунке 6 видно, что США стабильно удерживает свое лидерство на протяжении всего исследуемого периода. А период активного роста Китая начнется именно в 2018 г., несмотря на положительную динамику в течение всего исследуемого периода.

Так в Евросоюзе, по данным за 2020 г. все три показателя равномерно воздействуют на уровень конкурентоспособности (рис. 7). Формирование цифровой конкуренции в России и Китае идет в большей степени за счет знаний и человеческого капитала. Уровень цифровой трансформации обусловлен фактором цифровой готовности, который является наиболее слабым элементом цифровой конкуренции в России. Таким образом, скорость цифровой трансформации в России медленнее, чем в других анализируемых странах.

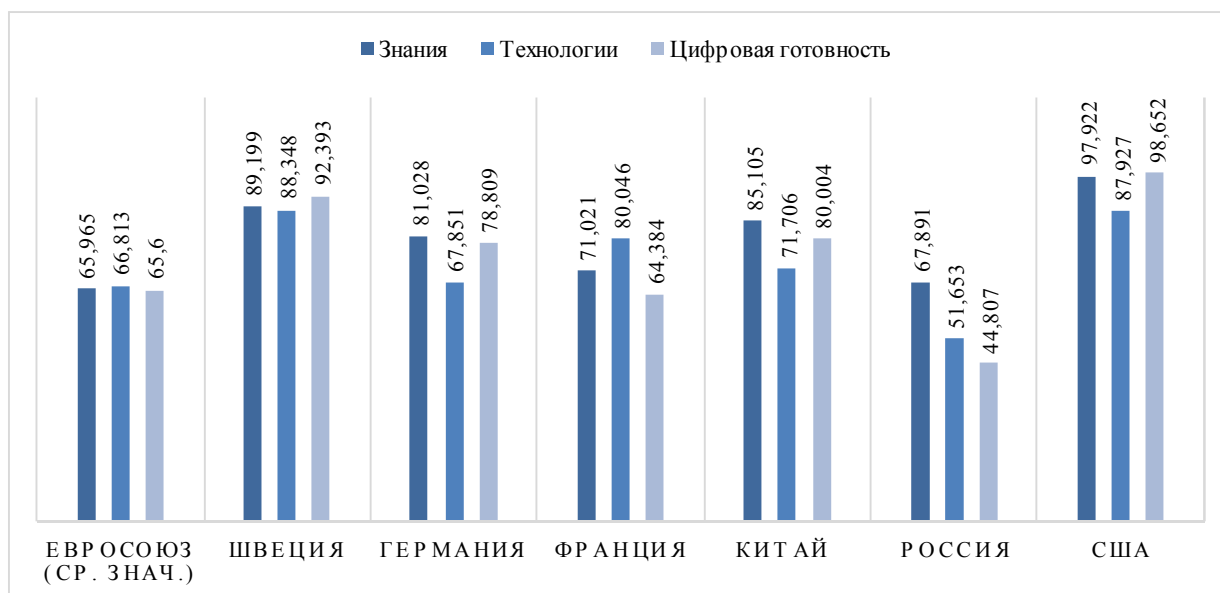

Рис. 7. Мировой рейтинг цифровой конкурентоспособности по факторам за 2020 г.

Однако для анализа уровня цифровой трансформации промышленности необходимо также рассмотреть глобальный инновационный индекс [17], представленный ниже (рис. 8). Индекс представляет собой глобальное исследование и сопровождающий его рейтинг стран мира по показателю уровня развития инноваций, дающий ежегодную рейтинговую оценку инновационного потенциала и показателей деятельности в области инноваций разных государств мира.

В период с 2016 по 2020 гг. среди анализируемых государств наиболее высокий рейтинг имеет США, на втором ме-

сте – Китай, затем Евросоюз и Россия (см. рис. 8). Поскольку разрыв между США и другими странами довольно большой, а также учитывая лидирующие позиции в области цифровизации, очевидно, что это государство еще долго будет задавать тренды цифровой трансформации промышленности. Однако, учитывая положение Китая в инновационном рейтинге и скорость его цифровизации, вероятно, Китай в ближайшем будущем составит конкуренцию США. Что касается Евросоюза, то он имеет стабильно высокую позицию в обоих направлениях и вероятно будет стараться сохранить ее. Для этого необхо-

димо стимулировать скорость внедрения цифровых технологий в странах с низким уровнем цифровизации [18; 19; 20]. Положение России среди анализируемых государств самое неустойчивое: отрицательная динамика показателей цифрови-

зации дополнена отрицательной динамикой уровня развития инноваций. Такая тенденция указывает на замедление темпов цифровой трансформации, что в конечном итоге может привести к ослаблению позиций на мировой арене.

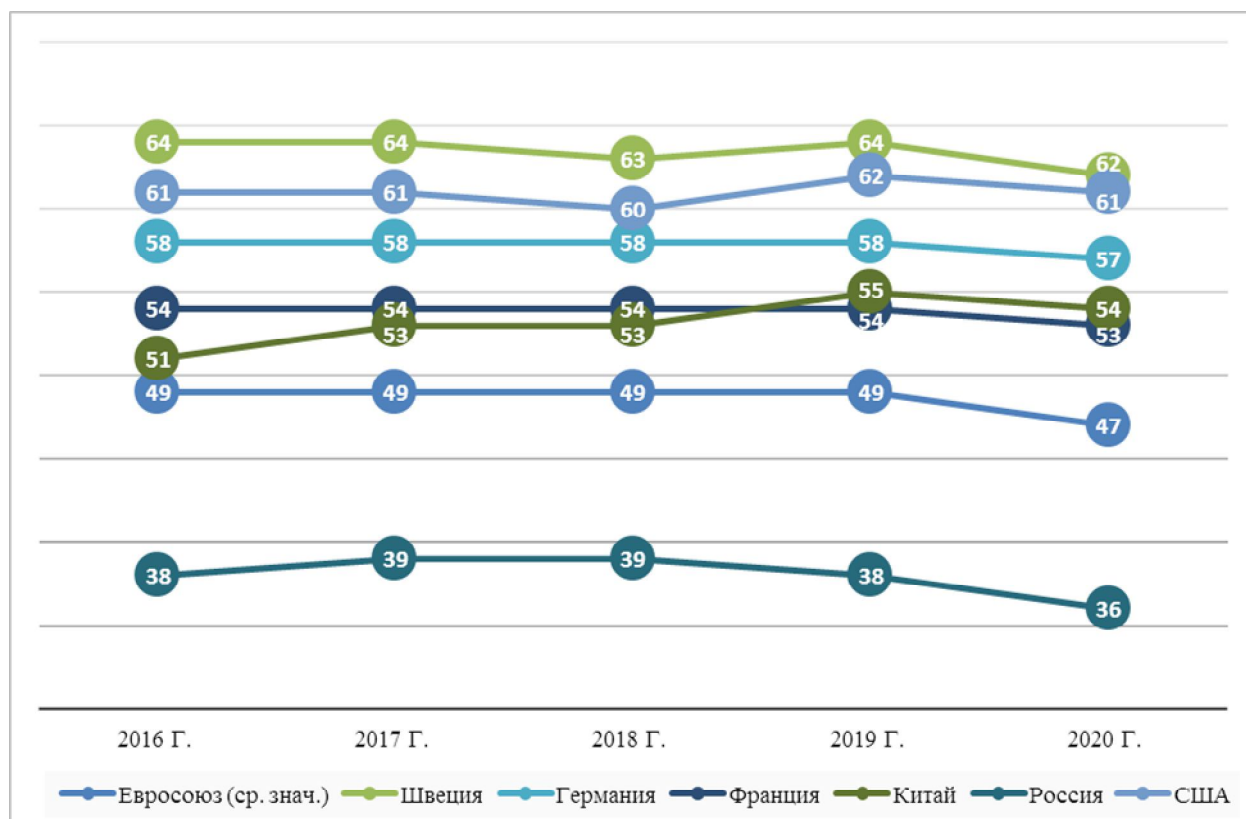

Рис. 8. Мировой рейтинг индекса глобальных инноваций

Выводы

Так мы видим, что во многих странах уже сформированы системы управления цифровым потенциалом промышленности, причем где-то в результате низовой инициативы и создания различных ассоциаций и организаций на основе государственно-частного партнёрства, например в США. В других странах, особенно ярко это выражено в Китае, инициатива по формированию цифрового потенциала промышленности идет от государства. Кроме того, мы видим, что в разных странах использованы различные целевые показатели и индикаторы оценки цифровизации промышленности, однако универсальных систем показателей, отражающих уровень цифровизации и со-

поставимых с показателями других стран, пока не сформировано.

Можно сделать вывод, что целом цифровая трансформация требует комплексного подхода. Кроме того, особое значение имеют управленческие решения, принимаемые менеджерами различного уровня, а также утвержденной и регулярно обновляемой стратегии цифровой трансформации. Таким образом, несмотря на существование нескольких методик по оценке цифровизации уровня промышленности, в целом эта сфера требует дополнительного внимания со стороны как государственного управления, так и научного сообщества, поскольку оценка результатов является важной частью развития реализации стратегии

цифровизации. На наш взгляд, необходимо двигаться в сторону разработки методик, позволяющих не только оценить общий уровень цифровизации, но и уро-

вень цифрового потенциала отдельных отраслей промышленности, поскольку каждая из них имеет свою специфику.

Список литературы

1. Авдеева И. Л., Головина Т. А., Парахина Л. В. Развитие цифровых технологий в экономике и управлении: российский и зарубежный опыт // Вопросы управления. 2017. № 6 (49). С. 50-56.
2. Акбердина В. В. Трансформация промышленного комплекса России в условиях цифровизации экономики // Известия Уральского государственного экономического университета. 2018. Т. 19, № 3. С. 82-99.
3. Вертакова Ю. В., Клевцова М. Г., Положенцева Ю. С. Индикаторы оценки цифровой трансформации экономики // Экономика и управление. 2018. № 10 (156). С. 14-20.
4. The ICT Development Index (IDI): conceptual framework and methodology. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/mis/methodology.aspx> (дата обращения: 18.09.2021).
5. Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Масленникова В. В. Трансформация промышленности в условиях цифровизации экономики: тренды и особенности реализации // Экономика и управление. 2021. Т. 27, № 7 (189). С. 491-503.
6. Кокуйцева Т. В., Овчинникова О. П. Методические подходы к оценке эффективности цифровой трансформации предприятий высокотехнологичных отраслей промышленности // Креативная экономика. 2021. Т. 15, № 6. С. 2413-2430.
7. Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Трансформация развития промышленного комплекса в условиях цифровой экономики // Вестник университета. 2021. № 2. С. 71-79.
8. Бауэр В. П., Подвойский Г. Л., Котова Н. Е. Стратегии адаптации компаний США к цифровизации сфер производства // Мир новой экономики. 2018. № 12. С. 78-89.
9. Положенцева Ю. С., Выхрибенцева Т. Н., Клевцова М. Г. Трансформация регионов в цифровом экономическом пространстве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 4. С. 114-125.
10. China's Smart Manufacturing: a steady push for the long term – 2018 China smart manufacturing report. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/cn/Documents/energy-resources/deloitte-cn-eri-2018-china-smart-manufacturing-report-en-190403.pdf> (дата обращения: 18.09.2021).
11. Ezell S. Why Manufacturing Digitalization Matters and How Countries Are Supporting It. URL: <http://www2.itif.org/2018-manufacturing-digitalization.pdf> (дата обращения: 18.09.2021).
12. Программа развития цифровой экономики в Российской Федерации до 2035 года. URL: <http://spkurdyumov.ru/uploads.pdf> (дата обращения: 28.09.2021).
13. Digital Transformation of European Industry – a Policy Perspective. URL: <https://www.eitdigital.eu/fileadmin/files/2019/report/Digital-Transformation-of-European-Industry-Summary.pdf> (дата обращения: 18.09.2021).
14. The Network Readiness Index. 2016. URL: http://www3.weforum.org/docs/GITR2016/WEF_GITR_Chapter1.1_2016.pdf (дата обращения: 09.09.2021).
15. The Network Readiness Index. Accelerating Digital Transformation in a post-COVID Global Economy. URL: https://networkreadinessindex.org/wp-content/uploads/2020/11/NRI-2020-V8_28-11-2020.pdf (дата обращения: 09.09.2021).
16. World Competitiveness Ranking, 2016-2020. URL: <https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/world-competitiveness/> (дата обращения: 08.09.2021).
17. Global Innovation Index 2016-2020. World Intellectual Property Organization. URL: <https://www.globalinnovationindex.org> (дата обращения: 08.09.2021).
18. Вертакова Ю. В., Клевцова М. Г., Положенцева Ю. С. Прогнозирование цифровой трансформации экономики на основе опережающих и сигнальных индикаторов // Экономика и управление. 2018. № 11 (157). С. 47-56.

19. Оборин М. С. Роль цифровых технологий в промышленном развитии региона // Вестник НГИЭИ. 2021. № 2 (117). С. 113-123.
20. Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г., Леонтьев Е. Д. Эффекты от цифровизации экономического пространства в условиях трансформации современного общества // Економічний часопис-XXI. 2019. № 11-12. С. 78-87.

References

1. Avdeeva I. L., Golovina T. A., Parakhina L. V. Razvitie cifrovyyh tekhnologiy v ekonomike i upravlenii: rossijskij i zarubezhnyy opyt [Development of digital technologies in economics and management: Russian and foreign experience]. *Voprosy upravleniya = Management Issues*, 2017, no. 6 (49), pp. 50-56.
2. Akberdina V. V. Transformaciya promyshlennogo kompleksa Rossii v usloviyah cifrovizacii ekonomiki [Transformation of the industrial complex of Russia in the context of the digitalization of the economy]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Proceedings of the Ural State University of Economics*, 2018, vol. 19, no. 3, pp. 82-99.
3. Vertakova Yu. V., Klevtsova M. G., Polozhentseva Yu. S. Indikatory ocenki cifrovoj transformacii ekonomiki [Indicators for assessing the digital transformation of the economy]. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*, 2018, no.10 (156), pp. 14-20.
4. The ICT Development Index (IDI): conceptual framework and methodology. Available at: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/mis/methodology.aspx>. (accessed 18.09.2021)
5. Vertakova Yu. V., Polozhentseva Yu. S., Maslennikova V. V. Transformaciya promyshlennosti v usloviyah cifrovizacii ekonomiki: trendy i osobennosti realizacii [Industry transformation in the context of the digitalization of the economy: trends and implementation features]. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*, 2021, vol. 27, no. 7 (189), pp. 491-503.
6. Kokuytseva T. V., Ovchinnikova O. P. Metodicheskie podhody k ocenke effektivnosti cifrovoj transformacii predpriyatij vysokotekhnologichnyh otraslej promyshlennosti [Methodological approaches to assessing the effectiveness of digital transformation of enterprises in high-tech industries]. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*, 2021, vol. 15, no. 6, pp. 2413-2430.
7. Polozhentseva Yu. S., Klevtsova M. G. Transformaciya razvitiya promyshlennogo kompleksa v usloviyah cifrovoj ekonomiki [Transformation of the development of the industrial complex in the digital economy]. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*, 2021, no. 2, pp. 71-79.
8. Bauer V. P., Podvoisky G. L., Kotova N. Ye. Strategii adaptacii kompanii SSHA k cifrovizacii sfer proizvodstva [Strategies for adapting US companies to the digitalization of production spheres]. *Mir novoy ekonomiki = World of a New Economy*, 2018, no. 12, pp. 78-89.
9. Polozhentseva Yu. S., Vyskribentseva T. N., Klevtsova M. G. Transformaciya regionov v cifrovom ekonomicheskom prostranstve [Transformation of regions in the digital economic space]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2021, vol. 11, no. 4, pp. 114-125.
10. China's Smart Manufacturing: a steady push for the long term – 2018 China smart manufacturing report. Available at: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/cn/Documents/energy-resources/deloitte-cn-eri-2018-china-smart-manufacturing-report-en-190403.pdf>. (accessed 18.09.2021)
11. Ezell S. Why Manufacturing Digitalization Matters and How Countries Are Supporting It. Available at: <http://www2.itif.org/2018-manufacturing-digitalization.pdf>. (accessed 18.09.2021)
12. Programma razvitiya cifrovoj ekonomiki v Rossijskoj Federacii do 2035 goda [Program for the development of the digital economy in the Russian Federation until 2035]. Available at: <http://spkurdyumov.ru/uploads.pdf>. (accessed 28.09.2021)
13. Digital Transformation of European Industry – a Policy Perspective. Available at: <https://www.eitdigital.eu/fileadmin/files/2019/report/Digital-Transformation-of-European-Industry-Summary.pdf>. (accessed 18.09.2021)
14. The Network Readiness Index. 2016. Available at: http://www3.weforum.org/docs/GITR2016/WEF_GITR_Chapter1.1_2016.pdf. (accessed 09.09.2021)

15. The Network Readiness Index. Accelerating Digital Transformation in a post-COVID Global Economy. Available at: https://networkreadinessindex.org/wp-content/uploads/2020/11/NRI-2020-V8_28-11-2020.pdf. (accessed 09.09.2021)
16. World Competitiveness Ranking, 2016-2020. Available at: <https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/world-competitiveness/>. (accessed 08.09.2021)
17. Global Innovation Index 2016-2020. World Intellectual Property Organization. Available at: <https://www.globalinnovationindex.org>. (accessed 08.09.2021)
18. Vertakova Yu. V., Klevtsova M. G. Polozhentseva Yu. S. Prognozirovanie cifrovoj transformacii ekonomiki na osnove operezhayushchih i signal'nyh indikatorov [Forecasting the digital transformation of the economy based on leading and signal indicators]. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*, 2018, no. 11 (157), pp. 47-56.
19. Oborin M. S. Rol' cifrovyyh tekhnologij v promyshlennom razvitii regiona [The role of digital technologies in the industrial development of the region]. *Vestnik NGIEI = Bulletin of NGIEI*, 2021, no. 2 (117), pp. 113-123.
20. Polozhentseva Yu. S., Klevtsova M. G., Leontiev E. D. Effekty ot cifrovizacii ekonomicheskogo prostranstva v usloviyah transformacii sovremennogo obshchestva [Effects of digitalization of the economic space in the context of the transformation of modern society]. *Economic Chasopis-XXI*, 2019, no. 11-12, pp. 78-87.

Информация об авторе / Information about the Author

Положенцева Юлия Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и менеджмента, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: polojenceva84@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8296-0878, Researcher ID: O-2864-2015

Yulia S. Polozhentseva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Economics and Management, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: polojenceva84@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8296-0878, Researcher ID: O-2864-2015

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

ACTUAL PROBLEMS OF REGIONAL SOCIO- ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-92-104>

Оценка социально-экономического развития приграничных регионов Дальневосточного федерального округа Российской Федерации

Т. А. Витульева¹ ✉

¹ Улан-Баторский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова
проспект Мира 131, г. Улан-Батор 210351, Монголия

✉ e-mail: t-vituleva@mail.ru

Резюме

Актуальность. Социально-экономическое положение приграничных регионов в настоящее время рассматривается как локомотив развития приграничного взаимодействия и сотрудничества сопредельных территорий. Стратегически важно для России сегодня проведение эффективной политики развития регионов ДВФО РФ, расположенных вблизи стран АТР.

Целью исследования выступает оценка современной ситуации регионов ДВФО РФ, в том числе приграничных, на основе анализа социально-экономического положения субъектов округа.

Задачи исследования направлены на: проведение анализа динамики социально-экономических показателей, характеризующих современное развитие регионов ДВФО РФ, в том числе его приграничных регионов за период 2015-2019 гг.; оценку влияния современного положения на дальнейшее развитие округа.

Методология. В работе были использованы методы оценки современной социально-экономической ситуации, методы статистического анализа, метод сравнения и синтеза.

Результаты. В ходе анализа выявлено, что в последние годы в связи со смещением вектора внешнеполитического курса РФ наибольшее внимание со стороны российских органов власти было направлено на поддержку и дальнейшее развитие регионов ДВФО РФ и входящих в них территорий. В обновленной нормативно-правовой базе отмечается важность стратегического положения и близость территорий ДВФО РФ к территориям зарубежных стран. Однако наблюдается ряд проблем, связанных с достижением промежуточных результатов относительно развития социальной и экономической сфер рассматриваемых регионов, в частности миграция коренного населения, наплыв иностранных мигрантов со стороны восточных стран, неразвитость инфраструктуры, несовершенство механизма управления территориями.

Выводы. Предложениями по решению выявленных проблем могут стать меры, направленные на совершенствование нормативно-правовой базы, ее сближение с документами сопредельных государств-партнеров РФ в АТР, проведение систематического мониторинга за соблюдением намеченных промежуточных целей развития, направленных на достижение конечных ключевых стратегических показателей, дальнейшее стимулирование частного предпринимательства, создание комфортных условий для развития малого и среднего бизнеса, активное привлечение иностранных инвестиций, развитие внешней торговли.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие; регионы; Российская Федерация; Дальневосточный федеральный округ; внешняя политика.

© Витульева Т. А., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Managment. 2021; 11(6): 92–104

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Финансирование: Работа выполнена при поддержке гранта «Шаг в науку-2021» РЭУ им. Г. В. Плеханова «Особенности механизма управления приграничной территорией на основе анализа устойчивости социально-экономического развития регионов ДФО РФ».

Для цитирования: Витульева Т. А. Оценка социально-экономического развития приграничных регионов Дальневосточного федерального округа Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 92–104. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-92-104>.

Поступила в редакцию 17.10.2021

Принята к публикации 14.11.2021

Опубликована 29.12.2021

Assessment of the Socio-Economic Development of the Border Regions of the Far Eastern Federal District of the Russian Federation

Tatyana A. Vitulyeva¹ ✉

¹ Ulaanbaatar Branch of Plekhanov Russian University of Economics
131 Peace Avenue, Ulan-Bator 210351, Mongolia

✉ e-mail: t-vituleva@mail.ru

Abstract

Relevance. The socio-economic situation of the border regions is currently considered as a locomotive for the development of border interaction and cooperation of adjacent territories. It is strategically important for Russia today to pursue an effective policy for the development of the regions of the Far Eastern Federal District of the Russian Federation located near the APR countries.

The purpose of the scientific article is to assess the current situation of the regions of the Far Eastern Federal District of the Russian Federation, including border regions, based on the analysis of the socio-economic situation of the subjects of the district.

Objectives of the research are aimed at analyzing the dynamics of socio-economic indicators characterizing the current development of the regions of the Far Eastern Federal District of the Russian Federation, including its border regions for the period 2015-2019; assessing the impact of the current situation on the further development of the district.

Methodology. The author used methods of assessing the current socio-economic situation, methods of statistical analysis, the method of comparison and synthesis.

Results. The analysis revealed that in recent years, due to the shift in the vector of the foreign policy course of the Russian Federation, the greatest attention from the Russian authorities was directed to the support and further development of the regions of the Far Eastern Federal District of the Russian Federation and their territories. The updated regulatory framework notes the importance of the strategic position and the proximity of the territories of the Far Eastern Federal District of the Russian Federation to the territories of foreign countries. However, there are a number of problems associated with achieving intermediate results regarding the development of the social and economic spheres of the regions under consideration, in particular, the migration of the indigenous population, the influx of foreign migrants from the eastern countries, the underdevelopment of infrastructure, the imperfection of the territorial management mechanism.

Conclusions. The author's proposals for solving the identified problems can be measures aimed at improving the regulatory framework, bringing it closer to the documents of the neighboring partner states of the Russian Federation in the Asia-Pacific region, conducting systematic monitoring of compliance with the planned intermediate development goals aimed at achieving the final key strategic indicators, further stimulating private entrepreneurship, creating comfortable conditions for the development of small and medium-sized businesses, actively attracting foreign investment, developing foreign trade.

Keywords: socio-economic development; regions; the Russian Federation; the Far Eastern Federal District; foreign policy.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Funding: The work was supported by the grant "Step into Science-2021" of Plekhanov Russian University of Economics "Features of the mechanism of management of the border area based on the analysis of the sustainability of socio-economic development of the regions of the Far Eastern Federal District of the Russian Federation".

For citation: Vitulyeva T. A. Assessment of the Socio-Economic Development of the Border Regions of the Far Eastern Federal District of the Russian Federation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(6): 92–104. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-92-104>.

Received 17.10.2021

Accepted 14.11.2021

Published 29.12.2021

Введение

В связи с изменениями, происходящими на мировой арене, вектор геополитического развития современной России был смещен в сторону развития партнерских взаимовыгодных отношений России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). В частности, одной из приоритетных задач стало развитие российских регионов и их территорий на Дальнем Востоке.

Основные направления стратегии внешней политики России определены в соответствии с действующей Концепцией внешней политики РФ, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640. В российской внешнеполитической деятельности можно выделить расширяющиеся связи с АТР как перспективно развивающимся геополитическим регионом.

Оживление и динамичное развитие отношений России и стран АТР, согласно Концепции внешней политики РФ, являются одними из важных направлений внешнеполитической деятельности. Российская сторона рассматривает использование интеграционных процессов, происходящих в АТР, и участие в них как возможность реализации программ развития для регионов Сибири и Дальнего Востока. Активизация отношений со странами АТР приобретают особую важность в силу сложившейся непростой ситуации во взаимоотношениях России с западными странами и США.

Интерес стран АТР для России заключается в положительной динамике

темпов развития экономик этих стран, возможности реализации совместных проектов в различных сферах, соблюдении в политике нейтралитета по отношению к проблемам международного характера и безучастности во внутривнутриполитических делах других стран.

Наибольшее внимание со стороны руководства страны уделено территориям, входящим в Дальневосточный федеральный округ РФ (ДФО РФ). Особенности округа являются то, что он занимает наибольшую по величине площадь среди остальных федеральных округов страны (40,60% от территории РФ), отдален он административной столицы – г. Москва, имеет малочисленное население (5,56% от численности населения РФ на 2021 г.) [1], сложные природные условия и приграничное положение относительно стран АТР.

Согласно Стратегии пространственного развития Российской Федерации, на период до 2025 г. были сформированы 12 макрорегионов, в число которых вошел Дальневосточный макрорегион. В состав макрорегиона входят республики Бурятия, Саха (Якутия), Забайкальский, Камчатский, Приморский, Хабаровский края, Амурская, Магаданская, Сахалинская области, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ [2, с. 44]. Территориально выделенный макрорегион совпадает с ДФО. Целью создания данной стратегии стало сокращение межрегиональных диспропорций в социально-экономическом развитии через поиск

точек роста каждого отдельного региона с учетом индивидуального потенциала и возможностей. Восемь субъектов в составе ДФО РФ имеют приграничные территории с зарубежными странами: по суше – с Монголией, Китаем, Южной Кореей; по морю – с Японией и США.

Современная модель развития и управления регионами ДВФО РФ характеризуется многопрофильностью реализации программ развития восточных российских регионов, за счет чего достигается мультипликативный эффект от выполнения крупных проектов, масштабирования предпринимательской активности. Оживление бизнес-процессов стало возможным благодаря утверждению федеральных законов «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (ТОРы) от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ и «О свободном порте Владивосток» от 03.07.2015 г. (СВП). «На сегодняшний день в ДФО действует 21 ТОР, в которые привлечено более 711 млрд рублей инвестиций и работает 26000 человек, а в 22 муниципальных образованиях действует режим СПВ с 1091 млрд рублей инвестиций и 88000 новыми рабочими местами» [3].

Материалы и методы

Исследование посвящено анализу основных экономических и социальных показателей регионов Дальневосточного федерального округа РФ за период 2015-2019 гг. К категории экономических показателей были отнесены ВРП, в том числе на душу населения, вложение инвестиций в основной капитал, величина прямых иностранных инвестиций, внутренние затраты на научные исследования и разработки, поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей, показатели внешнеторгового оборота. Социальное положение субъектов ДВФО РФ было рассмотрено через динамику показателей, таких как численность населения, уровень безработицы, величина за-

работной платы, численность пенсионеров, миграционный поток, использование ИКТ населением и организациями.

Информационной базой исследования стали данные Федеральной службы государственной статистики РФ, информация Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, справочно-правовая система по законодательству Российской Федерации «Гарант», данные Ситуационного центра РЭУ им. Г. В. Плеханова.

В работе также были изучены и проанализированы исследования схожей тематики других авторов, таких как: А. С. Абакумов, А. И. Демидова, Е. В. Новикова [4], А. Л. Вороненко, С. В. Грейзик [5], С. В. Дорошенко, К. А. Посысоева [6], П. В. Дружинин [7], О. Ю. Дубровина, О. В. Плотникова [8], В. В. Котилко, Ф. С. Пашенных, Х. М. Джантаев [9], А. В. Кузнецов, О. В. Кузнецова [10], А. В. Ломовцева, Л. Н. Николаева [11], А. Е. Лысенко [12], К. Л. Максимова [13], В. А. Колосов [14], А. Б. Володин [14; 15], М. В. Триняк, Т. Н. Кучинская [16], Е. А. Ушаков [17], А. Е. Янтранов, Н. И. Атанов, Д. А. Цыремпилов, В. С. Потаев [18], А. А. Хасанова [19], С. Цзоу [20], С. Ю. Черников [21].

Результаты и их обсуждение

За анализируемый период 2015-2018 гг. ВРП Дальневосточного федерального округа РФ возрос на 29,01% и составил в 2018 г. 5204116,8 млн руб. Изменение в основном произошло за счет положительной динамики ВРП регионов Республики Саха (Якутия) (+45,07%), Сахалинская область (+40,86%), Магаданская область (+35,71%), Камчатский край (+34,82%), Забайкальский край (+31,98%), входящих в состав федерального округа (рис.1).

Рассматривая структуру ВРП ДВФО РФ, следует отметить, что за период 2015-2018 гг. наибольшая доля в структуре формирования ВРП округа прихо-

дится на Сахалинскую область (22,67%) (данные представлены на 2018 г.), Республику Саха (Якутия) (20,84%), При-

морский край (16,03%), Хабаровский край (13,66%) (рис. 2).

Рис. 1. Динамика ВРП регионов ДВФО РФ за период 2015-2018 гг., млн руб.

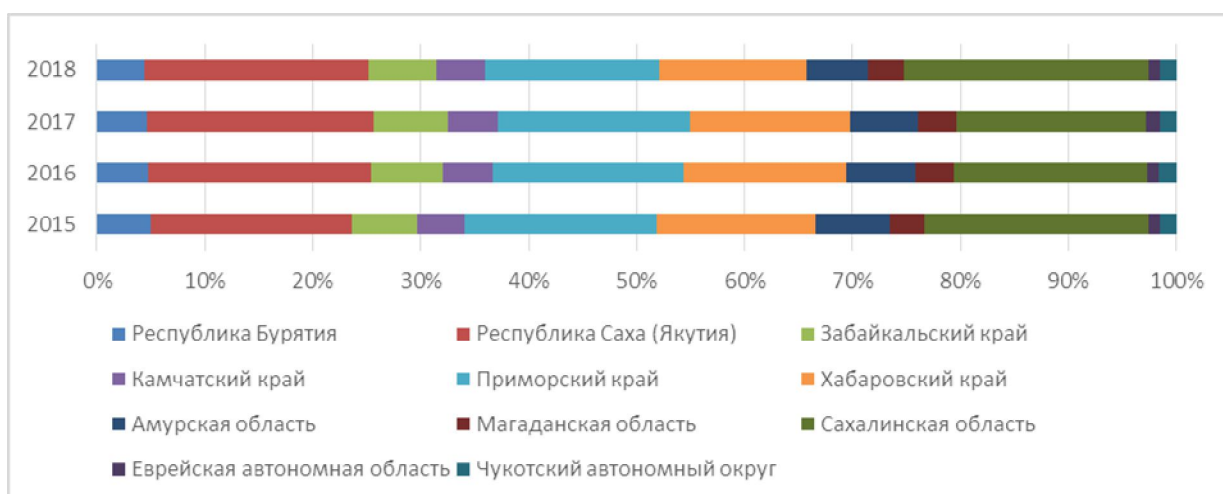

Рис. 2. Доля ВРП регионов, формируемых ВРП ДВФО РФ за период 2015-2018 гг., % [22]

Основными направлениями развития экономики Дальнего Востока являются горнодобывающая, золотодобывающая, рыбная и лесная промышленность, цветная металлургия, судостроение. Регионы ДФО богаты природными ресурсами: нефть и газ (2,0 трлн долл. США), уголь и железная руда (1,9 трлн долл. США), био- и лесные ресурсы (1,4 трлн долл. США), драгоценные металлы и алмазы (0,4 трлн долл. США), металлы (0,1 трлн долл. США) [23]. Большая часть мине-

рального сырья, лесных и рыбных ресурсов отправляется на экспорт в соседние зарубежные азиатские страны (Китай, Южную Корею и Японию).

Наибольший ВРП на душу населения по регионам приходится на Сахалинскую область, Чукотский автономный округ, Магаданскую область и Республику Саха (Якутия). Общий прирост ВРП на душу населения в ДВФО РФ составил 30% в 2018 г. по сравнению с 2015 г., что свиде-

тelleствует о положительной динамике развития регионов округа.

Рассматривая в динамике инвестиции в основной капитал, нужно отметить, что наблюдается рост вливаний, направленных на создание основных средств в регионах за период 2015-2019 гг. Так, прирост в целом по ДВФО РФ инвестиций в основной капитал в 2019 г. по отношению к 2015 г. составляет 54,86%. Наибольший удельный вес инвестиций в основной капитал приходится в 2019 г. на Республику Саха (24,19%), Амурскую область (21,57%), Сахалинскую область

(14,70%), Приморский край (11,38%), Хабаровский край (10,25%).

Однако величина прямых иностранных инвестиций в регионы ДВФО РФ в 2019 г. сократилась на 37,37% в сравнении с 2015 г. и составила 6770 млн долл. США в 2019 г. против 10810 млн долл. США в 2015 г. В структуре регионов наиболее привлекательными для иностранных инвесторов стали Сахалинская область (56,65% в структуре поступлений прямых иностранных инвестиций ДВФО РФ за 2019 г.), Республика Саха (17,25%), Хабаровский край (8,51%) (рис. 3).

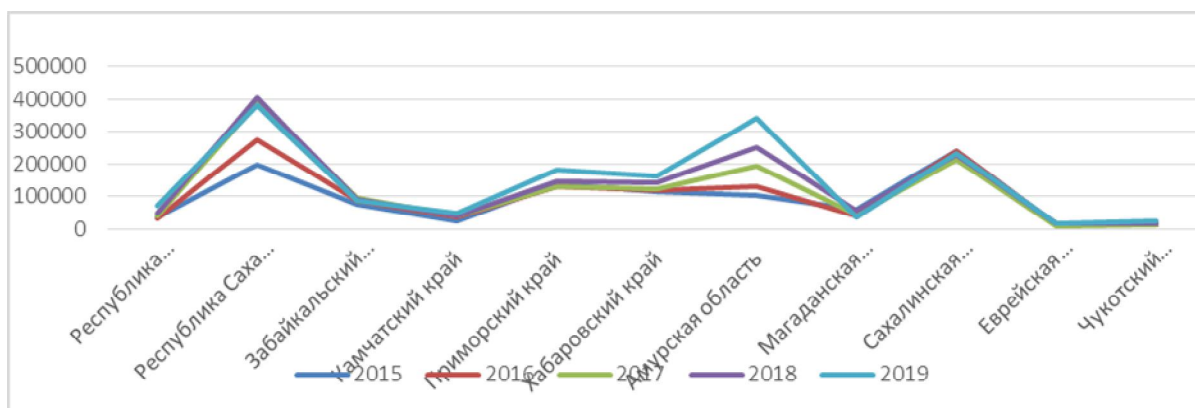

Рис. 3. Динамика инвестиций в основной капитал по субъектам ДВФО, млн руб. [22]

Недостаточные средства за рассматриваемый период направляются на внутренние затраты на научные исследования и разработки. Несмотря на то, что наблюдается относительный рост затрат в 2019 г. по отношению к 2015 г. на 7,42%, их доля в ВРП ДВФО РФ в 2018 г. составляет лишь 0,36%. Наибольшая доля внутренних средств на научные исследования и разработки от ВРП субъектов округа направляется в Приморский и Камчатский край, Магаданскую область.

Объем инвестиций в округ в 2019 г. составил 8,0% всех инвестиций России. Удельный вес инвестиций за счет собственных средств составил 54,0%, привлеченных средств – 46,0%, из которых 7,1% – средства федерального бюджета [24].

По данным ФНС России, по Дальневосточному федеральному округу по-

ступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в 2020 г. по сравнению с предыдущим периодом 2019 г. сократилось на 2,6% и составило 967,2 млрд руб. Совокупная задолженность по налогам и сборам, страховым взносам, сборам, пеням и налоговым санкциям в бюджетную систему Российской Федерации по состоянию на 1 января 2021 г. в целом по округу составила 80,6 млрд руб. [24].

За рассматриваемый период внешнеторговый оборот ДВФО был увеличен на 40,25% в 2019 г. по сравнению в 2015 г. (37163,40 млн долл. США против 26498,5 млн долл. США в 2015 г.). Однако в связи с пандемией внешнеторговый оборот за последний год был сокращен. Так, в 2020 г. внешнеторговый оборот составил 32 114,4 млн долл. США, что на 5 140,1 млн долл. США меньше, чем в 2019 г. (на

13,8%), при этом экспорт уменьшился на 4 765,4 млн долл. США (на 16,5%), а им-

порт уменьшился на 374,8 млн долл. США (на 4,4%) (рис. 4).

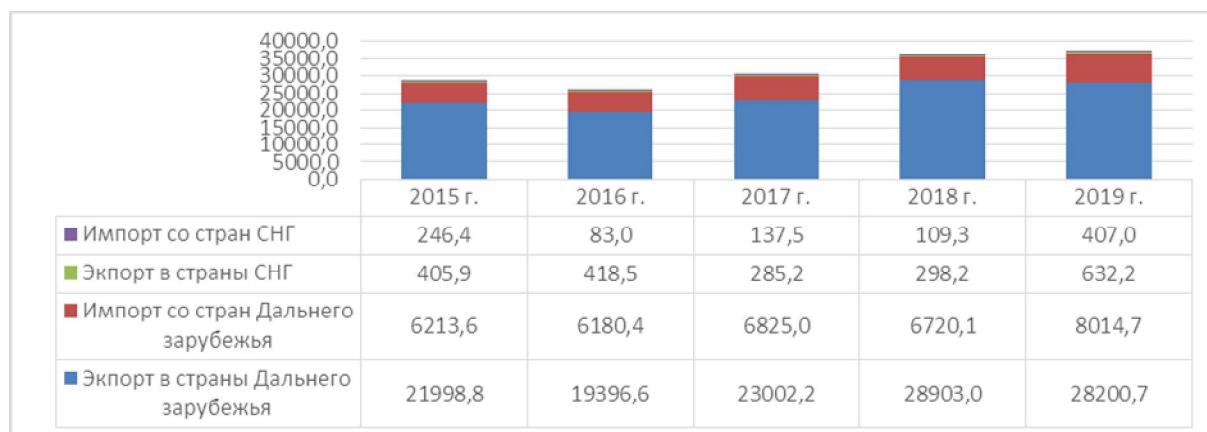

Рис. 4. Внешняя торговля ДВФО РФ со странами СНГ и дальнего зарубежья за период 2015-2019 г., млн долл. США [25]

Отметим, что ДВФО экспортирует товаров в 4 раза больше, чем импортирует. Ключевыми товарными группами экспорта являются: минеральное топливо, драгоценные камни, рыба и морепродукты. Основными импортируемыми в ДВФО товарами являются оборудование, транспортные средства и черные металлы. Субъекты федерального округа в рассматриваемом периоде в основном направляли свою продукцию на экспорт в страны Южная Корея, Китай, Япония, Казахстан, Индия, Тайвань (Китай). Основными странами-партнерами по импорту стали Китай, Япония, Южная Корея, Казахстан, США, Германия, Италия, Тайвань (Китай) [25].

Рассматривая социальные показатели развития субъектов ДВФО РФ, следует отметить, что численность населения округа за период 2015-2019 гг. сократилась на 1,1%, или на 91,1 тыс. чел. Сокращение показателя в субъектах округа наблюдается в основном на протяжении всего рассматриваемого периода. Однако сохраняется положительная динамика численности населения на Чукотке в 2019 г. (прирост за год 1,2%), в Республике Бурятия в 2019 г. (прирост за год 0,3%), в Республике Саха (Якутия) на протяжении последних 5 лет. Такая тенденция связана с

ростом коэффициентов естественного прироста населения в регионах, миграционным притоком трудоспособного населения, а также высоким уровнем заработной платы. Наиболее густонаселенными субъектами округа выступают Приморский и Хабаровский край, Забайкальский край, Республика Бурятия и Якутия.

Уровень безработицы в ДВФО сокращается с 2013 г., однако остается выше, чем аналогичный показатель в целом по России: 6,0 % против 4,6 % в среднем по России за 2019 г. [10]. За период 2015-2019 гг. наибольший уровень безработицы наблюдается в Республике Бурятия и Забайкальском крае. В субъектах Камчатский край, Хабаровский край и Чукотский автономный округ отмечен наименьший уровень безработицы.

Средняя номинальная месячная заработная плата в ДВФО выше общероссийского уровня, что является дополнительной нагрузкой для компаний в виде более высоких расходов на оплату труда. За период 2015-2019 гг. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций возросла на 30,75% и составила в 2019 г. 56437 руб. Самый высокий уровень заработной платы в 2019 г. зафиксирован на Чукотке (107107 руб.), самый низкий – в Респуб-

лике Бурятия (39115 руб.). В прямой зависимости от уровня зарплаты находится уровень расходов населения.

Численность пенсионеров, приходящихся на 1000 чел. населения, в целом по округу ниже общероссийского значения, имеется сокращающаяся тенденция за последние годы. Наиболее высокий показатель отмечается в Чукотском автономном округе, Сахалинской и Магаданской областях. Наименьшая нагрузка показателя характерна для Забайкальского края и Республики Бурятия. При этом численность занятых в ДВФО РФ, приходящихся на одного пенсионера, выше общероссийского уровня.

Средний по регионам ДВФО размер прожиточного минимума выше общероссийского, при этом минимальный уровень показателя среди всех субъектов округа отмечен в 2019 г. в Республике Бурятия (11274 руб.), Забайкальском крае (12337 руб.) и Амурской области (12379 руб.). Вместе с тем реальные денежные доходы населения в процентах к предыдущему году возросли и составили в 2019 г. 101,9 %, однако этот показатель сократился в сравнении с 2018 г. [2, с. 45].

Относительно миграционных потоков сохраняется тенденция к оттоку населения из округа. Миграционный отток наблюдается в основном за счет передвижений населения из других регионов, приток — за счет международных

передвижений. Наиболее привлекательными регионами округа выступают Республика Саха (Якутия) и Камчатский край. По интенсивности общей миграции населения по федеральным округам РФ в первом полугодии 2020 г. ДВФО занимает лидирующую позицию среди всех округов РФ. Отметим, что для Камчатского, Приморского, Хабаровского краев, Сахалинской области характерна также в большей степени международная миграция населения. Для сокращения оттока необходимо создание благоприятных условий для жизни и работы населения, проработка мер поддержки и развития инфраструктуры. Ведь данная проблема выступает одной из ключевых в сдерживании потенциала развития территории [2, с. 45].

По данным выборочного обследования населения по вопросам использования ИКТ наблюдается положительная динамика использования сети Интернет населением субъектов ДВФО РФ. В 2019 г. наибольший процент населения от общей численности субъектов Чукотского автономного округа (96,5%), Республики Саха (Якутия) (88,1%), Республики Бурятия (87%), Камчатского края (86,7%), Магаданской области (86,2%) имели доступ и активно использовали ИКТ в повседневной жизни. Среднее значение по ДВФО РФ составляет 83,9% в 2019 г., что на 12,1% выше по сравнению с 2015 г. (рис. 5).

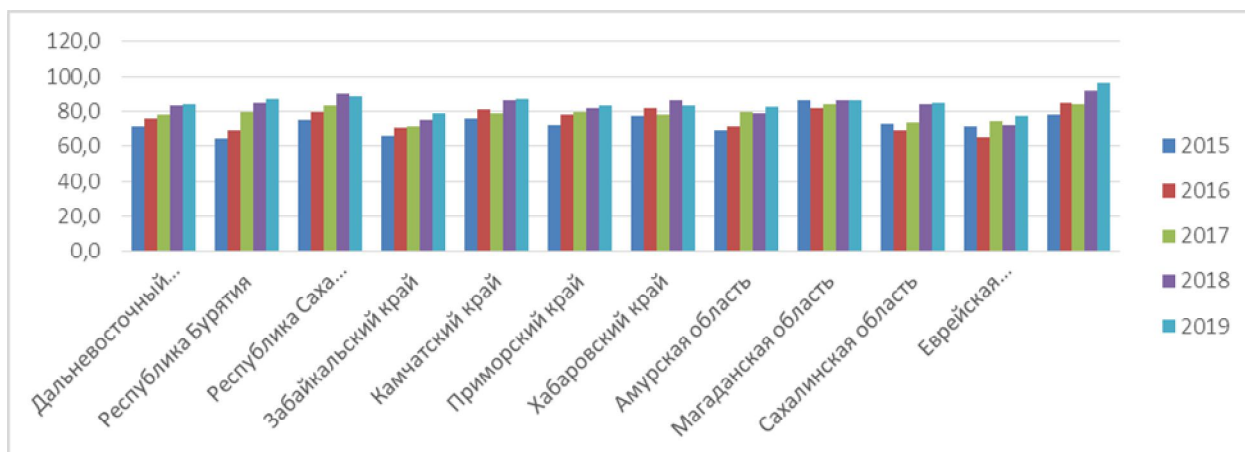

Рис. 5. Население, использовавшее сеть Интернет по субъектам ДВФО РФ, % [25]

Достаточно высокие показатели в округе по проценту организаций, использовавших сеть Интернет за рассматриваемый период. В 2019 г. доля таких организаций составляет в целом по округу 91,1%, что на 3,1% выше данных за 2015 г. Лидерами в данной позиции выступают организации регионов: Магаданская область, Камчатский край, Чукотский автономный округ, Забайкальский край.

Выводы

Среди преимуществ федерального округа стоит выделить близость к зарубежным рынкам приграничных стран АТР, наличие и развитие территорий особого развития (ТОР), создание льготных условий для привлечения и развития бизнес-структур на территориях федерального округа, перспективы привлечения иностранных инвестиций, особое внимание со стороны реализации государственной политики по развитию российских территорий, высокий уровень оплаты труда. Значимыми показателями обновления программы развития Дальнего Востока стали «укрупнение логистических центров, увеличение объема транспортных перевозок, рост промышленного производства, увеличение оборотов розничной торговли дали вполне очевидные показатели экономического роста ДФО» [3]. Однако создание ТОР, нацеленных на улучшение экономического и социального положений ДВФО РФ, может способствовать, как отмечает автор А. А. Хасанова, «экспансии территории со стороны соседнего государства» [19].

Основными проблемами федерального округа и его субъектов выступают сложные природно-климатические условия, наличие обширной территории с низкой плотностью населения, слабо развитой инфраструктурой, большой миграционный отток местного населения в регионы с более благоприятными условиями проживания и труда, высокие цены на потребительные товары, несовершенная

система управления территориями опережающего развития.

Проблемой выступает и то, что сравнительно «новые» субъекты, вошедшие в состав Дальневосточного федерального округа – Республика Бурятия и Забайкальский край, «имеют довольно низкие социально-экономические показатели по отношению к подавляющему большинству субъектов Российской Федерации» [17].

Несмотря на возможные перспективы дальнейшего развития ДВФО РФ, сдерживающими факторами выступают отдаленность от федерального центра, огромная территория и низкая заселенность. В современных условиях опережающего развития стран АТР роль Дальнего Востока выходит на первый план. Однако наблюдается низкая степень интегрированности экономики субъектов РФ. По большей части интегрированными выступают только южные части округа, объединенные единой транспортной и энергетической инфраструктурой.

Предложениями по решению выявленных проблем могут стать меры, направленные на совершенствование нормативно-правовой базы, ее сближение с документами сопредельных государств-партнеров РФ в АТР, проведение систематического мониторинга за соблюдением намеченных промежуточных целей развития, направленных на достижение конечных ключевых стратегических показателей, дальнейшее стимулирование частного предпринимательства, создание комфортных условий для развития малого и среднего бизнеса, активное привлечение иностранных инвестиций, развитие внешней торговли.

Территориальная близость регионов ДВФО к быстроразвивающимся странам АТР должна стать необходимой возможностью для развития потенциала округа. Особая роль должна быть уделена развитию приграничных территорий, имеющих перспективы сотрудничества в различных областях. Важно эффективно ис-

пользовать имеющийся потенциал в интересах российского общества, а также сохранить и укрепить геостратегическое положение РФ.

Внешиполитическая стратегия Российской Федерации направлена на обеспечение равноправного и активного участия в современной системе мирохозяйственных связей. При реализации стратегии внешней политики страна добивается учета российских интересов, создает условия для укрепления российского присутствия на мировых рынках, расширяет географию внешнеэкономических связей, стремится развивать равноправный диалог со странами-партнерами, вы-

ступает за расширение международного сотрудничества.

Усиление влияния стран АТР наблюдается не только в восточном пространстве, но и на мировой арене. С геополитической точки зрения данный регион открывает контроль над Евразийским континентом, потеря позиций в котором нежелательна. Интерес России заключается в развитии восточной части своей территории за счет привлечения финансирования, технологий и сил стран АТР. Несмотря на очевидное повышение интереса к Азии и новую «большую евразийскую» риторику, руководство Российской Федерации до сих пор не выработало общую стратегию отношений со странами АТР.

Список литературы

1. Энциклопедический справочник. URL: <http://council.gov.ru/services/reference/10483/> (дата обращения: 11.09.2021).
2. Витульева Т. А. Социально-экономический анализ развития приграничных регионов Дальневосточного федерального округа РФ // Устойчивое развитие социально-экономической системы Российской Федерации: сборник трудов XXII Всероссийской научно-практической конференции / под научной редакцией В. М. Ячменевой. Симферополь: Ариал, 2020. С. 43-46.
3. Шелест Д. Дальний Восток России: новый вектор развития. URL: https://www.dvfu.ru/expertise/news/far_east/dalniy_vostok_rossii_novyy_vektor_razvitiya/ (дата обращения: 17.09.2021).
4. Абакумов А. С., Демидова А. И., Новикова Е. В. Влияние социо-эколого-экономических факторов на пространственное развитие регионов Дальнего Востока // Экономика и предпринимательство. 2021. № 3(128). С. 434-438. <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.128.3.083>.
5. Вороненко А. Л., Грейзик С. В. История и перспективы развития российско-китайского межрегионального приграничного сотрудничества на Дальнем Востоке // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2020. № 3 (104). С. 22-23.
6. Дорошенко С. В., Посысоева К. А. Эконометрическая оценка стратегических факторов развития приграничных регионов России // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 2. С. 431-444. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-6>.
7. Дружинин П. В. Особенности развития приграничных регионов // Регионоведение. 2017. Т. 25, № 2 (99). С. 200-216.
8. Дубровина О. Ю., Плотникова О. В. Международные связи регионов государств: характеристика и особенности. М.: Норма; ИНФРА-М, 2016. 192 с.
9. Котилко В. В., Пашенных Ф. С., Джантаев Х. М. Приграничные регионы России и опыт развития приграничных районов за рубежом. М.: Российский университет дружбы народов, 2016. 253 с.
10. Кузнецов А. В., Кузнецова О. В. Изменение роли приграничных регионов в региональной политике стран ЕС и России // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 4. С. 58-75. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-4-4>.
11. Ломовцева А. В., Николаева Л. Н. Экономическое развитие Дальневосточного федерального округа в современных условиях // Трансформация национальной социально-экономической системы России: материалы I Международной научно-практической конференции. М.: Российский государственный университет правосудия, 2019. С. 195-201.

12. Лысенко А. Е. Проблемы и перспективы приграничного сотрудничества России и Китая // MODERN SCIENCE. 2020. № 10-2. С. 455-458.
13. Максимова К. Л. К вопросу о привлечении иностранных работников в ТОР, расположенных в Дальневосточном федеральном округе // Инновации и инвестиции. 2018. № 2. С. 152-156.
14. Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В. А. Колосова. М.: ИП Матушкина И. И., 2018. 562 с.
15. Российское пограничье: социально-политические и инфраструктурные проблемы: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. В. А. Колосова и А. Б. Володина. М.: ИП Матушкина И. И., 2016. 188 с.
16. Триняк М. В., Кучинская Т. Н. Приграничное сотрудничество в рамках региональной модели «Северо-Восток КНР – Дальний Восток РФ»: современное состояние и перспективы // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник восточного центра. 2020. № 23. С. 14-19.
17. Ушаков Е. А. Социально-экономическое положение новых субъектов ДВФО при сравнении с другими субъектами федерального округа // Геосистемы восточных районов России: особенности их структур и пространственного развития: сборник научных статей. Владивосток: Дальнаука, 2019. С. 29-36. <https://doi.org/10.35735/tig.2019.12.22.003>.
18. Факторы «новой экономической географии» и интеграционная деятельность регионов Забайкалья / А. Е. Янтранов [и др.] // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2019. № 2. С. 91-97.
19. Хасанова А. А. Инструмент региональной политики: Территория опережающего социально-экономического развития // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования: сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции / под общей редакцией С. С. Чернова. Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества, 2017. С. 37-42.
20. Цзоу С. Российско-китайские зоны приграничного сотрудничества: перспективы взаимодействия РФ и КНР // Россия и АТР. 2020. № 3 (109). С. 134-150.
21. Черников С. Ю. Особенности торгово-инвестиционного взаимодействия России с Китаем // Экономика: проблемы, решения и перспективы. 2016. № 3. С. 113-118.
22. Социально-экономические показатели по субъектам Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652> (дата обращения: 30.09.2021).
23. Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики URL: <https://minvr.gov.ru> (дата обращения: 08.09.2021).
24. Социально-экономическое положение федеральных округов – 2020 г. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_20/Main.htm (дата обращения: 18.09.2021).
25. Обзор внешнеэкономической деятельности Дальнего Востока за 2020 год. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/folder/230468/document/270417> (дата обращения: 18.09.2021).

References

1. Entsiklopedicheskii spravochnik [Encyclopedic reference]. Available at: <http://council.gov.ru/services/reference/10483/>. (accessed 11.09.2021)
2. Vitulyeva T. A. [Socio-economic analysis of the development of the border regions of the far Eastern Federal district of the Russian Federation]. Ustojchivoe razvitie social'no-ekonomicheskoy sistemy Rossijskoj Federacii. Sbornik trudov XXII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Sustainable development of socio-economic system of the Russian Federation. Proceedings of the XXII all-Russian scientific-practical conference]; ed. by V. M. Yachmenevoj. Simferopol', Arial Publ., 2020, pp. 43-46. (In Russ.)
3. Shelest D. Dal'nij Vostok Rossii: novyj vektor razvitiya [Far East of Russia: a new vector of development]. Available at: https://www.dvfu.ru/expertise/news/far_east/dalniy_vostok_rossii_novyy_vektor_razvitiya/. (accessed 17.09.2021)
4. Abakumov A. S., Demidova A. I., Novikova E. V. Vliyanie socio-ekologo-ekonomicheskikh faktorov na prostranstvennoe razvitie regionov Dal'nego Vostoka [Influence of socio-ecological and economic factors on the spatial development of the regions of the Far East]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. 2021. № 11(6). С. 92-104.

matel'stvo = *Economics and Entrepreneurship*, 2021, no. 3(128), pp. 434-438. <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.128.3.083>

5. Voronenko A. L., Grejzik S. V. Istoriya i perspektivy razvitiya rossijsko-kitajskogo mezhhregional'nogo prigranichnogo sotrudnichestva na Dal'nem Vostoke [History and prospects of development of Russian-Chinese interregional cross-border cooperation in the Far East]. *Vestnik Khabarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* = *Bulletin of the Khabarovsk State University of Economics and Law*, 2020, no.3 (104), pp. 22-23.

6. Doroshenko S. V., Posysoeva K. A. Ekonometricheskaya ocenka strategicheskikh faktorov razvitiya prigranichnykh regionov Rossii [Econometric assessment of strategic factors of development of the border regions of Russia]. *Ekonomika regiona* = *The Economy of the Region*, 2021, vol. 17, is. 2, pp. 431-444. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-6>

7. Druzhinin P. V. Osobennosti razvitiya prigranichnykh regionov [Features of the development of border regions]. *Regionologiya* = *Regionology*, 2017, vol. 25, no. 2 (99), pp. 200–216.

8. Dubrovina O. Yu., Plotnikova O. V. Mezhdunarodnye svyazi regionov gosudarstv: harakteristika i osobennosti [International relations of the regions States: characteristics and features]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2016. 192 p.

9. Kotilko V. V., Pashennykh F. S., Dzhantaev H. M. Prigranichnye regiony Rossii i opyt razvitiya prigranichnykh rajonov za rubezhom [Border regions of Russia and the experience of development of border regions abroad]. Moscow, Russian Peoples Friendship University Publ., 2016. 235 p.

10. Kuznecov A. V., Kuznecova O. V. Izmenenie roli prigranichnykh regionov v regional'noj politike stran ES i Rossii [Changing the role of border regions in the regional policy of the EU and Russia]. *Baltiyskij region* = *Baltic Region*, 2019, vol. 11, no. 4, pp. 58–75. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-4-4>

11. Lomovceva A. V., Nikolaeva L. N. [Economic development of the Far Eastern Federal District in modern conditions]. Transformatsiya nacional'noj social'no-ekonomicheskoy sistemy Rossii. Materialy I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Transformation of the national socio-economic system of Russia. Materials of the I International Scientific and Practical Conference]. Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj universitet pravosudiya Publ., 2019, pp. 195-201. (In Russ.)

12. Lysenko A. E. Problemy i perspektivy prigranichnogo sotrudnichestva Rossii i Kitaya [Problems and prospects of cross-border cooperation between Russia and China]. *MODERN SCIENCE* = *MODERN SCIENCE*, 2020, no. 10-2, pp. 455-458.

13. Maksimova K. L. K voprosu o privlechenii inostrannykh rabotnikov v TOR, raspolozhennykh v Dal'nevostochnom federal'nom okruge [On the issue of attracting foreign workers to the TOP located in the Far Eastern Federal District]. *Innovacii i investicii* = *Innovations and Investments*, 2018, no. 2, pp. 152-156.

14. Rossijskoe pogranich'e: vyzovy sosedstva [Russian borderland: challenges of neighborhood]; ed. by V. A. Kolosova. Moscow, IP Matushkina I. I. Publ., 2018. 562 p.

15. Rossijskoe pogranich'e: social'no-politicheskie i infrastrukturnye problem. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [The Russian frontier: socio-political and infrastructural problems. Materials of the All-Russian Scientific and Practical conference]; ed. by V. A. Kolosova and A. B. Volodina. Moscow, IP Matushkina I. I. Publ., 2016. 188 p.

16. Trinyak M. V., Kuchinskaya T. N. Prigranichnoe sotrudnichestvo v ramkah regional'noj modeli "Severo-Vostok KNR - Dal'nij Vostok RF": sovremennoe sostoyanie i perspektivy [Cross-border cooperation within the framework of the regional model "North-East of China – Far East of the Russian Federation": current state and prospects]. *Rossiya i Kitaj: problemy strategicheskogo vzaimodejstviya: sbornik vostochnogo centra* = *Russia and China: Problems of Strategic Interaction: Collection of the Eastern Center*, 2020, no. 23, pp. 14-19.

17. Ushakov E. A. [Socio-economic situation of the new subjects of the Far Eastern Federal District in comparison with other subjects of the Federal District]. Geosistemy vostochnykh rajonov Rossii: osobennosti ih struktur i prostranstvennogo razvitiya. Sbornik nauchnykh statej [Geosystems of the eastern regions of Russia: features of their structures and spatial development. Collection of scientific articles]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2019, pp. 29-36. (In Russ.) <https://doi.org/10.35735/tig.2019.12.22.003>

18. Yantranov A. E., eds. Faktory "novoj ekonomicheskoy geografii" i integracionnaya deyatel'nost' regionov Zabajkal'ya [Factors of the "new economic geography" and integration activity of the regions of Transbaikalia]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika i menedzhment = Bulletin of the Buryat State University. Economics and Management*, 2019, no. 2, pp. 91-97.
19. Hasanova A. A. [Instrument of regional policy: The territory of advanced socio-economic development]. *Sotsial'no-ekonomicheskie nauki i gumanitarnye issledovaniya. Sbornik materialov XVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Socio-economic Sciences and Humanitarian studies. A collection of materials of the XVIII International Scientific and Practical Conference]*; ed. by S. S. Chernova. Novosibirsk, Centr razvitiya nauchnogo sotrudnichestva Publ., 2017, pp. 37-42. (In Russ.)
20. Czou S. Rossijsko-kitajskie zony prigranichnogo sotrudnichestva: perspektivy vzaimodejstviya RF i KNR [Russian-Chinese zones of cross-border cooperation: Prospects of cooperation between Russia and China]. *Rossiya i ATR = Russia and the Asia-Pacific Region*, 2020, no. 3 (109), pp. 134-150.
21. Chernikov S. Yu. Osobennosti torgovo-investicionnogo vzaimodejstviya Rossii s Kitaem: stat'ya [Features of trade and investment cooperation between Russia and China]. *Ekonomika: problemy, resheniya i perspektivy = Economics: Problems, Solutions and Prospects*, 2016, no. 3, pp. 113-118.
22. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli po sub'ektam Rossiiskoi Federatsii [Socio-economic indicators for the subjects of the Russian Federation]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652>. (accessed 30.09.2021)
23. Ministerstvo Rossiiskoi Federatsii po razvitiyu Dal'nego Vostoka i Arktiki [Ministry of the Russian Federation for the Development of the Far East and the Arctic]. Available at: <https://minvr.gov.ru>. (accessed 08.09.2021)
24. Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie federal'nykh okrugov – 2020 g. [Socio-economic situation of federal districts – 2020]. Available at: https://gks.ru/bgd/regl/b20_20/Main.htm. (accessed 18.09.2021)
25. Obzor vneshneekonomicheskoi deyatel'nosti Dal'nego Vostoka za 2020 god [Review of foreign economic activity of the Far East for 2020]. Available at: <http://dvtu.customs.gov.ru/folder/230468/document/270417>. (accessed 18.09.2021)

Информация об авторе / Information about the Author

Витульева Татьяна Александровна, старший преподаватель междисциплинарной кафедры, научный сотрудник отдела науки, соискатель кафедры государственного и муниципального управления, Улан-Баторский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова, г. Улан-Батор, Монголия,
e-mail: t-vituleva@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-4613-4218,
Researcher ID: H-6294-2018

Tatyana A. Vitulyeva, Senior Lecturer of the Interdisciplinary Department, Researcher of the Department of Science, Applicant of the Department of State and Municipal Management, Ulaanbaatar Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Ulan-Bator, Mongolia,
e-mail: t-vituleva@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-4613-4218,
Researcher ID: H-6294-2018

Вызовы для экономической безопасности регионов России в период пандемии

Е. К. Карпунина¹ ✉, Е. В. Конищев²

¹ Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
ул. Интернациональная 33, г. Тамбов 392000, Российская Федерация

² Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
Ленинградский проспект 80Е, г. Москва 125190, Российская Федерация

✉ e-mail: egenkak@mail.ru

Резюме

Актуальность исследования определяется необходимостью разработки методики анализа регионального развития для выявления вызовов пандемии, а также поиском эффективного инструментария обеспечения экономической безопасности российских регионов с учетом реальных и ожидаемых угроз.

Цель статьи состоит в идентификации вызовов пандемии COVID-19 для экономической безопасности регионов России, а также в обосновании комплекса эффективных мер по преодолению возникающих проблем регионального развития.

Задачами исследования являются: определение особенностей пандемии COVID-19 и ее влияния на социально-экономическое развитие регионов; систематизация вызовов пандемии для экономической безопасности российских регионов; разработка механизма обеспечения экономической безопасности российских регионов в период пандемии.

Методология исследования базируется на использовании метода систематизации, метода экономико-статистического анализа, метода компаративного анализа, метода индукции и дедукции, графического метода, а также системного подхода для достижения поставленных целей и задач.

Результаты. В результате проведенного исследования определены особенности пандемии COVID-19 и ее влияния на социально-экономическое развитие регионов России. Авторами предложена система показателей, адаптированная для проведения анализа регионального развития и выявления вызовов пандемии для регионов, в частности, за счет введения индикаторов санитарно-эпидемиологической обстановки. Проведенный анализ состояния региональных хозяйственных систем в период пандемии позволил авторам выделить реальные и ожидаемые вызовы пандемии для экономической безопасности российских регионов.

Выводы. В статье предложены меры государственной политики по обеспечению экономической безопасности российских регионов с учетом реальных и ожидаемых вызовов пандемии. Полученные результаты развивают теоретические основы исследования проблем экономической безопасности регионов, а также могут быть использованы в практической деятельности региональных органов власти в качестве методической основы при формировании инструментария нивелирования угроз экономической безопасности.

Ключевые слова: регион; Россия; экономическая безопасность; пандемия; вызовы; инструменты обеспечения экономической безопасности.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Карпунина Е. К., Конищев Е. В. Вызовы для экономической безопасности регионов России в период пандемии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 105–120. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-105-120>.

Поступила в редакцию 05.10.2021

Принята к публикации 03.11.2021

Опубликована 29.12.2021

Challenges for the Economic Security of Russia's Regions During the Pandemic

Evgeniya K. Karpunina¹ ✉, Egor V. Konishchev²

¹ Tambov State University named after G. R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya str., Tambov 392000, Russian Federation

² Moscow Financial and Industrial University "Synergy"
80E Leningradsky Prospekt, Moscow 125190, Russian Federation

✉ e-mail: egenkak@mail.ru

Abstract

The relevance of the study is determined by the need to develop a methodology for analyzing regional development to identify the challenges of the pandemic, as well as the search for effective tools to ensure the economic security of Russian regions, taking into account real and expected threats.

The purpose of the article is to identify the challenges of the COVID-19 pandemic for the economic security of Russian regions, as well as to substantiate a set of effective measures to overcome emerging problems of regional development.

The objectives of the study are: to determine the features of the COVID-19 pandemic and its impact on the socio-economic development of regions; systematization of the pandemic's challenges for the economic security of Russian regions; development of a mechanism to ensure the economic security of Russian regions during the pandemic.

The methodology of the research is based on the use of the method of systematization, the method of economic and statistical analysis, the method of comparative analysis, the method of induction and deduction, the graphical method, as well as a systematic approach to achieve the goals and objectives.

Results. As a result of the conducted research, the features of the COVID-19 pandemic and its impact on the socio-economic development of the regions of Russia are determined. The authors propose a system of indicators adapted to analyze regional development and identify pandemic challenges for regions, in particular, by introducing indicators of the sanitary and epidemiological situation. The analysis of the state of regional economic systems during the pandemic allowed the authors to identify the real and expected challenges of the pandemic for the economic security of Russian regions.

Conclusions. The article proposes measures of state policy to ensure the economic security of Russian regions, taking into account the real and expected challenges of the pandemic. The obtained results develop the theoretical foundations of the study of the problems of economic security of regions, and can also be used in the practical activities of regional authorities as a methodological basis for the formation of tools for leveling threats to economic security.

Keywords: region; Russia; economic security; pandemic; challenges; tools for ensuring economic security.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Karpunina E. K., Konishchev E. V. Challenges for the EconomicS of Russia's Regions During the Pandemic. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(6): 105–120. (In Russ.) <https://doi.org/10/21869/2223-1552-2021-11-6-105-120>.

Received 05.10.2021

Accepted 03.11.2021

Published 29.12.2021

Введение

Развитие экономики региона происходит под влиянием целого спектра факторов, которые могут оказывать как позитивное, так и негативное влияние. Регион считается успешным, если он самостоятельно поддерживает определенный уровень устойчивого развития и реализует страте-

гически важные проекты для обеспечения благополучия населения при любых обстоятельствах. Такое состояние региона является экономически безопасным [1].

Однако в 2020 г., когда в мире разразилась пандемия COVID-19, российские регионы столкнулись с новыми вызовами. Их отличает, прежде всего, высокий уро-

вень неопределенности и непредсказуемости. Пандемия представляет собой не только высокий уровень эпидемиологической опасности для населения, но и несет колоссальную нагрузку на экономику региона и его социальное благополучие [2].

Для предотвращения негативного влияния пандемии правительства стран и региональные органы власти прибегли к введению режима самоизоляции и социального дистанцирования, приостановке деятельности предприятий, ограничению передвижений и транспортных перевозок. Естественно, это привело к обострению проблем экономической безопасности во всех субъектах Российской Федерации [2; 3]. Вынужденные меры вызвали снижение потребительского спроса, рост безработицы, способствовали увеличению бюджетных расходов, снижению инвестиционной активности, сокращению налоговых поступлений в бюджеты различного уровня, а также привели к росту задолженности субъектов Федерации и замедлению темпов роста валового регионального продукта [4].

В привычных условиях подобного рода вызовы для экономической безопасности регионов нивелируются рядом стандартных мер региональных органов власти. Однако в условиях неопределенности и отсутствия опыта преодоления таких ситуаций не все регионы способны преодолеть новые вызовы. Сегодня как никогда требуются новые действенные инструменты преодоления вызовов экономической безопасности и возвращения жизни регионов к стабильности.

Материалы и методы

Теоретико-методологическую основу проводимого исследования составляют труды В. Сенчагова [5], Е. Матвеевой [6], Р. Хасанова и А. Кораблевой [7]. Авторы не только раскрывают специфику экономической безопасности российских регионов, но и систематизируют инструменты ее обеспечения. В частности, исследователи отмечают, что целевыми ориенти-

рами безопасного состояния экономики региона являются расширенное воспроизводство, способность региона обеспечивать себя товарами первой необходимости, а также возможность удовлетворения жизненно важных потребностей населения. Для обеспечения экономической безопасности региона органы государственной власти могут целый спектр инструментов регионального управления инфраструктурного, денежно-кредитного, социального, инвестиционного характера.

Современный этап социально-экономического развития имеет ярко выраженные особенности, обусловленные распространением коронавирусной инфекции и воздействием пандемии на жизненно важные процессы в странах и их регионах. В публикациях Е. Карпуниной и др. [2], Е. Лисовой и др. [8], З. Межох и др. [9], Е. Королук и др. [3], Л. Овешниковой и Е. Сибирской [10] представлены промежуточные результаты влияния пандемии через введение локдаунов и санитарных ограничений на региональную экономику. Авторы предпринимают попытки обоснования путей преодоления кризисных явлений, вызванных пандемией, в регионах России.

Однако пролонгирование сроков пандемии и существующая неопределенность относительно эффективности принимаемых мер требуют продолжения научных исследований для выявления условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба интересам субъектов социально-экономической системы регионов России.

Цель исследования – определение вызовов пандемии COVID-19 для экономической безопасности регионов России, а также обоснование комплекса эффективных мер по преодолению возникающих проблем регионального развития.

Задачи исследования:

1. Определить особенности пандемии COVID-19 и ее влияния на социально-экономическое развитие регионов.

2. Систематизировать вызовы пандемии для экономической безопасности российских регионов.

3. Сформировать механизм обеспечения экономической безопасности регионов России в период пандемии.

Методы исследования: метод систематизации, метод экономико-статистического анализа, метод компаративного анализа, метод индукции и дедукции, графический метод, системный подход.

Результаты и их обсуждение

Для объективного отражения состояния экономической безопасности регионов РФ обычно используют систему показате-

лей, отражающих экономическую безопасность реального сектора экономики региона, финансовой и социальной сферы.

В период пандемии важно оперативно отслеживать дестабилизирующие факторы и прогнозировать их влияние на состояние экономической безопасности регионов. Однако часть показателей региональной статистики формируется с задержкой, поэтому будут исключены из нашего перечня. Кроме того, в связи с нарастанием эпидемиологической угрозы считаем необходимым дополнить перечень показателей для анализа индикаторами санитарно-эпидемиологической обстановки в регионах страны (табл. 1).

Таблица 1. Показатели для оценки экономической безопасности региона в период пандемии [7; 10]

Структурная составляющая экономической безопасности региона	Индикатор
1. Экономическая безопасность реального сектора экономики региона	Индекс промышленного производства
	Оборот розничной торговли на душу населения, руб.
	Внутренние затраты на исследования и разработки
	Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации в общем числе обследованных организаций
2. Экономическая безопасность финансового сектора экономики региона	Государственный долг региона
	Инвестиции в основной капитал на душу населения
3. Экономическая безопасность социальной сферы региона	Уровень безработицы населения
	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума
	Летальность населения от COVID-19

Проанализируем состояние экономической безопасности регионов России в разрезе приведенной системы показателей.

Так, пандемия COVID-19 и вызванные ей карантинные ограничения сказались на промышленном производстве. В 2020 г. его снижение в среднем по России составило 5,5% относительно 2019 г. В большинстве регионов России в пандемийном 2020 г. наблюдалась негативная динамика (рис. 1).

Наибольшее снижение индекса промышленного производства (на 10,6%) произошло в Дальневосточном федеральном округе. Только в Центральном и

Северо-Кавказском федеральных округах достигнут рост данного показателя – на 1,6% и 6,1% соответственно. Такое отклонение в Центральном федеральном округе от общероссийской динамики объясняется ростом промышленного выпуска за счет наращивания темпов прироста добывающей промышленности в Московской области на 31,2% вследствие расширения полномочий регионального министерства экологии и природопользования в области лицензирования и контрольно-надзорной деятельности в сфере разведки и добычи полезных ископаемых [12]. Рост промышленного производства

в Северо-Кавказском федеральном округе в 2020 г. обеспечила Ингушетию (на 34,6%), Кабардино-Балкарию (на 8,1%),

Чеченскую Республику (на 4,2%), Дагестан (на 14%), Северную Осетию (на 2,2%) и в Ставропольский край (на 3,8%) [13].

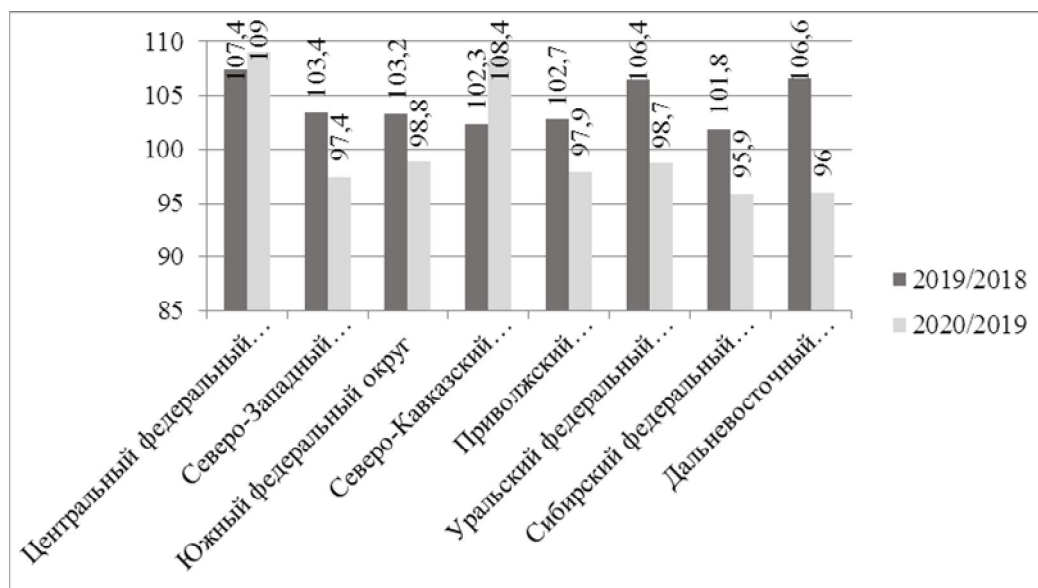

Рис. 1. Индекс промышленного производства в 2018-2020 гг. [11]

Негативное влияние пандемии проявилось в форме сокращения в 2020 г. оборота розничной торговли. Розничный товарооборот продовольственных товаров в целом по России сократился на 2,6% и составил в 2020 г. 16,403 трлн руб. Еще большее снижение произошло в части непродовольственных товаров – на 5,2%, его объем в 2020 г. зафиксирован на уровне 17,151 трлн руб. [14]. Негативная динамика сокращения оборота розничной торговли характерна для всех регионов страны (рис. 2).

Произошедший спад (в целом по России на 4,1% по сравнению с 2019 г.) стал следствием введенных региональными органами власти карантинных ограничений и режима самоизоляции, закрытием многих торговых центров, а также банкротством малых торговых предприятий. Северо-Западный федеральный округ продемонстрировал наибольшую устойчивость предприятий розничной торговли к условиям пандемийного кризиса, здесь снижение оборота розничной торговли составило только 2,9%. Напротив, максимальное

сокращение сегмента розничных продаж произошло в Южном федеральном округе (- 8%).

Фундаментальной основой, обеспечивающей стратегическое развитие реального сектора экономики региона, являются научные исследования и разработки. Именно поэтому объем финансирования затрат на исследования и разработки за счет внутренних ресурсов региона является показателем достигнутого уровня экономической безопасности. Сравнительный анализ динамики данного показателя в регионах России за 2019 и 2020 гг. представлен ниже (рис. 3).

Заметим, что в большинстве регионов России в 2020 г. объемы финансирования исследований и разработок остались без существенных изменений. Снижение показателя наблюдается в Северо-Западном (на 5,7%) и Приволжском (на 2,9 %) федеральных округах. В других регионах страны заметна позитивная динамика, что свидетельствует об устойчивости сектора к пандемийным воздействиям.

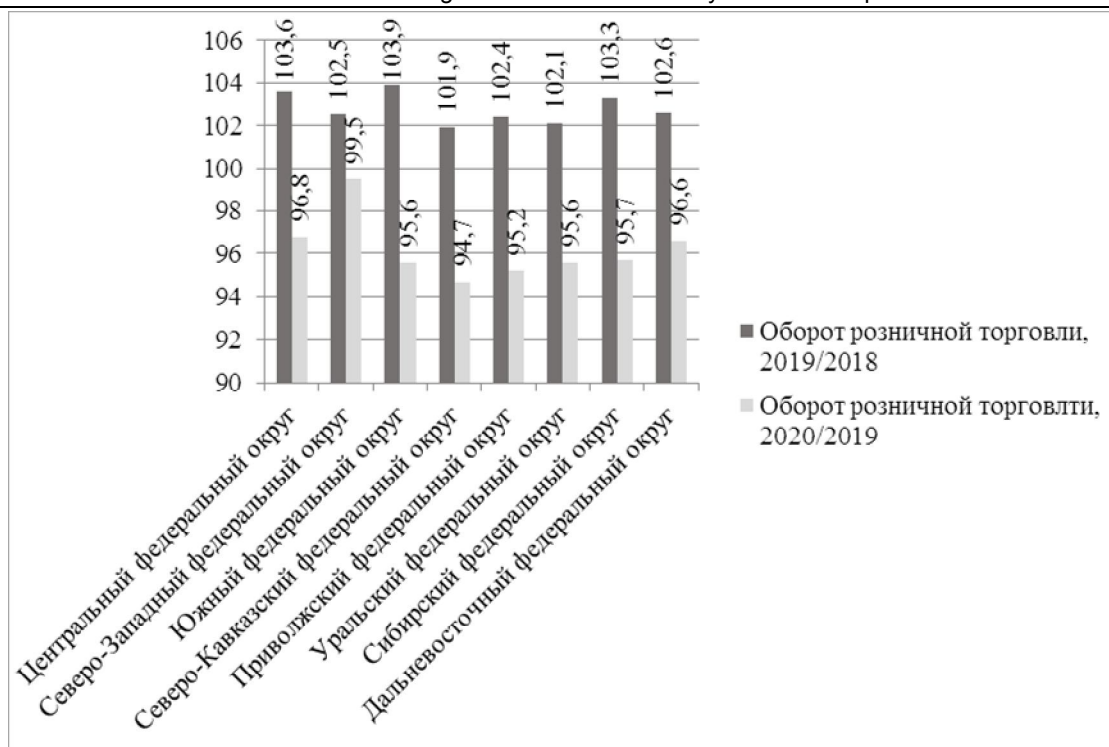

Рис. 2. Оборóт розничной торговли в регионах РФ в 2018-2020 гг. [15]

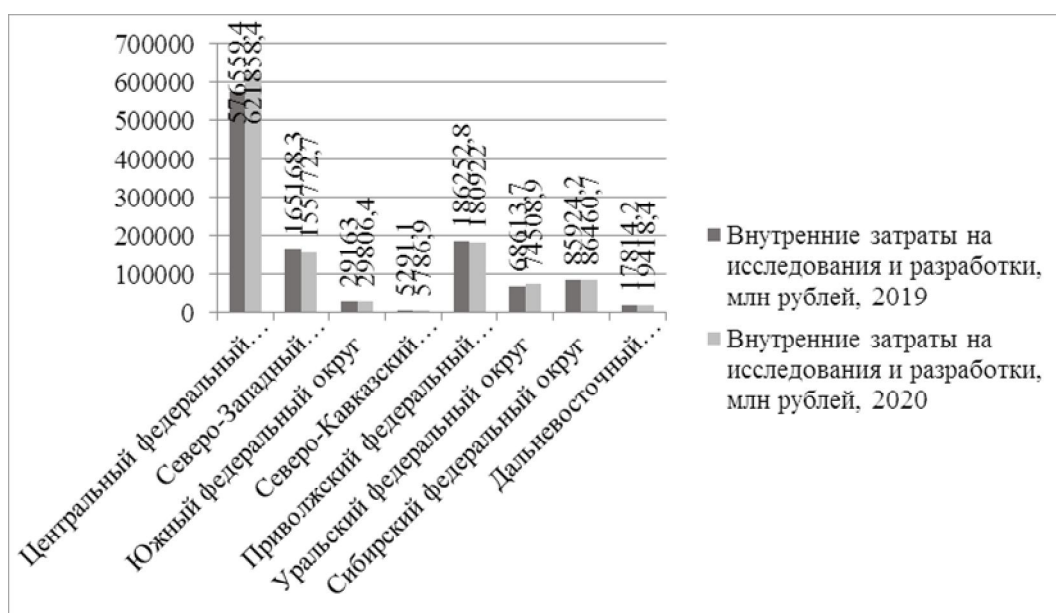

Рис. 3. Внутренние затраты на исследования и разработки в регионах России в 2019-2020 гг., млн руб. [15]

Негативное воздействие кризисных проявлений в экономике, как правило, отражается на ухудшении условий доступа к финансовым ресурсам, сокращении спроса и инвестиций, оттоке кадров, ухудшении экономического состояния в компаниях-партнерах и т. д. [16]. Ожидаемой реакцией хозяйствующих субъектов

на пандемию является сокращение удельного веса организаций, осуществляющих инновации [17]. Однако данные российской статистики за 2020 г. позволяют сделать вывод об отсутствии ярко выраженного негативного влияния пандемии на инновационную активность российских организаций (рис. 4).

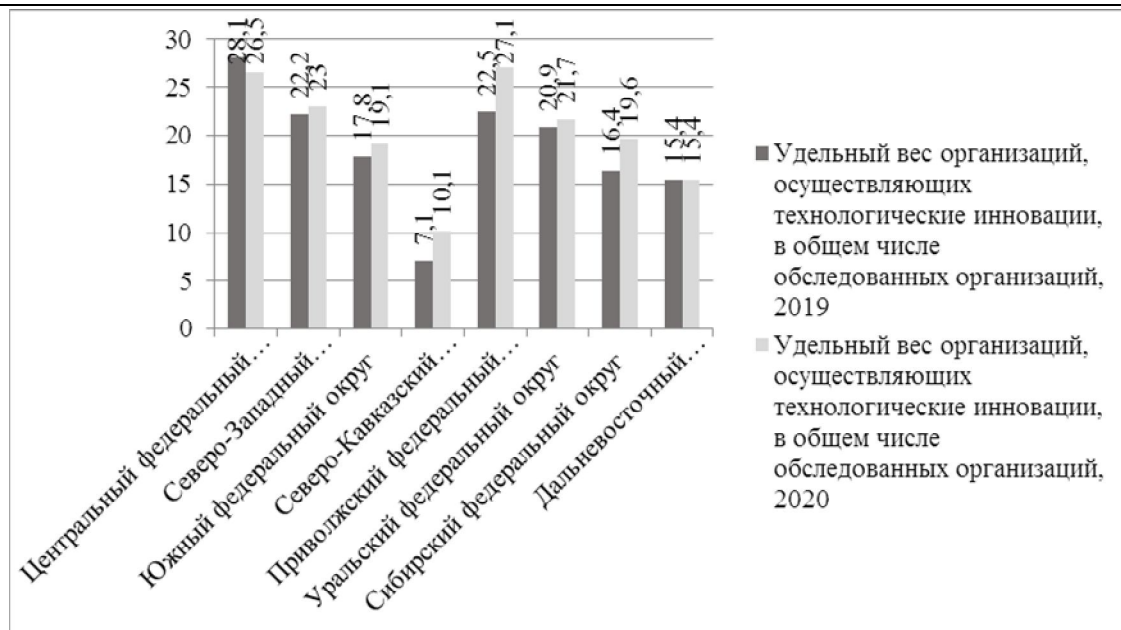

Рис. 4. Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации в общем числе обследованных организаций в регионах России в 2019-2020 гг., % [15]

Как видно из рисунка 4, в 2020 г. в Центральном федеральном округе произошло снижение на 5,7% удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации. В остальных регионах ситуация остается стабильной.

Экономическая безопасность финансового сектора экономики региона может быть оценена с помощью показателя государственного долга субъекта РФ.

Минфин РФ рассчитал величину совокупного государственного долга регионов страны: на 1 января 2020 г. он составил 2,1 трлн руб. (что меньше показателя 2019 г. на 100 млрд руб.) [18]; на 1 января 2021 г. его величина достигла 2,496 трлн руб. [19]. Таким образом, в абсолютном выражении государственный долг в 33 регионах страны вырос на 383 млрд руб. (рис. 5).

Наибольший рост объема государственного долга произошел в Северо-Западном и Центральном федеральных округах – в 4,8 и 1,2 раза соответственно. Безусловно, причиной осложнения ситуации является пандемия COVID-19, которая привела к недополучению доходов региональных бюджетов на фоне сокра-

щения на 2,5% налоговых и неналоговых доходов бюджетов субъектов РФ [22].

Сжатие внутреннего рынка, падение курса рубля и финансирование экстренных мер в сфере здравоохранения и сопряженных видах экономической деятельности не могли не отразиться на характере инвестиционной деятельности регионов. Кроме того, в 2020 г. произошло изменение показателей финансово-кредитного регулирования. В частности, в два раза была снижена ключевая ставка – с 7,5 до 5,5% (19.06.2020 г.) и 4,25% (03.09.2020 г.). Однако рост расходов бюджетных средств на инвестиционные программы в размере 2,7% ВВП и повышение активности корпоративного сектора и домашних хозяйств на денежно-кредитном рынке (рост вкладов и депозитов корпоративного сектора и физических лиц в 2020 г. (+9,0 п.п. относительно показателя 2019 г.) и корпоративных кредитов и кредитов, предоставленных физическим лицам, включая просроченную задолженность, – (+8,9 п.п.)) частично компенсировали неблагоприятное воздействие пандемии. В итоге в 2020 г. объем инвестиций в основной капитал в реальном выражении снизился только на 1,4% (рис. 6).

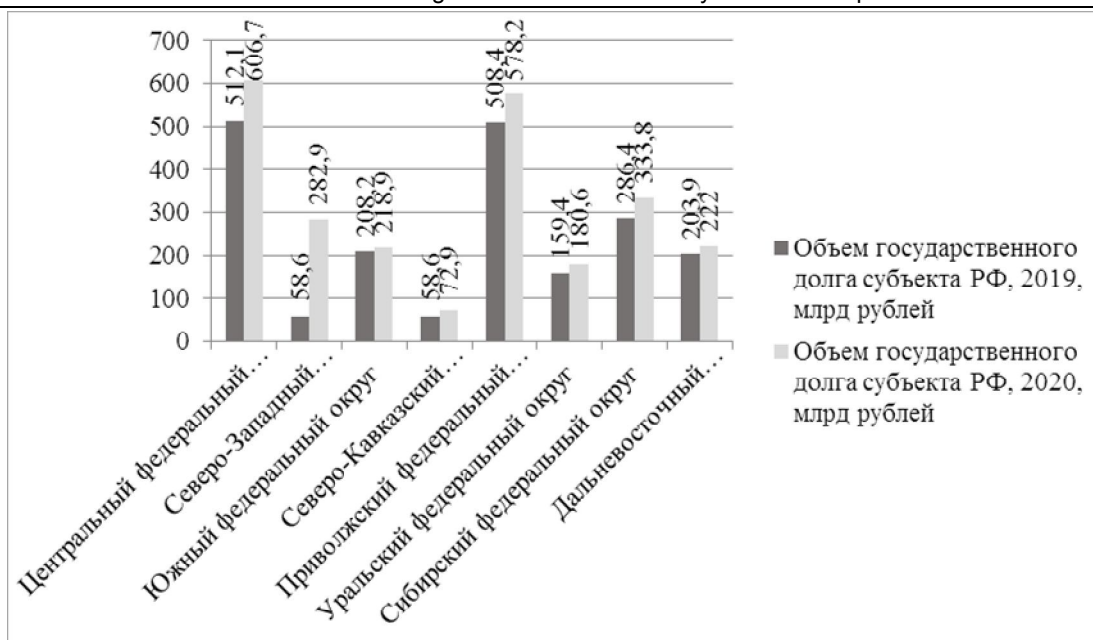

Рис. 5. Объем государственного долга субъектов РФ в 2019- гг., млрд руб. [20; 21]

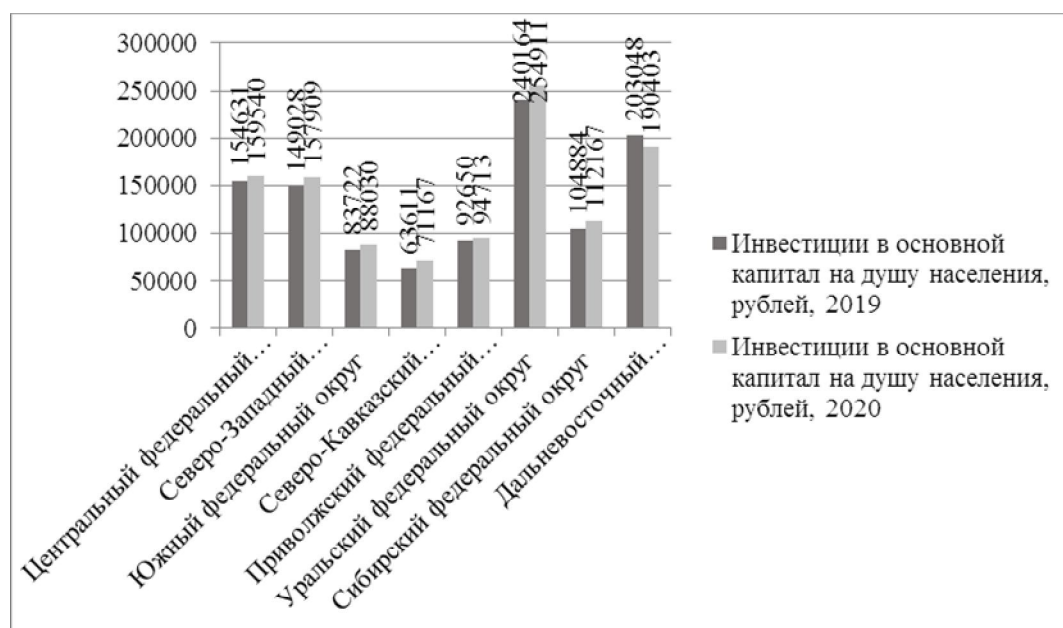

Рис. 6. Инвестиции в основной капитал на душу населения в регионах РФ в 2019-2020 гг. [23; 24]

В Дальневосточном федеральном округе по итогам 2020 г. объем инвестиций в основной капитал на душу населения сократился на 6,2% относительно уровня 2019 г. Во всех остальных регионах страны ситуация по итогам года осталась стабильной [25].

Среди показателей экономической безопасности социальной сферы регио-

нов проиллюстрировать негативное влияние пандемии может «уровень зарегистрированной безработицы». Отметим, что в 2020 г. число безработных в России выросло на 24,7% [26]. При этом такая же негативная динамика характерна для всех регионов страны без исключения (рис. 7).

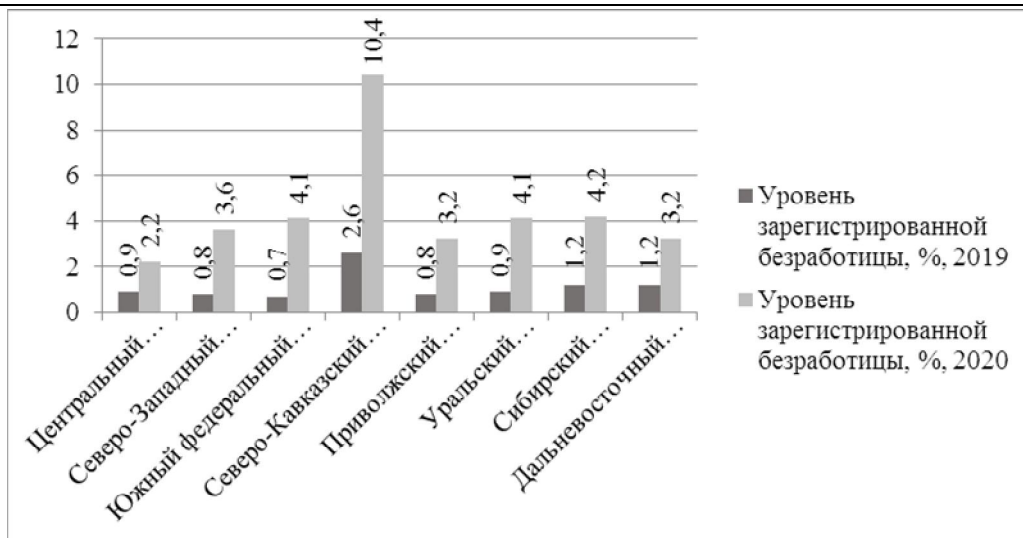

Рис. 7. Уровень зарегистрированной безработицы в регионах России в 2019-2020 гг., % [15]

Ситуация на рынке труда в регионах России обострилась из-за приостановления производственной деятельности в период локдауна, вынужденных увольнений трудящихся, сокращения или задержки заработной платы. Распространенными в российской практике инструментами, направленными на сдерживание безработицы, стали сокращение рабочего дня и отправка сотрудников в неоплачиваемый отпуск [27]. Наибольший всплеск безработицы произошел в Северо-Кавказском федеральном округе, а наименьший – в Центральном федеральном округе.

В 2020 г. произошел резкий рост числа россиян, живущих за чертой бедности, значение данного показателя в России достигло 1,8 млн человек. Снижение деловой активности из-за пандемии во втором квартале 2020 г. привело к тому, что 20 млн россиян стали получать доходы ниже прожиточного минимума [28]. Однако данные Федеральной службы государственной статистики РФ указывают, что численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума практически во всех регионах России в 2020 г. сократилась (рис. 8).

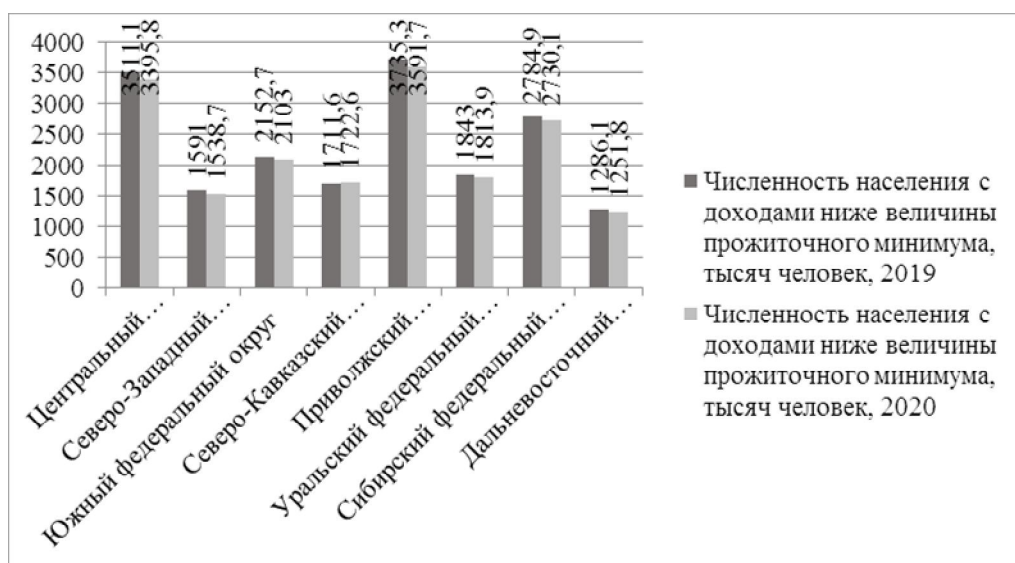

Рис. 8. Численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в 2019-2020 гг., тыс. чел. [15]

Исключение составляет Северо-Кавказский федеральный округ, где численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в 2020 г. увеличилась на 0,6%. Вероятно, ситуация может быть объяснена ростом инфляции в исследуемом периоде на 3,1%, а также так называемым «отложенным эффектом пандемии» [29].

Для анализа экономической безопасности регионов в период пандемии требуется учет показателей эпидемиологической обстановки. Предлагаем для этих целей использовать показатель летальности населения от COVID-19 (про-

центное соотношение умерших к выздоровевшим) (рис. 9).

Высокие показатели летальности населения свидетельствуют о неспособности региона защитить свое население от эпидемиологической угрозы, о несоответствии уровня медицинского обслуживания стандартам, а также о неэффективности регионального управления [2]. Самая тяжелая эпидемиологическая ситуация наблюдается в Южном федеральном округе, здесь летальность населения составляет 3,68%. Наиболее оптимистично выглядит Дальневосточный федеральный округ, где летальность населения составляет 1,77%.

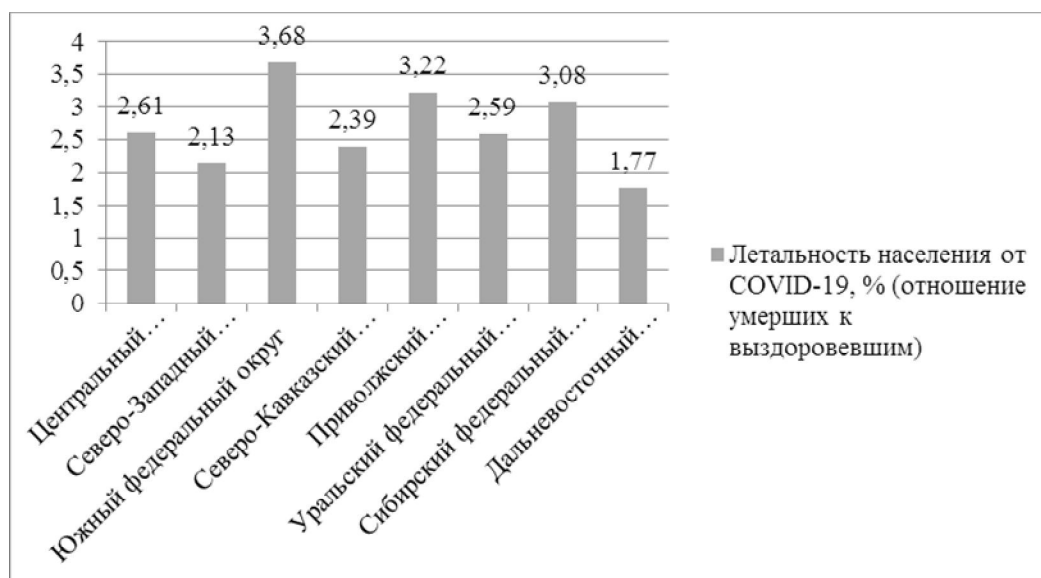

Рис. 9. Летальность населения регионов РФ от COVID-19 в 2020 г. [30]

Таким образом, можно систематизировать вызовы пандемии для экономической безопасности российских регионов:

- реальные (снижение объемов промышленного производства; сокращение оборота розничной торговли; увеличение государственного долга региона; рост безработицы среди населения; рост летальности населения от COVID-19);

- ожидаемые (сокращение внутренних затрат регионов на исследования и разработки; снижение удельного веса ор-

ганизаций, осуществляющих технологические инновации в общем числе обследованных организаций; снижение инвестиций в основной капитал на душу населения; увеличение численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума).

Исходя из идентифицированных вызовов целесообразна реализация следующего комплекса мер государственной политики по обеспечению экономической безопасности регионов (табл. 2).

Таблица 2. Комплекс мер государственной политики по обеспечению экономической безопасности региона

Идентификатор вызова	Меры
<i>Реальные вызовы для экономической безопасности региона</i>	
Снижение уровня промышленного производства	1. Предоставление льгот по местным налогам промышленным предприятиям региона. 2. Введение льготных режимов по аренде региональной и муниципальной собственности. 3. Льготное кредитование промышленных предприятий региона. 4. Реализация программ субсидирования промышленных предприятий региона. 5. Временное приостановление проведения выездных проверок промышленных предприятий региона контрольно-надзорными органами [31]
Сокращение оборота розничной торговли	1. Отмена ограничений, введенных из-за пандемии коронавируса, либо введение масочного доступа в организации розничной торговли. 2. Обеспечение предсказуемости и согласованности действий федеральных и региональных органов власти, а также инструментов их постоянного диалога с организациями торговли для решения оперативных проблем и задач. 3. Исключение применения избыточных и заведомо невыполнимых предписаний в отношении торговли, например, по использованию в торговых и логистических объектах рециркуляторов. 4. Компенсация государством затрат предприятий розничной торговли на противоэпидемиологические меры (закупку средств индивидуальной защиты, средств дезинфекции и оплату услуг организаций по дезинфекции, затрат на тестирование сотрудников на COVID-19 и др.) [32]
Увеличение государственного долга региона	1. Мобилизация внутренних ресурсов, в т. ч. путем переориентации текущих бюджетных расходов и проявления гибкости в использовании имеющихся бюджетных ресурсов. 2. Поддержка федерального центра в форме льготного финансирования для содействия борьбе с распространением вируса (материально-техническое обеспечение и инфраструктура в области здравоохранения и чрезвычайной помощи). 3. Обеспечение дополнительных ресурсов для стимулирования спроса и восстановления рабочих мест и производственно-сбытового потенциала до предкризисного уровня [33]
Рост безработицы среди населения	1. Субсидирование расходов на оплату труда штатного персонала. 2. Внедрение региональной системы профессиональной переподготовки кадров для поддержания граждан, потерявших работу во время пандемии. 3. Модернизация региональных бирж труда и укрепление связей с крупными предприятиями региона
Рост летальности населения от COVID-19	1. Реализация неотложных мер в области здравоохранения по минимизации вероятности новых эпидемических угроз. 2. Развитие сети медицинских учреждений и диагностики вирусных заболеваний в регионе. 3. Использование цифровых технологий, мобильных данных и дистанционных сервисов в борьбе с пандемией, в частности контроль за распространением вируса COVID-19 [10]
<i>Ожидаемые вызовы для экономической безопасности региона</i>	
Сокращение внутренних затрат регионов на исследования и разработки	Поддержка федерального центра в области науки, технологий и инноваций посредством предоставления грантов, кредитных и налоговых льгот

Идентификатор вызова	Меры
Снижение удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации в общем числе обследованных организаций	1. Реализация мер государственного стимулирования предпринимательской активности предприятий, осуществляющих технологические инновации. 2. Временное введение специальных налоговых режимов для предприятий, осуществляющих технологические инновации
Снижение инвестиций в основной капитал на душу населения	1. Реализация мер государственного стимулирования предпринимательской активности, в т. ч. по разработке новых бизнес-моделей и способов организации производства. 2. Совершенствование стратегий антикризисного управления предприятий
Увеличение численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума	1. Реализация мер социальной политики государства по защите социально уязвимых слоев населения. 2. Поддержка населения, потерявшего работу в период пандемии

Выводы

В статье предложен авторский подход к анализу экономической безопасности регионов в период пандемии. Обоснована целесообразность применения системы показателей для проведения анализа регионального развития и выявления вызовов пандемии для регионов.

Традиционно используемая система показателей экономической безопасности регионов дополнена индикаторами санитарно-эпидемиологической обстановки.

Проведенный анализ состояния региональных хозяйственных систем в период пандемии позволил авторам систематизировать реальные и ожидаемые вызовы пандемии для экономической безопасности российских регионов.

Авторы сформировали инструментарий обеспечения экономической безопасности регионов в период пандемии в соответствии с идентифицированными вызовами современного этапа развития.

Список литературы

1. Карпунина Е. К., Соболевская Т. Г. Экономическая безопасность регионов и новые цифровые горизонты // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2020. № 4 (52). С. 136-148.
2. Epidemic Threats and their Impact on the Economic Security of the State / E. Karpunina, O. Zabelina, G. Galieva, E. Melyakova, Y. Melnikova // Proceeding of the 35th IBIMA Conference, 1-2 April 2020. Seville, 2020. P. 7671-7682.
3. Diagnostics of Regional Economic Security Problems during the 2020 Crisis / E. Korolyuk, I. Rustamova, N. Kuzmenko, B. Khashir, E. Karpunina // Proceeding of the 37th IBIMA Conference, 1-2 April 2021. Cordoba, 2021. P. 5248-5257.
4. Lomovtseva O. A., Soboleva S. Yu., Sobolev A. V. Comparative characteristics of models of state support for national economies of the world in the context of the COVID-19 pandemic // Vestnik Universiteta. 2021. N 1. P. 91-98.
5. Сенчагов В. К. Экономическая безопасность России: монография. М.: Дело, 2015. 896 с.
6. Матвеева Е. Е. Механизм обеспечения экономической безопасности региона // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 282-288.

7. Хасанов Р., Кораблева А. Индекс экономической безопасности как инструмент оценки развития агропромышленных регионов // Экономическая политика. 2019. Т. 14, № 6. С. 82–101.
8. The Well-Being of Russian Regions under Threat: Economic and Social Impact Assessment of COVID-19 / E. Lisova, I. Petrov, T. Koryakina, V. Kalombo Mulamba, K. Karpunina // Proceeding of the 36th IBIMA conference, 4-5 November 2020. Granada, 2020. P. 7603-7616.
9. Economic Security of Russian Regions: Risk Factors and Consequences of the Covid-19 Pandemic / Z. Mejokh, E. Korolyuk, D. Sozaeva, N. Pilipchuk, E. Karpunina // Proceeding of the 36th IBIMA Conference, 4-5 November 2020. Granada, 2020. P. 8197-8205.
10. Овешникова Л. В., Сибирская Е. В. Covid-19 и его деструктивное влияние на экономическую безопасность регионов России // Россия: тенденции и перспективы развития: материалы XX национальной научной конференции с международным участием / Институт научной информации по общественным наукам РАН. М., 2020. С. 1052–1055.
11. Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109> (дата обращения: 10.09.2021).
12. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Май 2020. Динамика промышленного производства в России. URL: [https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/_май_печать_\(1\).pdf](https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/_май_печать_(1).pdf) (дата обращения: 10.09.2021).
13. В СКФО в январе-феврале 2020 года промпроизводство выросло на 5%. URL: <https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/freenews/5e9561649a79470ed4650a80> (дата обращения: 10.09.2021).
14. Оборот розничной торговли в России в 2020 году упал на 4,1%. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10572773> (дата обращения: 10.09.2021).
15. Социально-экономическое положение России. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 10.09.2021).
16. Грасмик К. И. Инновационная активность предприятий российской промышленности в условиях экономического кризиса // Проблемы прогнозирования. 2018. № 5(170). С. 156–165.
17. Карпунина Е. К., Молчан А. С., Листопад М. Е. Вызовы и угрозы экономической безопасности в условиях цифрового развития. Краснодар: Принттерра, 2020. 214 с.
18. Аналитики предсказали рост долгов регионов в 2020 году. URL: <https://www.rbc.ru/economics/14/02/2020/5e452d389a79473fed9c76e6> (дата обращения: 10.09.2021).
19. Государственный долг российских регионов возобновил рост. URL: https://finance.rambler.ru/realty/44591906/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 10.09.2021).
20. Объем и структура государственного долга субъектов Российской Федерации и долга муниципальных образований на 1 февраля 2020 г. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=129691-obem_i_struktura_gosudarstvennogo_dolga_subektov_rossiiskoi_federatsii_i_dolga_munitsipalnykh_obrazovaniy_na_1_fevralya_2020_g (дата обращения: 10.09.2021).
21. Объем и структура государственного долга субъектов Российской Федерации и долга муниципальных образований на 1 февраля 2021 г. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=132612-obem_i_struktura_gosudarstvennogo_dolga_subektov_rossiiskoi_federatsii_i_dolga_munitsipalnykh_obrazovaniy_na_1_fevralya_2021_g (дата обращения: 10.09.2021).
22. Долговая нагрузка на региональные бюджеты возобновила свой рост. URL: <https://riarating.ru/regions/20210218/630194870.html> (дата обращения: 10.09.2021).
23. Российская экономика в 2020 году: тенденции и перспективы. URL: <https://www.iep.ru/files/text/trends/2020/04.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).
24. Инвестиции в нефинансовые активы. URL: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (дата обращения: 10.09.2021).
25. Изряднова О., Воловик Н., Лаврищева А. Структурные особенности инвестиционной деятельности в условиях пандемии // Российское экономическое развитие. 2020. Т. 27, № 9. С. 13-21.
26. Росстат: число безработных в России в 2020 году выросло на 24,7%. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10572707> (дата обращения: 10.09.2021).
27. Максимова Е. В., Мухина Д. Ю. Изменения на рынке труда в современных кризисных условиях // Нормирование и оплата труда в промышленности. 2020. № 6. С. 38-42.

28. Росстат зафиксировал рост бедности на пике пандемии. URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/09/2020/5f64ba649a794707f1dd59d1> (дата обращения: 10.09.2021).
29. Ведомости. Аналитики зафиксировали рост доходов жителей почти четверти регионов России. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2020/09/03/838728-analitiki-zafiksirovali-rost-dohodov-zhitelei> (дата обращения: 10.09.2021).
30. Коронавирус в России. Данные на 13.09.2021. URL: <https://coronavirus-in.ru/> (дата обращения: 10.09.2021).
31. Высшая школа экономики. Региональные инициативы обеспечения социально-экономической стабильности в условиях пандемии COVID-19: меры поддержки бизнеса и обеспечения занятости населения. URL: <https://region.hse.ru/anti-crisis> (дата обращения: 10.09.2021).
32. Белов В. Торговля в условиях пандемии: business view. URL: <https://www.law.ru/blog/22678-torgovlya-v-usloviyah-pandemii-business-view> (дата обращения: 10.09.2021).
33. Задолженность и COVID-19: глобальные меры реагирования в духе солидарности. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/russian_debt_and_covid.pdf (дата обращения: 10.09.2021).

References

1. Karpunina E. K., Sobolevskaya T. G. Ekonomicheskaya bezopasnost' regionov i novye cifrovye gorizonty [Economic security of regions and new digital horizons]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie = Bulletin of Tver State University. Series: Economics and Management*, 2020, no. 4 (52), pp. 136-148.
2. Karpunina E., Zabelina O., Galieva G., Melyakova E., Melnikova Y. Epidemic Threats and their Impact on the Economic Security of the State. Proceeding of the 35th IBIMA Conference, 1-2 April 2020. Seville, 2020, pp. 7671-7682.
3. Korolyuk E., Rustamova I., Kuzmenko N., Khashir B., Karpunina E. Diagnostics of Regional Economic Security Problems during the 2020 Crisis. Proceeding of the 37th IBIMA Conference, 1-2 April 2021. Cordoba, 2021, pp. 5248-5257.
4. Lomovtseva O. A., Soboleva S. Yu., Sobolev A. V. Comparative characteristics of models of state support for national economies of the world in the context of the COVID-19 pandemic. *Vestnik Universiteta*, 2021, no. 1, pp. 91-98.
5. Senchagov V. K. Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii [Economic security of Russia]. Moscow, Delo Publ., 2015. 896 p.
6. Matveeva E. E. Mekhanizm obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti regiona [Mechanism of ensuring economic security of the region]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 6, pp. 282-288.
7. Hasanov R., Korableva A. Indeks ekonomicheskoy bezopasnosti kak instrument ocenki razvitiya agropromyshlennykh regionov [Economic security index as a tool for assessing the development of agro-industrial regions]. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*, 2019, vol. 14, no. 6, pp. 82-101.
8. Lisova E., Petrov I., Koryakina T., Kalombo Mulamba V., Karpunina K. The Well-Being of Russian Regions under Threat: Economic and Social Impact Assessment of COVID-19. Proceeding of the 36th IBIMA conference, 4-5 November 2020. Granada, 2020, pp. 7603-7616.
9. Mejokh Z., Korolyuk E., Sozaeva D., Pilipchuk N., Karpunina E. Economic Security of Russian Regions: Risk Factors and Consequences of the Covid-19 Pandemic. Proceeding of the 36th IBIMA Conference, 4-5 November 2020. Granada, 2020, pp. 8197-8205.
10. Oveshnikova L. V., Sibirskaya E. V. [Covid-19 and its destructive impact on the economic security of Russian regions]. *Rossiya: tendencii i perspektivy razvitiya. Materialy XX nacional'noj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Russia: trends and prospects of development. Materials of the XX National Scientific Conference with international participation]*. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2021, pp. 1052-1055.
11. Informaciya dlya vedeniya monitoringa social'no-ekonomicheskogo polozheniya sub"ektov Rossijskoj Federacii [Information for monitoring the socio-economic situation of the subjects of the Russian Federation]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109>. (accessed 10.09.2021)

12. Byulleten' o tekushchih tendentsiyah rossijskoj ekonomiki. Maj 2020. Dinamika promyshlennogo proizvodstva v Rossii [Bulletin on the current trends of the Russian economy. May 2020. Dynamics of industrial production in Russia]. Available at: [https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/_mai_pechat'_ \(1\).pdf](https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/_mai_pechat'_(1).pdf). (accessed 10.09.2021)
13. V SKFO v yanvare-fevrale 2020 goda promproizvodstvo vyroslo na 5% [In the North Caucasus Federal district in January-February 2020, the industrial production increased by 5%]. Available at: <https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/freenews/5e9561649a79470ed4650a80>. (accessed 10.09.2021)
14. Oborot roznichnoj trgovli v Rossii v 2020 godu upal na 4,1% [Retail trade turnover in Russia in 2020, fell 4.1%]. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/10572773>. (accessed 10.09.2021)
15. Social'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii [Socio-economic situation of Russia]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>. (accessed 10.09.2021)
16. Grasmik K. I. Innovacionnaya aktivnost' predpriyatij rossijskoj promyshlennosti v usloviyah ekonomicheskogo krizisa [Innovative activity of Russian industry enterprises in the conditions of economic crisis]. *Problemy prognozirovaniya = Problems of Forecasting*, 2018, no. 5(170), pp. 156-165.
17. Karpunina E. K., Molchan A. S., Listopad M. E. Vyzovy i ugrozy ekonomicheskoy bezopasnosti v usloviyah cifrovogo razvitiya [Challenges and threats to economic security in the context of digital development]. Krasnodar, Printterra Publ., 2020. 214 p.
18. Analitiki predskazali rost dolgov regionov v 2020 godu [Analysts predicted an increase in regional debts in 2020]. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/14/02/2020/5e452d389a79473fed9c76e6>. (accessed 10.09.2021)
19. Gosudarstvennyj dolg rossijskih regionov vozobnovil rost [The public debt of Russian regions has resumed growth]. Available at: https://finance.rambler.ru/realty/44591906/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink. (accessed 10.09.2021)
20. Ob'em i struktura gosudarstvennogo dolga sub'ektov Rossijskoj Federacii i dolga municipal'nyh obrazovanij na 1 fevralya 2020 g. [Volume and structure of public debt of the subjects of the Russian Federation and municipal debt as of February 1, 2020]. Available at: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=129691-obem_i_struktura_gosudarstvennogo_dolga_subektov_rossiiskoi_federatsii_i_dolga_munitsipalnykh_obrazovaniy_na_1_fevralya_2020_g. (accessed 10.09.2021)
21. Ob'em i struktura gosudarstvennogo dolga sub'ektov Rossijskoj Federacii i dolga municipal'nyh obrazovanij na 1 fevralya 2021 g. [The volume and structure of the state debt of the subjects of the Russian Federation and the debt of municipalities as of February 1, 2021]. Available at: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=132612-obem_i_struktura_gosudarstvennogo_dolga_subektov_rossiiskoi_federatsii_i_dolga_munitsipalnykh_obrazovaniy_na_1_fevralya_2021_g. (accessed 10.09.2021)
22. Dolgovaya nagruzka na regional'nye byudzhety vozobnovila svoj rost [The debt burden on regional budgets has resumed its growth]. Available at: <https://riarating.ru/regions/20210218/630194870.html>. (accessed 10.09.2021)
23. Rossijskaya ekonomika v 2020 godu: tendencii i perspektivy [The Russian economy in 2020: trends and prospects]. Available at: <https://www.iep.ru/files/text/trends/2020/04.pdf>. (accessed 10.09.2021)
24. Investicii v nefinansovye aktivy [Investments in non-financial assets]. Available at: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial. (accessed 10.09.2021)
25. Izryadnova O., Volovik N., Lavrishcheva A. Strukturnye osobennosti investicionnoj deyatel'nosti v usloviyah pandemii [Structural features of investment activity in the conditions of a pandemic]. *Rossijskoe ekonomicheskoe razvitie = Russian Economic Development*, 2020, vol. 27, no. 9, pp. 13-21.
26. Rosstat: chislo bezrabotnyh v Rossii v 2020 godu vyroslo na 24,7% [Rosstat: the number of unemployed in Russia in 2020 grew by 24.7%]. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/10572707>. (accessed 10.09.2021)
27. Maksimova E. V., Muhina D. Yu. Izmeneniya na rynke truda v sovremennykh krizisnykh usloviyah [Changes in the labour market in the current crisis]. *Normirovanie i oplata truda v promyshlennosti = Rationing and Remuneration in the Industry*, 2020, no. 6, pp. 38-42.
28. Rosstat zafiksiroval rost bednosti na pike pandemii [Rosstat recorded an increase in poverty at the peak of the pandemic]. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/18/09/2020/5f64ba649a794707f1dd59d1>. (accessed 10.09.2021)

29. Analitiki zafiksirovali rost dohodov zhitelej pochti chetverti regionov Rossii [Vedomosti. Analysts have recorded an increase in the incomes of residents of almost a quarter of Russia's regions]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2020/09/03/838728-analitiki-zafiksirovali-rost-dohodov-zhitelei>. (accessed 10.09.2021)

30. Koronavirus v Rossii. Dannye na 13.09.2021 [Coronavirus in Russia. Data as of 13.09.2021]. Available at: <https://coronavirus-in.ru/>. (accessed 10.09.2021)

31. Vysshaya shkola ekonomiki. Regional'nye iniciativy obespecheniya social'no-ekonomicheskoy stabil'nosti v usloviyah pandemii COVID-19: mery podderzhki biznesa i obespecheniya zanyatosti naseleeniya [Higher School of Economics. Regional initiatives to ensure socio-economic stability in the context of the COVID-19 pandemic: measures to support business and ensure employment]. Available at: <https://region.hse.ru/anti-crisis>. (accessed 10.09.2021)

32. Belov V. Torgovlya v usloviyah pandemii: business view [Trade in a pandemic: business view]. Available at: <https://www.law.ru/blog/22678-torgovlya-v-usloviyah-pandemii-business-view>. (accessed 10.09.2021)

33. Zadolzhennost' i COVID-19: global'nye mery reagirovaniya v duhe solidarnosti [Debt and COVID-19: a global response in a spirit of solidarity]. Available at: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/russian_debt_and_covid.pdf. (accessed 10.09.2021)

Информация об авторах / Information about the Authors

Карпунина Евгения Константиновна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры стратегического развития и экономической безопасности, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация, e-mail: egenkak@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4042-7343, Researcher ID: R-1635-2019, Author ID: 339176

Evgeniya K. Karpunina, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Strategic Development and Economic Security, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, e-mail: egenkak@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4042-7343, Researcher ID: R-1635-2019, Author ID: 339176

Конищев Егор Валерьевич, старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета и налогообложения, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», г. Москва, Российская Федерация, e-mail: ipkonishchev@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4290-1045, AuthorID: 858488

Egor V. Konishchev, Senior Lecturer of the Department of Accounting and Taxation, Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Moscow, Russian Federation, e-mail: ipkonishchev@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4290-1045, AuthorID: 858488

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-121-130>**Региональный аспект поддержки индивидуальной предпринимательской инициативы в рамках реализации национального проекта****Н. В. Пьянова¹, Е. А. Алекса¹, Н. И. Лыгина² ✉**

¹ Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева
ул. Комсомольская 95, г. Орел 302026, Российская Федерация

² ул. М. Горького 44, г. Орел 3302040, Российская Федерация

✉ e-mail: lyginani@mail.ru

Резюме

Актуальность. Эффективное развитие малых и средних субъектов бизнеса способствует ускорению социально-экономического развития района, в целом меняя качество жизни населения. На примере Орловской области исследованы проблемы, с которыми сталкиваются в процессе своей деятельности коммерческие организации. В работе рассматриваются действующие региональные проекты в Орловской области, а также какое влияние они оказывают на региональную экономику и какие влекут последствия. Помимо этого анализируются статистические данные и основные показатели. Стоит обратить внимание, что цифровая трансформация экономики России в нынешних условиях глобализации и появления новых информационных технологий становится объективной необходимостью. Таким образом, статья содержит направления цифровой трансформации в секторе малого бизнеса путем содействия национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы».

Цель исследования состоит в изучении национального проекта федерального масштаба, а именно рассмотрение реализации проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» на примере Орловской области.

Задачи. Для достижения поставленной цели необходимо рассмотреть исторические справки о развитии малого предпринимательства в России, целевые показатели и задачи проекта, федеральные проекты, входящие в национальный проект, показатели и результаты действующих программ национального проекта в Орловской области и особенно сконцентрировать внимание на сравнительный анализ показателей в прошлом периоде и в настоящее время.

Методология. В процессе исследования вопроса о реализации проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» использовались методы логического, статистического анализа, метод синтеза, системности и другие.

Результаты. С помощью анализа показателей в прошлом периоде и в настоящее время сделан предварительный вывод об эффективности и результативности используемых мер по поддержке малого и среднего бизнеса.

Выводы. Результаты исследования показали, что малое и среднее предпринимательство нуждаются в поддержке государства. Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» имеет статус активного исполнения в Орловской области.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность; МСП; субъекты малого и среднего предпринимательства; бизнес; предприниматель; национальный проект.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Пьянова Н. В., Алекса Е. А., Лыгина Н. И. Региональный аспект поддержки индивидуальной предпринимательской инициативы в рамках реализации национального проекта // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 121–130. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-121-130>.

Поступила в редакцию 15.10.2021

Принята к публикации 11.11.2021

Опубликована 29.12.2021

Regional Aspect of Support of Individual Entrepreneurial Initiative Within the Framework of the National Project Implementation

Natalia V. Pyanova¹, Elizaveta A. Aleksa¹, Nina I. Lygina² ✉

¹ Orel State University named after I. S. Turgenev
95 Komsomolskaya str., Orel 302026, Russian Federation

² 44 M. Gorky str., Orel 302040, Russian Federation

✉ e-mail: lyginani@mail.ru

Abstract

Relevance. The effective development of small and medium-sized businesses contributes to the acceleration of the socio-economic development of the district, generally changing the quality of life of the population. On the example of the Orel region, the problems that commercial organizations face in the course of their activities are investigated. The paper examines the existing regional projects in the Orel region, as well as what impact they have on the regional economy and what consequences they entail. In addition, statistical data and key indicators are analyzed. It is worth noting that the digital transformation of the Russian economy in the current conditions of globalization and the emergence of new information technologies is becoming an objective necessity. Thus, the article contains the directions of digital transformation in the small business sector by promoting the national project "Small and medium-sized entrepreneurship and support for individual entrepreneurial initiative".

The purpose of the study is to study a federal-scale national project, namely, consideration of the implementation of the project "Small and medium-sized entrepreneurship and support for individual entrepreneurial initiative" on the example of the Orel region.

Objectives. To achieve this goal, it is necessary to consider historical references on the development of small business in Russia, the project targets and objectives, federal projects included in the national project, indicators and results of the existing programs of the national project in the Orel region and especially focus on the comparative analysis of indicators in the past period and now.

Methodology. In the process of studying the issue of the implementation of the project "Small and medium-sized entrepreneurship and support for individual entrepreneurial initiative", methods of logical, statistical analysis, synthesis method, consistency and others were used.

Results. Using the analysis of indicators in the past period and currently, a preliminary conclusion has been made about the effectiveness and efficiency of the measures used to support small and medium-sized businesses.

Conclusions. The results of the study showed that small and medium-sized businesses need the support of the state. The national project "Small and medium-sized entrepreneurship and support for individual entrepreneurial initiative" has the status of active implementation in the Orel region.

Keywords: entrepreneurial activity; SMEs; small and medium-sized enterprises; business; entrepreneur; national project.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Pyanova N. V., Aleksa E. A., Lygina N. I. Regional Aspect of Support of Individual Entrepreneurial Initiative Within the Framework of the National Project Implementation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(6): 121–130. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-121-130>.

Received 15.10.2021

Accepted 11.11.2021

Published 29.12.2021

Введение

Эффективное функционирование рыночной инфраструктуры, т. е. рост производства и повышение его результативности лучшим способом, достигается за счет развития деятельности предпринимателей. Благодаря малому и среднему бизнесу в России производится 1/5 часть ВВП. Важной составляющей данного бизнеса является гибкость и мобильность реагирования на динамичность спроса. Именно малый и средний бизнес быстрее апробирует инновации, предоставляет новые возможности для нашей страны. Выступая в образе производительной мощи рыночной экономики, субъекты малого и среднего бизнеса оказывают стимулирующее влияние на экономические субъекты, образуя гармоничный и устойчивый уровень функционирования экономики страны в целом.

Вместе с тем имеет место неблагоприятный предпринимательский климат, который во многом вызван негативными тенденциями в экономике. Исходя из официальной статистики малый и средний бизнес в России медленно умирает. Экономика России близка к стагнации, и вместе с ней прекращает развитие малый и средний бизнес. Предпринимательская деятельность требует все больше ресурсов, которые не могут себе позволить обычные граждане [1]. Помимо этого темпы развития региональной экономики находятся под влиянием общей экономической обстановки. Вследствие чего государство предпринимает ряд мер по улучшению сферы и благоприятной среды для малого предпринимательства. Таким образом, 7 мая 2018 г. стартовали новые национальные проекты федерального масштаба, о чем свидетельствует Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», подписанный Президентом Российской Федерации В. В. Путиным [2].

Цель данной работы заключается в ознакомлении с действующими регио-

нальными проектами нацпроекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» и их реализация на базе Орловской области.

Следует отметить значимость развития бизнеса в регионах, ведь региональный бизнес – это не только важный показатель для Орла, но и для всей страны. Масштабирование бизнеса на регионы сегодня чуть ли не самый обязательный пункт для развития предпринимательства. Предпринимательская активность оказывает существенное воздействие на финансово-экономическое процветание региона. Она представляет собой ключевую сферу, способную стимулировать процессы в различных областях территориального развития, к примеру, в образовании, инвестиционной деятельности, предоставлении высокого уровня трудоустройства, формировании демографической ситуации, внедрении технологических новшеств и инновационных решений, обеспечении социальной стабильности, способствуя снижению уровня бедности, и в конечном счете повышении экономического потенциала государства.

Материалы и методы

Первоочередную важность для решения поставленных задач имеют исследования, напрямую нацеленные на терминологию и историю малого предпринимательства.

Малый и средний бизнес в России начал зарождаться примерно после «застойного» периода в 80-е годы. В российской истории малого бизнеса можно выделить ряд этапов, начиная от первого (1985 - 1987 гг.) и до пятого (1993 - 1994 гг.). За это десятилетие Россия перешла от единственно существовавших центров научно-технического творчества к полной широкомасштабной приватизации и развитию всех видов предпринимательства [3].

Истории становления и влияния предпринимательства в России посвящены исследования М. С. Афанасьева,

А. А. Бессолицына, А. А. Галаган, М. В. Котопова, С. И. Сметанина, А. П. Суходолова, А. А. Тимофеевой и др. Особенно многие отечественные учёные отмечали роль малого предпринимательства в экономике региона. Нельзя не заметить, что при кажущейся многоаспектности и обширности исследований еще многие свойства и механизмы функционирования бизнес-процессов в силу стремительного развития общества требуют дополнительного рассмотрения.

Результаты и их обсуждение

В недавнем времени уровень налоговой нагрузки на малые фирмы достигал 85–90%. После длительных применяемых положений и законов удалось достичь более комфортных условий для ведения бизнеса. Тем не менее можно выделить следующие барьеры, препятствующие развитию малого предпринимательства – это проблемы в области имущественной поддержки, отсутствие необходимой информации по широкому спектру интересующих вопросов, высокие ставки налогообложения, высокая стоимость страхования, отсутствие четкого планирования, высокая конкуренция в секторе малого и среднего бизнеса.

Принятые национальные проекты в 2018 г. разработаны по трём основным направлениям: «Человеческий капитал», «Комфортная среда для жизни» и «Экономический рост» [4].

Общий бюджет по трем направлениям нацпроектов до 2024 г. предусмотрен в сумме 25,7 трлн руб. Существенно то, что третье направление является наиболее финансируемым (рис. 1).

Необходимо подчеркнуть, что направление «Экономический рост» включает разработанные программы по развитию экономики Российской Федерации и рост во всех направлениях. Одним из ключевых пунктов в этой части является малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы.

Рис. 1. Бюджет национальных проектов до 2024 г.

Цель проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» — поддержать бизнес на всех этапах его развития: от стартовой идеи до расширения и выхода на экспорт.

С целью реализации вышеперечисленной задачи данный проект подразделяется на пять федеральных проектов.

В Орловской области сегодня малый бизнес является наиболее гибкой и мобильной частью экономики, способной быстро перестраиваться под запросы рынка. В 2018 г. в г. Орле насчитывалось 16 237 предприятий, что свидетельствует о спаде количества регистраций предпринимательской деятельности по сравнению с 2013 г. (16675 предприятий). Как показывает анализ экономической деятельности, Орловская область представлена всеми ее видами. В 2020 г. три главные позиции занимают промышленность, сельское хозяйство и строительство.

Исполнение национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» в Орловской области осуществляется с 2019 г. Он предусматривает увеличение численности занятых в секторе МСП к 2024 г. до 25 млн человек. Помимо этого продолжительность жизнедеятельности небольших и малых компаний увеличивается с 5 до 6–7 лет [5].

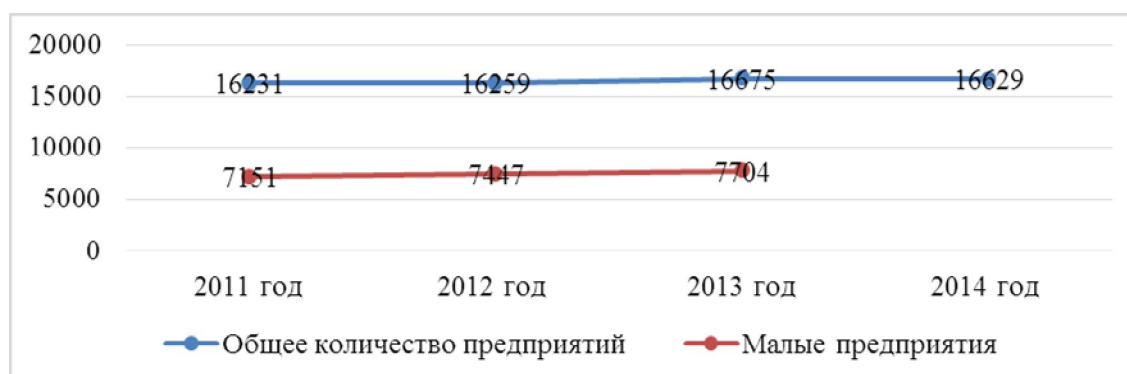

Рис. 2. Число малых предприятий в Орловской области

Департаментом экономического развития и инвестиционной деятельности региона для реализации национального проекта подготовлено и осуществляется четыре региональных проекта:

- «Улучшение условий ведения предпринимательской деятельности», который предполагает сокращение административной нагрузки и формирование условий для самозанятых граждан [6];

- «Расширение доступа субъектов МСП к финансовой поддержке, в том числе к льготному финансированию» [7]. Он предполагает как построение упрощенного подхода к льготному финансированию, так и ежегодное повышение льготных выплат;

- «Популяризация предпринимательства в Орловской области». Он ориентирован на увеличение и активизацию заинтересованности разных групп людей к предпринимательской деятельности [8];

- «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства». Данный проект ориентирован на внедрение новых облегченных форм, включающих разработку цифровых платформ с информационной поддержкой.

На основе соглашения между Правительством Орловской области и Министерством экономического развития России в бюджет региона поступило в феврале 2019 г. 119, 6 млн руб., вследствие чего значительно увеличилось количество МСП [9] (табл. 1).

Таблица 1. Количество МСП на 2020 г. в Орловской области

25 869 единиц всего субъектов МСП			
70 единиц	849 единиц	7060 единиц	17890 единиц
Средние предприятия	Малые предприятия	Микропредприятия	Индивидуальные предприниматели
Оборот малых и средних предприятий за 2019 г. составил 242,2 млрд руб. (101,1 % к уровню 2018 г.)			

Анализируя показатели деятельности МП Орловской области за 2020 г., можно утверждать, что самый наибольший оборот организации в денежном соотношении представлен сферой оптовой и розничной торговли, второе место занимают обрабатывающие производства. Помимо этого обрабатывающие производства задействуют самое большое количество работников, второе место – торговля: оптовая и розничная, третье –

строительство. Заметен устойчивый рост объема налоговых поступлений от СМП, который в 2019 г. превысил 1, 9 млрд руб. [11]. В рамках реализации проекта «Расширение доступа субъектов МСП к финансовым ресурсам» была увеличена капитализация фонда микрофинансирования на 8 млн руб. Сегодня фонд оказывает поддержку бизнесу в виде предоставления займов в сумме до 5 млн руб. сроком до трех лет. [12] В рамках данно-

го нацпроекта утверждены новые порядки кредитования в приоритетных отраслях экономики, снижены процентные ставки по кредитам для лиц определённой категории.

Главнейшим шагом осуществления проекта «Акселерация субъектов МСП» стал запуск центра «Мой бизнес», в помещении которого размещены все действующие предприятия инфраструктуры поддержки [13]. Мой бизнес – это единое окно для начинающих и действующих предпринимателей для получения сервисов государственной поддержки бизнеса. Реестр организаций инфраструктуры поддержки МСП включает:

1. Фонд микрофинансирования (предоставление финансовой поддержки до 5,0 млн руб. на срок до 3-х лет).

2. Центр поддержки экспорта (включает такие направления, как поиск иностранного покупателя, международную сертификацию, обучение экспортной деятельности, сопровождение экспортного контракта и многое другое).

3. Гарантийный фонд (поддержка в сфере кредитования).

4. Центр поддержки предпринимательства (включает консультации по мерам господдержки самозанятых и субъектов МСП, подбор оптимальной системы налогообложения, открытие нового бизнеса, составление бизнес-планов, разработку фирменного стиля, проведение семинаров без оплаты, тренингов, образовательных программ для повышения навыков ведения бизнеса, бухгалтерские и юридические услуги, создание сайтов, страниц, продвижение, рекламу и разбор многих других волнующих вопросов как только начинающих предпринимателей, так и действующих) [14].

5. Центр кластерного развития некоммерческих и общественных организаций, учреждений образования и науки, органов государственной власти и местного самоуправления, инвесторов для реализации совместных кластерных проектов в Орловской области).

Также помощь предоставляется не только лицам, заинтересованным во ведении бизнеса, но и лицам, не относящимся к данной сфере [15]. Так, проводятся комплексные мероприятия по вовлечению в предпринимательскую деятельность и содействию формирования грамотной экономической позиции для создания малых и средних предприятий различных целевых аудиторий, среди которых школьники и студенты, лица старше 45 лет, мамы-предприниматели и т. д. В 2019 г. при помощи центра свой бизнес открыли более 100 субъектов МСП [16]. Таким образом, отсюда следует, что данный центр дает рекомендации абсолютно по всем основополагающим аспектам ведения бизнеса. Однозначно можно констатировать, что это определенный успех для формирования устойчивого становления субъектов МСП. Правильное построение и грамотное ведение бизнеса даже не совсем масштабных размеров потенциально способно принести огромную прибыль и достичь высоких результатов.

К тому же следует учитывать, что каждый регион обладает собственной спецификой экономики – территориальной расположенностью, конкурентной средой и возможностью понимания расширения необходимых сфер деятельности. И это уже имеет потенциальный успех [17].

По данным таблицы 2 можно проанализировать динамику основных показателей малых предприятий (с учетом микропредприятий) за 2016-2021 гг.

Следует отметить, что количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей на 10 апреля 2021 г. в Орловской области увеличилось в субъектах малых и микропредприятий. В 2022 г. государственная поддержка в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» будет оказываться в таком же активном режиме [19].

Таблица 2. Динамика количества юридических лиц и индивидуальных предпринимателей на 2016-2021 гг. в Орловской области [18]

Год	Микропредприятия		Малые предприятия		Средние предприятия	
	юридические лица	ИП	юридические лица	ИП	юридические лица	ИП
2016	8 142	16 710	924	211	77	2
2017	8 145	17 284	985	203	74	1
2018	7 907	17 826	962	188	73	1
2019	7 095	17 914	849	165	71	2
2020	6 924	17 070	795	160	88	3
2021	6 989	16 760	791	157	68	3

Выводы

Проанализировав изученную литературу и статистические данные, необходимо выделить главный показатель, который характеризует грамотное создание и успешное ведение бизнеса, – это рентабельность собственного капитала. Это первый из показателей, за которым стоит следить каждому владельцу бизнеса. Субъекты МСП сталкиваются со многими сложностями при функционировании в данной сфере: высокий уровень риска; конкуренция со стороны крупных фирм; сложности получения финансирования и кредитования; ориентированность на небольшие группы потребителей и т. д.

Решение проблем малого бизнеса – важный путь развития экономики. Учитывая все затруднения, с которыми сталкивается сфера малого и среднего бизнеса, центр «Мой бизнес» обеспечивает всестороннюю и качественную поддержку. Следовательно, несмотря на эти сложности, число малых предприятий, платящих налоги, растет год от года.

На урегулирование определенных задач в целях осуществлении проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» направлена совокупность мероприятий, в т. ч. выполнение социологического исследования в целях нахождения факторов, характеризующих заинтересованность людей к осуществлению предпринимательской деятельности и ее стимулирование.

Более значимыми ожидаемыми итогами в рамках проекта станут: пересмотр функционирующих налоговых систем,

предотвращение барьеров нормативного характера, трансформация микропредприятий в малые и малых в средние, общедоступность финансовых ресурсов, увеличение экспорта, формирование общей благоприятной среды с целью ведения предпринимательской деятельности [20].

Успешный бизнес – это не врожденный талант и не дело случая. Это набор навыков, гибкость мышления и постоянная концентрация. И важно не только создание успешного дела, но и необходимое профессиональное информирование о поступательных действиях и функционировании в целом.

В качестве результатов после полного осуществления проекта в Орловской области произойдет преодоление инновационной инертности, понижение уровня безработицы, адаптация предпринимателей к инновациям в разных сферах, сбалансированное развитие экономики, повышение интереса инвесторов к экономике региона, улучшение качества жизни граждан, развитие человеческого и предпринимательского потенциала.

Результаты исследования позволяют заключить, что в современных условиях в России необходима стройная система мер государственной поддержки предпринимательства на всех уровнях управления: федеральном, региональном, местном, основанная на аналитических принципах управления. Региональная сфера бизнеса особо нуждается в оптимальной стратегии построения и развития предпринимательства с максимальной поддержкой и опорой со стороны государства.

Список литературы

1. Национальные проекты России — информационный ресурс о планах развития страны на ближайшее будущее и мерах по улучшению качества жизни людей. URL: https://национальные-проекты.рф/projects/demografiya/sodeystvie_zanyatosti (дата обращения: 04.09.2021).
2. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/> (дата обращения: 09.09.2021).
3. Быкова Н. Н., Рогозина Л. С. Проблемы развития малого бизнеса в России // Молодой ученый. 2016. № 3. С. 479-483.
4. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://ofd.nalog.ru/statistics.html?statDate=10.04.2021&level=0&fo=1&ssrf=57&t=1619384924262&t=1619384924262> (дата обращения: 21.09.2021).
5. Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты: материалы по состоянию от 7 февраля 2019 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ98OOwAt2dzCIAietQih.pdf> (дата обращения: 22.09.2021).
6. Создание благоприятных условий для осуществления деятельности самозанятыми гражданами: отчет о ходе реализации регионального проекта на 2019 год. URL: https://invest-orel.ru/userfiles/RP_Podderzhka_samozanyatykh_220321.pdf (дата обращения: 04.09.2021).
7. Паспорт федерального проекта «Расширение доступа субъектов МСП к финансовой поддержке, в том числе к льготному финансированию». URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/f3ce336065da95da6bc543e28dfeae91/passport_FD2.pdf (дата обращения: 22.09.2021).
8. (11-54) Улучшение условий ведения предпринимательской деятельности: отчет о ходе реализации регионального проекта на 2019 год. URL: https://invest-orel.ru/userfiles/O_usloviya_dlya_biznessa_03022020.pdf (дата обращения: 04.09.2021).
9. Паспорт федерального проекта «Улучшение условий ведения предпринимательской деятельности». URL: <http://www.altsmb.ru/images/docs/projects/ФП%20Популяризация.pdf> (дата обращения: 22.09.2021).
10. На Орловщине реализуется нацпроект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». URL: <https://orel-region.ru/index.php?head=170> (дата обращения: 03.09.2021).
11. Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». URL: <http://ivo.garant.ru/#/basesearch/Паспорт%20национального%20проекта%20%22Малое%20и%20среднее%20предпринимательство%20и%20поддержка%20индивидуальной%20предпринимательской%20инициативы:0> (дата обращения: 21.09.2021).
12. Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/ (дата обращения: 18.09.2021).
13. (15-54) Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства: отчет о ходе реализации регионального проекта на 2020 год. URL: https://invest-orel.ru/userfiles/O_Akseleraciya_MSP_231220.pdf (дата обращения: 04.09.2021).
14. Коротаева Н. В., Чеглова Е. А. Меры государственной поддержки предприятий малого и среднего бизнеса // Социально-экономические явления и процессы. 2014. №1. С. 28-32.
15. Паспорт регионального проекта «Популяризация предпринимательства». URL: https://mineconom74.ru/sites/default/files/imceFiles/user-328/rp_populyarizaciya_predprinimatelstva.pdf (дата обращения: 22.09.2021).
16. Паспорта региональных проектов, отчеты. URL: https://invest-orel.ru/articles/pasporta_regionalnykh_proektov (дата обращения: 04.09.2021).
17. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://www.gks.ru/doc_2017/region/reg-pok17.pdf (дата обращения 20.09.2021).
18. Кутумова Р. И. Перспективы развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2024 года. URL: https://www.alley-science.ru/domains_data/files/PERSPEKTIVY%20RAZVITIYA%20MALOGO%20I%20SREDNEGO%20PREDPRINIMATELSTVA%20V%20RF%20NA%20PERIOD%20DO%202024%20GODA.pdf (дата обращения: 21.09.2021).

19. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://www.gks.ru/doc_2019/region/reg-pok19.pdf (дата обращения: 20.09.2021).

20. Чистякова О. В., Бабкин А. В. Институты развития бизнеса как инструмент государственной поддержки малого и среднего инновационного предпринимательства // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2019. Т. 12, № 6. С. 128-138.

References

1. Natsional'nye proekty Rossii – informatsionnyi resurs o planakh razvitiya strany na blizhaishee budushchee i merakh po uluchsheniyu kachestva zhizni lyudei [National Projects of Russia is an information resource about the country's development plans for the near future and measures to improve the quality of people's lives]. Available at: https://национальныепроекты.RF/projects/demografiya/sodeystvie_zanyatosti. (accessed 04.09.2021)

2. O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2024 goda [On National goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024]. Decree of the President of the Russian Federation of May 07, 2018. № 204]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/>. (accessed 09.09.2021)

3. Bykova N. N., Rogozina L. S. Problemy razvitiya malogo biznesa v Rossii [Problems of small business development in Russia]. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2016, no.3, pp. 479-483.

4. Edinyi reestr sub"ektov malogo i srednego predprinimatel'stva [Unified Register of Small and Medium-sized Businesses]. Available at: <https://ofd.nalog.ru/statistics.html?statDate=10.04.2021&level=0&fo=1&ssrf=57&t=1619384924262&t=1619384924262>. (accessed 21.09.2021)

5. National projects: targets and main results. Materials as of February 7, 2019. Available at: <http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ98OOwAt2dzCIAietQih.pdf>. (accessed 22.09.2021)

6. Sozдание blagopriyatnykh uslovii dlya osushchestvleniya deyatel'nosti samozanyatymi grazhdanami: otchet o khode realizatsii regional'nogo proekta na 2019 god [Creating favorable conditions for self-employed citizens to carry out activities. Report on the implementation of the regional project for 2019]. Available at: https://invest-orel.ru/userfiles/RP_Podderzhka_samozanyatykh_220321.pdf. (accessed 04.09.2021)

7. Pasport federal'nogo proekta "Rasshirenie dostupa sub"ektov MSP k finansovoi podderzhke, v tom chisle k l'gotnomu finansirovaniyu" [Passport of the federal project "Expanding access of SMEs to financial support, including concessional financing"]. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/file/f3ce336065da95da6bc543e28dafa91/passport_FD2.pdf. (accessed 22.09.2021)

8. (11-54) Uluchshenie uslovii vedeniya predprinimatel'skoi deyatel'nosti: otchet o khode realizatsii regional'nogo proekta na 2019 god [(11-54) Improvement of business conditions. Progress report on the implementation of the regional project for 2019]. Available at: https://invest-orel.ru/userfiles/O_usloviya_dlya_biznessa_03022020.pdf. (accessed 04.09.2021)

9. Pasport federal'nogo proekta "Uluchshenie uslovii vedeniya predprinimatel'skoi deyatel'nosti" [Passport of the federal project "Improvement of business conditions"]. Available at: <http://www.altsm.ru/images/docs/projects/ФП%20Популяризация.pdf>. (accessed 22.09.2021)

10. Na Orlovshchine realizuetsya natsproekt "Maloe i srednee predprinimatel'stvo i podderzhka individual'noi predprinimatel'skoi initsiativy" [The national project "Small and medium-sized entrepreneurship and support of individual entrepreneurial initiative"]. Available at: <https://orel-region.ru/index.php?head=170>. (accessed 03.09.2021)

11. Pasport natsional'nogo proekta "Maloe i srednee predprinimatel'stvo i podderzhka individual'noi predprinimatel'skoi initsiativy" [Passport of the national project "Small and medium-sized entrepreneurship and support for individual entrepreneurial initiative"]. Available at: <http://ivo.garant.ru/#/basesearch/Паспорт%20национального%20проекта%20%22Малое%20и%20среднее%20предпринимательство%20и%20поддержка%20индивидуальной%20предпринимательской%20инициативы:0>. (accessed 21.09.2021)

12. Natsional'nyi projekt "Maloe i srednee predprinimatel'stvo i podderzhka individual'noi predprinimatel'skoi initsiativy" [National project "Small and medium-sized entrepreneurship and support for individual entrepreneurial initiative"]. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_initsiativy/. (accessed 18.09.2021)

13. (I5-54) Akseleratsiya sub"ektiv malogo i srednego predprinimatel'stva: otchet o khode realizatsii regional'nogo proekta na 2020 god [(I5-54) Acceleration of small and medium-sized businesses. Progress report on the implementation of the regional project for 2020]. Available at: https://invest-orel.ru/userfiles/O_Akseleratsiya_MSP_231220.pdf. (accessed 04.09.2021)
14. Korotaeva N. V., Cheglova E. A. Mery gosudarstvennoi podderzhki predpriyatii malogo i srednego biznesa [Measures of state support for small and medium-sized businesses]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Socio-Economic Phenomena and Processes*, 2014, no. 1, pp. 28-32.
15. Pasport regional'nogo proekta "Populyarizatsiya predprinimatel'stva" [Passport of the regional project "Popularization of entrepreneurship"]. Available at: https://mineconom74.ru/sites/default/files/imceFiles/user-328/rp_populyarizatsiya_predprinimatel'stva.pdf. (accessed 22.09.2021)
16. Pasporta regional'nykh proektov, otchety [Passports of regional projects, reports]. Available at: https://invest-orel.ru/articles/pasporta_regionalnykh_proektov. (accessed 04.09.2021)
17. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. Available at: http://www.gks.ru/doc_2017/region/reg-pok17.pdf. (accessed 20.09.2021)
18. Kutumova R. I. Perspektivy razvitiya malogo i srednego predprinimatel'stva v RF na period do 2024 goda [Prospects for the development of small and medium-sized enterprises in the Russian Federation for the period up to 2024]. Available at: https://www.alley-science.ru/domains_data/files/PERSPEKTIVY%20RAZVITIYA%20MALOGO%20I%20SREDNEGO%20PREDPRINIMATELSTVA%20V%20RF%20NA%20PERIOD%20DO%202024%20GODA.pdf. (accessed 21.09.2021)
19. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. Available at: http://www.gks.ru/doc_2019/region/reg-pok19.pdf. (accessed 20.09.2021)
20. Chistyakova O. V., Babkin A. V. Instituty razvitiya biznesa kak instrument gosudarstvennoi podderzhki malogo i srednego innovatsionnogo predprinimatel'stva [Institutes of business development as a tool of state support for small and medium-sized innovative entrepreneurship]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki = Scientific and Technical Bulletin of SPbPU. Economic Sciences*, 2019, vol. 12, no. 6, pp. 128-138.

Информация об авторах / Information about the Authors

Пьянова Наталия Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры сервиса, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, г. Орел, Российская Федерация,
e-mail: rus.bagira@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0763-2214,
Researcher ID: N-3589-2016

Natalia V. Pyanova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of service Department, Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation,
e-mail: rus.bagira@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0763-2214,
Researcher ID: N-3589-2016

Алекса Елизавета Александровна, студент кафедры технологии и предпринимательства, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, г. Орел, Российская Федерация,
e-mail: elizaveta.aleksa@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0763-2214,
Researcher ID: N-3589-2016

Elizaveta A. Aleksa, Student of the Department of Technology and Entrepreneurship, Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation,
e-mail: elizaveta.aleksa@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0763-2214,
Researcher ID: N-3589-2016

Лыгина Нина Ивановна, доктор экономических наук, профессор, исследователь, г. Орел, Российская Федерация,
e-mail: lyginani@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0763-2214,
Researcher ID: N-3589-2016

Nina I. Lygina, Doctor of Economic Sciences, Professor, Research, Orel, Russian Federation,
e-mail: lyginani@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0763-2214,
Researcher ID: N-3589-2016

Проблемы формирования инновационной среды региона: социокультурный подход

С. А. Никитин¹, И. А. Тренина¹ ✉, Г. И. Татенко¹, А. Е. Грекова¹

¹ Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева
ул. Комсомольская 95, г. Орёл 302026, Российская Федерация

✉ e-mail: irina-tronina@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В современных условиях инновационное развитие региона во многом определяется средой, способствующей активизации инновационной деятельности региональных стейкхолдеров. Формирование инновационной среды становится важной задачей, обусловленной объективным процессом перехода от экономики, основанной на факторах производства, к экономике, основанной на знаниях. Причем социально-экономические факторы (качество инфраструктурной среды, состояние экономики и инновационной системы) влияют на инновационное развитие в большей мере, чем научно-технологический прогресс. Экономическое поведение общества формируется на базе сложившихся поведенческих установок и моральных ценностей как социокультурного вектора его развития. В связи с этим возникает объективная необходимость изучения вопросов формирования инновационной среды региона с позиции социокультурного подхода.

Цель исследования заключается в теоретическом обосновании использования социокультурного подхода в изучении проблемы формирования инновационной среды региона, а также в проведении анализа социокультурных факторов с точки зрения их влияния на инновационную активность региональных стейкхолдеров.

Задачи исследования заключаются в изучении теоретических основ и методических аспектов, раскрывающих вопросы формирования инновационной среды региона, а также в обосновании использования социокультурного подхода для изучения взаимодействия стейкхолдеров инновационного процесса и их отношения к инновациям.

Методология. Методологическую базу исследования составляют общенаучные методы познания, статистические методы, а также принципы и методы системного подхода. Информационная составляющая исследования включает данные российской государственной статистики, справочные данные из отечественной и зарубежной научной литературы, материалы научно-практических конференций, научных журналов и интернет-среды.

Результаты. В результате исследования установлено, что инновационное развитие региона предполагает совершенствование системы общественного воспроизводства на основе внедрения технологических, институциональных и социальных инноваций. Современная парадигма регионального развития опирается на совокупность подходов, среди которых, по мнению авторов, актуальным становится социокультурный подход, предполагающий изучение и оценку таких факторов, как социокультурный профиль региона, отношение населения к новым технологиям и к технологическому предпринимательству. В ходе исследования сформулированы основные принципы формирования инновационной среды региона с учетом концепции «умной специализации» и модели «четырёхзвенной спирали инноваций».

Выводы. Инновационная среда региона является источником, как создающим «окна возможностей» для стейкхолдеров инновационного процесса, так и вызывающим стагнацию региональной инновационной деятельности. Восприятие инноваций всеми участниками инновационного процесса, определяющееся индивидуальными особенностями и групповыми социально-экономическими характеристиками, является фактором открытости к новым технологическим достижениям. Данный факт должен учитываться в инновационной политике региона с акцентом на формирование инновационной среды, обеспечивающей инновационную активность стейкхолдеров.

Ключевые слова: инновационная среда региона; инновационное развитие; социокультурные факторы; инновационная активность стейкхолдеров.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Никитин С. А., Тренина И. А., Татенко Г. И., Грекова А. Е. Проблемы формирования инновационной среды региона: социокультурный подход // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 131–145. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-131-145>.

Поступила в редакцию 02.10.2021

Принята к публикации 01.11.2021

Опубликована 29.12.2021

Problems of Formation of the Innovative Environment of the Region: Socio-Cultural Approach

Svyatoslav A. Nikitin¹, Irina A. Tronina¹ ✉, Galina I. Tatenko¹, Alina E. Grekova¹

¹ Orel State University named after I. S. Turgenev,
95 Komsomolskaya str., Orel 302026, Russian Federation

✉ e-mail: irina-tronina@yandex.ru

Abstract

Relevance. In modern conditions, the innovative development of the region is largely determined by the environment that promotes the activation of innovative activities of regional stakeholders. The formation of an innovative environment becomes an important task due to the objective process of transition from an economy based on production factors to an economy based on knowledge. Moreover, socio-economic factors (the quality of the infrastructure environment, the state of the economy and the innovation system) affect innovative development to a greater extent than scientific and technological progress. The economic behavior of a society is formed on the basis of established behavioral attitudes and moral values as a socio-cultural vector of its development. In this regard, there is an objective need to study the formation of the innovative environment of the region from the standpoint of the socio-cultural approach.

The purpose of the study is to provide a theoretical justification for the use of the socio-cultural approach in the study of the problem of the formation of the innovation environment in the region, as well as to analyze the socio-cultural factors in terms of their impact on the innovation activity of regional stakeholders.

The objectives of the research are to study the theoretical foundations and methodological aspects that reveal the issues of the formation of the innovation environment of the region, as well as to justify the use of a socio-cultural approach to study the interaction of stakeholders of the innovation process and their attitude to innovation.

Methodology. The methodological basis of the research consists of general scientific methods of cognition, statistical methods, as well as the principles and methods of the systematic approach. The information component of the study includes data from Russian state statistics, reference data from domestic and foreign scientific literature, materials of scientific and practical conferences, scientific journals and the Internet environment.

Results. As a result of the study, it is established that the innovative development of the region involves the improvement of the system of social reproduction on the basis of the introduction of technological, institutional and social innovations. The modern paradigm of regional development is based on a set of approaches, among which, according to the authors, the socio-cultural approach is becoming relevant, involving the study and assessment of such factors as the socio-cultural profile of the region, the attitude of the population to new technologies and to technological entrepreneurship. In the course of the study, the main principles of the formation of the innovation environment of the region are formulated, taking into account the concept of «smart specialization» and the model of "four-link spiral of innovation".

Conclusions. The innovation environment of the region is a source that creates "windows of opportunity" for stakeholders of the innovation process, and causes stagnation of regional innovation activity. The perception of innovations by all participants of the innovation process, determined by individual characteristics and group socio-economic characteristics, is a factor of openness to new technological achievements. This fact should be taken into account in the innovation policy of the region with an emphasis on the formation of an innovative environment that ensures the innovative activity of stakeholders.

Keywords: innovative environment of the region; innovative development; socio-cultural factors; innovative activity of stakeholders.

Conflict of interest: *In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Nikitin S. A., Tronina I. A., Tatenko G. I., Grekova A. E. Problems of Formation of the Innovative Environment of the Region: Socio-Cultural Approach. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(6): 131–145. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-131-145>.

Received 02.10.2021

Accepted 01.11.2021

Published 29.12.2021

Введение

Вопросы инновационного развития региона рассматриваются с точки зрения оценки его инновационной среды, которая по своей сути является предпосылкой для развития социально-экономического потенциала территории. Именно инновационная среда в последнее время становится императивом, определяющим достижение целей инновационного развития и влияющим на выбор для региона его стратегических приоритетов. Данный факт подтверждает актуальность научного исследования и обосновывает необходимость уделять серьезное внимание разработке теоретических аспектов и методических подходов к формированию инновационной среды, способствующих решению задач активизации инновационной деятельности в регионе. При этом следует акцентировать внимание на том факте, что главное предназначение инновационной среды заключается в поддержке процессов создания новых знаний и технологий в формате ключевых технологических компетенций региона, что должно способствовать обеспечению следующих важных «проблемных» региональных аспектов:

- общее повышение качества жизни населения в показателях социально-экономического развития региона;
- инновационное развитие региона в соответствии с трендами научно-технологического развития государства и мировыми тенденциями;
- повышение конкурентоспособности региона за счет выделения и усиления его уникальных особенностей на основе базовых принципов европейской концепции «умной специализации» [1; 2];

– эффективное взаимодействие стейкхолдеров инновационного процесса в регионе согласно модели «четырёхзвенной спирали инноваций», обеспечивая тем самым процесс «предпринимательского поиска» [2; 3];

– развитие межрегионального сотрудничества и партнерства в формате реализации совместных инновационных проектов, а также создании кластерных комплексов [4].

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели в ходе подготовки данной статьи использовался современный теоретический материал и методический научный задел, позволяющий изучать проблемы инновационного развития территории, научные труды отечественных и зарубежных ученых по вопросам исследования. В процессе исследования использовались методы логико-структурного изучения проблемы, системного, компаративного, критического анализа и синтеза, общенаучные и экспертно-аналитические методы, а также методы графического описания и интерпретации информации.

Результаты и их обсуждение

В настоящее время в научной литературе сформировано мнение о важности регионального развития через доминирование нематериального подхода с ориентацией на знания и инновации. Регионы, являясь частью социально-экономической пространственной системы с доминантой конкуренции и развития конкурентных преимуществ, становятся центрами инноваций и предприниматель-

ства. В этой связи хочется отметить работы по проблеме инновационного развития территорий следующих ученых: Н. И. Ивановой, В. А. Барина, Ю. В. Вертаковой, Л. М. Гохберга, С. П. Земцова, Н. В. Зубаревич, Е. А. Исланкиной, А. Киндрася, П. А. Кузнецова, Е. С. Куценко, Б. З. Мильнера, О. С. Прокопенко, Ю. В. Яковца и других [1; 5; 6; 7]. Категория «инновационная среда» активно обсуждается в современной теории и практике, что отражено в работах Д. С. Вахрушева, И. З. Гарафиева, Ю. А. Кармышева, М. Г. Клевцовой, А. А. Нестерова, Ю. С. Положенцевой,

В. В. Ромашина, В. М. Трофимова, Н. О. Чистяковой, Т. Е. Шишковой и других ученых [8; 9; 10; 11; 12; 13].

2 сентября 2020 г. был обнародован глобальный инновационный индекс (ГИИ, Global Innovation Index), который представляет собой итог глубокого сопоставительного анализа инновационных систем 131 страны (табл. 1). Данный индекс рассчитывается посредством вычисления средней величины ресурсов (человеческий капитал, инфраструктура, уровень развития рынка и бизнеса) и результатов инновационной деятельности [14].

Таблица 1. Динамика позиций России в глобальном инновационном индексе в 2015–2020 гг.

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Количество стран в ГИИ	141	128	127	126	129	131
Позиция России в рейтинге	48	43	45	46	46	47
Ресурсы инноваций	52	44	43	43	41	42
Результаты инноваций	49	47	51	56	59	58

Отметим, что на протяжении последних лет Россия занимала место «уверенного середнячка». В период с 2013 по 2016 гг. произошло перемещение с 62 строчки рейтинга на 43, с 2017 по 2019 гг. наблюдалась стабилизация на 45–46 позициях. В 2020 г. Россия переместилась на строку ниже и заняла 47 место. Любопытно, что субиндекс ресурсов инноваций в России превышает субиндекс результатов инноваций (42-е место против 58-го). По мнению составителей рейтинга, если обратить внимание на общий фон глобальной конкуренции и специфику развития конкурентоспособности национальных экономик, то позиция РФ отражается среднеуровневыми значениями, при этом результативность инноваций для нашего государства все же отстает от ожиданий.

Пальма первенства рейтинга несколько лет принадлежит Швейцарии. В 2020 г. в десятку инновационных государств вошли Великобритания, Германия, Дания, Нидерланды, Республика Корея, Сингапур, Финляндия и Швеция.

Отличительный показатель стран-лидеров – высокий субиндекс результативности инноваций. Наряду с вышеперечисленными странами в рейтинге укрепились позиции за Вьетнамом, Индией, Китаем и Филиппинами.

Повестка инновационного развития занимает первоочередное значение для РФ, несмотря на то, что при значительных многолетних расходах инновационная политика не принесла желаемых результатов. Стагнация уровня инновационной активности не гарантирует стабильности, а лишь удручает положение. Поэтому в современных условиях важно осознать необходимость смещения акцента в сторону концептуальной схемы инновационного развития регионов и их приоритетов [7].

Современная парадигма регионального развития говорит нам о наличии разных ролей / функций региона, а также концепций формирования его инновационной среды (рис. 1). Представленные концепции образуют институциональный подход в методологии формирования инновационной среды.

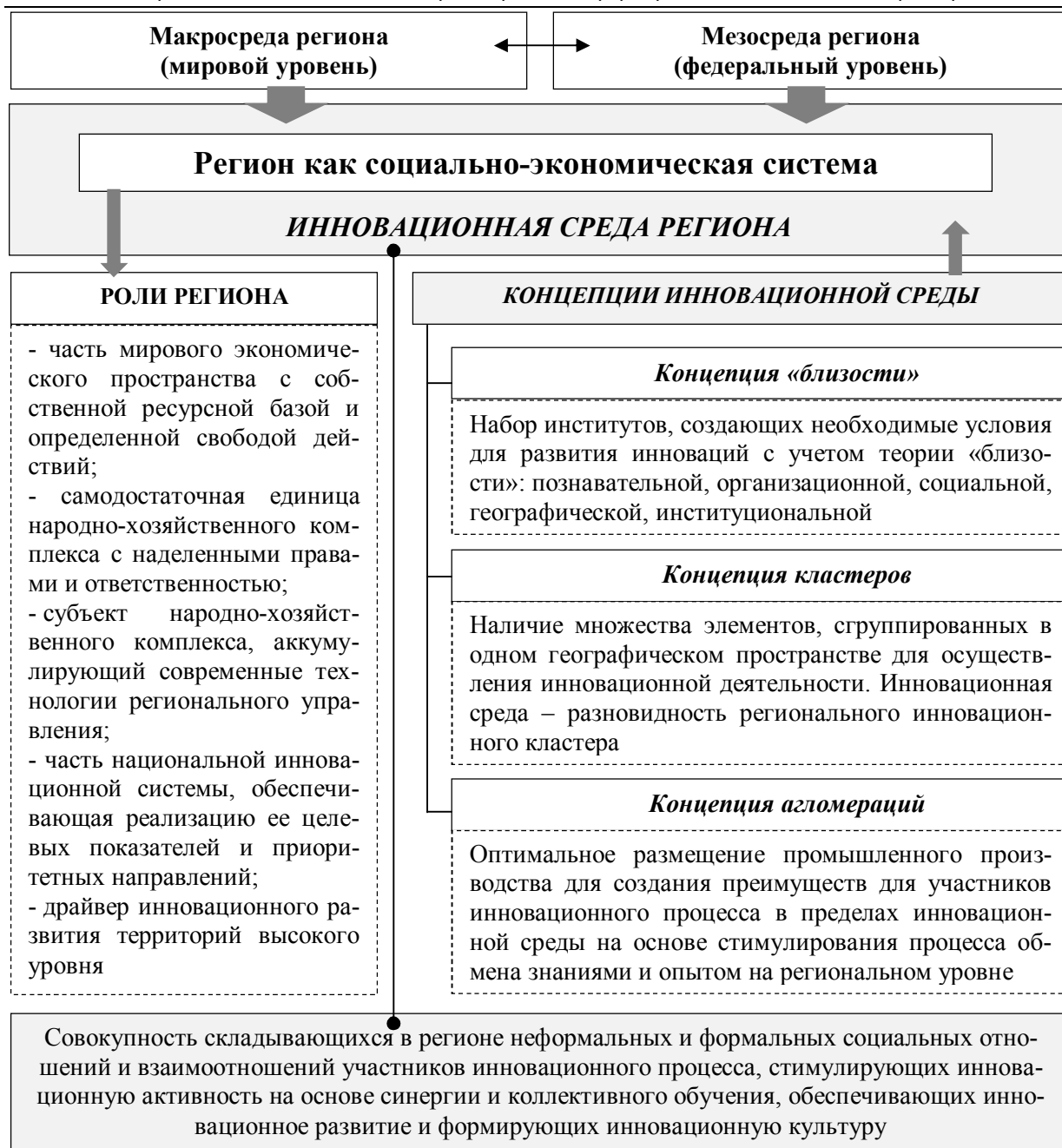

Рис. 1. Современная парадигма регионального развития

Вторым популярным подходом на сегодняшний день является теория «открытых» инноваций, а значит, подход, основанный на принципе открытости инновационных систем. Многократные научные исследования подчеркивают важность осуществления перехода процессов управления НИОКР и инновационными потоками к траектории их открытости за счет диффузии технологий на основе объединения усилий региональных стейкхолдеров с

возможностью создавать и поддерживать открытую инновационную среду.

Следующий системный подход традиционно рассматривает дефиницию «инновационная среда» в концепции национальной инновационной системы (НИС) и региональной инновационной системы (РИС) как комплекс взаимодействующих подсистем: экономической, правовой, социальной, производственной, технологической, информационной,

кадровой, инфраструктурной. При этом считается, что основой развития такой системы является технологический успех региональных компаний, а значит, степень и уровень инновационного развития региона определяются его отраслевой специализацией.

С позиции четвертого подхода для осуществления инновационной деятельности в регионе необходимы составляющие инновационной среды, формирующиеся на ресурсной основе: административный ресурс, интеллектуальный ресурс, человеческий ресурс, производственно-технологический ресурс, инфраструктурный ресурс, информационный ресурс.

Объем и качество имеющихся региональных ресурсов обуславливают формирование инновационного потенциала как базиса трансформации результатов научно-исследовательских разработок в совершенно новый или усовершенствованный продукт. Более корректно данный подход укрепить результатной составляющей, что подчеркивает необходимость использования не просто ресурсного, а ресурсно-результатного подхода.

Другой актуальный подход формирования инновационной среды связан с углубленным изучением вопросов культуры как движущей силы, благодаря которой многие современные организации добиваются успеха и высокой эффективности деятельности. Причем речь идет о специфической группе факторов, отражающих сложную для изучения, по нашему мнению, сторону ценностных и поведенческих аспектов гражданского сообщества при формировании собственной инновационной культуры. Это социокультурные факторы, которые находят отражение в соотношении спроса и предложения инноваций на региональном уровне. Такой фактор поведения в совокупности с фактором труда (трудовые ресурсы региона), фактором капитала (состояние экономической и инновационной систем региона), фактором среды (условия проживания населения региона) ока-

зывает комплексное влияние на развитие инновационной среды в регионе [15].

В инновационной политике региона в контексте его инновационного развития необходимо отражать не только количественные социально-экономические параметры, но и социокультурные особенности как доминирующие ценности и установки гражданского сообщества (населения региона). Такой социокультурный подход, по нашему мнению, представляет большой научный интерес и имеет прикладное значение, поскольку позволяет подойти к проблеме инновационного развития региона «снизу вверх» с позиции гражданского сообщества как одного из стейкхолдеров инновационного процесса и одновременно потребителя инноваций. С другой стороны, важное значение в активизации инновационной деятельности, безусловно, имеет такая дефиниция, как инновационная культура.

Инновационная культура региона – это его сформированная готовность к целенаправленному поиску и получению знаний, комплексному внедрению и всестороннему освоению новшеств на основе взаимодействия, сотрудничества и вовлечения стейкхолдеров в процесс разработки и реализации стратегии инновационного развития региона. Соответственно высокий уровень инновационной культуры должен способствовать росту заинтересованности стейкхолдеров в инновационной деятельности, а низкий будет приводить к стагнации региональной инновационной системы [16]. Опыт показывает, что в региональном развитии должны быть сбалансированы следующие тенденции:

– тенденции децентрализации, когда регионы стремятся к самоуправлению и самостоятельности;

– тенденции централизации, при которой сохраняется и укрепляется центр и его ключевые позиции в государственном регулировании.

Как показывают результаты проведенного исследования, в российской

национальной инновационной системе нет эффективной коммутирующей среды как особых высокоразвитых инновационных общественных отношений. Инновационная политика государства и регионов выстраивается «сверху», а инновационная культура, как показывает практический опыт, – «снизу». Здесь очень важно сотрудничество и диалог между всеми стейкхолдерами инновационного процесса. И роль объединяющей инновационной культуры здесь является определяющей.

В рамках исследования акцент сделан на методический прием, позволяющий изучать инновационную культуру в формате социокультурных факторов через три группы параметров, позволяющих оценивать регион:

– характеристики, формирующие социокультурный профиль региона по методике Г. Хофстеде (дистанция власти, избегание неопределенности, индивидуализм-коллективизм, мужественность-женственность, долгосрочная ориентация) [16];

– отношение гражданского общества (населения) к новым технологиям (детерминанты открытости к технологическим инновациям, «технологический оптимизм», доверие к технологиям, доверие к институтам, готовность к использованию, восприимчивость технологий –

«новаторы», «сомневающиеся», «консерваторы») [17];

– отношение гражданского общества (населения) к технологическому предпринимательству (социокультурные нормы, доступ финансовых ресурсов, поддержка стартапов, наличие специализированных программ развития технологического предпринимательства, наличие и возможности развития предпринимательских компетенций, уровень развития НИОКР и их доступность, уровень развития коммерческой и профессиональной инфраструктуры, уровень и доступность инновационной инфраструктуры, барьеры входа на рынок, поддержка малого и среднего бизнеса) [18].

В процессе инновационного развития территорий до сих пор главенствует бюрократия со стороны органов власти, порожаемая консерватизмом мышления по решению экономических, социальных и политических проблем, что провоцирует стагнацию инновационной культуры и отрицательно влияет на формирование инновационного климата в регионе. Портрет потенциального потребителя инноваций, сформированный в исследовательском отчете «Социокультурные факторы инновационной активности населения», представлен в таблице 2 [15].

Таблица 2. Портрет потенциального потребителя инноваций

Характеристика	Категория лиц, относящихся к потенциальным потребителям инноваций
Возраст	От 18 до 30 лет
Отношение к неоднозначным ситуациям	Воспринимающие такие ситуации с позиции новых возможностей, а не опасностей
Религиозность	Религиозные взгляды индифферентны
Уровень образования	Высшее образование
Род занятий	Предприниматели, руководители, специалисты и студенты
Размер населенного пункта проживания	Жители крупных городов
Доверие научно-образовательным организациям	Высокий уровень доверия к научно-образовательным организациям
Горизонт принятия решений	Длинный горизонт планирования
Уровень доверия	Высокий уровень доверия в целом
Уровень индивидуализма	Высокий уровень индивидуализма

Результаты научных исследований позволяют выделить и описать отдельный сегмент потенциальных потребителей инноваций, который включает в себя студенческую молодежь, людей с высшим образованием, жителей крупных городов, предпринимателей, руководителей, специалистов. Это группы населения, использующие новые технологии в повседневной и профессиональной жизни, ценностные и поведенческие установки которых побуждают пробовать новое. Причем именно группа социокультурных факторов инновационной активности оказывает большее влияние на формирование инновационной культуры, чем группа социально-демографических факторов.

Восприимчивость человека к новым технологиям обусловлена высоким уровнем доверия к научно-образовательным организациям. Завышенный уровень индивидуализма указывает на то, что человек готов к апробации новых технологий, не принимая во внимание мнения близкого окружения. Аналогичным показателем является высокий уровень межличностного доверия – у человека отсутствует страх оппортунистического поведения окружающих. Длинный горизонт планирования и позитивное отношение к неоднозначным ситуациям говорят о том, что потенциальный потребитель новых технологий, прежде всего, ждет от них варианты улучшения качественного уровня жизнедеятельности для себя и своего ближнего окружения.

Совокупность вышеописанных факторов говорит о том, что демографическая структура населения и его платежеспособность – второстепенные факторы, на которые стоит обращать внимание при выведении на рынок новых технологий. Гораздо важнее оценка социокультурных особенностей потенциальной аудитории и характеристика окружающей их среды, а именно их отношение к новому, доверие к людям и др. Это свидетельствует о том, что готовность к внедрению инновационных технологий в отдельных регионах может быть оценена неверно [19].

Проанализируем коэффициенты изобретательской активности в России с 2010 по 2019 гг. (рис. 2). Рисунок 2 отражает цикличность коэффициента и просадку каждые 2-3 года. Более информативным является показатель доли инновационных разработок в общем объеме выполненных работ (рис. 3-5).

На диаграмме (см. рис. 3) прослеживается тенденция снижения доли инновационных продуктов в общем объеме экспорта. К сожалению, из-за пандемии COVID-19 данная тенденция актуальна и по сей день за счет снижения экспортных поставок в целом.

На диаграмме (см. рис. 4) прослеживаются последствия кризиса 2014 г., который значительно ударил по рынку инновационной продукции. В настоящее время не удастся достичь показателей семилетней давности, не говоря уже об их опережении.

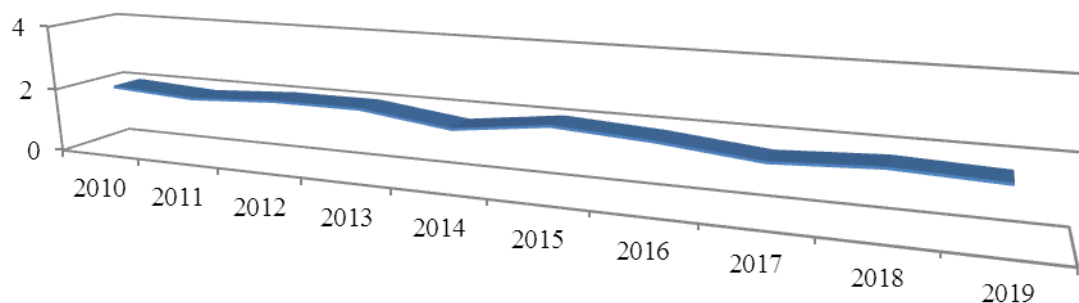

Рис. 2. Коэффициент изобретательской активности с 2010 по 2019 гг. (число отечественных патентных заявок на изобретения, поданных в России, в расчете на 10 тыс. чел. населения)

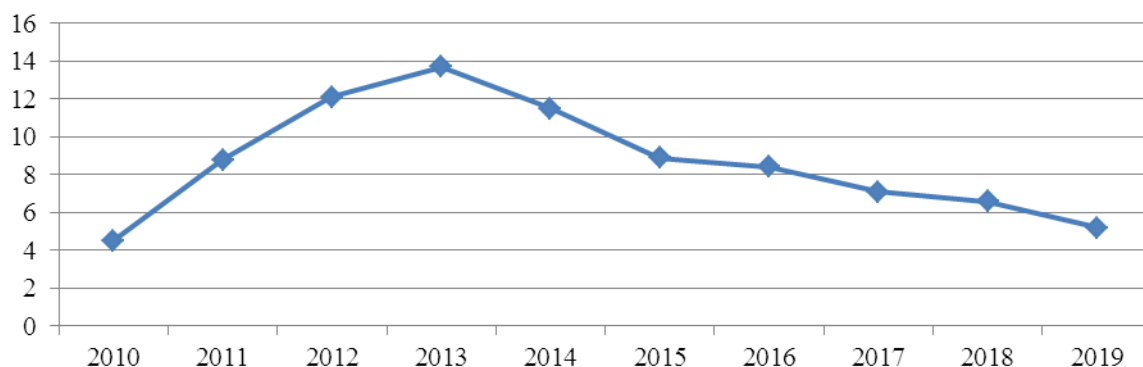

Рис. 3. Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме экспорта товаров, работ, услуг организаций промышленного производства в России с 2010 по 2019 гг.

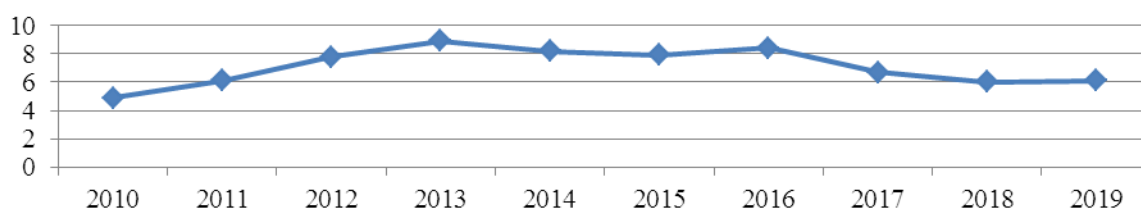

Рис. 4. Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства в России с 2010 по 2019 гг.

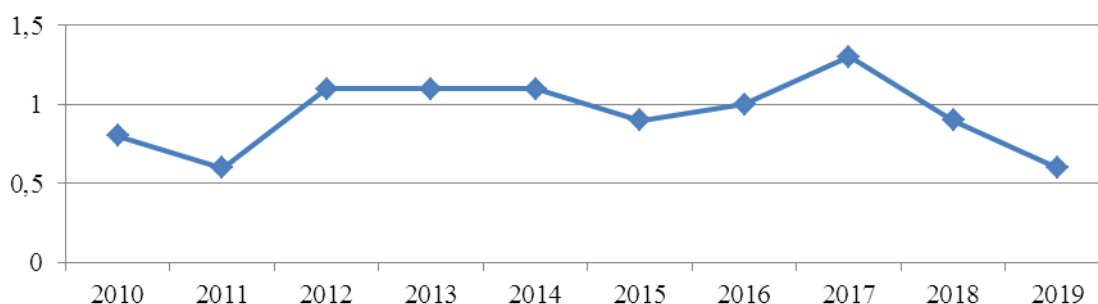

Рис. 5. Доля инновационных товаров, работ, услуг, новых для рынка сбыта организаций в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства в России с 2010 по 2019 гг.

Диаграмма (см. рис. 5) показывает, что рынок сбыта инноваций в России в настоящее время далек от показателей зарубежных стран, высокий уровень конкурентных разработок ведущих мировых производителей является главным сдерживающим фактором.

Проведем более детальный анализ и сравним показатели доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей ВРП и доли населения с крайне низким доходом по федеральным округам Российской Федерации (табл. 3).

Наиболее выигрышное положение у ЦФО, хотя у СЗФО выше уровень доли высокотехнологичных продуктов в ВРП, чему благоприятствует географическое положение, в частности близость границ с высокоразвитыми государствами (Финляндия). Отстающее положение у ДФО, поскольку каждый пятый проживающий в округе имеет крайне низкий доход, что неблагоприятно сказывается на социокультурных факторах инновационной активности округа.

Таблица 3. Срез показателей экономического профиля округов РФ

Федеральный округ (ФО)	Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП (в среднем по ФО), %	Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума (в среднем по ФО), %
Центральный федеральный округ (ЦФО)	24,5	8,9
Северо-Западный федеральный округ (СЗФО)	28,3	14,8
Южный федеральный округ (ЮФО)	20,9	13,9
Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО)	18,9	14,5
Уральский федеральный округ (УФО)	20,6	14,2
Приволжский федеральный округ (ПФО)	19,8	7,7
Сибирский федеральный округ (СФО)	18,7	14,4
Дальневосточный федеральный округ (ДФО)	11,7	20

Как уже отмечалось выше, уровень инновационной культуры большинства регионов остается низким, что больше соответствует термину «антиинновационная культура». Это в большинстве случаев связано с существующим разрывом интересов между стейкхолдерами, а также научно-технической и промышленной деятельностью, значительным отставанием от лидеров мирового инновационного развития. Причем эта тенденция характерна как для страны в целом, так и для российских регионов.

Главной движущей силой инновационного процесса в регионе должен выступать человеческий потенциал, т. е. люди, способные создавать, внедрять и использовать инновационные технологии. И здесь важным аспектом является процесс обучения и переподготовки кадров, выступающих одним из основных элементов механизма формирования эффективной инновационной культуры [20].

Рассмотрим структуру рабочей силы по округам РФ (табл. 4).

Таблица 4. Структура рабочей силы по округам РФ

Федеральный округ	Организации, не относящиеся к СМП, %	Малые и микро-предприятия, %	Неформальный сектор, %	Безработные, %	Прочие, %
ЦФО	43	23	3	1	30
СЗФО	47	13	18	5	17
ЮФО	37	16	26	6	15
СКФО	30	7	33	12	18
УФО	43	14	15	7	22
ПФО	46	18	14	4	18
СФО	50	13	18	6	13
ДФО	54	9	13	7	17

Опираясь на результаты анализа социокультурных факторов инновационной активности российских регионов, можно сделать следующие ключевые выводы:

- открытость гражданского общества (населения региона) к новому должна рассматриваться исследователями и практиками как одна из «точек опоры» инновационной политики регионального уровня;

- важно уделять серьезное внимание (в методическом и практическом плане) разработке мероприятий по популяризации инноваций;

- необходимо разрабатывать программы устранения основных социокультурных препятствий;

- социокультурные факторы в своей совокупности влияния на инновационное развитие региона могут выступать как драйверами, так и барьерами в силу задаваемой модели поведения и ценностных установок.

Анализ научной литературы и практические кейсы по исследуемой проблеме позволяют сделать вывод о важности формирования инновационной среды региона как питательной субстанции, в которой смогут беспрепятственно создаваться предпосылки и развиваться возможности для «произрастания» инноваций как достижений научно-технического прогресса. Опираясь на методологию социокультурного подхода, подкрепленную концепцией «умной специализации» и моделью «четырёхзвенной спирали инноваций», авторами выделены основные принципы формирования инновационной среды региона:

- структурность (базовыми структурными элементами инновационной среды выступают четыре группы стейкхолдеров инновационного процесса в регионе: государственные органы; бизнес-сообщество; гражданское сообщество; наука и образование);

- системная целеориентированность (общей целью для всех стейкхолдеров ин-

новационного процесса как элементов региональной инновационной системы является формирование, поддержание и развитие инновационной среды; цели участников и цели системы балансируются);

- функциональность (каждый региональный стейкхолдер, играя свою роль в инновационном процессе, выполняет необходимый набор функций в соответствии с согласованными задачами, закреплёнными за этой ролью: эксперты, консультанты, аналитики, организаторы, разработчики, исполнители, спонсоры, контролеры и т. д.);

- «паттерность» поведения (в силу дифференцированности интересов участников инновационного процесса модель их поведения как субъектов инновационной деятельности укладывается в методологию паттернов для общего понимания природы возможных в процессе взаимодействия конфликтов);

- открытость позиций (в процессе взаимодействия региональных стейкхолдеров в формате «предпринимательского поиска» участники представляют интересы и согласовывают решения согласно принадлежности к своей группе: государственные органы; бизнес-сообщество; гражданское сообщество; наука и образование);

- сбалансированность решений (стратегические решения, касающиеся выбора приоритетов инновационного развития региона принимаются на основе проведенных форсайт-сессий и организации процесса «предпринимательского поиска» с учетом баланса интересов стейкхолдеров и влияния факторов макро- и мезосреды);

- гражданская вовлеченность (гражданское сообщество является движущей силой инновационного процесса в регионе, поскольку выполняет одновременно несколько функций: потребители, со-разработчики, со-создатели инновационных продуктов, услуг и решений);

- архитектурность потенциала (каждая группа стейкхолдеров, являясь подсисте-

мой региональной инновационной системы, формирует свой вид капитала / потенциала в общем процессе сотрудничества и партнерства для создания инноваций, при котором определяется общая архитектура инновационного стратегического предпринимательского потенциала региона);

– интероперабельность (механизм функционального взаимодействия стейкхолдеров должен строиться с учетом обеспечения возможности поддержки работы разных систем в едином протоколе / шаблоне);

– межрегиональное взаимодействие (стратегические аспекты развития региона необходимо прорабатывать в проекции межрегионального сотрудничества и партнерства);

– управляемость (процессом формирования и развития инновационной среды необходимо управлять, для чего стоит определить актуальную и оптимальную для региона модель управления на институциональном уровне через изучение социального поведения субъектов инновационной деятельности в рамках четырех групп стейкхолдеров).

Выводы

Использование данных принципов позволит, по нашему мнению, делать практические шаги по выстраиванию тесного и гармоничного взаимодействия между государственными органами власти, гражданским сообществом, бизнес-сообществом, наукой и образованием как стейкхолдерами инновационного процесса в регионе, что является ключевым условием формирования региональной инновационной среды с учетом местной специфики. Следовательно, наличие инновационной среды в прикладном контексте можно проследить по установлению эффективных взаимосвязей стейкхолдеров как базовых элементов модели «четырёхзвенной спирали инноваций». В свою очередь, признаком продуктивности инновационной среды можно считать инновационную активность, которую демонстрируют участники инновационного процесса в регионе в контексте «умной специализации».

Список литературы

1. Земцов С. П., Барина В. А. Смена парадигмы региональной инновационной политики в России: от выравнивания к «умной специализации» // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 65-81.
2. «Умная специализация» – стратегии в области устойчивого развития. URL: <http://www.unepse.org> (дата обращения: 13.09.2021).
3. Караяннис Э., Григорудис Э. Четырёхзвенная спираль инноваций и «умная специализация»: производство знаний и национальная конкурентоспособность // Форсайт. 2016. Т.10, № 1. С. 31-42.
4. Павлова А. В. Управление процессами формирования кластерных структур в регионе // Менеджмент в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 39-46.
5. Зубаревич Н. В. Региональная проекция нового российского кризиса // Вопросы экономики. 2015. № 4. С. 37-52.
6. Вертакова Ю. В., Прокопенко О. С. Моделирование регионального развития с использованием структурного подхода: принципы, инструменты и опыт их применения // Управленческое консультирование. 2019. № 8. С. 28-46.
7. Куценко Е. С., Исланкина Е. А., Киндрас А. Можно ли быть умным в одиночестве? Исследование инновационных стратегий российских регионов в контексте умной специализации // Форсайт. 2018. Т. 12, № 1. С. 25-45.
8. Вахрушев Д. С. Инновационная среда как значимый фактор формирования инновационной экономики: институциональный подход // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2015. № 1. С. 5-8.

9. Гарафиев И. З. Институциональные основы развития инновационной среды региона (социологический подход) // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 74-78.
10. Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г., Вертакова Ю. В. Макроэкономические условия формирования инновационной среды региона // Управленческое консультирование. 2014. № 10. С. 60-67.
11. Ромашин В. В. Проблемы формирования инновационной среды в регионах РФ // Экономика и предпринимательство. 2017. № 4. С. 250-255.
12. Чистякова Н. О. Анализ основных теоретических подходов к исследованию инновационной среды региона // Вестник науки Сибири. 2011. № 1. С. 447-456.
13. Шишкова Т. Е. Сущностная основа понятия «инновационная среда»: ее основные составляющие и направления развития // ИнноЦентр. 2014. № 2(3). С. 83-88.
14. Глобальный инновационный индекс 2020. URL: <https://www.globalinnovationindex.org> (дата обращения: 13.09.2021).
15. Социокультурные факторы инновационной активности населения (исследовательский отчет) / Е. В. Антонов, А. А. Аузан, В. А. Брызгалин, В. А. Вороненко, А. В. Золотов, Е. Н. Никишина, Н. А. Припузова, С. А. Трухачев. М.: Институт национальных проектов; Российская венчурная компания, 2019. 124 с.
16. Модель формирования инновационной культуры как фактора инновационного развития региона / И. А. Тренина, Г. И. Татенко, С. С. Бахтина, В. А. Князева, И. В. Мусатова // Достижения в области экономики, бизнеса и управленческих исследований: материалы Всероссийской конференции по цифровой экономике и управлению знаниями. 2020. Т. 148. С. 682-689.
17. Пишняк А., Халина Н. Восприятие новых технологий населением как показатель открытости к инновациям // Форсайт. 2021. Т. 15, № 1. С. 39-54.
18. Трабская Ю., Мэтс Т. Экосистема как источник предпринимательских возможностей // Форсайт. 2019. Т. 13, № 4. С. 10-22.
19. Ключева Н. И. Социально-инновационное развитие организации // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17, № 1. С. 79-84.
20. Колосова Н. В. Социокультурные факторы инновационного развития экономических систем // Организатор производства. 2020. Т. 28, № 1. С. 99-104.

References

1. Zemtsov S. P., Barinova V. A. Smena paradigmy regional'noi innovatsionnoi politiki v Rossii: ot vyравnivaniya k "umnoi spetsializatsii" [Changing the paradigm of regional innovation policy in Russia: from alignment to "smart specialization"]. *Voprosy ekonomiki = Questions of Economics*, 2016, no. 10, pp. 65-81.
2. "Umnaya spetsializatsiya" – strategii v oblasti ustoichivogo razvitiya ["Smart specialization" – strategies in the field of sustainable development]. Available at: <http://www.unec.org>. (accessed 13.06.2021)
3. Carayannis E., Grigoroudis E. Chetyrekhzvennaya spiral' innovatsii i «umnaya spetsializatsiya»: proizvodstvo znaniy i natsional'naya konkurentosposobnost' [Quadruple Innovation Helix and Smart Specialization: Knowledge Production and National Competitiveness]. *Forsait = Foresight*, 2016, vol. 10, no. 1, pp. 31-42.
4. Pavlova A. V. Upravlenie protsessami formirovaniya klasternykh struktur v regione [Managing the processes of formation of cluster structures in the region]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom = Management in Russia and Abroad*, 2017, no. 1, pp. 39-46.
5. Zubarevich N. V. Regional'naya proektsiya novogo rossiiskogo krizisa [Regional projection of the new Russian crisis]. *Voprosy ekonomiki = Questions of Economics*, 2015. no. 4, pp. 37-52.
6. Vertakova Yu. V., Prokopenko O. S. Modelirovanie regional'nogo razvitiya s ispol'zovaniem strukturnogo podkhoda: printsipy, instrumenty i opyt ikh primeneniya [Modeling of regional development using a structural approach: principles, tools and experience of their application]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management Consulting*, 2019, no. 8, pp. 28-46.

7. Kutsenko E. S., Islankina E. A., Kindras A. *Mozhno li byt' umnym v odinochestve? Issledovanie innovatsionnykh strategii rossiiskikh regionov v kontekste umnoi spetsializatsii* [Smart by Oneself? An Analysis of Russian Regional Innovation Strategies within the RIS3 Framework]. *Forsait = Foresight and STI Governance*, 2018, vol. 12, no. 1, pp. 25-45.
8. Vakhrushev D. S. *Innovatsionnaya sreda kak znachimyi faktor formirovaniya innova-tsionnoi ekonomiki: institutsional'nyi podkhod* [Innovation environment as a significant factor in the formation of an innovative economy: an institutional approach]. *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Seriya: Ekonomika i ekologicheskii menedzhment = Scientific Journal of the National Research University ITMO. Series: Economics and Environmental Management*, 2015, no. 1, pp. 5-8.
9. Garafiev I. Z. *Institutsional'nye osnovy razvitiya innovatsionnoi sredy regiona (sotsiologicheskii podkhod)* [Institutional foundations for the development of the innovative environment of the region (a sociological approach)]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, 2013, no. 1, pp. 74-78.
10. Polozhentseva Yu. S., Klevtsova M. G., Vertakova Yu. V. *Makroekonomicheskie usloviya formirovaniya innovatsionnoi sredy regiona* [Macroeconomic conditions for the formation of the innovative environment of the region]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management Consulting*, 2014, no. 10, pp. 60-67.
11. Romashin V. V. *Problemy formirovaniya innovatsionnoi sredy v regionakh RF* [Problems of formation of the innovation environment in the regions of the Russian Federation]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*, 2017, no. 4, pp. 250-255.
12. Chistyakova N. O. *Analiz osnovnykh teoreticheskikh podkhodov k issledovaniyu innovatsionnoi sredy regiona* [Analysis of the main theoretical approaches to the study of the innovative environment of the region]. *Vestnik nauki Sibiri = Bulletin of Science of Siberia*, 2011, no. 1, pp. 447-456.
13. Shishkova T. E. *Sushchnostnaya osnova ponyatiya "innovatsionnaya sreda": ee osnovnye sostavlyayushchie i napravleniya razvitiya* [The essential basis of the concept of "innovation environment": its main components and directions of development]. *InnoTsentr = Innocenter*, 2014, no. 2(3), pp. 83-88.
14. *Global'nyi innovatsionnyi indeks 2020* [Global Innovation Index 2020]. Available at: <https://www.globalinnovationindex.org>. (accessed 13.06.2021)
15. Antonov E. V., Auzan A. A., Bryzgalin V. A., Voronenko V. A., Zolotov A. V., Nikishina E. N., Pripuzova N. A., Trukhachev S. A. *Sotsiokul'turnye faktory innovatsionnoi aktivnosti naseleniya (issledovatel'skii otchet)* [Sociocultural factors of innovative activity of the population (research report)]. Moscow, Institute of National Projects, Russian Venture Company Publ., 2019. 124 p.
16. Tronina I. A., Tatenko G. I., Bakhtina S. S., Knyazeva V. A., Musatova I. V. [Model of formation of innovative culture as a factor of innovative development of the region]. *Dostizheniya v oblasti ekonomiki, biznesa i upravlencheskikh issledovaniy. Materialy Vserossiiskoi konferentsii po tsifrovoi ekonomike i upravleniyu znaniyami* [Achievements in the field of economics, business and management research. Materials of the Russian Conference on Digital Economy and Knowledge Management (RuDEcK 2020)]. 2020, vol. 148, pp. 682-689. (In Russ.).
17. Pishnyak A., Khalina N. *Vospriyatie novykh tekhnologii naseleniem kak pokazatel' otkrytosti k innovatsiyam* [Perception of New Technologies: Constructing an Innovation Openness Index]. *Forsait = Foresight*, 2021, vol. 15, no. 1, pp. 39-54.
18. Trabskaja J., Mets T. *Ekosistema kak istochnik predprinimatel'skikh vozmozhnostei* [Ecosystem as the Source of Entrepreneurial Opportunities]. *Forsait = Foresight and STI Governance*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 10-22.
19. Klyueva N. I. *Sotsial'no-innovatsionnoe razvitie organizatsii* [Socio-innovative development of the organization]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya = Bulletin of the Volga Institute of Management*, 2017, vol. 17, no. 1, pp. 79-84.
20. Kolosova N. V. *Sotsiokul'turnye faktory innovatsionnogo razvitiya ekonomicheskikh sistem* [Sociocultural factors of innovative development of economic systems]. *Organizator proizvodstva = Organizer of Production*, 2020, vol. 28, no. 1, pp. 99-104.

Информация об авторах / Information about the Authors

Никитин Святослав Аркадьевич, доктор экономических наук, профессор, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, г. Орёл, Российская Федерация,
e-mail: kozlova_1943@inbox.ru,
ORCID: 0000-0001-6262-188X,
ResearcherID: E-6796-2018

Svyatoslav A. Nikitin, Doctor of Economic Sciences, Professor, Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation,
e-mail: kozlova_1943@inbox.ru,
ORCID: 0000-0001-6262-188X,
ResearcherID: E-6796-2018

Тренина Ирина Алексеевна, доктор экономических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, г. Орёл, Российская Федерация,
e-mail: irina-tronina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-9593-5129,
ResearcherID: Я-8039-2016

Irina A. Tronina, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation,
e-mail: irina-tronina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-9593-5129,
ResearcherID: Я-8039-2016

Татенко Галина Ивановна, кандидат экономических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, г. Орёл, Российская Федерация,
e-mail: galinatatenko@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-6491-2370,
ResearcherID: M-1293-2016

Galina I. Tatenko, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation,
e-mail: galinatatenko@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-6491-2370,
ResearcherID: M-1293-2016

Грекова Алина Евгеньевна, аспирант, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, Орёл, Российская Федерация,
e-mail: 79208025103@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8075-4803

Alina E. Grekova, Post-Graduate Student, Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation,
e-mail: 79208025103@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8075-4803

ЭКОНОМИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ, ОТРАСЛЕЙ, КОМПЛЕКСОВ

ECONOMICS AND ORGANIZATION OF ENTERPRISES, INDUSTRIES, COMPLEXES

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-146-160>

Типология социальной ответственности крупного российского бизнеса в контексте ориентации на внутреннюю и внешнюю среду

Л. М. Никитина¹ ✉, Д. А. Тюрина¹

¹ Воронежский государственный университет
Университетская пл. 1, г. Воронеж 394018, Российская Федерация

✉ e-mail: nikitina@econ.vsu.ru

Резюме

Актуальность. Развитие корпоративной социальной ответственности в России во многом сдерживается из-за отсутствия явно выраженных рыночных и финансово-экономических преимуществ компаний, реализующих проекты и программы социальной и экологической направленности. Определение устойчивой взаимосвязи социальной ответственности компаний и финансовой результативности их деятельности ограничено не только сложностью измерения и различиями в инструментах оценки корпоративной социальной ответственности, но и составом исследуемых компаний, большой вариативностью их влияния на внутреннюю и внешнюю среду в зависимости от масштаба и вида экономической деятельности.

Цель – разработать эмпирическую типологию крупных российских компаний, основанную на оценке динамики финансовой результативности деятельности и ориентации корпоративной социальной ответственности на внутреннюю или внешнюю среду.

Задачи: обосновать выбор и проанализировать показатели, характеризующие финансово-экономическую результативность крупных российских компаний и их социальную ответственность в контексте ориентации на внутреннюю и внешнюю среду; провести сопоставления динамики финансово-экономического показателя компаний и их ориентации на внутреннюю и внешнюю сферу корпоративной социальной ответственности; выделить упорядоченные группы компаний и описать их признаки, позволяющие идентифицировать тип компании.

Методология. При проведении исследования использованы общенаучные методы и приемы: анализ, синтез, аналогия, обобщение, сравнение и методы экономической науки: графический, статистический. Эмпирическую базу исследования составили годовые и нефинансовые отчеты крупных российских компаний нефтегазового, энергетического, горно-металлургического и телекоммуникационного секторов за период 2015-2018 гг.

Результаты. В результате сопоставления финансово-экономических показателей и ориентации корпоративной социальной ответственности на внутреннюю или внешнюю среду проанализированы схожие по ряду признаков группы компаний. Определены четыре типа компаний крупного российского бизнеса, характеризующихся преобладанием внешней, внутренней или сбалансированной направленности корпоративной социальной ответственности при высокой или умеренной скорости роста финансовой результативности.

Выводы. Наличие устойчивой взаимосвязи финансовых результатов и социальной ответственности компаний остается дискуссионным вопросом. Проведенный анализ и сопоставление ряда показателей финансово-экономической и социально-экологической сферы показало, что быстрорастущие компании в большей степени ориентированы на внешнюю среду, тогда как для умеренно растущих компаний характерна внутренняя направленность социальных программ и проектов или равнозначность внутренней и внешней среды. Значимым фактором ориентации на внутреннюю или внешнюю среду является принадлежность компании к определенному сектору.

© Никитина Л. М., Тюрина Д. А., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(6): 146–160

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность; типология компаний; внешняя и внутренняя среда; финансовая результативность.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Никитина Л. М., Тюрина Д. А. Типология социальной ответственности крупного российского бизнеса в контексте ориентации на внутреннюю и внешнюю среду // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 146–160. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-146-160>.

Поступила в редакцию 16.10.2021

Принята к публикации 10.11.2021

Опубликована 29.12.2021

Typology of Social Responsibility of Large Russian Business in the Context of Orientation to the Internal and External Environment

Larisa M. Nikitina¹ ✉, Daria A. Tyurina¹

¹ Voronezh State University

1 Universitetskaya Sq., Voronezh 394018, Russian Federation

✉ e-mail: nikitina@econ.vsu.ru

Abstract

Relevance. The development of corporate social responsibility in Russia is largely hindered due to the lack of pronounced market and financial advantages of companies implementing social and environmental projects and programs. The identification of a stable relationship between the social responsibility of companies and the financial performance of their activities is limited not only by the complexity of measurement and differences in the tools for assessing corporate social responsibility. The composition of the companies under study is of great importance, as well as the great variability of their influence on the internal and external environment, depending on the scale and type of economic activity.

The purpose is to develop an empirical typology of large Russian companies based on the assessment of the dynamics of financial performance and orientation of corporate social responsibility to the internal or external environment.

Objectives: to justify the choice and analyze the indicators characterizing the financial and economic performance of large Russian companies and their social responsibility in the context of orientation to the internal and external environment; to compare the dynamics of the financial and economic indicators of companies and their orientation to the internal and external sphere of corporate social responsibility; to identify ordered groups of companies and describe their characteristics, allowing to identify the type of company.

Methodology. The research uses general scientific methods and techniques: analysis, synthesis, analogy, generalization, comparison, and methods of economic science: graphic, statistical. The empirical basis of the study was the annual and non-financial reports of large Russian companies in the oil and gas, energy, mining and metallurgical and telecommunications sectors for the period 2015-2018.

Results. As a result of comparison of financial indicators and orientation of corporate social responsibility to the internal or external environment, groups of companies similar in a number of features are analyzed. Four types of large Russian business companies have been identified, characterized by the predominance of external, internal or balanced orientation of corporate social responsibility with a high or moderate growth rate of financial performance.

Conclusions. The existence of a stable relationship between financial performance and corporate social responsibility remains a debatable issue. The analysis and comparison of a number of indicators of the financial, economic and socio-environmental spheres showed that fast-growing companies are more oriented to the external environment, whereas moderately growing companies are characterized by the internal orientation of social programs and projects or the equivalence of the internal and external environment. A significant factor in orientation to the internal and external environment is the company's belonging to a certain sector.

Keywords: corporate social responsibility; typology of companies; external and internal environment; financial performance.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication,

For citation: Nikitina L. M., Tyurina D. A. Typology of Social Responsibility of Large Russian Business in the Context of Orientation to the Internal and External Environment. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(6): 146–160. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-146-160>.

Received 16.10.2021

Accepted 10.11.2021

Published 29.12.2021

Введение

В настоящее время значимость корпоративной социальной ответственности (КСО) непрерывно растет, что обусловлено обострением социальных и экологических проблем в мире. В условиях ограниченных возможностей государства деятельность крупнейших корпораций, влияющих на экологию и общество, становится зависимой от потребностей и ожиданий стейкхолдеров: инвесторы в процессе принятия решений проводят оценку как финансовых показателей компании, так и ее социального и экологического воздействия, потребители предпочитают продукцию социально ответственных компаний, а сотрудники заинтересованы в работе, обеспечивающей позитивный вклад в развитие общества. Тем не менее развитие КСО в России во многом сдерживается из-за отсутствия явно выраженных преимуществ компаний, проводящих социально ответственную политику.

Современное состояние КСО в России было сформировано большим количеством факторов. Ю. И. Трещевский, Л. М. Никитина и др. [1] указывают, что ценности бизнеса становятся многогранными и конкретизируются в зависимости от среды, с которой он вступает в непосредственный контакт.

Основываясь на работах [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8], отметим некоторые условия, которые препятствуют развитию КСО в России. Во-первых, финансово-экономический потенциал для реализации программ социальной ответственности имеют лишь крупные транснациональные компании. Средний и малый бизнес не имеет достаточных средств для инициации и участия

в значимых социальных проектах и чаще ограничивается только благотворительностью местного масштаба. Во-вторых, в стране сложился принудительный характер КСО, что вступает в противоречие ее основному принципу – добровольности. Общий скепсис в отношении к независимому мышлению компаний приводит к так называемому «благотворительному рэкету» (давление, оказываемое властью на компанию с целью заставить ее жертвовать на конкретные сферы), а также к «государственному образу мышления» у компаний, который заключается в трате средств на направления, необходимые государству, а не компании. В-третьих, нестабильность социально-экономической ситуации в стране, вызванная высоким уровнем бедности в регионах, большой региональной дифференциацией возможностей и диапазона социальных проблем, коррупцией во всех общественных подсистемах и др. В-четвертых, с географической точки зрения в России остается много неосвоенных и климатически сложных регионов, населенных малочисленными народностями, существенно отличающихся своим менталитетом и традициями. В-пятых, общая социальная пассивность граждан, которая наблюдается во всех сферах общественной жизни. В таких условиях, например, работники активно критикуют своих работодателей, однако сами не готовы к самостоятельным действиям, перекладывая социальную ответственность на вышестоящее руководство.

Указанные обстоятельства создают почву для формирования национальной модели КСО со следующими характеристиками:

– высокая роль государства. Во многих российских корпорациях государство является единственным или мажоритарным акционером, тем самым имея доступ к стратегическим решениям компании и влияя на ее деятельность в русле своих интересов. Однако национальная государственная политика КСО в настоящее время находится на начальном этапе, пока формируются отдельные программы, способствующие ее развитию. Примером может служить Концепция развития публичной нефинансовой отчетности, призванная стимулировать бизнес к повышению прозрачности результатов воздействия их деятельности, расширить возможности ее оценки и систематизировать процесс внедрения публичной нефинансовой отчетности в практику российских корпораций;

– транснациональные корпорации являются драйверами развития КСО, так как имеют для этого финансовые возможности и контролируются государством. Роль некоммерческих организаций (НКО) в этом процессе достаточно низкая, особенно при сопоставлении с зарубежными странами, в которых КСО развивалось под влиянием гражданского общества. В целом ограниченная влияние НКО на продвижение идей КСО в России обусловлена их немногочисленностью и низкой авторитетностью в обществе;

– российские компании, как правило, не рассматривают социальную ответственность как непрерывный процесс взаимовыгодного взаимодействия бизнес-структуры со всеми заинтересованными сторонами и чаще концентрируются на разовых социальных проектах. У большинства предприятий не существует четко сформулированной долгосрочной стратегии КСО и устоявшихся передовых практик ее реализации. Кроме того, важно отметить недостаток структурированной и достоверной информации о социально ответственной деятельности российских компаний. По оценкам экспертов [9; 10; 11], социальная отчетность в России относится к вопросам с низким уровнем раскрытия.

Тем не менее, несмотря на особенности реализации КСО в России и имеющиеся трудности в этом процессе, по оценкам исследователей [12; 13; 14], в настоящее время сформировался пул лидеров КСО, состоящий примерно из 50 ведущих компаний, представляющих наиболее значимые сектора российской экономики: нефтегазовый, энергетический, металлургический, горнодобывающий, телекоммуникационный и др. Среди причин того, что количество лидеров КСО в России не растет, А. Костин [15] указывает следующие: КСО не рассматривается большинством компаний в качестве конкурентного преимущества; международные санкции ограничили доступ к займам западных финансовых организаций, которые учитывали при выделении кредитов КСО заявителя; низкий уровень государственной мотивации и стимулирования КСО в России.

Согласно Национальному регистру и Библиотеке корпоративных нефинансовых отчетов [16], 178 компаний выпускают нефинансовую отчетность, зарегистрировано 972 отчета, которые выпущены в период, начиная с 2000 г. В их числе: экологические отчеты (ЭО) – 85; социальные отчеты (СО) – 328; отчеты в области устойчивого развития (ОУР) – 330; интегрированные отчеты (ИО) – 202; отраслевые отчеты – 27. Динамика распределения отчетов по отраслевой принадлежности по 2017 и 2019 гг. представлена ниже (табл. 1).

Как и в 2017 г., в 2019 г. по предоставлению отчетности лидируют компании энергетического (21% отчетов), нефтегазового (19% отчетов), металлургического и горнодобывающего секторов (14% отчетов), а также сектор финансов и страхования (10,5% отчетов). Это обусловлено в первую очередь тем, что в совокупности на указанные виды деятельности приходится почти 60% компаний из общего количества компаний, предоставляющих нефинансовую отчетность. Стоит отметить, что в 2019 г. нефинансовую отчетность стали публиковать компании-ритейлеры.

Таблица 1. Динамика распределения нефинансовых отчетов по отраслевой принадлежности

Отраслевая принадлежность компаний	Число компаний		Количество отчетов	
	2017	2019	2017	2019
Нефтегазовая	19	21	139	179
Энергетика	41	42	162	199
Металлургическая и горнодобывающая	18	20	91	134
Производство машин и оборудования	2	2	8	12
Химическая, нефтехимическая, парфюмерная	12	12	64	83
Деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная	4	5	22	24
Производство пищевых продуктов	9	10	42	52
Телекоммуникационная	10	11	30	42
Финансы и страхование	18	19	82	99
Жилищно-коммунальное хозяйство	5	5	15	17
Цементное производство и строительство	2	3	2	3
Образование, здравоохранение	5	6	12	13
Транспорт	5	5	19	24
Ритейл	0	2	0	4
Прочие виды услуг	5	4	13	18
Некоммерческие организации	5	7	26	38
ИТОГО	160	174	727	945
Отраслевые отчеты	4	4	25	27
ВСЕГО	164	178	752	972

Важное значение имеет не только количество предоставляемой отчетности и ее видов, но и степень раскрытия качественных и количественных показателей по всем существенным аспектам КСО. В ранее проведенных исследованиях [17; 18; 19] было выявлено, что существуют значительные различия в уровне раскрытия и качестве предоставления информации по существенным аспектам деятельности компании, что осложняет анализ и оценку КСО.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили годовые и нефинансовые отчеты крупных российских компаний нефтегазового, энергетического, горно-металлургического и телекоммуникационного секторов, а также банковского сектора (в основную выборку не вошел) за период 2015-2018 гг. Выборка компаний, исследуемых на раскрытие количественных показателей в нефинансовой отчетности, была отобрана в соответствии с критериями, используемыми нами в ранних исследованиях [20]:

– отчетность компании носит регулярный характер, компания имеет в открытом доступе отчетность не менее чем за 3 года;

– не рассматривается нефинансовая отчетность некоммерческих организаций и отраслевые отчеты;

– не рассматриваются исключительно экологические отчеты.

Первоначальную выборку составили 17 российских компаний, отвечающих указанным критериям. На втором этапе был осуществлен поиск количественных показателей, характеризующих внешнюю и внутреннюю формы КСО и отраженных в нефинансовой отчетности за 4 года (2015-2018 гг.). Среди них: затраты на обучение, социальные расходы, средняя заработная плата, благотворительность, охрана окружающей среды, производственная безопасность и охрана труда. В результате из первоначальной выборки были исключены 5 компаний, в отчетности которых указанные показатели количественно в исследуемый период не представлены.

Таким образом, в основную выборку попали 12 российских компаний, пред-

ставляющих ведущие секторы экономики: нефтегазовый сектор (ПАО «Газпром», ПАО «ЛУКОЙЛ», ПАО «НК «Роснефть»); энергетический сектор (ПАО «РусГидро», ПАО «ИНТЕР ПАО ЕЭС»); металлургический и горнодобывающий сектор (ПАО «ГМК «Норильский никель», ПАО «Северсталь», ПАО «НЛМК», ПАО АК «АЛРОСА», АО «ХК «Металлоинвест»); телекоммуникационный сектор (ПАО «МТС», ПАО «Ростелеком»).

Для компаний основной выборки была проанализирована и оценена динамика за период 2015-2018 гг.:

- основных финансово-экономических показателей, характеризующих результаты их деятельности: выручка, чистая прибыль, стоимость активов, дивиденды на 1 акцию;

- количественных показателей, характеризующих внутреннюю сферу КСО: затраты на обучение, включающие обязательное и дистанционное обучение, повышение квалификации, адаптацию новых специалистов и иные виды; социальные расходы, включающие медицинское обслуживание, различные виды страхования, негосударственное пенсионное обеспечение, развитие дополнительных социальных программ для работников и иные виды затрат; затраты на производственную безопасность и охрану труда (ПБиОТ), включающие создание безопасных условий труда, обеспечение не-

обходимой спецодежды и иных средств индивидуальной защиты, обучение в данной области и иные виды затрат;

- количественных показателей, характеризующих внешнюю сферу КСО: затраты на благотворительность, включающую затраты на развитие регионов присутствия, помощь коренному населению, спонсорство некоммерческих мероприятий и проектов в области здравоохранения, образования, спорта, культуры и искусства и иные виды затрат; затраты на охрану окружающей среды, включающие экологическое обучение персонала, производственный экологический мониторинг, модернизацию производства в контексте экологии, направленные на снижение выбросов, сохранение биоразнообразия и иные виды затрат.

Выбор указанных показателей обусловлен частотой их раскрытия в динамике, а также тем, что они являются наиболее ассоциируемыми с конкретной сферой КСО и специфичными по отношению ко всем затратам компании в целом.

В таблице 2 приведены расчетные значения изменения долей затрат на внешнюю и внутреннюю сферы КСО в соответствии с выбранными показателями за 2018 г. Выполненные аналогичные расчеты за 2015, 2016, 2017 гг. не показали существенных изменений в ориентации компаний на внешнюю или внутреннюю сферу КСО.

Таблица 2. Агрегированные затраты на внешнюю и внутреннюю сферу КСО в 2018 г.

Компания	Затраты на внутреннюю сферу КСО		Затраты на внешнюю сферу КСО	
	млн руб.	%	млн руб.	%
«ЛУКОЙЛ»	18066	23	62071	77
«Норильский никель»	27278,2	30	63361,99	70
«Металлоинвест»	4667,411	30	11154	70
«Газпром»	43065,1	31	98116,706	69
«НЛМК»	2822	31	6225	69
«НК «Роснефть»	64845	34	128082	66
«РусГидро»	2439,03	43	3250,2	57
«Северсталь»	5624,3	51	5300	49
«АЛРОСА»	10511,2	51	10105,8	49
«Ростелеком»	1194	56	927	44
«МТС»	913,7	59	630,497	41
«Интер РАО»	12490	74	4379	26

В результате можно выделить три группы компаний в зависимости от ориентации на определенную сферу КСО:

1. Компании, ориентированные на внешнюю сферу КСО: «ЛУКОЙЛ», «Норильский никель», «Металлоинвест», «Газпром», «НЛМК», «Роснефть».

2. Компании, ориентированные на внутреннюю сферу КСО: «Ростелеком», «МТС», «Интер РАО».

3. Компании без ярко выраженной ориентации на определенную сферу КСО: «РусГидро», «Северсталь», «АЛРОСА».

Результаты и их обсуждение

На основе выполненного анализа и оценки динамики финансово-экономических показателей исследуемых компаний и количественных показателей их социальной ответственности нами проведена типология крупных российских компаний, иллюстрирующая их направленность на внутреннюю или внешнюю сферу КСО.

Для лучшей визуализации результатов исследования были построены графики,

разделяющие компании на типы с учетом скорости изменения конкретного финансово-экономического показателя и выявленной ориентации на определенную сферу КСО. Так, компания отображалась на графике в соответствии с той сферой КСО, в которой ее доля затрат превышает 50%. Определением границы скорости изменения финансово-экономического показателя является ее среднее значение, которая отделяет быстрорастущие компании и умеренно растущие компании относительно всей выборки. Для определения интервалов по оси X, характеризующей направленность на сферу КСО – внутреннюю или внешнюю, использовались их минимальные и максимальные процентные значения, полученные в таблице 2. В результате каждая сфера КСО имеет значение от 50% до 80% для обеих сфер социальной ответственности.

На рисунке 1 отражен результат сопоставления скорости изменения выручки компаний и их ориентации на внутреннюю и внешнюю сферу КСО.

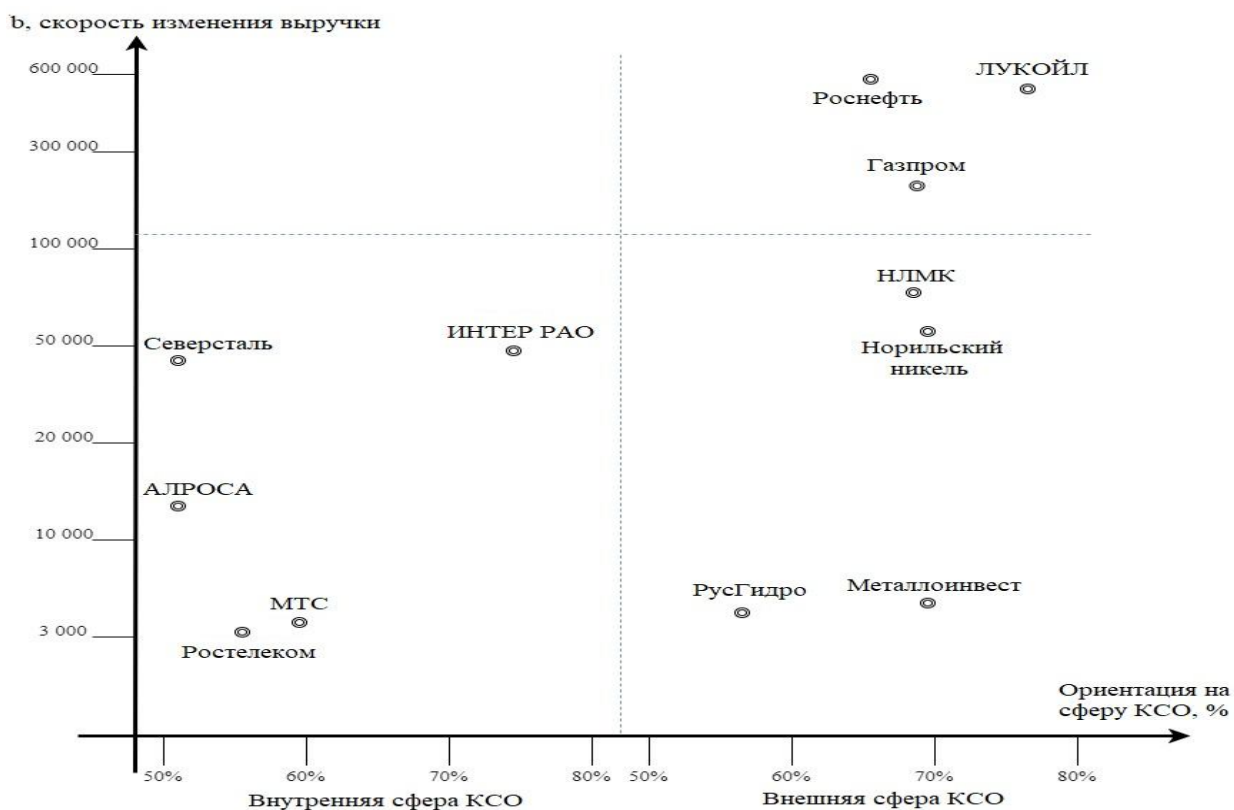

Рис. 1. Ориентация компаний на сферу КСО в соответствии со скоростью изменения выручки

Отметим, что компании, имеющие быстрый рост выручки, большое влияние на регионы присутствия и сильное воздействие на окружающую среду, призваны направлять большое количество финансовых ресурсов во внешнюю сферу КСО, как и подобные компании с более медленным ростом выручки. В основном ориентация на внутреннюю сферу КСО выявлена у тех компаний, деятельность которых в меньшей степени связана с выбросами в окружающую среду и которые имеют слабое влияние на местные сообщества. Такая ярко выраженная ориентация компаний телекоммуникационной и энергетической отрасли объясняется повышенной необходимостью в квалифицированном и обученном кадровом составе.

На рисунке 2 отражен результат сопоставления скорости изменения чистой выручки компаний и их ориентации на внутреннюю и внешнюю сферу КСО.

Вариант расположения компаний (см. рис. 2) практически совпадает с вариантом сопоставления сфер КСО и скорости изменения выручки (см. рис. 1). Так, «Ростелеком», «МТС», «Интер РАО», несмотря на небольшую скорость изменения чистой прибыли или даже снижение чистой прибыли, продолжают ориентироваться на внутреннюю сферу КСО, направленную на сотрудников. Следует выделить единственную компанию с быстрой скоростью роста чистой прибыли и ориентацией на внутреннюю сферу КСО – «Северсталь». Однако внутренняя направленность КСО «Северсталь» выражена слабо (51% затрат на внутреннюю сферу КСО) и имеет за период 2015-2018 гг. переходящее значение (47% в 2015 г.).

На рисунке 3 отражен результат сопоставления скорости изменения стоимости активов компаний и их ориентации на внутреннюю и внешнюю сферу КСО.

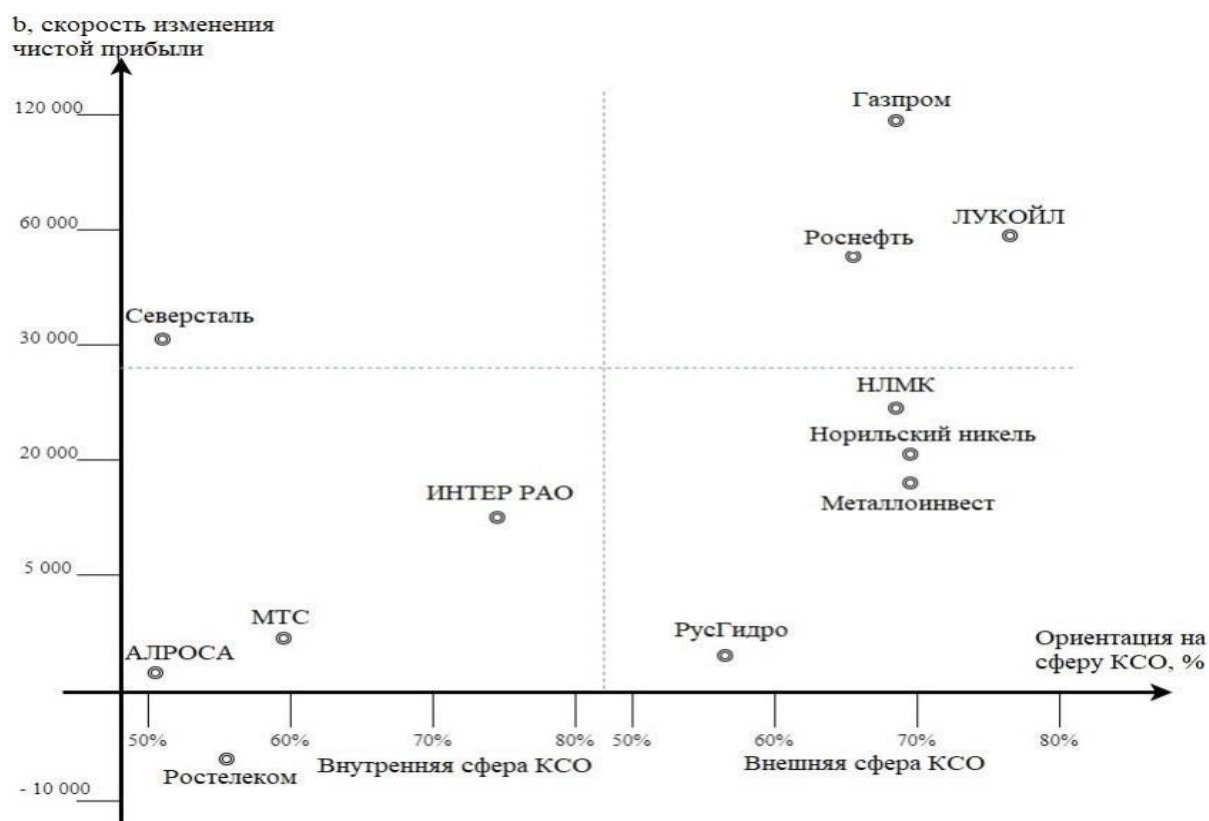

Рис. 2. Ориентация компаний на сферу КСО в соответствии со скоростью изменения чистой прибыли

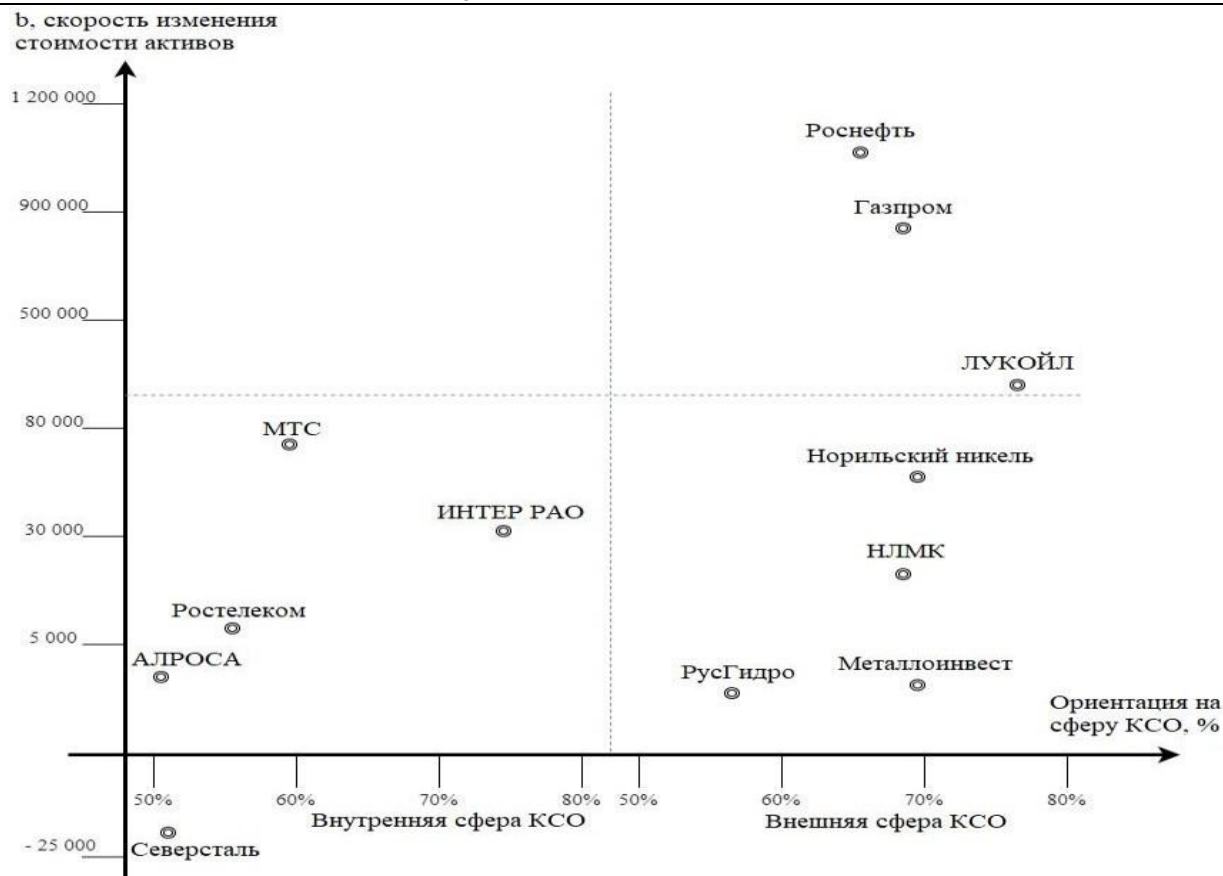

Рис. 3. Ориентация компаний на сферу КСО в соответствии со скоростью изменения стоимости активов

Обратим внимание на быстрорастущие компании с ориентацией на внешнюю сферу КСО: «ЛУКОЙЛ», «Газпром» и «Роснефть». Данные компании активно расширяют свою производственную деятельность, что повышает значимость направления финансовых ресурсов во внешнюю сферу КСО. У компаний, быстро или медленно увеличивающих свои активы, соответственно увеличивается необходимость повышения внешней социальной ответственности или же сохранения своего уровня ответственности во внутренней сфере КСО.

На рисунке 4 отражен результат сопоставления скорости изменения дивидендов на 1 акцию компаний и их ориентации на внутреннюю и внешнюю сферу КСО.

В четвертом варианте произошли значительные изменения в составе компаний с высокой динамикой роста показателей по сравнению с предыдущими тремя вариантами. Высокую скорость

изменения стоимости дивидендов на 1 акцию продемонстрировали компании, которые ориентированы на внешнюю сферу КСО. Отметим, что эту группу покинули ПАО «НК «Роснефть» и ПАО «Газпром», и впервые в ней появился ПАО «ГМК «Норильский никель», показывавший до этого умеренную скорость изменений выручки, чистой прибыли и стоимости активов.

В результате исследования взаимосвязи различных финансово-экономических показателей крупных российских компаний с их ориентацией на конкретную сферу КСО можно сделать вывод о том, что наиболее устойчивая взаимосвязь выявлена у тех компаний, которые во всех четырех проанализированных вариантах находятся на одной позиции и имеют ярко выраженную ориентацию.

На рисунке 5 проиллюстрированы итоговые результаты проведенной типологии.

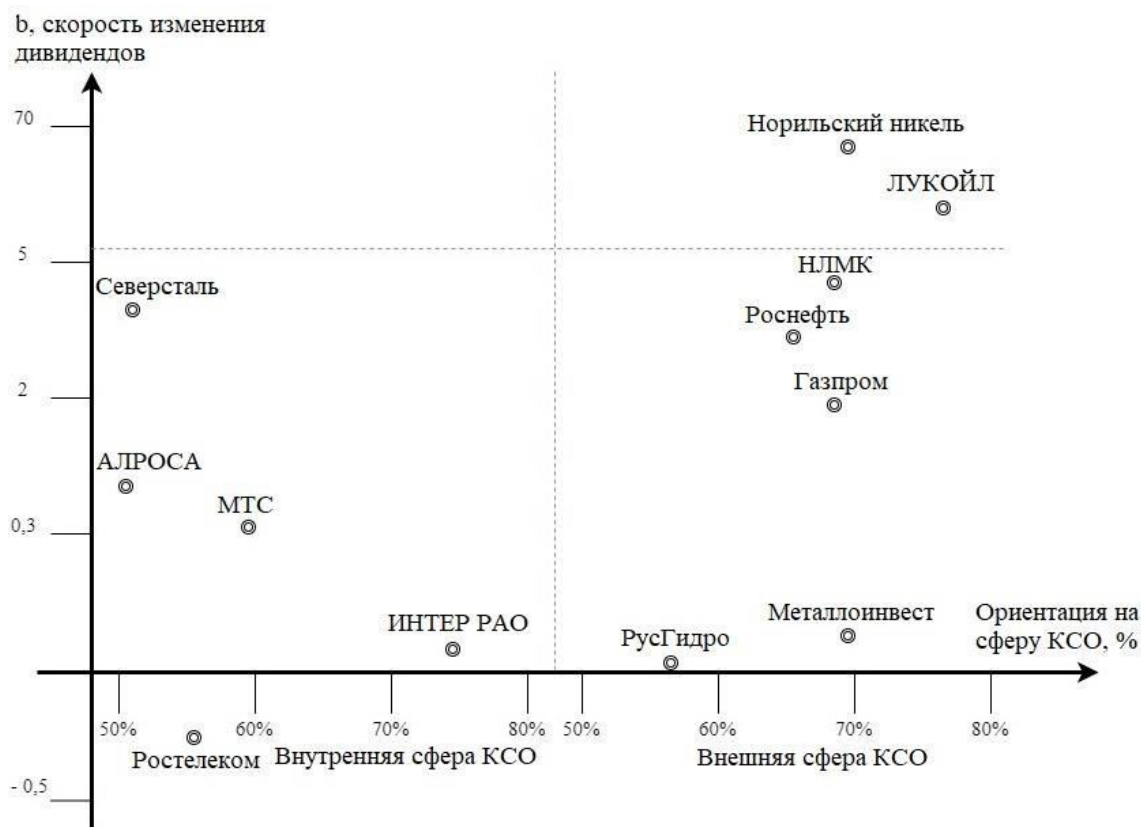

Рис. 4. Ориентация компаний на сферу КСО в соответствии со скоростью изменения дивидендов на 1 акцию

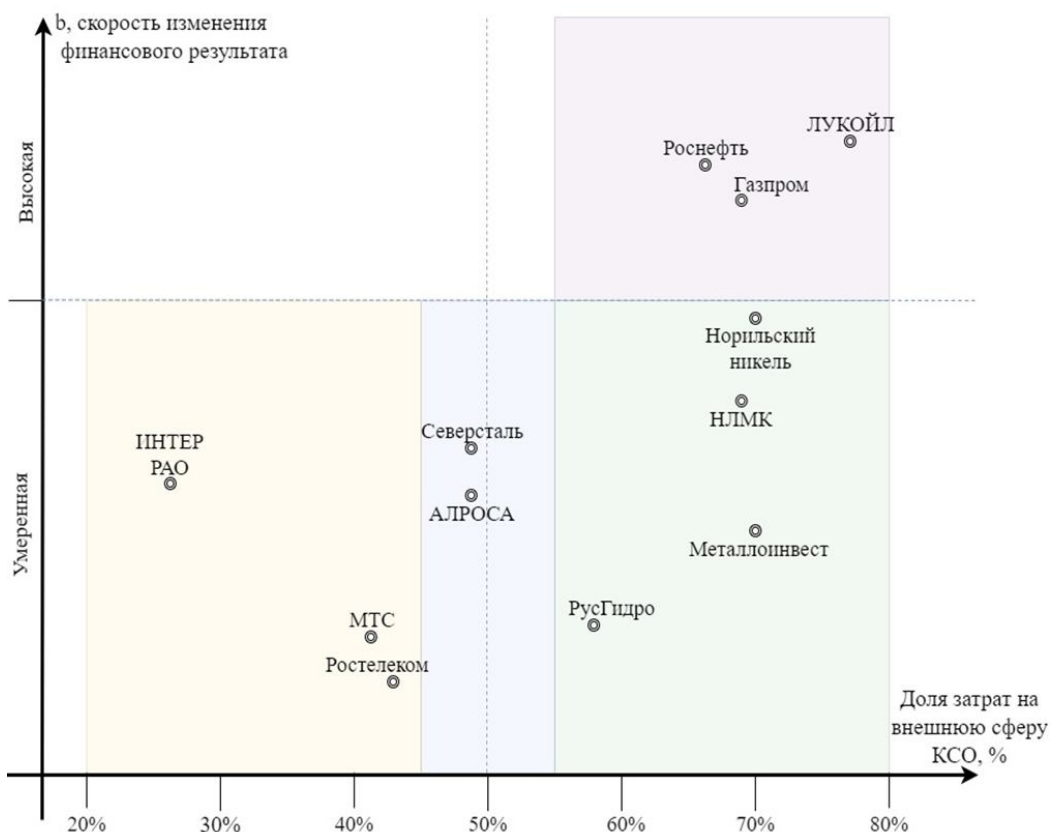

Рис. 5. Типология крупных российских компаний

Выделены четыре упорядоченные по установленным признакам группы компаний, позволяющие идентифицировать их тип:

1. *Тип 1* – компании с умеренной скоростью изменения финансовых результатов, ориентированные на внутреннюю сферу КСО: «Ростелеком», «МТС», «ИНТЕР РАО ЕЭС». Эти компании относятся к телекоммуникационному и энергетическому сектору и оказывают небольшое воздействие на окружающую среду и территорию их присутствия по сравнению с другими компаниями выборки. Их деятельность основана на предоставлении услуг, для которой большое значение имеет персонал компании, что во многом обуславливает их ориентацию на внутреннюю сферу КСО.

2. *Тип 2* – компании с умеренной скоростью изменения финансовых результатов, ориентированные на внешнюю сферу КСО: «Металлоинвест», «НЛМК», «Норильский никель», «РусГидро». Среди компаний данного типа отметим компании с наиболее выраженной ориентацией на внешнюю сферу КСО – это «Металлоинвест» и «НЛМК», которые функционируют в металлургической и горнодобывающей отрасли и оказывают сильное влияние на окружающую среду и местные сообщества, что обуславливает их высокие затраты на соответствующие области КСО во внешней сфере.

В выявленном типе компаний необходимо отметить ПАО «ГМК «Норильский никель», который имеет меньшую взаимосвязь финансовой результативности и КСО из-за быстрой скорости изменения стоимости дивидендов при одновременной неизменной ориентации компании на внешнюю сферу КСО, но тем не менее в целом остается компанией с умеренной скоростью изменения выручки/прибыли/активов.

3. *Тип 3* – быстрорастущие компании с ориентацией на внешнюю сферу КСО, которые представлены компаниями «ЛУКОЙЛ», «Роснефть», «Газпром». Дан-

ные компании относятся к нефтегазовому сектору, имея высокую скорость изменения финансовых показателей, не только оказывают большое влияние на экологию и территории присутствия, но и имеют возможность направить имеющиеся финансовые ресурсы за пределы своей компании, что объясняет их ориентированность на внешнюю сферу КСО.

Компании «Роснефть» и «Газпром» имеют высокую скорость изменения по трем показателям: выручке, чистой прибыли и стоимости активов – и умеренную скорость изменения дивидендов на 1 акцию. Несмотря на то, что ориентация «Роснефти» и «Газпрома» на внешнюю сферу КСО остается неизменной в течение исследуемого периода, можно сделать вывод о наличии в них меньшей взаимосвязи финансовой результативности и КСО, что обусловлено их значимым влиянием на окружающую среду и территории их присутствия и, как следствие, их повышенной ответственностью во внешней сфере КСО независимо от их финансовых результативности в целом.

4. *Тип 4* – умеренно растущие компании со сбалансированной ориентацией по сферам КСО. К этому типу отнесены «Северсталь» и «АЛРОСА», представляющие металлургический и горнодобывающий сектор. Компании АК «АЛРОСА» и «Северсталь» имеют слабо выраженную ориентацию на какую-либо из сфер КСО из-за их высоких затрат, связанных с персоналом, и одновременно сильного воздействия на окружающую среду, что и обусловило практически равный вклад компаний в реализацию внутренней и внешней КСО при умеренной скорости изменения их основных финансово-экономических показателей.

Выводы

Наличие устойчивой взаимосвязи финансовых результатов и социальной ответственности компаний остается дискуссионным вопросом. Различные исследования указывают на наличие отрица-

тельной, нейтральной или положительной взаимосвязи, а также на различный характер данной взаимосвязи – реализация активной социально ответственной политики компании приводит к улучшению ее финансово-экономических показателей, или хорошая финансовая результативность дает возможность компании быть социально ответственной.

Наиболее очевидным выводом исследования является тот факт, что быстрорастущие крупные российские компании в большей степени ориентированы на внешнюю среду, тогда как для умеренно растущих компаний характерна внутренняя направленность социальных программ и проектов или равнозначность внутренней и внешней среды. Значимым фактором ориентации на внутреннюю и внешнюю среду является принадлежность компании к определенному сектору. Как следствие, разную значимость (и объем финансирования) имеют программы защиты окружающей среды, благотворительность на территориях присутствия и др.

Разработанный в исследовании подход к выявлению однородных групп компаний в контексте их ориентации на внешнюю или внутреннюю сферу КСО и типология исследуемых крупных российских компаний позволяют всем заинтересованным сторонам на основе публичной информации проанализировать финансовую результативность компаний во взаимосвязи с показателями КСО и оценить, какая из сфер КСО является приоритетной

и стратегически значимой. Предложенная типология имеет практическое значение для тех компаний, которые только начинают выстраивать стратегию развития социальной ответственности. В условиях стагнации КСО в России компании крупного бизнеса могут опираться на уже существующий опыт реализации КСО компаний-лидеров и принимать стратегически важные управленческие решения по поводу направленности своей социальной ответственности с учетом динамики финансово-экономических показателей и вида экономической деятельности.

В целом сформированная типология компаний вносит вклад в исследование проблем оценки взаимосвязи финансовых показателей компаний с их социальной ответственностью. Проведенное исследование обладает рядом ограничений, которые определяются типом выборки, особенностями метода сбора данных. В частности, анализ нефинансовых отчетов исследуемых компаний выявил особенности предоставления данных, среди которых: чрезмерная визуальная наполненность нефинансовых отчетов, отсутствие у многих компаний информации о динамике показателей, описание мероприятий в области КСО без указания финансовых затрат. Большие перспективы в продолжении исследования связаны с принятием Концепции развития публичной нефинансовой отчетности, которая предусматривает разработку законодательных требований в этой области.

Список литературы

1. Трещевский Ю. И., Никитина Л. М., Свиридов А. С. Социализация бизнеса: историко-генетический и теоретический анализ // Регион: системы, экономика, управление. 2014. № 1(24). С. 35-42.
2. Белоусов К. Ю. Социальная ответственность и экономика: давление общественности и драйверы корпоративной социальной деятельности // Проблемы современной экономики. 2012. № 3. С. 90–92.
3. Бадыкова И. Р. Текущие проблемы, прогнозы и перспективы развития корпоративной социальной ответственности в России // Казанский экономический вестник. 2020. № 2 (46). С. 5-12.
4. Демушина О. Н., Коваленко Н. В. Корпоративная социальная ответственность в России: особенности российской модели // Бизнес. Образование. Право. 2014. № 4(29). С. 80-83.

5. Иванова А. А. Корпоративная социальная ответственность: отношения бизнеса и общества в современной России // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 2(38). С. 34-38.
6. Паштова Л. Г., Комельков М. В. Социальная ответственность бизнеса: мировые тенденции и отечественные особенности // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2017. Т. 8, № 8. С. 895-911.
7. Чудинов О. О. Современное состояние корпоративной социальной ответственности в России // Успехи современной науки. 2017. № 2. С. 53-55.
8. Чеглакова Л. М., Батаева Б. С., Мелитонян О. А. Характерные черты социальной ответственности и этики в организациях малого бизнеса в России // Российский журнал менеджмента. 2018. № 16. С. 63–94. <https://doi.org/10.21638/10.21638/11701/spbu18.2018.103>.
9. Нефинансовая отчетность в России и мире: цели устойчивого развития – в фокусе внимания. Аналитический обзор за период 2017–2018 гг. / Е. Н. Феоктистова, Л. В. Аленичева [и др.]. М.: РСПП, 2019. 104 с.
10. Ответственная деловая практика в зеркале отчетности. Аналитический обзор корпоративных нефинансовых отчетов: 2012–2014 гг. / Л. В. Аленичева, Е. Н. Феоктистова, Н. В. Хонякова [и др.]. М.: РСПП, 2015. 136 с.
11. Ответственная деловая практика в зеркале отчетности: настоящее и будущее. Аналитический обзор корпоративных нефинансовых отчетов: 2015–2016 годы выпуска / Е. Н. Феоктистова [и др.]. М.: РСПП, 2017. 136 с.
12. Пантелеева Т. А. Специфика и закономерности влияния института корпоративного гражданства на экономический рост крупных промышленных структур // Экономика и социум: современные модели развития. 2018. Т. 8, № 2(20). С. 13-21.
13. Шлихтер А. Идеиные основы и практики социально ориентированной деятельности корпораций и благотворительных фондов на Западе и в России // Общество и экономика. 2017. № 12. С. 76-91.
14. Абдуганиев Н. Н., Федоров М. В. Нефинансовая отчетность и подход к ее разработке как важнейшему элементу социальной политики российских компаний // Известия Уральского государственного экономического университета. 2014. № 2. С. 42-52.
15. Костин А. Современные тенденции развития КСО: новые вызовы и трансформации. URL: <https://soc-otvet.ru/sovremennye-tendentsii-razvitiya-kso-novye-vyzovy-i-transformatsii/> (дата обращения: 11.09.2021).
16. Национальный Регистр и Библиотека корпоративных нефинансовых отчетов. URL: <http://www.rspp.ru/simplepage/157> (дата обращения: 11.09.2021).
17. Никитина Л. М., Борзаков Д. В. Экспресс-оценка прогресса российских компаний в области корпоративной социальной ответственности: методические и прикладные аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. 2018. № 4 (29). С. 155-164.
18. Борзаков Д. В., Никитина Л. М. Управленческий контроль корпоративной социальной ответственности: нормативное, информационное и методическое обеспечение: монография. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. 270 с.
19. Endovitsky D. A., Nikitina L. M., Borzakov D. V. Corporate social responsibility: comprehensive analysis // Laplage in Journal. 2021. Vol. 7, N 3A. P. 212-225. <https://doi.org/10.24115/S2446-6220202173A1394p.212-225>.
20. Ендовицкий Д. А. Никитина Л. М., Борзаков Д. В. Оценка корпоративной социальной ответственности российских компаний на основе комплексного анализа нефинансовой отчетности // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 8(359). С. 2-10.

References

1. Treshchevski Yu. I., Nikitina L. M., Sviridov A. S. Socializaciya biznesa: istoriko-geneticheskij i teoreticheskij analiz [Socialization of business: historical, genetic and theoretical analysis]. *Region: sistema, ekonomika, upravlenie = Region: Systems, Economics, Management*, 2014, no. 1(24), pp. 35-42.
2. Belousov K. Yu. Social'naya otvetstvennost' i ekonomika: davlenie obshchestvennosti i drajvery korporativnoj social'noj deyatel'nosti [Social responsibility and economics: public pressure and drivers of

corporate social activity]. *Problemy sovremennoj ekonomiki = Problems of Modern Economics*, 2012, no. 3, pp. 90–92.

3. Badykova I. R. Tekushchie problemy, prognozy i perspektivy razvitiya korporativnoj social'noj otvetstvennosti v Rossii [Current problems, forecasts and prospects for the development of corporate social responsibility in Russia]. *Kazanskij ekonomicheskij vestnik = Kazan Economic Bulletin*, 2020, no. 2 (46), pp. 5–12.

4. Demushina O. N., Kovalenko N. V. Korporativnaya social'naya otvetstvennost' v Rossii: osobennosti rossijskoj modeli [Corporate social responsibility in Russia: features of the Russian model]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Right*, 2014, no. 4(29), pp. 80–83.

5. Ivanova A. A. Korporativnaya social'naya otvetstvennost': otnosheniya biznesa i obshchestva v sovremennoj Rossii [Corporate social responsibility: relations of business and society in modern Russia]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 2015, no. 2(38), pp. 34–38.

6. Pashtova L. G., Komel'kov M. V. Social'naya otvetstvennost' biznesa: mirovyje tendencii i otechestvennye osobennosti [Social responsibility of business: global trends and domestic features]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial Analytics: Problems and Solutions*, 2017, vol. 8, no. 8, pp. 895–911.

7. Chudinov O. O. Sovremennoe sostoyanie korporativnoj social'noj otvetstvennosti v Rossii [The current state of corporate social responsibility in Russia]. *Uspekhi sovremennoj nauki = Successes of Modern Science*, 2017, no. 2, pp. 53–55.

8. Cheglakova L. M., Bataeva B. S., Melitonyan O. A. Harakternye cherty social'noj otvetstvennosti i etiki v organizacijah malogo biznesa v Rossii [Characteristic features of social responsibility and ethics in small business organizations in Russia]. *Rossiiskij zhurnal menedzhmenta = Russian Journal of Management*, 2018, no. 16, pp. 63–94. <https://doi.org/10.21638/10.21638/11701/spbu18.2018.103>

9. Feoktistova E. N., Alenicheva L. V., eds. Nefinansovaya otchetnost' v Rossii i mire: celi ustojchivogo razvitiya – v fokuse vnimaniya. Analiticheskij obzor za period 2017–2018 gg. [Non-financial reporting in Russia and the world: Sustainable Development Goals are in focus. Analytical review for the period 2017–2018]. Moscow, RSPP Publ., 2019. 104 p.

10. Alenicheva L. V., Feoktistova E. N., Honyakova N. V., eds. Otvetstvennaya delovaya praktika v zerkale otchetnosti. Analiticheskij obzor korporativnyh nefinansovyh otchetov: 2012–2014 gody [Responsible business practices in the reporting mirror. Analytical review of corporate non-financial reports: 2012–2014 years]. Moscow, RSPP Publ., 2015. 136 p.

11. Feoktistova E. N., eds. Otvetstvennaya delovaya praktika v zerkale otchetnosti: nastoyashchee i budushchee. Analiticheskij obzor korporativnyh nefinansovyh otchetov: 2015–2016 gody vypuska [Responsible business practice in the reporting mirror: present and future. Analytical review of corporate non-financial reports: 2015–2016 years of issue]. Moscow, RSPP Publ., 2017. 136 p.

12. Panteleeva T. A. Specifika i zakonomernosti vliyaniya instituta korporativnogo grazhdanstva na ekonomicheskij rost krupnyh promyshlennyh struktur [Specifics and regularities of the influence of the institution of corporate citizenship on the economic growth of large industrial structures]. *Ekonomika i socium: sovremennye modeli razvitiya = Economy and Society: Modern Models of Development*, 2018, vol. 8, no. 2(20), pp. 13–21.

13. Shlihter A. Idejnye osnovy i praktiki social'no orientirovannoj deyatel'nosti korporacij i blagotvoritel'nyh fondov na Zapade i v Rossii [Ideological foundations and practices of socially oriented activity of corporations and charitable foundations in the West and in Russia]. *Obshchestvo i ekonomika = Society and Economics*, 2017, no. 12, pp. 76–91.

14. Abduganiev N. N., Fedorov M. V. Nefinansovaya otchetnost' i podhod k ee razrabotke kak vazhnejshemu elementu social'noj politiki rossijskih kompanij [Non-financial reporting and approach to its development as an essential element of the social policy of Russian companies]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Proceedings of the Ural State University of Economics*, 2014, no. 2, pp. 42–52.

15. Kostin A. Sovremennye tendencii razvitiya KSO: novye vyzovy i transformacii [Modern trends in CSR development: new challenges and transformations]. Available at: <https://soc-otvet.ru/sovremennye-tendentsii-razvitiya-kso-novye-vyzovy-i-transformatsii/>. (accessed 11.09.2021)

16. Nacional'nyj Registr i Biblioteka korporativnyh nefinansovyh otchetov [National Register and Library of Corporate Non-financial Reports]. Available at: <http://www.rspp.ru/simplepage/157>. (accessed 11.09.2021)
17. Nikitina L. M., Borzakov D. V. Ekspress-ocenka progressa rossijskikh kompanij v oblasti korporativnoj social'noj otvetstvennosti: metodicheskie i prikladnye aspekty [Express assessment of the progress of Russian companies in the field of corporate social responsibility: methodological and applied aspects]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2018, no. 4 (29), pp. 155-164.
18. Borzakov D. V., Nikitina L. M. Upravlencheskij kontrol' korporativnoj social'noj otvetstvennosti: normativnoe, informacionnoe i metodicheskoe obespechenie [Managerial control of corporate social responsibility: normative, informational and methodological support]. Voronezh, Izdatel'skij dom VGU Publ., 2019. 270 p.
19. Endovitsky D. A., Nikitina L. M., Borzakov D. V. Corporate social responsibility: comprehensive analysis. *Laplace in Journal*, 2021, vol. 7, no. 3A, pp. 212-225. <https://doi.org/10.24115/S2446-6220202173A1394p.212-225>
20. Endovickij D. A. Nikitina L. M., Borzakov D. V. Ocenka korporativnoj social'noj otvetstvennosti rossijskikh kompanij na osnove kompleksnogo analiza nefinansovoj otchetnosti [Assessment of corporate social responsibility of Russian companies based on a comprehensive analysis of non-financial accountability]. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*, 2014, no. 8(359), pp. 2-10.

Информация об авторах / Information about the Authors

Никитина Лариса Михайловна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления организациями, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация, e-mail: nikitina@econ.vsu.ru, ORCID: 0000-0002-7375-2225

Larisa M. Nikitina, Doctor of Economic Sciences, Professor, Department of the Economics and Organization Management, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, e-mail: nikitina@econ.vsu.ru, ORCID: 0000-0002-7375-2225

Тюрина Дарья Александровна, магистрант, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация, e-mail: dar.turina2011@yandex.ru

Darya A. Tyurina, Undergraduate, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, e-mail: dar.turina2011@yandex.ru

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-161-174>

Управление кадровыми рисками как фактор экономической безопасности сферы услуг

М. С. Оборин^{1,2,3} ✉

¹ Пермский институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова
бульвар Гагарина 57, г. Пермь 117997, Российская Федерация

² Пермский государственный национальный исследовательский университет
ул. Букирева 15, г. Пермь 614990, Российская Федерация

³ Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д. Н. Прянишникова
ул. Петропавловская 23, г. Пермь 614990, Российская Федерация

✉ e-mail: recreachin@rambler.ru

Резюме

Актуальность. Поскольку человеческие ресурсы являются элементом стратегического развития государства, сфера услуг обеспечивает стабильное функционирование экономики на региональном уровне, влияя на экономическую безопасность отрасли и страны в целом.

Цель – определение направлений повышения кадровой безопасности предприятий сферы услуг на основе оценки и прогнозирования реализации существующих рисков.

Задачи: раскрыть понятие кадровой безопасности; охарактеризовать ее роль в системе экономической безопасности; проанализировать риски и угрозы кадровой безопасности организации; выделить методы управления рисками.

Методология. Применен системный подход оценки и регулирования кадровой безопасности как элемента экономической безопасности предприятий сферы услуг. Представлена научно-теоретическая модель управления параметрами кадровой безопасности сервисных предприятий.

Результаты. Риски, связанные с управлением персоналом, являются одним из основных факторов экономической безопасности сферы услуг, в которой кадрам принадлежит ведущая роль. При разработке стратегии развития кадровой безопасности основными приоритетами является повышение профессионально значимых навыков и приобретение компетенций, необходимых в условиях цифровизации экономики и возрастающей интеллектуализации труда. Стабильность кадрового состава сервисных предприятий положительно влияет на конкурентоспособность на рынках присутствия, создает основу для лояльности потребителей и длительного стратегического партнерства.

Охарактеризованы научно-теоретические подходы к оценке понятия кадровой безопасности. Определены основные кадровые риски, влияющие на экономическую безопасность предприятий. Разработана модель управления кадровой безопасностью организации.

Выводы. Кадровая безопасность играет важную роль в системе экономической безопасности организации, благодаря которой прогнозируются и ликвидируются угрозы, негативно влияющие на деятельность предприятия.

Ключевые слова: кадровая безопасность; кадровые риски; экономическая безопасность; сфера услуг; управление кадровой безопасностью.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Оборин М. С. Управление кадровыми рисками как фактор экономической безопасности сферы услуг // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 161–174. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-161-174>.

Поступила в редакцию 07.10.2021

Принята к публикации 05.11.2021

Опубликована 29.12.2021

© Оборин М. С., 2021

Human Resources Risk Management as a Factor of Economic Security of the Service Sector

Matvey S. Oborin^{1,2,3} ✉

¹ Perm Institute (branch) of the Plekhanov Russian University of Economics
57 Gagarin Boulevard, Perm 117997, Russian Federation

² Perm State National Research University
15 Bukireva str., Perm 614990, Russian Federation

³ Perm State Agrarian and Technological University named after ak. D. N. Pryanishnikov
23 Petropavlovsk str., Perm 614990, Russian Federation

✉ e-mail: recreachin@rambler.ru

Abstract

Relevance. Since human resources are an element of the strategic development of the state, the service sector ensures the stable functioning of the economy at the regional level, affecting the economic security of the industry and the country as a whole.

The purpose. Determination of directions for improving the personnel security of service enterprises based on the assessment and forecasting of the implementation of existing risks.

Objectives. To reveal the concept of personnel security, to characterize its role in the system of economic security, to analyze the risks and threats to the personnel security of the organization, to identify risk management methods.

Methodology. A systematic approach to the assessment and regulation of personnel security as an element of the economic security of service enterprises has been applied. A scientific and theoretical model for managing the parameters of personnel security of service enterprises is presented.

Results. The risks associated with personnel management are one of the main factors of economic security in the service sector, in which personnel play a leading role. When developing a strategy for the development of personnel security, the main priorities are to increase professionally significant skills and acquire competencies necessary in the conditions of digitalization of the economy and increasing intellectualization of labor. The stability of the personnel of service enterprises has a positive effect on competitiveness in the markets of presence, creates the basis for customer loyalty and long-term strategic partnership.

The scientific and theoretical approaches to the evaluation of the concept of personnel security are characterized. The main personnel risks affecting the economic security of enterprises are identified. A model of personnel security management of the organization has been developed.

Conclusions. Personnel security plays an important role in the organization's economic security system, thanks to which threats that negatively affect the company's activities are predicted and eliminated.

Keywords: personnel security; personnel risks; economic security; service sector; personnel security management.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Oborin M. S. Human resources risk management as a factor of economic security of the service sector. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021; 11(6): 161–174. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-161-174>.

Received 07.10.2021

Accepted 05.11.2021

Published 29.12.2021

Введение

Экономическая безопасность является неотъемлемой частью государственной безопасности страны. Данная концепция не регулируется нормативно и определена как категория экономики,

предполагающая условия, при которых экономические агенты участники эффективно взаимодействуют в процессе рыночных отношений в целях устранения потенциальных рисков и угроз и обеспечения наибольшего эффекта в операци-

онной, тактической и стратегической ко-операции. Система экономической безопасности включает финансовую, информационную, технологическую, правовую, кадровую безопасность.

В системе экономической безопасности существенное значение имеет кадровая безопасность. Человеческие ресурсы признаны основным фактором социально-экономического развития страны, поэтому с учетом растущей доли сектора услуг риски, связанные с кадрами, должны быть управляемыми.

Ряд исследователей рассматривают кадровую безопасность как определенное состояние человеческого капитала в рамках формирования качественных и количественных профессиональных навыков, развития внутреннего потенциала с целью стабильного развития общества и каждой отдельной личности, через сохранение цельности в разных сферах хозяйственной деятельности, совершенствование кадровой политики и государственной стабильности путем устранения сопутствующих рисков и угроз.

Каждая отдельная организация развивается и функционирует на основе обеспечения кадровой безопасности и регулирования рисков, связанных с управлением персонала. Особенное внимание кадровой безопасности уделяется в государственных и муниципальных организациях. Согласно разработанной концепции безопасность сотрудника гарантируется его психологической устойчивостью.

Сегодня не существует четкого определения концепции кадровой безопасности, поэтому каждый субъект бизнеса сервисной сферы разрабатывает свою собственную систему оценки и контроля, основываясь на отраслевых, экономических и социально-психологических принципах. Положительным результатом такого подхода можно считать то, что сотрудники принимаются в организацию на основе положений, норм

и целей данной организации, предполагающих эффективное развитие и повышение уровня конкурентоспособности. Сложности и ограничения возникают из-за неверной стратегии найма.

При своевременном нивелировании потенциальных угроз и рисков факторов внешней и внутренней среды системой управления повышается уровень экономической безопасности государства.

По мнению И. Г. Чумарина, кадровая безопасность представляет процесс предупреждения влияния неблагоприятных эффектов на экономическую безопасность организации, формируемых штатным составом, его интеллектуальных возможностей, навыков, компетенций и потенциалом, производственными взаимоотношениями [1].

Ученые А. Я. Кибанов, Т. Ветошкина, Н. Б. Куршакова. А. Джобава рассматривают данную концепцию через целеполагание. Под кадровой безопасностью понимается комплекс мер, которые направлены на предупреждение незаконных действий или пособничество таким деяниям штатными сотрудниками. Такой подход имеет свои недостатки, поскольку негативный эффект, сопутствующий угрозе кадровой безопасности, может преобладать как вследствие незаконных действий персонала, так и его пассивного отношения, отсутствия необходимых навыков и опыта в принятии решений по нивелированию потенциальных рисков и угроз. Так как основной задачей сохранения кадровой безопасности является предупреждение потенциальных угроз, данную систему можно рассматривать как превентивный подход к управлению кадровой безопасностью организации.

Л. П. Гончаренко не разделяет проблемы развития трудовых ресурсов и кадровой безопасности, определяя последнюю концепцию как защиту социальных интересов организации по развитию и совершенствованию ее человеческого капитала, грамотную организацию

процесса управления персоналом и сокращение рисков, потенциал которых предопределен факторами человеческих ресурсов. Данный подход рассматривает концепцию кадровой безопасности только через интересы организации, которые не всегда соответствуют интересам наемных работников, что соответственно провоцирует формирование рисков факторов, влияющих на сохранение квалифицированного штата. Следовательно, кадровая безопасность должна включать интересы организации и сотрудников в совокупности в рамках поддержания комплексной защиты всех субъектов социально-трудовых отношений. Стабильность кадровой безопасности, как правило, нарушается, когда в компании наблюдается дискриминация интересов [2].

Кадровая безопасность является определенной позицией и волей персонала управления, представляющей объединение человеческих ресурсов, состоящее из отдельных личностей, которая предполагает защиту от негативного внешнего, социального и экономического воздействия. Ограничениями реализации данной концепции является вероятностная природа кадровых рисков, которые полностью невозможно устранить.

А. Л. Мирющенко рассматривает кадровую безопасность организации как процесс формирования условий для эффективного развития организации, которые гарантируют правовую защиту интересов организации от рисков и угроз, исходящих от штатного состава. Такой подход является новым, в нем меры обеспечения кадровой безопасности представляют деятельность, направленную на поддержку гарантированной безопасности организации [3].

В настоящее время происходит активное развитие и внедрение инновационных технологических ресурсов в организационную деятельность, однако при этом многие предприятия предпочитают взаимодействовать с человеческими ресурсами, привлекать к работе профессио-

нальных работников, обладающих соответствующими компетенциями.

Исследователь К. В. Лысак полагает, что отсутствие необходимых знаний и навыков, низкий уровень профессионализма в комплексе с моральным обликом, отсутствием адаптивных навыков, проявлением корыстолюбия, небрежности к работе способствуют возникновению угроз экономической безопасности, таких как: воровство, собиранье или похищение сведений, передача данных третьим лицам, коррупция и прочих.

Специалистом И. Г. Чумариным было проведено исследование, в ходе которого было выяснено, что до 80% ущерба основным средствам производства причиняют сотрудники организации, 20% ущерба организациям наносят хакеры с целью получения доступа к закрытой информации компании [4]. По мнению А. М. Морозова, в науке наиболее распространено картирование опасностей и угроз по степени их возникновения, автор выделяет внутренние и внешние угрозы. А. Алавердов выделяет следующие основные причины возникновения угроз кадровой безопасности: передача конфиденциальных сведений, кража, умышленное нанесение ущерба организации.

По мнению М. И. Королева, более всего на кадровую безопасность организации оказывают влияние намеренные противоправные действия персонала, преднамеренные действия и ошибки сотрудников, а также незаконные деяния вследствие отсутствия необходимых компетенций и халатного отношения к работе. Выделены деструктивные факторы кадровой безопасности организации, такие как: нарушение правил безопасности, хищения, махинации, отсутствие корпоративного взаимодействия и т. д. [5].

Таким образом, угроза кадровой безопасности – это комплекс условий и факторов, формирующих негативные факторы и угрозы для жизненно важных интересов субъектов социально-трудовых от-

ношений, ограничивающие эффективное развитие человеческих ресурсов [6].

Следовательно, в целях обеспечения экономической безопасности организации приоритетно выделить угрозы и риски, исходящие от персонала организации, оказывающие отрицательное влияние на его деятельность, и на их основе разработать стратегические меры по ограничению возникновения подобных угроз и их устранению.

В целях оптимизации бизнес-процессов, связанных с кадровым составом, в настоящее время формируется система кадрового управления, подсистемой которой является система управления кадровыми рисками.

Е. А. Метельская и В. В. Ломакина рассматривают кадровые риски как комплекс коммерческих рисков, исходящих от действий сотрудников организации. В. А. Зыкин рассматривает субъективные и объективные кадровые риски, и только первая категория, по мнению автора, зависит поведения сотрудников организации [7].

По мнению Н. В. Кокоревой, кадровый риск – это обстоятельства, при которых повышается уровень вероятности негативного развития событий, связанных с деятельностью организации, персоналом и обществом [8]. Кадровые риски возникают, как правило, в условиях неопределенности организации, к которой ее привели следующие факторы:

- неэффективный кадровый менеджмент;
- действия сотрудников организации либо их отсутствие;
- внешняя среда организации.

Е. А. Тарановой был разработан специальный алгоритм управления кадровыми рисками:

- определение возможных видов кадровых рисков;
- количественная оценка риска;
- создание системы методов управления рисками.

Основной задачей внедрения методов управления кадровыми рисками является сокращение их негативного воздействия. Реализуются данные методы через разные технологии в систему функционирования организации [9]. В настоящее время приобретает актуальность разработка анализа системы управления кадровыми рисками в рамках эффективного применения в дальнейшем и минимизации кадровых рисков на предприятиях.

М. Ф. Курмаев полагает, что существует необходимость более обстоятельно изучать потенциальные виды кадровых рисков, разрабатывать методы диагностики разных видов кадровых рисков, пригодных для отечественных компаний. Поэтому кадровый менеджмент в настоящее время применяет несколько методов анализа кадровых рисков, включая экономические, административные и социально-психологические.

Кадровые риски включают процессы, связанные со следующими направлениями:

- принятие в организацию профессиональных сотрудников с соответствующим уровнем компетенций;
- регулирование надежности и лояльности штата компании;
- проведение диагностики с целью своевременного определения и устранения потенциальных угроз, работа со старым коллективом и минимальное привлечение новых сотрудников в организацию;
- увольнение некомпетентного персонала, представляющего угрозу для деятельности организации, поощрение и удержание надежного персонала.

Материалы и методы

Системный и ситуационный подходы, вероятностная концепция оценки кадровой безопасности как функционального направления деятельности предприятий сервисной сферы.

Результаты и их обсуждение

Формирование системы кадровой безопасности predetermined также с потерей имущества и материальным ущербом, напрямую связанными с персоналом организации. Вследствие этого существует необходимость более глубокого исследования концепции кадровых рисков.

Кадровый риск представляет угрозу возможной утраты ресурсов организации или минимальный доход, отличающийся от планируемой прибыли в рамках использования человеческих ресурсов, вследствие неверных расчетов и ошибок в управлении персоналом.

Предприятие подвержено кадровым рискам на протяжении всего периода своего функционирования. Поскольку любые организационные процессы неразрывно связаны с тем или иным видом риска, риск может проявиться в любой период и любой ситуации. Однако при одних условиях риск оправдывает средства, и организация получает максимальную выгоду через прохождение рискованных путей, но в иных обстоятель-

ствах риск негативно сказывается на деятельности компании, в результате чего она терпит убытки вследствие ошибочных прогнозов и решений [10].

В настоящее время есть два взгляда на оценку кадровых рисков:

1. Кадровые риски могут формироваться случайным образом, быть систематическими и краткосрочными, могут быть вызваны небольшой неточностью, формирующей негативные условия в организации, ошибочным решением в рамках управления персоналом, влиянием внешних факторов и так далее.

2. Кадровые риски – это показатель недостаточно эффективной работы с сотрудниками организации, использование человеческих ресурсов не в полной мере, что способствует возникновению ряда других кадровых рисков.

В целях снижения кадровых рисков в организации необходима их классификация и оценка, на основе которой появится возможность определения наступления негативных ситуаций и последствий в сервисных организациях (табл.).

Таблица. Классификация кадровых рисков

<i>По уровню возникновения риска</i>	
Индивидуальные риски (риски, вызванные личностными характеристиками сотрудника организации)	• Биологические риски (возрастные ограничения, физическое и душевное благополучие). • Социально-психологические риски (конфликтность, сопротивляемость руководству, акцентирование внимания на своей личности). • Моральные риски (религиозные наклонности, принципы, ценности, нормы, культура). • Интеллектуальные риски (образованность, компетентность); • Экономические (профессиональные способности, навыки, практический опыт, выносливость). • Риски неблагонадежности (неспособность предвидеть последствия; небрежное отношение к работе; власть страха; честолюбие; подверженность чужой точке зрения; нечестность; судимость, нестабильность психики и т. д.)
Организационные риски (риски, вызванные некачественной системой менеджмента)	Непродуктивные решения руководства; отсутствие оптимального механизма реализации управленческих решений; информационно-коммуникационные риски
<i>По форме возможного ущерба</i>	
Имущественные риски	Незапланированные расходы управляющего
Неимущественные риски	Ухудшение репутации компании

Окончание табл.

<i>По размеру ущерба</i>	
Локальные риски	Повлеченные расходы частично влияют на общее финансовое состояние организации
Средние риски	Повлеченные расходы практически не влияют на конечный финансовый результат
Масштабные риски	Повлеченные расходы очень сильно влияют на окончательное финансовое положение
Стратегические риски	Потенциально влияют на несостоятельность организации
<i>По уровню контроля потенциального выражения</i>	
Единичные риски	Риски, возникающие в процессе локальных действий компании, реализуемых в редких случаях
Систематические риски	Риски, выраженные в систематическом проявлении, при этом они непостоянны
Постоянные риски	Риски, проявляющиеся в процессе деятельности организации по основной стратегии развития
<i>По ценности для компании</i>	
Приоритетные риски	Риски, тождественные тенденции развития организации
Вторичные риски	Несущественные риски для развития организации
<i>По уровню восприимчивости к риску разных групп стейкхолдеров</i>	
Допустимые риски	Риски, выраженные в малом проценте урона
Приемлемые риски	Риски, выраженные в среднем проценте урона
Критические риски	Риски, выраженные в слишком высоком проценте урона
<i>По преднамеренности возникновения риска</i>	
Случайные риски	- Риски, возникающие вследствие небрежного и невнимательного отношения к работе, имеют не преднамеренный характер. - Слабый уровень обучения внутри компании; реализация сотрудником собственных решений
Целенаправленные риски	- Риски, возникающие вследствие реализации сотрудником собственных решений; личного интереса; незаинтересованности в развитии деятельности; внутренних конфликтов. - Низким уровнем лояльности и мотивации.
<i>По локализации источника угроз</i>	
Внутренние риски	Умышленные, случайные или неосторожные действия сотрудников, приведшие к причинению вреда организации (набор штата; кражи, мошенничество, управление конфликтами, организация безопасности труда; угрозы после увольнения)
Внешние риски	Неблагоприятные влияния внешней среды на процессы внутри фирмы: сотрудники, отличающиеся вредными привычками; деятельность общественных организаций, движений, партий; деятельность криминальной среды (мошенничество, вымогательство); природные и техногенные факторы

Развитие кадровой безопасности также сопровождается угрозами на макро- и микроуровне. Далее рассмотрим потенциальные угрозы безопасности персонала и методы борьбы с ними:

1. Угроза сокращения человеческих ресурсов. Данный вид угроз актуален для

России в связи с такими факторами, как демографический кризис; низкий уровень продолжительности жизни и трудовой деятельности населения; высокий уровень мигрантов; несоблюдение экологической составляющей в производственной деятельности, загрязнение окружаю-

щей среды, что негативно сказывается на здоровье населения, высокий уровень заболеваний, связанный с трудовой деятельностью. Методы борьбы с данными видами риска: социальная жилищная реформа; повышение охраны и безопасности трудовой деятельности; соблюдение экологических норм на производстве, сокращение нахождение сотрудников на производстве, негативно влияющем на их здоровье; развитие системы здравоохранения и медицинского страхования [11].

2. Угроза недостаточной мотивации наемных работников. Данный вид угрозы выражается в следующих аспектах: отсутствие доверия к предпринимательской деятельности и стране, что вызывает негативное поведение; низкий уровень корпоративного поведения и лояльного отношения к руководителю; отсутствие социального обеспечения; развитие теневой экономики (как следствие, разный уровень прибыли из-за монополизации внутренних рынков труда); высокий уровень эмигрантов, обладающих высоким профессиональным уровнем. Главные меры по борьбе с подобными угрозами представляют реализацию следующих направлений: увеличение дохода среднестатистического наемного рабочего; формирование системы корпоративного права на сотрудников; соответствие заработной платы международным стандартам; тщательный отбор персонала при найме; формирование системы, оповещающей о негативном потенциале наемного рабочего; развитие системы корпоративного управления и повышение маркетинговой составляющей отечественных фирм [12].

3. Угроза снижения качества человеческих ресурсов. В России данный вид угроз кадровой безопасности выражается в следующих аспектах: снижение уровня школьного обучения; высокий уровень неграмотности населения; высокая доступность вузов, что отражается на качественных характеристиках образования; отсутствие в системе образования научных и практических методик; отсутствие

выхода отечественной образовательной системы и научных институтов на международный уровень, высокий уровень коммерческой составляющей [13]. Ключевыми мерами по борьбе с подобными угрозами являются: реорганизация системы школьного образования; сокращение высших учебных заведений, минимизация частных вузов и увеличение бюджетных институтов с качественным уровнем подготовки студентов; рост сотрудничества высших заведений и предпринимательских структур; модернизация системы сертификации профессиональных квалификаций как института объективной оценки качества человеческого капитала [14].

Кадровая безопасность подвергается рискам не только в процессе деятельности предприятия, но и на начальных этапах отбора кадрового состава. При формировании штатного состава организации важно уделять внимание не только наличию у кандидата высшего образования, но и проверять уровень среднеспециальной подготовки, необходимые навыки, проводить тестирование на характерологические качества личности.

Взгляды на кадровые риски отличаются и представляют модель системы менеджмента, задача которой – прогнозировать и снижать потенциальные кадровые риски. Следовательно, кадровая безопасность может рассматриваться со стороны предотвращения мошеннических действий сотрудников компании или ее управляющих. На практике мошенничество проявляется, как правило, в рамках превышения полномочий управляющими либо в целях возмещения своего невысокого положения или прибыли, что необходимо своевременно пресекать. Как правило, такие ситуации происходят с сотрудниками, работающими в организации длительный период [15].

Оценка и мониторинг психологической надежности кадрового персонала является ключевым условием управления кадровыми рисками, особенно вытекаю-

щими из психологических характеристик работника: спецификой его регулятивной функции, индивидуальными, профессиональными и психологическими характеристиками.

Рекомендуется дифференцированный подход к вопросу контроля их надежности. Выявлять сотрудников, представляющих определенную угрозу для предприятия, целесообразно, прежде всего, не из высшего состава или управляющего. Данная категория персонала опасна тем, что, не совершая преступных злодеяний, халатно относятся к своим

обязанностям, получая при этом полный оклад. Другими словами, такие работники не приносят пользы предприятию, а, наоборот, вредят деятельности, не выполняя как следует свою работу, тем самым попусту затрачивая материальные и нематериальные средства компании. Такая ситуация возникает, прежде всего, потому, что компетенции и уровень квалификации сотрудника предприятия не соответствуют его должности. Модель управления кадровой безопасностью представлена ниже (рис.).

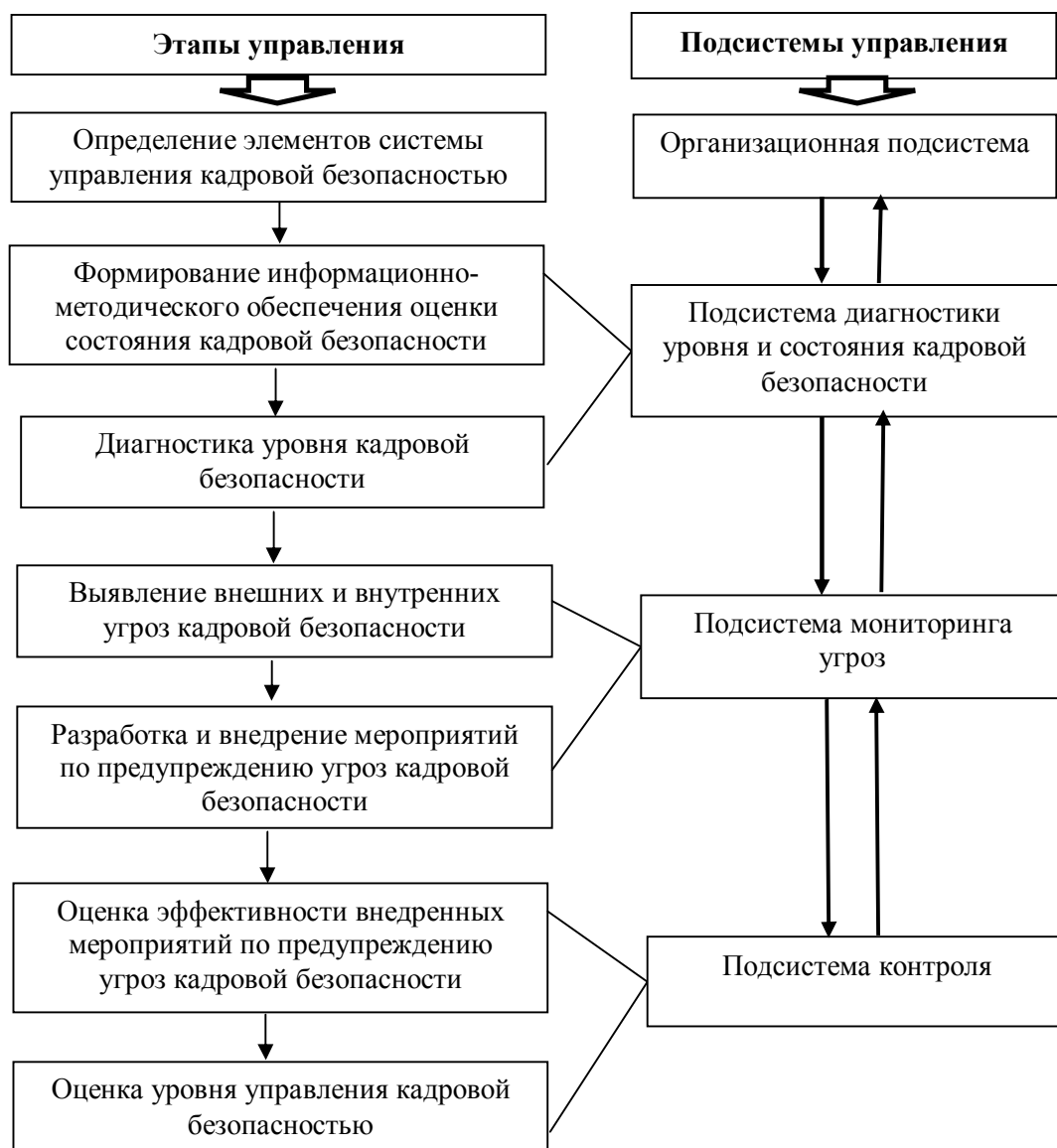

Рис. 2. Модель управления кадровой безопасностью сервисной организации (разработана на основе [9; 10; 16])

В рамках повышения кадровой безопасности и снижения рисков целесообразно предпринимать меры, стимулирующие и мотивирующие персонал компании, через поощрение сотрудников за высокие финансовые результаты деятельности. Данные меры не могут абсолютно пресечь развитие преступных действий в организации, но тем не менее способствуют развитию материальной заинтересованности сотрудников в контексте определения и нейтрализации преступных действий другими сотрудниками.

Более серьезно необходимо проверять руководителей организации и сотрудников, поскольку при реализации ими преступных действий компания терпит наиболее крупные убытки. Тут необходимо ограничить высшее руководство организации в самостоятельном принятии решений и заключении контрактов финансового характера, поскольку без участия всего коллектива в принятии стратегических решений, увеличивается вероятность превышения полномочий управляющим и реализации им преступных действий, негативно влияющих на деятельность компании [16].

Таким образом, дифференциация ответственности за выполнение определенной работы и усиленные меры контроля станут превентивной мерой в рамках обращения с финансовыми ресурсами предприятия. В финансовых операциях, таких как выписка чека, платежные и балансовые операции должны осуществляться разными операторами в целях недопущения мошенничества в организации. Усиленный контроль представляет систему, при которой все операции должны реализовываться разными сотрудниками. В целях сохранения финансовых ресурсов внутри компании многие предпринимательские структуры систематически проводят диагностику рыночных цен. Полученные данные вносятся в отдельный реестр для оценки управляющего предприятием, те же данные использует бюджетный отдел по закупкам.

Каждая операция на предприятии должна рассчитывать исключительно на выделенный финансовый бюджет организации. Через тендерные компании открывается широкий выбор самых актуальных рыночных предложений, и сохраняются финансовые активы внутри предприятия.

Необходимо отметить, что в ситуации, когда предприятие расширяется и усложняется его внутренняя структура, усугубляется и потенциал возникновения преступных действий персонала, действия которых намного сложнее контролировать [17]. При расширении производства, управляющие компанией, отягощены все большими задачами и ответственностью, и в связи с этим руководители все меньше взаимодействуют с сотрудниками среднего и младшего звена, которые могли бы способствовать выявлению фактов преступной деятельности других работников. Так, более тесное взаимодействие руководителя с другими сотрудниками поможет выявлять преступные махинации и угрозы внутри компании [18].

Сегодня актуальным направлением гарантированности кадровой безопасности является лояльность персонала через развитие корпоративной культуры, серьезное и безразличное отношение к развитию и традициям организации. Для реализации данного направления целесообразно организовывать меры по социальной защищенности сотрудников и социальному отношению. Не менее важным фактором эффективной деятельности предприятия и сохранения кадровой безопасности является здоровый моральный и психологический корпоративный климат. При таких условиях на предприятии минимизируются кадровые риски и преступные действия и соответственно повысится уровень кадровой безопасности.

Следовательно, лояльности и корпоративной культуре следует уделять должное внимание в рамках минимизации внутрифирменных махинаций [19].

В рамках борьбы с преступными действиями внутри предприятия рекомендуется использование системного подхода, реализуемого через следующие стадии [20]:

1) профилактика мошеннических действий через мониторинг и тщательную оценку человека в процессе принятия в штат организации. Для приема в компанию потенциальный сотрудник должен обладать следующими характеристиками: обладание определённой компетенцией, мотивацией работать непосредственно в данной организации, восприимчивость к новым знаниям, старательность, уровень квалификации и так далее;

2) реализация стратегии по обнаружению мошеннических действий через формирование управленческой системы контроля доступа, видеонаблюдения, прослушивающих устройств и другое. Контроль, осуществляемый при помощи средств наблюдения, играет значимую роль в плане того, что сотрудники организации ощущают постоянное наблюдение за ними;

3) борьба с мошенничеством осуществляется через раскрытие, расследование, анализ незаконных действий и принятие мер по возмещению ущерба;

4) определение объема убытков – это процесс определения фактического ущерба и списание его на сотрудников, пойманных на противоправных действиях.

Так, сотрудники организации в рамках трудового соглашения будут стараться соответствовать своей должности, своевременно выполнять свои обязанности, что в целом отразится положительным эффектом на деятельности предприятия.

Выводы

Таким образом, в ходе исследования выяснено, что кадровая безопасность представляет значимый элемент системы экономической безопасности организации, благодаря которой прогнозируются и ликвидируются угрозы, негативно влияющие на финансово-экономические результаты. Для того чтобы повысить эффективность кадровой безопасности в системе экономической безопасности, необходимо произвести следующие реформы:

1. Акцентировать внимание на вопросах контроля, лояльности и отборе персонала в рамках кадровой безопасности. Реализация системы контроля предполагает соблюдение правил стандартов, режимов, процессов производства, диагностических мер и прочих мер по минимизации потенциального урона. Лояльность – это тесное взаимодействие сотрудников с руководством организации, направлено на реализацию общих целей. Отбор персонала – это меры безопасности при собеседовании и определения положительных характеристик будущих работников. Данные направления, реализованные в комплексе, способствуют проявлению максимального эффекта.

2. В трудовом договоре необходимо обозначить меры безопасности от внешних и внутренних угроз, характерных для персонала. Таким образом, в случае если на сотрудника организации оказывается внешнее давление, то он должен знать, какие последствия наступят за нарушения трудового соглашения, например, незамедлительное аннулирование контракта за разглашение коммерческой информации.

Список литературы

1. Выбор и адаптация инструментов оценки удовлетворенности персонала по методике Employee net promoter system (eNPS) / А. А. Дулов, А. А. Лугинина, К. С. Пустовойт, И. А. Эсаулова // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2014. № 4. С. 31–37.

2. Христолюбова Н. Е. Исследование роли и значения экономической безопасности человека в системе национальной безопасности // Академическая мысль. 2018. № 3 (4). С. 88-93.
3. Кадровая безопасность предприятия: подходы, диагностика, направления совершенствования / В. А. Фурсов, Н. В. Лазарева, Е. Н. Куш, К. Г. Аветова // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 4-2. С. 270–276.
4. Степичева О. А., Чернова В. В., Котельникова М. А. Целевая функция и угрозы экономической безопасности личности // Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 2. С. 83-90.
5. Андрущук В. В. Управление кадровыми рисками в банковской сфере // Инновационная экономика как фактор преобразования современного общества. Роль науки в современном обществе: материалы Международной научно-практической конференции. Саратов: Центр профессионального менеджмента «Академия Бизнеса», 2017. С. 13-17.
6. Финансовая нестабильность и экономические кризисы: уроки Минска / Ю. В. Вымятина, В. О. Грищенко, В. М. Остапенко, В. Т. Рязанов // Экономическая политика. 2018. № 13(4). С. 20–41.
7. Сафиуллина А. И. Современные подходы к определению понятия «кадровая безопасность» // Научный электронный журнал «Меридиан». 2020. № 1(35). С. 102 – 104.
8. Артамонова М. В. Кадровые риски в организациях // Стратегирование пространственного развития территорий России в новых экономических реалиях: материалы Международной научно-практической конференции к 50-летию Липецкого филиала Финуниверситета / Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина. Елец, 2016. С. 25-34.
9. Войтенков Е. А. О некоторых вопросах практической реализации требований по защите информации в кредитных организациях при работе с банкоматами и платежными терминалами // Банковское право. 2016. № 1. С. 31-34.
10. Бузин Р. В., Золотарев И. И., Золотарева Н. А. Формирование новой мировой экономики в контексте угроз экономической безопасности России // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2019. № 12 (4). С. 235–243
11. Афонасова М. А. Кадровые риски в системе экономической безопасности организации // Экономика, экология и общество России 21-м столетии: сборник научных трудов XIX Международной научно-практической конференции. СПб., 2017. С. 303-306.
12. Миляева Л. Г. Теоретико-методические аспекты экспресс-диагностики кадровой безопасности предприятия // Экономика. Профессия. Бизнес. 2020. № 3. С. 59 – 66.
13. Цветкова И. И., Клевец Н. И. Оценка кадровой безопасности предприятия с помощью индикаторного подхода // Бюллетень науки и практики. 2017. № 1. С. 12–17.
14. Веллем Л. А. Кадровая безопасность в структуре экономической безопасности хозяйствующего субъекта // Вопросы политологии. 2019. Т. 9, № 4 (44). С. 662-672.
15. Башурова Д. А., Перфильева А. И. Управление кадровыми рисками // Безопасность транспорта и сложных технических систем глазами молодежи: материалы Всероссийской молодежной научно-практической конференции / Иркутский государственный университет путей сообщения. Иркутск, 2018. С. 10-13.
16. Зиятдинова В. В. Оценка уровня экономической безопасности предприятия // Вестник ДИТИ. 2019. № 3(20). С. 43–48.
18. Мамаева Л. Н., Осипова Я. А., Хожина С. Е. Оценка уровня экономической безопасности предприятия // Экономическая безопасность и качество. 2020. № 1(38). С. 20–25.
17. Васильева О. А. Выявление и оценка кадровых рисков в сельскохозяйственной организации // Молодежь и наука. 2016. № 2. С. 5.
19. Кавыршина О. А. Экспресс-оценка уровня экономической безопасности предприятия // Таврический научный обозреватель. 2015. № 4. С. 49–52.
20. Зарубежный опыт выявления финансовых правонарушений в государственном секторе экономики / С. А. Коноваленко [и др.] // Экономика и предпринимательство. 2019. № 1. С. 217–219.

References

1. Dulov A. A., Luginina A. A., Pustovojt K. S., Esaulova I. A. Vybor i adaptaciya instrumentov ocenki udovletvorennosti personala po metodike «Employee net promoter sistem (eNPS) [Selection and adaptation of tools for assessing staff satisfaction using the Employee net promoter sistem (eNPS) methodology]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Ekonomika = Bulletin of Omsk University. Series: Economics*, 2014, no. 4, pp. 31–37.
2. Hristolyubova N. E. Issledovanie roli i znacheniya ekonomicheskoy bezopasnosti cheloveka v sisteme nacional'noj bezopasnosti [Research of the role and importance of human economic security in the national security system]. *Akademicheskaya mysl' = Academic Thought*, 2018, no. 3 (4), pp. 88–93.
3. Fursov V. A., Lazareva N. V., Kushch E. N., Avetova K. G. Kadrovaya bezopasnost' predpriyatiya: podhody, diagnostika, napravleniya sovershenstvovaniya [Personnel security of the enterprise: approaches, diagnostics, directions of improvement]. *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2020, no. 4-2, pp. 270 – 276.
4. Stepicheva O. A., Chernova V. V., Kotel'nikova M. A. Celevaya funkciya i ugrozy ekonomicheskoy bezopasnosti lichnosti [Objective function and threats to economic security of the individual]. *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i process = Socio-Economic Phenomena and Processes*, 2015, no. 2, pp. 83–90.
5. Andrushchuk V. V. [Personnel risk management in the banking sector]. *Innovacionnaya ekonomika kak faktor preobrazovaniya sovremennogo obshchestva. Rol' nauki v sovremennom obshchestve. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Innovative economy as a factor of transformation of modern society. The role of science in modern society. Materials of the International Scientific and Practical Conference]*. Saratov, Professional Management Center "Academy of Business" Publ., 2017, pp. 13–17. (In Russ.)
6. Vymyatnina Yu. V., Grishchenko V. O., Ostapenko V. M., Ryazanov V. T. Finansovaya nestabil'nost' i ekonomicheskie krizisy: uroki Minska [Financial instability and economic crises: lessons from Minsk]. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*, 2018, no. 13(4), pp. 20–41.
7. Safiullina A. I. Sovremennye podhody k opredeleniyu ponyatiya "kadrovaya bezopasnost'" [Modern approaches to the definition of the concept of "personnel security"]. *Nauchnyj elektronnyj zhurnal Meridian = Scientific Electronic Journal "Meridian"*, 2020, no. 1(35), pp. 102–104.
8. Artamonova M. V. [Personnel risks in organizations]. *Strategirovanie prostranstvennogo razvitiya territorij Rossii v novyh ekonomicheskikh realiyah. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii k 50-letiyu Lipeckogo filiala Finuniversiteta [Strategizing spatial development of Russian territories in new economic realities. Materials of the International scientific and practical conference on the 50th anniversary of the Lipetsk branch of the Financial University]*. Yelets, I. A. Bunin Yelets State University, 2016, pp. 25–34. (In Russ.)
9. Vojtenkov E. A. O nekotoryh voprosah prakticheskoy realizacii trebovanij po zashchite informacii v kreditnyh organizacijah pri rabote s bankomatami i platezhnymi terminalami [On some issues of practical implementation of information protection requirements in credit institutions when working with ATMs and payment terminals]. *Bankovskoe parvo = Banking Law*, 2016, no. 1, pp. 31–34.
10. Buzin R. V., Zolotarev I. I., Zolotareva N. A. Formirovanie novoj mirovoj ekonomiki v kontekste ugroz ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii [Formation of a new world economy in the context of threats to Russia's economic security]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Bulletin of the Voronezh State Agrarian University*, 2019, no. 12 (4), pp. 235–243
11. Afonasova M. A. [Personnel risks in the organization's economic security system]. *Ekonomika, ekologiya i obshchestvo Rossii V 21-m stoletii Sbornik nauchnyh trudov XIX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Economics, Ecology and society of Russia in the 21st century. Collection of scientific papers of the XIX International Scientific and Practical Conference]*. St. Petersburg, 2017, pp. 303–306. (In Russ.)
12. Milyaeva L. G. Teoretiko-metodicheskie aspekty ekspress-diagnosticski kadrovoj bezopasnosti predpriyatiya [Theoretical and methodological aspects of express diagnostics of personnel security of the enterprise]. *Ekonomika Professiya Biznes = Economy. Profession. Business*, 2020, no. 3, pp. 59–66.

13. Cvetkova I. I., Klevec N. I. Ocenka kadrovoj bezopasnosti predpriyatiya s pomoshch'yu indikatornogo podhoda [Assessment of personnel security of an enterprise using an indicator approach]. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*, 2017, no. 1, pp. 12–17.
14. Vellem L. A. Kadrovaya bezopasnost' v strukture ekonomicheskoy bezopasnosti hozyajstvuyushchego sub"ekta [Personnel security in the structure of economic security of an economic entity]. *Voprosy politologii = Questions of Political Science*, 2019, vol. 9, no. 4 (44), pp. 662–672.
15. Bashurova D. A., Perfil'eva A. I. [Personnel risk management]. Bezopasnost' transporta i slozhnykh tekhnicheskikh sistem glazami molodezhi. Materialy Vserossijskoj molodezhnoj nauchnoprakticheskoy konferencii [Safety of transport and complex technical systems through the eyes of youth. Materials of the All-Russian Youth Scientific and Practical conference]. Irkutsk, Irkutsk State University of Railway Transport, 2018, pp. 10–13. (In Russ.)
16. Ziyatdinova V. V. Ocenka urovnya ekonomicheskoy bezopasnosti predpriyatiya [Assessment of the level of economic security of the enterprise]. *Vestnik DITI = Herald of DITI*, 2019, no. 3(20), pp. 43–48.
17. Vasil'eva O. A. Vyyavlenie i ocenka kadrovyykh riskov v sel'skohozyajstvennoj organizacii [Identification and assessment of personnel risks in an agricultural organization]. *Molodezh' i nauka = Youth and Science*, 2016, no. 2, p. 5.
18. Mamaeva L. N., Osipova Ya. A., Hozhina S. E. Ocenka urovnya ekonomicheskoy bezopasnosti predpriyatiya [Assessment of the level of economic security of the enterprise]. *Ekonomicheskaya bezopasnost' i kachestvo = Economic Security and Quality*, 2020, no. 1(38), pp. 20–25.
19. Kavyrshina O. A. Ekspress-ocenka urovnya ekonomicheskoy bezopasnosti predpriyatiya [Express assessment of the level of economic security of the enterprise]. *Tavrisheskij nauchnyj obozrevatel' = The Tauride Scientific Observer*, 2015, no. 4, pp. 49–52.
20. Konovalenko S. A., eds. Zarubezhnyy opyt vyyavleniya finansovykh pravonarushenij v gosudarstvennom sektore ekonomiki [Foreign experience in detecting financial offenses in the public sector of the economy]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*, 2019, no. 1, pp. 217–219

Информация об авторе / Information about the Author

Оборин Матвей Сергеевич, доктор экономических наук, профессор кафедры экономического анализа и статистики, Пермский институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова; профессор кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории, Пермский государственный национальный исследовательский университет; профессор кафедры менеджмента, Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д. Н. Прянишникова, г. Пермь, Российская Федерация,
e-mail: recreachin@rambler.ru,
SPIN: 8200-9024

Matvey S. Oborin, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Economic Analysis and Statistics, Perm Institute (Branch) of the Plekhanov Russian University of Economics; Professor of the Department of World and Regional Economics, Economic Theory, Perm State National Research University; Professor of the Department of Management, D. N. Pryanishnikov Perm State Agrarian and Technological University, Perm, Russian Federation,
e-mail: recreachin@rambler.ru,
SPIN: 8200-9024

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА

PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE FINANCIAL SECTOR DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-175-186>

К вопросу о содержании репродуктивного страхования и его месте в классификационной системе страхования

М. Н. Степанова¹ ✉

¹ Байкальский государственный университет
ул. Ленина 11, г. Иркутск 664003, Российская Федерация

✉ e-mail: emarina77@list.ru

Резюме

Актуальность исследования связывается с необходимостью развития теории социально значимого направления страховой защиты; объективной потребностью открыть новые возможности практической реализации страховых отношений за счет расширения привычных содержательных границ репродуктивного страхования, соответствующего развитию таких базовых для него категорий, как репродуктивное здоровье и репродуктивные риски.

Цель исследования – раскрыть современное содержание репродуктивного страхования, определить его место в классификационной системе страхования.

Задачи: выявить исторические предпосылки формирования содержательных границ репродуктивного страхования; определить современный операционный потенциал репродуктивного страхования и на его основе ответить на вопрос о классификационной принадлежности данного направления страховой защиты; выявить особенности российской практики репродуктивного страхования.

Методология. Выполнение поставленных задач обеспечивалось применением классических методов теоретического познания.

Результаты. Изначально репродуктивное страхование связывалось со страховой защитой женщин на случай смерти во время родов. Современное понимание того, что есть репродуктивное здоровье и репродуктивные риски стало более глубоким, что не может не оказывать влияния на содержательные рамки зависимых и производных от них категорий. Однако исторически определенная предрасположенность к формированию однотипных страховых продуктов, не выходящих за рамки программ ДМС и страхования от несчастных случаев и болезней, ориентированных на риски осложнений течения беременности и родов, привела к крайней ограниченности рынка даже при наличии условий для его развития.

Выводы. Потенциал репродуктивного страхования на российском рынке практически не раскрыт. Теория репродуктивного страхования не развита. Предлагается устранить дефинитивный хаос, пересмотреть карту страхуемых репродуктивных рисков для последующего расширения ассортимента рынка, страховщикам проявить социальную ответственность на стратегически важном для интересов нации сегменте.

Ключевые слова: репродуктивное страхование; страхование репродуктивного здоровья; репродуктивные риски; репродуктивное здоровье; страхование женщин; классификация страхования.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

© Степанова М. Н., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(6): 175–186

Для цитирования: Степанова М. Н. К вопросу о содержании репродуктивного страхования и его месте в классификационной системе страхования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 175–186. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-175-186>.

Поступила в редакцию 18.10.2021

Принята к публикации 14.11.2021

Опубликована 29.12.2021

On the Issue of the Content of Reproductive Insurance and Its Place in the Classification System of Insurance

Marina N. Stepanova¹ ✉

¹ Baikal State University
11 Lenin str., Irkutsk 664003, Russian Federation

✉ e-mail: emarina77@list.ru

Abstract

Relevance. The research is associated with the need to develop the theory of a socially significant direction of insurance protection. The research is associated with the objective need to open up new insurance opportunities by expanding the boundaries of reproductive insurance, corresponding to the development of the basic categories of reproductive health and reproductive risks for it.

The purpose is to reveal the modern content of reproductive insurance, to determine its place in the classification system of insurance.

Objectives: to identify the historical prerequisites for the formation of meaningful boundaries of reproductive insurance; to determine the modern operational potential of reproductive insurance and on its basis to answer the question of the classification of this area of insurance protection; to identify the features of the Russian practice of reproductive insurance.

Methodology. The fulfillment of the tasks was ensured by the use of classical methods of theoretical cognition.

Results. Initially, reproductive insurance was associated with the insurance protection of women in case of death during childbirth. The modern understanding of what is reproductive health and reproductive risks has become deeper, which cannot but influence the content framework of dependent and derived categories. However, a historically determined predisposition to the formation of the same type of insurance products that do not go beyond the scope of VMI and accident and disease insurance programs, focused on the risks of complications of pregnancy and childbirth, has led to an extremely limited market even if there are conditions for its development.

Conclusions. The potential of reproductive insurance in the Russian market is practically not disclosed. The theory of reproductive insurance is not developed. It is proposed to eliminate the definitive chaos, to revise the map of insured reproductive risks for the subsequent expansion of the range of the market, insurers to show social responsibility in a segment strategically important for the interests of the nation.

Keywords: reproductive insurance; reproductive health insurance; reproductive risks; reproductive health; women's insurance; insurance classification.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Stepanova M. N. On the Issue of the Content of Reproductive Insurance and its Place in the Classification System of Insurance. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(6): 175–186. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-175-186>.

Received 18.10.2021

Accepted 14.11.2021

Published 29.12.2021

Введение

Отдельные аспекты репродуктивного страхования периодически освещаются

как в научных публикациях, так и в информационном пространстве страхового сообщества и практически всякий раз

подчеркивают проблему сохраняющейся неопределенности относительно того, что составляет его содержание, а следовательно, и определяет границы объема понятия в рамках отраслевой классификации. Достаточно часто в контексте репродуктивного страхования излагаются вопросы реализации его отдельных, исключительно узконаправленных направлений страховой защиты, создавая неверное впечатление о равнозначности того, что на самом деле соотносится между собой как общее и частное. Профессиональная лексика изобилует такими вариациями, как «медицинское страхование репродуктивного здоровья» [1], «добровольное страхование женщин по беременности и родам» [2; 3; 4], «репродуктивное страхование женщин на период беременности и родов» [5], «страхование беременности и родов» [6], «репродуктивное страхование женщин» [7]. Практически они подменяют собой целый пласт возможных отношений, выходящих далеко за пределы страховой защиты исключительно женщин и исключительно на период беременности и родов.

К сожалению, в настоящее время нет четко выстроенной и закрепленной в системе научного знания теории репродуктивного страхования, позволившей бы раз и навсегда справиться с существующим дефиниционным беспорядком и открыть новые возможности практической реализации страховых отношений за счет расширения привычных содержательных границ соответствующего направления страховой защиты. Последнее особенно важно как в силу высокой социальной значимости задачи нивелирования проблем, связанных с репродуктивным здоровьем граждан и его охраной, так и в силу необходимости интенсивного развития рынка страховых услуг, способствующего удовлетворению современных запросов населения, выходящих за рамки спроса на традиционные продукты.

Проблема содержательной неопределенности имеет и иной аспект – она

выступает детерминантой возникающих сложностей в точном самоопределении категории в системе страховых отношений. Стоит отметить, что осуществление классификации в страховании становится все более сложной задачей, так как постепенно стираются межвидовые границы, усложняются страховые продукты, меняются представления о страховой услуге, которая в настоящее время связывается не только с осуществлением страховой защиты, но и обеспечением комплекса дополнительных сервисных опционов. Традиционная отраслевая классификация фактически сохраняет свою актуальность до подотраслевого уровня, а далее, исходя из многообразия и многовариативности реального ассортимента рынка (если только не разрывается связь между теорией и практикой), превращается в довольно сложную задачу – упорядочить беспорядочное многообразие (схоластическое множество). Более того, до настоящего времени сохраняется неоднозначность понимания содержания определенных направлений страховой защиты, вплоть до определения ее объекта, страхуемых рисков и видов страхового обеспечения – к этому числу относится и репродуктивное страхование. Подобное приводит к тому, что даже в научной литературе допускаются непростительные ошибки идентификации отдельных видов страхования, приводящие к дисбалансу базовых систем (например, в источнике [2] авторы сначала относят страхование по беременности и родам к медицинскому страхованию, а затем описывают как разновидность страхования от несчастных случаев и болезней).

Материалы и методы

В ходе исследования проводился контент-анализ ассортимента российского рынка репродуктивного страхования. Анализировались любые упоминания о репродуктивном страховании и связанных с ним категориях, как в научной литературе, так и в профессиональном медиaprостранстве. Изучалось содержание

правил страхования жизни и здоровья, начиная с редакций 1921 г. и по настоящее время. Такой подход обеспечил возможность выявить как исторические предпосылки формирования содержательных границ понятия «репродуктивное страхование», так и его современные детерминанты, опосредующие особенности практической реализации на рынке страховых услуг.

Результаты и их обсуждение

Понятие «репродуктивное страхование» было введено в оборот в период деятельности Госстраха, анонсировавшего в 1990 г. «новый вид услуг, предполагающих предоставление женщинам гарантированной финансовой поддержки при развитии различных нарушений и осложнений в период беременности и родов, в случае травматических повреждений органов половой системы, их удаления и наступления иных событий, связанных с детородной функцией женщин» [8]. Несмотря на то, что сам термин сложился практически к моменту формирования рыночной модели российского страхования, исторические предпосылки его появления были заложены еще в советский период, когда в Правилах страхования от несчастных случаев, утвержденных Мин-

фином СССР 07 июня 1960 г. (№ 181), впервые появилось условие о возможности получения страховой суммы «в случае смерти застрахованного от ... патологических родов». Начиная с 1964 г. все последующие их редакции, предлагали уже более широкое страховое покрытие, дополняя его риском смерти от внематочной беременности. Примечательно то, что данные риски в течение семи лет (с 1965 по 1972 гг.) включались также в условия смешанного страхования жизни, но с одной оговоркой – страховая сумма по ним выплачивалась только в случае смерти застрахованного в «течение первого года действия договора». Начиная с 1972 г. ни одни правила смешанного страхования жизни, принимаемые далее взамен предыдущих, такого страхового покрытия уже не предусматривали – оно стало предлагаться исключительно в рамках страхования от несчастных случаев, заметное совершенствование условий которого привело к тому, что в 1985 г. впервые была представлена возможность получения страхового обеспечения в случае внематочной беременности или патологических родов не только тогда, когда они привели к смерти застрахованного, но и стали причиной инвалидности (табл.).

Таблица. Хронология трансформации условий Правил личного страхования, действовавших на территории СССР, в части покрытия репродуктивных рисков

Правила страхования	Условие о покрытии репродуктивных рисков
Правила пожизненного страхования на случай смерти и утраты трудоспособности (утв. Минфином СССР 01.08.1947 г. № 598)	Не предусматривалось
Правила страхования от несчастных случаев (утв. Минфином СССР 10.09.1947 г. № 685)	Не предусматривалось
Правила страхования от несчастных случаев (утв. Минфином СССР 03.05.1957 г. № 144)	Не предусматривалось
Правила страхования от несчастных случаев (утв. Минфином СССР 07.06.1960 г. № 181)	«Страховая сумма выплачивается также в случае смерти застрахованного от клещевого весенне-летнего энцефалита и патологических родов»
Правила страхования от несчастных случаев (утв. Минфином СССР 01.07.1964 г. № 172)	«Страховая сумма выплачивается в случае смерти застрахованного от патологических родов, внематочной беременности...»

Окончание табл.

Правила страхования	Условие о покрытии репродуктивных рисков
Правила смешанного страхования жизни (утв. Минфином СССР 30.04.1965 г. № 163)	«По договору страхования <i>в течение первого года</i> действия договора страховая сумма выплачивается, если ... если застрахованный умер в результате <i>патологических родов, внематочной беременности...</i> »
Правила смешанного страхования жизни (утв. Минфином СССР 19.10.1972 г. № 203)	Не предусматривалось
Правила страхования от несчастных случаев (утв. Минфином СССР 15.04.1974 г. № 89)	«К страховым случаям относятся... смерть страхователя ... в результате ... <i>внематочной беременности, патологических родов ...</i> »
Правила страхования от несчастных случаев (утв. Минфином СССР 05.08.1980 г. № 140, ред. от 30.03.1981)	«...смерть страхователя в результате <i>внематочной беременности, патологических родов</i> »
Правила смешанного страхования жизни (утв. Минфином СССР 05.08.1980 г. № 137)	Не предусматривалось
Правила страхования от несчастных случаев (утв. Минфином СССР 29.05.1985 г. № 81)	«К страховым случаям относятся: а) постоянная (полная или частичная) утрата страхователем общей трудоспособности, т. е. нарушение функции поврежденного органа в результате <i>внематочной беременности или патологических родов (приведших к инвалидности I - III группы)</i> , если они имели место в период действия договора страхования...»

Таким образом, в течение длительного времени единственным репродуктивным риском, на случай которого осуществлялось страхование, была смерть в результате внематочной беременности или патологических родов. Однако стоит отметить, что параллельно существовала и система социального обеспечения, распространявшаяся в равной мере на «все без исключения лица, источниками существования которых являлся только собственный труд». В частности, Декретом СНК РСФСР от 31.10.1918 г. «Положение о социальном обеспечении трудящихся» устанавливалась возможность получения как «всех видов врачебной, лекарственной и т. п. помощи и родовспоможения нуждающимся в них лицам» (глава I), так и пособий, выдаваемых «при беременности и родах, а также в период кормления ребенка грудью» (глава V). Как видим, страховая защита изначально была ориентирована исключительно на женщин и связывалась ис-

ключительно с «детородной функцией» их организма.

Вместе с тем заявка на использование термина «репродуктивное страхование» предполагает более глубокий подход к формированию страхового покрытия с учетом интересов представителей различных целевых сегментов, исходя из актива страховой совокупности и существующей карты репродуктивных рисков. Операционный потенциал репродуктивного страхования в его современной интерпретации, по нашему мнению, в первую очередь должен определяться границами таких категорий, как «репродуктивное здоровье», «репродуктивные риски» и «охрана репродуктивного здоровья».

Учеными признается существование двух основных подходов к определению содержания понятия «репродуктивное здоровье»: один из них основан на признании методических рекомендаций ВОЗ не ограничивать его объект здоровьем репродуктивной системы человека, а

учитывать как сопутствующие его обеспечению процессы, так и зависящие от него; другой подход связывает репродуктивное здоровье исключительно с функцией воспроизводства [9]. Безусловно, в целях расширения страхового поля, увеличения степени охвата страховой совокупности страховой защитой и повышения уровня проникновения страховых услуг страховому сообществу при разработке страховых продуктов более полезным было бы придерживаться современной расширенной экспликации, позволяющей учесть большее разнообразие репродуктивных рисков, видовой состав которых заметно увеличивается по мере усложнения социальных связей между субъектами, задействованными в обеспечении репродуктивных функций и задач, трансформации некоторых поведенческих характеристик пациентов, развития вспомогательных репродуктивных технологий и т. д. Так в настоящее время кроме рисков прямых репродуктивных нарушений, способных привести к полной утрате репродуктивной функции или даже смерти пациента, стало возможным рассматривать, например:

- риск ненаступления у пациента положительного результата, связанного с получением репродуктивной услуги по диагностике и лечению бесплодия, в т. ч. с использованием методов ВРТ (риск «репродуктивных неудач», способный трансформироваться в риски психоэмоциональных нарушений);

- риск нежелательной беременности при точном соблюдении всех рекомендаций, данных в рамках реализации индивидуальной программы планирования семьи;

- риски репродуктивного поведения [10] и неблагоприятных трансформаций института семьи [11];

- психологические [12], правовые [13], криминологические [14] и иные риски вспомогательных репродуктивных технологий;

- риски суррогатного материнства, включая риски реализации договорных от-

ношений между генетическими родителями и суррогатной матерью как участниками репродуктивных программ [15];

- финансовые риски репродуктивного процесса;

- риски профессиональной ответственности медицинских работников, задействованных в сфере оказания соответствующих медицинских услуг.

И это лишь малая часть возможных частных случаев, которые могут быть отнесены к группам более высокого порядка, созданным на основе соблюдения принципов классификации, проведение которой не ставилось в качестве задачи данного исследования, хотя потребность в ней достаточно ощутима и в целях развития страхования на соответствующем сегменте была бы очень полезна. Пока же в рамках данной тематики мы встречаем немногочисленные труды, интерес авторов которых связан с отдельными такими группами рисков. Так, предметом исследований выступают гендерные риски [16], риски применения вспомогательных репродуктивных технологий [17], риски репродуктивного труда [18; 19], риск ответственности [10] и т. д. Этого вполне достаточно сделать вывод о том, что современное понятие «репродуктивные риски» расширило свои содержательные границы и уже не может быть ассоциируемо исключительно с прямыми рисками репродуктивного здоровья. Не вдаваясь в дефиниционные нюансы, стоит отметить, что в настоящее время эти две категории соотносятся между собой как общее и частное: риски репродуктивного здоровья являются лишь одной из разновидностей репродуктивных рисков, что не может не оказывать влияния на содержательные рамки зависимых и производных от них категорий. Соответственно, неверно за репродуктивное страхование, экономическое содержание которого должно связываться с минимизацией неблагоприятных последствий реализации любых страхуемых репродуктивных рисков, а не только рисков репродуктивного здоровья, выдавать исключительно

«добровольное страхование женщин по беременности и родам», «страхование для женщин» или «страхование беременности и родов». К сожалению, в настоящее время страховые компании, анонсируя репродуктивное страхование, оперируют именно такой формулировкой, но при этом объект страховой защиты ограничивают имущественными интересами, связанными исключительно с жизнью и здоровьем застрахованного лица, причем одни это делают через реализацию медицинского страхования, а другие – через страхование от несчастных случаев и болезней.

Вместе с тем, если рассматривать понятие «репродуктивное страхование» в широком смысле, отвечающем содержанию базовых для него категорий «репродуктивное здоровье» и «репродуктивные риски», то можно сказать о том, что оно является собирательным по своей сути – это некий «гибрид», в российской практике – неоформленное направление страховой защиты, сочетающее в себе как гарантии социального страхования, так и возможности коммерческого рискованного страхования. Заметим, что в отечественной системе обязательного социального страхования понятие «репродуктивное страхование» не применяется (сфера его применения – сегмент добровольного страхования), хотя отдельные виды рисков, гипотетически относимых к категории репродуктивных, страховой защитой покрываются. При этом социальное страхование направлено на предоставление страхового обеспечения, связанного с возмещением утраченного дохода застрахованных в связи с материнством (страховые случаи – беременность, роды, рождение ребенка и уход за ним) и реализацией профессиональных рисков нарушения репродуктивного здоровья (в классической интерпретации – несчастные случаи на производстве и профессиональные заболевания), а также на компенсацию расходов, связанных с получением застрахованными соответствующей медицинской помощи, в числе прочего

направленной на обеспечение репродуктивного здоровья и репродуктивного благополучия. Коммерческое рискованное страхование может сочетать то и другое. Более того, его правовые и организационные основы позволяют заметно расширить как объем страхового покрытия за счет большего охвата репродуктивных рисков, отвечающих критериям страхуемости, так и границы участия страховщиков в реализации политики охраны репродуктивного здоровья нации.

Между тем анализ существующих подходов к определению содержательных границ репродуктивного страхования показал, что в настоящее время имеет место быть три искусственно созданных ограничения, впоследствии сужающих функциональные возможности страхового рынка со стороны предложения:

1) гендерные ограничения, выражающиеся в акценте на обеспечение интересов женщин в страховой защите от соответствующих рисков;

2) функциональные ограничения, выражающиеся в акценте на генеративную функцию, связываемую главным образом с беременностью и родами, а следовательно, опосредующие исключительную роль личного страхования в управлении репродуктивными рисками;

3) ограничения «участия», выражающиеся в трансляции моносвязи репродуктивного страхования с минимизацией неблагоприятных финансовых последствий нарушения репродуктивного здоровья, вне возможного участия страховщиков в его охране, в т. ч. посредством реализации предупредительной функции.

Репродуктивное здоровье – это то, что в равной степени имеет отношение и к мужчине, и к женщине. В связи с этим вопросы страхования не должны иметь гендерного приоритета, поскольку в нем могут быть заинтересованы обе стороны. В настоящее время рынок, наоборот, демонстрирует субъектные ограничения, порождая проблему гендерного неравенства в обеспечении страховой защиты

интересов лиц, для которых репродуктивное здоровье является актуальной составляющей жизни. Принцип равного доступа к возможностям страхования как обеспечительного финансового механизма в сегменте репродуктивного страхования практически не обеспечивается. Имеющее место мнение о «репродуктивном бесправии мужчин» вполне может найти свое продолжение во фразе «... и игнорирование их интересов в сегменте репродуктивного страхования». Страховщиками предлагаются различные вариации программ для женщин, но запрос «репродуктивное страхование мужчин» остается совершенно не обеспеченным актуальными предложениями. Единичные предложения страховых продуктов на случай развития онкологических заболеваний не могут покрыть и сотую часть возможных потребностей в страховой защите репродуктивных рисков мужчин. Стоит заметить, что предложение на рынке страховых услуг имеет не только гендерную асимметрию, но и возрастную – вне границ страхового поля остаются не только интересы мужчин, но детей и подростков, несмотря на то, что минимизация репродуктивных рисков актуальна и социально значима и для данной категории лиц [10; 20].

По нашим наблюдениям, имеет место быть ограниченность в принятии российским страховым сообществом того факта, что репродуктивное здоровье и репродуктивные риски категории более сложные, многосоставные и поливариантные, чем это вписано в традиционную схему методологического сопровождения страхования, относимого к категории репродуктивного. Многие указывают на некий габитус, систему настолько прочных исторически определенных предрасположенностей к формированию однотипных страховых предложений в данном сегменте, не выходящих за рамки ориентированных на риски осложнений течения беременности и родов программ добровольного медицинского страхования и

страхования от несчастных случаев и болезней, что приводит к крайней ограниченности использования возможностей страхования. Продукты габитуса всегда лимитированы – страховой рынок именно это и демонстрирует. Его потенциал практически не раскрыт, поскольку многие разновидности репродуктивных рисков, даже при том, что они отвечают признакам страхуемости, не охвачены целевыми программами страховой защиты. Если ограничиваться только рисками нарушений репродуктивных функций (это, как уже представлено выше, основной, но не единственный вид репродуктивных рисков), то при составлении карты рисков должно оперировать не только такими компонентами, как «беременность», «роды», но и «репродуктивный цикл», «сексуальное поведение», «профессиональные заболевания», «преждевременное репродуктивное старение», «репродуктивные потери», «репродуктивная способность» и т. п. Обеспечению полноты страхового покрытия может способствовать включение в страховые программы имущественных и финансовых рисков, а также рисков ответственности, имеющих признаки и свойства, позволяющие их отнести к категории рисков репродуктивного характера. Возможности личного страхования также еще не использованы в полной мере – это касается как контингента потенциальных получателей страховых услуг, так и реестра неблагоприятных событий, на случай которых возможно предоставлять страховую защиту [21].

В настоящее время должным образом не использован не только потенциал страхования как способа минимизации репродуктивных рисков, но и доступный функционал страховщиков, опосредованный эвентуальными возможностями их участия в охране репродуктивного здоровья населения. Поскольку последняя определяется как сочетание методов, *способов и услуг*, способствующих репродуктивному здоровью и благополучию не только за счет

устранения проблем, связанных с репродуктивным здоровьем, но и их предупреждения [22], то данная экспликация позволяет сделать вывод о том, что:

1) страхование фактически является инфраструктурным элементом системы охраны репродуктивного здоровья;

2) его роль не ограничивается исключительно устранением финансовых проблем, а связывается также с возможностью реализации превентивной функции [23, с. 28], направленной на минимизацию вероятности наступления соответствующих неблагоприятных событий, причем не только в краткосрочной, но и долгосрочной перспективе. Она может быть реализована:

а) в традиционном формате финансирования точечных превентивных мероприятий (как вариант – профилактических и санитарно-гигиенических мероприятий по охране здоровья населения и снижению уровня травматизма (профосмотры, вакцинация, санаторно-курортное лечение));

б) посредством финансирования научных исследований в области репродуктивных технологий, разработки новых лекарственных препаратов, совершенствования медицинского оборудования и т. п.;

в) посредством инвестирования в инфраструктурные объекты – клиники дружественные молодежи, центры семьи и брака и т. п.;

г) посредством участия страховщиков в тематических социальных проектах, направленных на популяризацию здорового образа жизни; информирование населения о рисках, влияющих на репродуктивное здоровье; подготовку детей, подростков, молодежи к семейной жизни и родительству.

Безусловно, данный аспект неотъемлемым образом связан с уровнем социальной ответственности страхового бизнеса и качеством маркетинговой деятельности страховщиков [24]. Общая ситуация на рынке репродуктивного страхования – это индикатор вклада страхового сообщества в решение социальных проблем, косвенное

свидетельство участия в обеспечении интересов общества и его отдельных социальных групп, полноты и качества реализации социальной ответственности.

Выводы

В процессе исследования сделаны следующие выводы:

1. В сегменте репродуктивного страхования имеет место дефинитивный хаос. Достаточно часто встречается подмена понятий, при которой транслируется мнимая синонимичность общего (термина «репродуктивное страхование») и частного (денотата «страхование беременности и родов»). Неверно под репродуктивным страхованием понимать исключительно страхование женщин, неверно репродуктивное страхование связывать исключительно с единственной стадией репродуктивного процесса. Репродуктивное страхование – это комплексное направление страховой защиты, ориентированное на минимизацию неблагоприятных последствий реализации страхуемых репродуктивных рисков. Отдельные его элементы представлены как в системе социального страхования, так и коммерческого рискованного страхования.

2. Органично вписать репродуктивное страхование в классификационную систему страхования можно только с применением принципа редукции, выделив из его состава отдельные виды страхования. У них одна цель – защита имущественных интересов, зависящих от репродуктивных рисков, но разные объекты страхования, виды рисков и формы страхового обеспечения.

3. В настоящее время имеют место быть искусственно созданные ограничения, сужающие функциональные возможности рынка репродуктивного страхования и в связи с этим не позволяющие использовать все его возможности в интересах соответствующих целевых групп. Максимально полного раскрыть его потенциал можно только в том случае, если расширить границы репродуктивного

страхования до соответствия современному содержанию базовых для него категорий «репродуктивное здоровье» и «репродуктивные риски», выйти за пределы «продуктового» габитуса и реализации исключительно компенсирующей функ-

ции. Это даст возможность расширить страховое поле, обеспечит страховщикам реализацию важнейшей социальной функции, окажет благоприятное влияние на формирование благоприятного имиджа социально ориентированного бизнеса.

Список литературы

1. Особенности медицинского страхования репродуктивного здоровья: современные тенденции в мировой практике / Э. Э. Сыманюк, Н. В. Башмакова, И. Г. Полякова, М. М. Ицкович // Проблемы репродукции. 2021. Т. 27, № 2. С. 33-40.
2. Шаропов Н., Норкулов Х. Добровольное страхование женщин по беременности и родам // Экономика Таджикистана. 2019. № 2. С. 111-116.
3. Черненко Э. М. Добровольное страхование по беременности и родам // Экономические и социально-экологические преобразования в системе устойчивого развития Северо-Кавказского региона: межрегиональная научно-практическая конференция. 2006. С. 249-252.
4. Чурадзе В. А. Договор добровольного страхования по беременности и родам: преимущества и недостатки // Научные преобразования в эпоху глобализации: сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, 2017. С. 268-271.
5. Правила репродуктивного страхования женщин на период беременности и родов ООО «Абсолют Страхование». URL: <https://www.absolutins.ru/klientam/strahovye-pravila-i-tarify/pravila-i-tarify-reproduktivnogo-strakhovaniya-zhenshchin-na-period-beremennosti-i-rodov/> (дата обращения: 07.09.2021).
6. Страхование беременности и родов в России. URL: <https://mytopfinance.ru/strahovanie-beremennosti-i-rodov-v-rossii/> (дата обращения: 11.09.2021).
7. Правила страхования Белгосстрах. URL: <http://bgs.by/> (дата обращения: 11.09.2021).
8. Рекламный буклет «Репродуктивное страхование женщин». URL: http://rgsmuseum.ru/r/8241C1A4-3C0B-4A48-B49A-89D0C749A4E5/hr_booklet_personal05.jpg (дата обращения: 12.09.2021).
9. Шатилина А. С. Конституционно-правовое измерение репродуктивного здоровья: terra incognita? // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 51–57.
10. Евстифеева Е. А., Филиппченкова С. И., Макаров А. В. Риск-факторы, влияющие на репродуктивное здоровье молодежи // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2019. № 2 (47). С. 66-72.
11. Ануфриева А. А. Дифференцированный подход к формированию и реализации семейной политики в Иркутской области // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8, № 4. С. 17. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8\(4\).17](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8(4).17).
12. Штро Р. С., Гуткевич Е. В. Психологические риски вспомогательных репродуктивных технологий и особенности отношения родителей к детям, рождённым с помощью ВРТ (литературный обзор) // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2020. № 2 (107). С. 51–59. [https://doi.org/10.26617/1810-3111-2020-2\(107\)-51-59](https://doi.org/10.26617/1810-3111-2020-2(107)-51-59).
13. Тимофеева М. Ю. Правовые риски в применении вспомогательных репродуктивных технологий // Медицинское право: теория и практика. 2015. Т. 1, № 2 (2). С. 259-264.
14. Кручинина Н. В. Роль криминалистики в защите от криминальных рисков вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 2. С. 78-84.
15. Белова Д. А. Правовая природа договора о суррогатном материнстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 11. С. 88–94.
16. Карпенко Е. И. Репродуктивное здоровье и гендерные риски // West Kazakhstan Medical Journal. 2016. Т. 3(51). С. 35-38.
17. Емельянова Т. П., Мишарина А. В., Вопилова И. Е. Репрезентация рисков применения вспомогательных репродуктивных технологий // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 4. С. 63-80. <https://doi.org/10.17805/ggz.2019.4.5>.
18. Лаврентьева И. В., Внуковская Т. Н. Риски репродуктивного труда и ценность человеческих ресурсов // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. С. 345.

19. Профессиональные факторы и проблемы управления репродуктивными рисками / С. Бабанов, Л. Стрижаков, И. Агаркова, Ю. Тезиков, И. Липатов // *Врач*. 2019. № 8. С. 3-9. <https://doi.org/10.29296/25877305-2019-08-01>.
20. Оценка информированности старшеклассников о рисках репродуктивного здоровья / Ю. А. Уточкин, С. А. Высотин, А. Т. Сайфитова, А. А. Очкова, И. Н. Пржевальский // *Международный студенческий научный вестник*. 2019. № 1. С. 12.
21. Тогонова С. Д. Некоторые аспекты страховой защиты интересов пациентов // *Global and Regional Research*. 2020. Т. 2, № 1. С. 325-331.
22. Охрана репродуктивного здоровья работников. Основные термины и понятия: [утв. Минздравом РФ 02.10.2003 г. № 11-8/13-09]. URL: <http://www.consultant.ru>cons/cgi/online.cgi...> (дата обращения: 17.09.2021).
23. Жигас М. Г. Развитие страховой защиты и финансово-экономические особенности страховой деятельности // *Известия Байкальского государственного университета*. 2014. № 4 (96). С. 28-39.
24. Хитрова Е. М., Попова Е. С. К вопросу оценки эффективности маркетинговой деятельности страховой организации // *Известия Байкальского государственного университета*. 2017. Т. 27, № 1. С. 50–58. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2017.27\(1\).50-58](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2017.27(1).50-58).

References

1. Simanyuk E. E., Bashmakova N. V., Polyakova I. G., Itskovich M. M. Osobennosti meditsinskogo strakhovaniya reproduktivnogo zdorov'ya: sovremennye tendentsii v mirovoi praktike [Features of medical insurance of reproductive health: modern trends in world practice]. *Problemy reproduksii = Problems of Reproduction*, 2021, vol. 27, no. 2, pp. 33-40.
2. Sharopov N., Norkulov H. Dobrovol'noe strakhovanie zhenshchin po beremennosti i rodam [Voluntary insurance of women for pregnancy and childbirth]. *Ekonomika Tadzhikistana = The Economy of Tajikistan*, 2019, no. 2, pp. 111-116.
3. Chernenko E. M. [Voluntary insurance for pregnancy and childbirth]. *Ekonomicheskie i sotsial'no-ekologicheskie preobrazovaniya v sisteme ustoichivogo razvitiya Severo-Kavkazskogo regiona. Mezhhregional'naya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [Economic and socio-ecological transformations in the system of sustainable development of the North Caucasus region. Interregional Scientific and Practical Conference]. 2006, pp. 249-252. (In Russ.).
4. Churadze V. A. [Contract of voluntary insurance for pregnancy and childbirth: advantages and disadvantages]. *Nauchnye preobrazovaniya v epokhu globalizatsii. Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Scientific transformations in the era of globalization. Collection of articles of the international scientific and practical conference]. Ufa, 2017, pp. 268-271. (In Russ.).
5. Pravila reproduktivnogo strakhovaniya zhenshchin na period beremennosti i rodov OOO "Absolyut Strakhovanie" [Rules of reproductive insurance of women for the period of pregnancy and childbirth of LLC "Absolute Insurance"]. Available at: <https://www.absolutins.ru/klientam/strahovye-pravila-i-tarify/pravila-i-tarify-reproduktivnogo-strakhovaniya-zhenshchin-na-period-beremennosti-i-rodov/>. (accessed 07.09.2021)
6. Strakhovanie beremennosti i rodov v Rossii [Pregnancy and childbirth insurance in Russia]. Available at: <https://mytopfinance.ru/strahovanie-beremennosti-i-rodov-v-rossii/>. (accessed 11.09.2021)
7. Pravila strakhovaniya Belgosstrakh [Rules of insurance of Belgosstrakh]. Available at: <http://bgs.by/>. (accessed 11.09.2021)
8. Reklamnyi buklet "Reproduktivnoe strakhovanie zhenshchin" [Advertising booklet "Reproductive insurance of women"]. Available at: http://rgsmuseum.ru/r/8241C1A4-3C0B-4A48-B49A-89D0C749A4E5/hr_booklet_personal05.jpg. (accessed 12.09.2021)
9. Shatilina A. S. Konstitutsionno-pravovoe izmerenie reproduktivnogo zdorov'ya: terra incognita? [Constitutional and legal dimension of reproductive health: terra incognita?]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2021, no. 3, pp. 51–57.
10. Evstifeeva E. A., Filippchenkova S. I., Makarov A. V. Risk-factory, vliyayushchie na reproduktivnoe zdorov'e molodezhi [Risk factors affecting the reproductive health of youth]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya = Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology*, 2019, no. 2 (47), pp. 66-72.
11. Anufrieva A. A. Differentsirovannyi podkhod k formirovaniyu i realizatsii semeinoi politiki v Irkutskoi oblasti [Differentiated approach to the formation and implementation of family policy in the Irkutskoi oblasti]. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент / Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Managment*. 2021; 11(6): 175–186

Irkutsk region]. *Baikal Research Journal*, 2017, vol. 8, no. 4, p. 17. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8\(4\).17](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8(4).17)

12. Shtro R. S., Gutkovich E. V. Psikhologicheskie riski vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologii i osobennosti otnosheniya roditelei k detyam, rozhdennym s pomoshch'yu VRT (literaturnyi obzor) [Psychological risks of assisted reproductive technologies and features of the relationship of parents to children born through art (literature review)]. *Sibirskii vestnik psikhiatrii i narkologii = Siberian Journal of Psychiatry and Narcology*, 2020, no. 2 (107), pp. 51–59. [https://doi.org/10.26617/1810-3111-2020-2\(107\)-51-59](https://doi.org/10.26617/1810-3111-2020-2(107)-51-59)

13. Timofeeva M. Yu. Pravovye riski v primeneniі vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologii [Legal risks in the use of assisted reproductive technologies]. *Meditsinskoe pravo: teoriya i praktika = Medical Law: Theory and Practice*, 2015, vol. 1, no. 2 (2), pp. 259–264.

14. Kruchinina N. V. Rol' kriminalistiki v zashchite ot kriminal'nykh riskov vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologii [The role of criminalistics in protecting assisted reproductive technologies from criminal risks]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina = Bulletin of the O. E. Kutafin University*, 2021, no. 2, pp. 78–84.

15. Belova D. A. Pravovaya priroda dogovora o surrogatnom materinstve [The legal nature of the surrogacy contract]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2020, no. 11, pp. 88–94.

16. Karpenko E. I. Reproduktivnoe zdorov'e i gendernye riski [Reproductive health and gender risks]. *West Kazakhstan Medical Journal = West Kazakhstan Medical Journal*, 2016, vol. 3(51), pp. 35–38.

17. Emelyanova T. P., Misharina A. V., Vopilova I. E. Reprezentatsiya riskov primeneniya vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologii [Representation of the risks of using assisted reproductive technologies]. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya = Horizons of Humanitarian Knowledge*, 2019, no. 4, pp. 63–80. <https://doi.org/10.17805/ggz.2019.4.5>

18. Lavrentieva I. V., Vnukovskaya T. N. Riski reproduktivnogo truda i tsennost' chelovecheskikh resursov [Risks of reproductive labor and the value of human resources]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*, 2014, no. 3, p. 345.

19. Babanov S., Strizhakov L., Agarkova I., Tezikov Yu., Lipatov I. Professional'nye faktory i problemy upravleniya reproduktivnymi riskami [Professional factors and problems of reproductive risk management]. *Vrach = Doctor*, 2019, no. 8, pp. 3–9. <https://doi.org/10.29296/25877305-2019-08-01>

20. Utochkin Yu. A., Vysotin S. A., Saifitova A. T., Ochkova A. A., Przhevalsky I. N. Otsenka informirovannosti starsheklassnikov o riskakh reproduktivnogo zdorov'ya [Assessment of high school students' awareness of reproductive health risks]. *Mezhdunarodnyi studencheskii nauchnyi vestnik = International Student Scientific Bulletin*, 2019, no. 1, p. 12.

21. Togonova S. D. Nekotorye aspekty strakhovoi zashchity interesov patsientov [Some aspects of insurance protection of patients' interests]. *Global and Regional Research = Global and Regional Research*, 2020, vol. 2, no. 1, pp. 325–331.

23. Zhigas M. G. Razvitie strakhovoi zashchity i finansovo-ekonomicheskie osobennosti strakhovoi deyatel'nosti [Development of insurance protection and financial and economic features of insurance activity]. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Baikal State University*, 2014, no. 4 (96), pp. 28–39.

24. Khitrova E. M., Popova E. S. K voprosu otsenki effektivnosti marketingovoi deyatel'nosti strakhovoi organizatsii [On the issue of evaluating the effectiveness of marketing activities of an insurance organization]. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Baikal State University*, 2017, vol. 27, no. 1, pp. 50–58. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2017.27\(1\).50-58](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2017.27(1).50-58)

Информация об авторе / Information about the Author

Степанова Марина Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и финансовых институтов, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: emarina77@list.ru,
ORCID: 0000-0001-9776-1129

Marina N. Stepanova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Finance and Financial Institutions, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: emarina77@list.ru,
ORCID: 0000-0001-9776-1129

Исследование отдельных аспектов формирования человеческого капитала в Дальневосточном федеральном округе (оценка динамики системы высшего образования)

Е. Н. Ванчикова¹, И. О. Нагаслаева² ✉, Н. А. Золотарева²

¹ Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В. Р. Филиппова
ул. Пушкина 8, г. Улан-Удэ 670024, Российская Федерация

² Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
ул. Смолина 24а, г. Улан-Удэ 670000, Российская Федерация

✉ e-mail: nio_irina@list.ru

Резюме

Актуальность. Изучение человеческого капитала в настоящее время является одним из актуальных направлений исследований в области социально-экономического развития территорий и субъектов хозяйствования на ней. При этом в нашем исследовании особое внимание было уделено рассмотрению сферы образования как фактора, влияющего на уровень развития и конкурентоспособности современной организации, муниципального образования, региона, государства.

Целью данного исследования является анализ основных трендов развития системы высшего образования посредством оценки динамики движения контингента студентов.

Задачи: исследовать основные факторы формирования и развития человеческого капитала; провести аналитическое исследование показателей мониторинга организаций высшего образования Дальневосточного федерального округа по приведенному контингенту студентов, на основе которого выделить основной фактор формирования человеческого капитала, определенного системообразующей ролью вуза в региональном и национальном развитии.

Методология. Информационно-эмпирическую базу исследования составили аналитические материалы мониторинга вузов по Дальневосточному федеральному округу. Методы исследования включают синтез, динамический анализ и статистический метод.

Результаты. На основе мониторинга вузов Дальневосточного федерального округа проведена оценка распределения приведенного контингента студентов в разрезе округов и вузов. Выявлено, что приведенный контингент везде имеет тенденцию к снижению, за исключением медицинских профильных вузов в Дальневосточном федеральном университете и в Чурапчинском государственном институте физической культуры и спорта.

Вывод. Аналитическое исследование основного фактора формирования человеческого капитала на основе мониторинга вузов Дальневосточного федерального округа определило основную проблему – снижение приведенного контингента студентов, что по сравнению с среднероссийскими показателями происходит быстрее. Кроме того, среди основных проблем снижения человеческого капитала по-прежнему остаются: низкий уровень инновационной активности организаций, недостаточное финансирование научных исследований, разработок. Подобная динамика, с одной стороны, говорит о концентрации контингента студентов в ведущих вузах, с другой – о высокой степени миграции.

Ключевые слова: человеческий капитал; компетенции; высшее образование; динамика; контингент.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Ванчикова Е. Н., Негаслаева И. О., Золотарева Н. А. Исследование отдельных аспектов формирования человеческого капитала в Дальневосточном федеральном округе (оценка динамики системы высшего образования) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 187–198. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-187-198>.

Поступила в редакцию 09.10.2021

Принята к публикации 04.11.2021

Опубликована 29.12.2021

Study of Certain Aspects of Human Capital Formation in the Far Eastern Federal District (Assessment of the Dynamics of the Higher Education System)

Elena N. Vanchikova¹, Irina O. Nagaslaeva² ✉, Nina A. Zolotareva²

¹ The Buryat State Academy of Agriculture
8 Pushkina st., Ulan-Ude 670024, Russian Federation

² Dorzhi Banzarov Buryat State University
24a Smolina str., Ulan-Ude 670000, Russian Federation

✉ e-mail: nio_irina@list.ru

Abstract

Relevance. The study of human capital is currently one of the topical areas of research in the field of socio-economic development of territories and business entities on it. At the same time, in our study, special attention was paid to the consideration of the education sector as a factor influencing the level of development and competitiveness of a modern organization, a municipality, a region, or a state.

The purpose of this study is to analyze the main trends in the development of higher education system by assessing the dynamics of the student population.

Objectives: to study the main factors of human capital formation and development; to conduct an analytical study of indicators of monitoring of higher education organizations of the Far Eastern Federal District by the given contingent of students, on the basis of which to highlight the main factor of human capital formation, determined by the systemic role of the university in the regional and national development.

Methodology. The information-empirical base of the study was formed by the analytical materials of the monitoring of higher education institutions in the Far Eastern Federal District. The research methods include synthesis, dynamic analysis and statistical method.

Results. Based on the monitoring of universities in the Far Eastern Federal District, we assessed the distribution of the reduced student contingent in terms of districts and universities. It was found that the reduced contingent tends to decrease everywhere, except for medical specialized universities in the Far Eastern Federal University and the Churapchi State Institute of Physical Culture and Sports.

Conclusion. In general, the analytical study of the main factor of human capital formation on the basis of monitoring of universities in the Far Eastern Federal District, identified as the main problem – the reduction of the reduced number of students, which in comparison with the Russian average indicators is faster. In addition, among the main problems of human capital decrease are still: the low level of innovative activity of organizations, insufficient funding of research and development. Such dynamics on the one hand indicates the concentration of the contingent of students in the leading universities, on the other hand a high degree of migration.

Keywords: human capital; competences; higher education; dynamics; contingent.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Vanchikova E. N., Nagaslaeva I. O., Zolotareva N. A. Study of Certain Aspects of Human Capital Formation in the Far Eastern Federal District (Assessment of the Dynamics of the Higher Education System). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(6): 187–198. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-187-198>.

Received 09.10.2021

Accepted 04.11.2021

Published 29.12.2021

Введение

Вопросы формирования и развития человеческого капитала всегда волнуют исследователей и ученых, которые в своих трудах отмечают, что благосостояние общества, удовлетворение общественных и индивидуальных потребностей зависят от такого ключевого ресурса и фактора роста любой экономической системы, как «человеческий капитал» [1; 2]. В большинстве современных источников выделяют внутренние и внешние факторы человеческого капитала, которые требуют соответствующих инвестиций в развитие и совершенствование профессиональных умений и навыков [3]. Человеческий капитал является одной из основных составляющих успеха в социально-экономическом развитии территорий и организаций, неразрывно связан с интеллектом, навыками и компетенциями человека, мотивирует к достижению поставленных целей [4]. Особое внимание в данном направлении уделяется образованию как одному из ключевых факторов, способствующих формированию и развитию компетенций, определяющих уровень развития и конкурентоспособность современной организации, муниципального образования, региона, государства [5].

Материалы и методы

На наш взгляд, наиболее интересным для исследования основных факторов формирования и развития человеческого капитала является образование, которое определяет формирование и рост компетенций, необходимых социально-эконо-

мической системе страны, региона и муниципального образования [6]. Так, например, развитие цифровой экономики требует соответствующих навыков цифровой трансформации общества, что в свою очередь задает запрос по освоению и обучению соответствующим цифровым знаниям и компетенциям [7; 8; 9]. Из всего многообразия составляющих системы образования в рамках проведения аналитического исследования нами был выделен основной фактор формирования человеческого капитала в Дальневосточном федеральном регионе – контингент обучающихся в системе высшего образования. Выбор данного фактора определен системообразующей ролью вуза в региональном и национальном развитии, а также напрямую может отразить состояние дел по ключевым проблемам формирования человеческого капитала – это отток молодежи из региона и нехватка квалифицированных кадров [10].

Результаты и их обсуждение

По данным мониторинга организаций высшего образования за 2020 г. (данные 2019 г.) в РФ, 1218 организаций – высшего образования [11], из них 529 – филиалы. В Дальневосточном федеральном округе (ДВФО) – 74 организации высшего образования (6% от общего количества организаций высшего образования в РФ), из них 35 – филиалы (7% от общего количества филиалов в РФ) [12]. Общее количество приведенного контингента составляет 184669,0 чел., что составляет 4,52% от общего количества студентов в РФ (табл. 1).

Таблица 1. Распределение приведенного контингента по федеральным округам в 2019 г. (данные мониторинга 2020 г.)

Показатель	Всего	Доля, %	В том числе очная форма обучения	Доля, %	В том числе за счет за счет бюджета	Доля, %
Всего	4 090 058	100,00	2 415 796	100,00	1 920 575	100,00
ЦФО	1 283 099	31,37	783 954	32,45	562 777	29,30
СЗФО	421 597	10,31	290 080	12,01	217 598	11,33
ПФО	808 552	19,77	455 076	18,84	359 738	18,73

Показатель	Всего	Доля, %	В том числе очная форма обучения	Доля, %	В том числе за счет за счет бюджета	Доля, %
ЮФО	406 636	9,94	223 119	9,24	187 976	9,79
СКФО	208 776	5,10	108 845	4,51	103 584	5,39
УФО	299 786	7,33	163 607	6,77	136 924	7,13
СФО	476 943	11,66	282 940	11,71	250 888	13,06
ДВФО	184 669	4,52	108 175	4,48	101 090	5,26

По очной форме обучения в ДВФО обучается 108175 чел., или 4,48% студентов от общего количества студентов в РФ, или 58,58% от общего количества студентов в ДВФО. В целом по стране по очной форме обучения обучается 59,07% от приведенного контингента студентов, выше данного значения – параметры в ЦФО, СЗФО и почти на этом же уровне в СФО. Ниже данного значения параметра – в 5 оставшихся федеральных округах, в ДВФО значение параметра близко к общероссийскому [13].

На бюджетной основе обучается 101090 приведенного контингента студентов, или 5,26% от общего количества приведенного контингента студентов в РФ, или 54,74% от общего количества приведенного контингента студентов в ДВФО. При этом нужно отметить, что только в трех федеральных округах доля студентов, обучающихся на бюджетной основе, больше 50% – это СЗФО, СФО и ДВФО.

Провести прямое сопоставление 2014 г. с 2019 г. по распределению студентов по округам и вузам по данным мониторинга нами не представляется возможным, так как в разные периоды времени в обследовании участвовало разное количество вузов. Так, в 2014 г. в мониторинге приняли участие 901 вуз и 1232 филиала, а в 2019 г. уже 1218 организаций высшего образования, в т. ч. 529 филиалов, при этом в некоторые периоды времени образовательные организации заполняли данные, в другие периоды – нет (в основном это касается частных вузов) [14].

Если же во внимание взять имеющуюся в мониторинге таблицу распределения приведенного контингента по отраслям наук, то можно получить данные, представленные в таблице 2. При этом нужно иметь в виду то, что расхождение 2019 г. с общими данными составляет 1489,8 тыс. студентов, т. е. по данным в таблице 2 приведенный контингент – это 63,82% от контингента, указанного в таблице 1. Кроме того, проведенный расчет напрямую по вузам ДВФО (с учетом имеющихся ликвидаций и объединений) показал наличие расхождений уже с таблицей 2 на 25 тыс. студентов.

В целом анализ данных по таблице 2 позволяет сделать вывод о сокращении приведенного контингента в разрезе округов и вузов на 10%, при этом доля студентов во всех округах уменьшилась, за исключением ЦФО и СЗФО, самое значительное снижение контингента произошло в ДВФО на 22,5% в 2019 г. по отношению к 2014 г.

С целью сопоставления данных по рождаемости в разрезе округов и наличию студентов нами были проанализированы данные по количеству 17-летних на 01.01.2014 г. и на 01.01.2019 г. (т. е. это дети, которые еще не уехали поступать в другие регионы) [15]. В целом по стране произошло сокращение количества 17-летних на 1%, значительно сократилось количество 17-летних в СКФО на 10%, выросло только в СЗФО и УФО. Выше среднероссийского показателя – в ЦФО и СФО. В ДВФО значение параметра близко к общероссийскому [16].

Таблица 2. Распределение приведенного контингента по федеральным округам в 2014, 2019 гг. (данные мониторинга 2015 г., 2020 г.)

Показатель	Всего	Доля	Всего	Доля	Темп роста в 2019 по отношению к 2014	Темп роста доли в 2019 по отношению к 2014
	2014		2019			
Всего	2 879 755,30	100,00	2 610 250,80	100,00	90,64	100,00
ЦФО	885 499,20	30,75	845 641,20	32,40	95,50	105,36
СЗФО	308 640,80	10,72	305 289,30	11,70	98,91	109,13
ПФО	553 277,70	19,21	495 168,50	18,97	89,50	98,74
ЮФО	247 001,70	8,58	—	—	—	—
КФО	30 471,50	1,06	—	—	—	—
ЮФО	277 473,20	9,64	243 886,00	9,34	87,90	96,97
СКФО	147 303,10	5,12	120 181,40	4,60	81,59	90,01
УФО	206 719,60	7,18	178 613,30	6,84	86,40	95,32
СФО	383 626,20	13,32	—	—	—	—
СФО	350 459,90	12,17	304 969,10	11,68	87,02	96,00
ДВФО	117 215,50	4,07	—	—	—	—
ДВФО	150 381,80	5,22	116 502,00	4,46	77,47	85,47

Примечание. При использовании системы прямого счета по данным вузов, представленным в разрезе, изменение по ДВФО составляет около 25 тыс. студентов.

Таблица 3. Сопоставление темпов роста рождаемости и приведенного контингента студентов в разрезе федеральных округов в 2014 и 2019 гг.

Показатель	Темп роста приведенного контингента студентов в 2019 по отношению к 2014	Темп роста количества 17-летних в 2019 по отношению к 2014	Разница между столбцами 3 и 2
Всего	90,64	98,91	8,27
ЦФО	95,50	99,61	4,11
СЗФО	98,91	102,91	4,00
ПФО	89,50	93,71	4,21
ЮФО	87,90	Нет валидных данных	
СКФО	81,59	90,42	8,83
УФО	86,40	103,00	16,60
СФО	87,02	99,02	12,00
ДВФО	77,47	98,13	20,66

Как видно из таблицы 3, приведенный контингент студентов за последние пять лет больше всего из всех федеральных округов упал в ДВФО, при этом рождаемость сопоставимы с среднероссийскими данными, что свидетельствует о высокой образовательной миграции в ДВФО.

Общее количество приведенного контингента за 5 последних лет в 10 ведущих вузах ДВФО уменьшилось на 11793,7 студентов (потери составляют 14% от приведенного контингента). Доля приведенного контингента в 10 ведущих вузах увеличилась на 1,9%. Подобная ди-

намика, с одной стороны, говорит о концентрации контингента студентов в ведущих вузах, с другой – о высокой степени миграции [17].

С 2014 по 2019 гг. положение первых пяти вузов не изменилось, вместе с тем приращение контингента произошло только в ДВФУ, в остальных вузах произошло снижение контингента (табл. 5). В двух федеральных университетах и Тихоокеанском государственном университете, входящих в первую пятерку вузов в ДВФО, темп снижения приведенного контингента ниже, чем в среднем среди 10 вузов.

Таблица 4. Динамика приведенного контингента в 2019 г. по отношению к 2014 г.

Показатель	Темп роста контингента	Темп роста доли
1. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет»	102,38	125,10
2. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова»	94,70	115,83
3. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тихоокеанский государственный университет»	95,50	116,77
4. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Забайкальский государственный университет»	78,59	96,12
5. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»	77,18	94,29
6. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса»	90,06	110,29
7. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»	74,71	91,35
8. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления»	59,44	72,69
9. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тихоокеанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации	126,09	154,19
10. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Амурский государственный университет»	84,73	103,64
Средний темп роста	88,34	108,03

Самый значительный рост приведенного контингента среди вузов (входящих в 10 самых крупных) произошел в Тихоокеанском государственном медицинском университете (на 26% увеличился контингент, что дало 54% приращения доли). Самое значительное падение контингента практически в два раза произошло в Восточно-Сибирском государственном университете технологий и управления.

В остальных университетах падение контингента варьируется в диапазоне от 16% до 26% [18; 19; 20; 21]. В среднем среди 10 ведущих вузов ДВФО падение приведенного контингента составило 11,7%, среди всех вузов ДВФО – 20,4%. Если смотреть в разрезе регионов, то самые значительные падения контингента студентов произошли среди вузов Республики Бурятия и Забайкальского края (табл. 5).

Таблица 5. Динамика приведенного контингента в 2019 г. по отношению к 2014 г. по регионам ДВФО (без филиалов)

Показатель	Темп роста контингента	Темп роста доли
Амурская область	82,89	101,34
1. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Благовещенский государственный педагогический университет»	78,85	96,4

Показатель	Темп роста контингента	Темп ро- ста доли
2. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный государственный аграрный университет»	64,53	78,9
3. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Амурская государственная медицинская академия» Министерства здравоохранения Российской Федерации	103,45	126,48
4. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Амурский государственный университет»	84,73	103,59
Еврейская автономная область	75,59	92,42
5. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема»	75,59	92,42
Забайкальский край	90,4	110,52
6. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Забайкальский государственный университет»	78,59	96,08
7. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Читинская государственная медицинская академия» Министерства здравоохранения Российской Федерации	102,21	124,96
Камчатский край	77,97	95,32
8. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Камчатский государственный технический университет»	70,73	86,47
9. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга»	85,2	104,16
Магаданская область	84,08	102,79
10. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный государственный университет»	84,08	102,79
Приморский край	89,80	109,79
11. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет»	102,38	125,16
12. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приморская государственная сельскохозяйственная академия»	56,21	68,72
13. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса»	90,06	110,11
14. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный государственный институт искусств»	99,06	121,11
15. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет»	67,65	82,71
16. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Морской государственный университет имени адмирала Г. И. Невельского»	85,09	104,03
17. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тихоокеанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации	126,09	154,16

Показатель	Темп роста контингента	Темп ро- ста доли
18. Частное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный институт коммуникаций»	91,87	112,31
Республика Бурятия	61,5	75,2
19. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»	74,71	91,34
20. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления»	59,44	72,67
21. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В. Р. Филиппова»	53,5	65,4
22. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Восточно-Сибирский государственный институт культуры»	58,34	71,32
Республика Саха (Якутия)	82,90	101,35
23. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова»	94,7	115,78
24. Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Высшая школа музыки Республики Саха (Якутия) (институт) имени В. А. Босикова»	128	156,49
25. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта»	108,53	132,69
26. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Арктический государственный институт культуры и искусств»	70,49	86,18
27. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Якутская государственная сельскохозяйственная академия»	62,33	76,21
28. Восточно-Сибирский институт экономики и менеджмента	112,9	138,02
29. Якутский гуманитарный институт	3,35	4,09
Сахалинская область	61,72	75,45
30. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сахалинский государственный университет»	61,72	75,45
Хабаровский край	78,76	96,29
31. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет»	95,03	116,17
32. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточная государственная академия физической культуры»	94,68	115,75
33. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Хабаровский государственный университет экономики и права»	52,6	64,31
34. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации	124,39	152,07

Показатель	Темп роста контингента	Темп роста доли
35. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»	77,18	94,36
36. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Комсомольский-на-Амуре государственный университет»	85,34	104,34
37. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тихоокеанский государственный университет»	95,5	116,75
38. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Хабаровский государственный институт культуры»	80,82	98,81
39. Частное образовательное учреждение высшего образования «Приамурский институт агроэкономики и бизнеса»	3,28	4,01
Средний темп роста	80,59	

Приведенный контингент сократился в среднем на 19,5% по ДВФО. Самые высокие темпы падения контингента в Республике Бурятия – на 38,5%, что больше средних показателей по округу на 19,09%. Также темп падения контингента ниже средних значений по округу в 4-х регионах из 10 – это в Еврейской автономной области (на 4%), в Камчатском крае (на 2,5%), в Хабаровском крае (на 1,83%), в Сахалинской области (на 18,87%).

Ситуация в частном образовательном учреждении высшего образования «Приамурский институт агроэкономики и бизнеса» нами не рассматривалась.

По Республике Бурятия из четырех вузов только в Бурятском государственном университете значения показателей падения контингента наиболее близки к общему тренду в целом по округу, разница составляет 5,88% от средних показателей по округу.

В целом по округу положительная динамика присутствует только в медицинских профильных вузах, в Дальневосточном федеральном университете и в Чурапчинском государственном институте физической культуры и спорта. Почти

половину приведенного контингента потеряли 5 вузов из 39 – это три вуза из Бурятии, Приморская государственная сельскохозяйственная академия, а также Хабаровский государственный университет экономики и права.

Выводы

В целом аналитическое исследование основного фактора формирования человеческого капитала на основе мониторинга вузов Дальневосточного федерального округа определило как основную проблему снижение приведенного контингента студентов, что по сравнению с среднероссийскими показателями происходит быстрее. Кроме того, среди основных проблем снижения человеческого капитала по-прежнему остаются: низкий уровень инновационной активности организаций, недостаточное финансирование научных исследований, разработок. Подобная динамика, с одной стороны, говорит о концентрации контингента студентов в ведущих вузах, с другой – о высокой степени миграции.

Список литературы

1. Локтионова Ю. Э., Некрасова Н. А. Высшие учебные заведения как механизм формирования человеческого капитала // Актуальные проблемы региональной социологии: сборник научных статей преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов. Курск: Университетская книга, 2016. С. 26-35.
2. Пришляк Е. А., Радько С. Г. Исследование факторов, влияющих на формирование человеческого капитала в Российской Федерации // Управленческие науки. 2018. № 8(2). С. 94-105.

3. Зборовский Г. Е., Мельниченко С. В. Понятие человеческого капитала образовательных общностей в вузе // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы III Международной научно-практической конференции / Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, 2017. С. 215-219.
4. Чучулина Е. В., Базеян А. А. Разработка модели формирования человеческого капитала в условиях интеграции высшего образования России в мировое образовательное пространство // Финансовая экономика. 2019. № 4. С. 236-241.
5. Грицова О. А., Тиссен Е. В. Управление конкурентоспособностью образовательных программ высшего образования // Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов XIV Международной конференции. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2020. С. 399-402.
6. Васильева Т. В. Научные подходы к исследованию проблемы профессионально-проектной деятельности в высшей школе (на примере бакалавриата) // Мир образования – образование в мире. 2020. № 1 (77). С. 156-164.
7. Вертакова Ю. В. Развитие системы индикативного и стратегического планирования при реализации государственной экономической политики на всех уровнях управления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7, № 4 (25). С. 30-56.
8. Вертакова Ю. В., Плехотникова М. А., Бабкин А. В. Тенденции развития цифровой экономики в России // Инновационные кластеры цифровой экономики: теория и практика / Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. СПб., 2018. С. 290-315.
9. Золотухина Ю. В. Драйверы информационного взаимодействия организаций в условиях цифровой экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. № 11(4). С. 245–252.
10. Дегтева О. А. Инвестирование в высшее образование-фактор роста человеческого капитала и развития социально-экономических систем // Вестник КИГИТ. 2009. № 1 (8). С. 24-36.
11. Мониторинг эффективности деятельности организаций высшего образования. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/> (дата обращения: 11.09.2021).
12. Министерство науки и высшего образования РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/> (дата обращения: 11.09.2021).
13. Котов С. В., Блохин А.Л. Человеческий капитал как фактор непрерывного образования в системе «школа-вуз» // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития: материалы XVII Международной конференции / под редакцией В. П. Галенко, Н. А. Лобанова. СПб., 2019. С. 80-82.
14. Мамонтова С. В., Скрипова Л. П. Современные проблемы и перспективы развития российского рынка труда // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2019. № 3. С. 195-200.
15. Единая информационная система обеспечения деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: <http://eis.mon.gov.ru> (дата обращения: 07.09.2021).
16. Оникійчук Ю. А. Система управления конкурентоспособностью регионов с особым статусом // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. 2019. № 4. С. 156-165.
17. Имидеева И. В., Бадараева Р. В. Миграционные процессы в Дальневосточном федеральном округе: ожидание и реальность // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2019. № 6. С. 32-40.
18. Иродов М. И., Коречков Ю. В. Высшее образование в цифровой экономике // Вестник Евразийской науки. 2018. № 1. С. 13.
19. Каравай А. В. Состояние человеческого капитала российских профессионалов // Tetra Economicus. 2021. Т. 19, № 1. С. 124-137.
20. Иохин В. Я. Влияние цифровизации на экономику, общество и государство // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 3. С. 62-67.
21. Таможников И. А. Трансформация образовательного процесса в контексте внедрения стандартов worldskills // Современные тенденции развития общества: образование, коммуникация, психология: сборник по итогам научно-практической конференции с международным участием / Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Ростов н/Д, 2020. С. 80-82.

References

1. Loktionova U. E., Nekrasova N. A. [Higher education institutions as a mechanism for the formation of human capital]. Aktual'nye problemy regional'noi sotsiologii. Sbornik nauchnykh statei prepodavatelei, aspirantov, magistrantov, studentov [Actual problems of regional sociology. Collection of scientific articles of teachers, graduate students, undergraduates and students]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2016, pp. 26-35. (In Russ.)
2. Prishlyak E. A., Radko S. G. Issledovanie faktorov, vliyayushchikh na formirovanie chelovecheskogo kapitala v Rossiiskoi Federatsii [The study of factors influencing the formation of human capital in the Russian Federation]. *Upravlencheskie nauki = Management Sciences*, 2018, no. 8(2), pp. 94-105.
3. Zborovsky G. E., Melnichenko S. V. [The Concept of Human Capital of Educational Communities in Higher Education]. Strategii razvitiya sotsial'nykh obshchestv, institutov i territorii. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Strategies of Development of Social Communities, Institutions and Territories. Materials of the III International scientific and practical conference]. Ekaterinburg, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin Publ., 2017, pp. 215-219. (In Russ.)
4. Chuchulina E. V., Bazeyan A. A. Razrabotka modeli formirovaniya chelovecheskogo kapitala v usloviyakh integratsii vysshego obrazovaniya Rossii v mirovye obrazovatel'noye prostranstvo [Development of human capital formation model in the conditions of integration of Russian higher education into the world educational space]. *Finansovaya ekonomika = Financial Economics*, 2019, no. 4, pp. 236-241.
5. Gritsova O. A., Tissen E. V. [Managing the competitiveness of educational programs in higher education]. Rossiiskie regiony v fokuse peremenn. Sbornik dokladov XIV Mezhdunarodnoi konferentsii [Russian regions in the focus of change. A collection of reports of the XIV International Conference]. Yekaterinburg, Publishing House UMTS UPI, 2020, pp. 399-402. (In Russ.)
6. Vasilieva T. V. Nauchnye podkhody k issledovaniyu problemy professional'no-proektnoi deyatel'nosti v vysshei shkole (na primere bakalavriata) [Scientific approaches to the study of the problem of professional-project activity in higher school (on the example of baccalaureate)]. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire = Education World – Education in the World*, 2020, no. 1 (77), pp. 156-164.
7. Vertakova Y. V. Razvitiye sistemy indikativnogo i strategicheskogo planirovaniya pri realizatsii gosudarstvennoi ekonomicheskoi politiki na vseh urovnyakh upravleniya [Development of indicative and strategic planning system in the implementation of state economic policy at all levels of government]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2017, vol. 7, no. 4 (25), pp. 30-56.
8. Vertakova Yu. V., Plakhotnikova M. A., Babkin A. V. Tendentsii razvitiya tsifrovoi ekonomiki v Rossii [Trends of development of digital economy in Russia]. Innovatsionnye klasteri tsifrovoi ekonomiki: teoriya i praktika [Innovative clusters of digital economy: theory and practice]. St. Petersburg, St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great Publ., 2018, pp. 290-315.
9. Zolotukhin Y. V. Drivers informatsionnogo vzaimodeystviya organizatsii v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki [Drivers of information interaction of organizations in the conditions of digital economy]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2021, no. 11(4), pp. 245-252.
10. Degteva O. A. Investirovanie v vysshee obrazovanie-faktor rosta chelovecheskogo kapitala i razvitiya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem [Investing in Higher Education as a Factor in Human Capital Growth and Development of Socio-Economic Systems]. *Vestnik KIGIT = Vestnik KIGIT*, 2009, no. 1 (8), pp. 24-36.
11. Monitoring effektivnosti deyatel'nosti organizatsii vysshego obrazovaniya [Monitoring of the effectiveness of organizations of higher education]. Available at: <https://monitoring.miccedu.ru/>. (accessed 11.09.2021)
12. Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya RF [Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation]. Available at: <https://minobrnauki.gov.ru/>. (accessed 11.09.2021)
13. Kotov S. V., Blokhin A. L. [Human capital as a factor of lifelong learning in the system "School-Higher Education"]. Obrazovanie cherez vsyu zhizn': nepreryvnoe obrazovanie v interesakh ustoychivogo razvitiya. Materialy XVII Mezhdunarodnoi konferentsii [Education Through Life: Lifelong Learning for

Sustainable Development. Materials of the XVII International Conference]; ed. by V. P. Galenko, N. A. Lobanova. St. Petersburg, 2019, pp. 80-82. (In Russ.)

14. Mamontova S. V., Skripova L. P. Sovremennye problemy i perspektivy razvitiya rossiiskogo rynka truda [Modern problems and prospects for the development of the Russian labor market]. *Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii = Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*, 2019, no. 3, pp. 195-200.

15. Edinaya informatsionnaya sistema obespecheniya deyatel'nosti Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii [Unified information system to support the activities of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation]. Available at: <http://eis.mon.gov.ru>. (accessed 07.09.2021)

16. Onikichuk Y. A. Sistema upravleniya konkurentosposobnost'yu regionov s osobym statusom [The system of competitiveness management of regions with a special status]. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya V. Ekonomika i pravo = Bulletin of Donetsk National University. Series B. Economics and law*, 2019, no. 4, pp. 156-165.

17. Imideeva I. V., Badaraeva R. V. Migratsionnye protsessy v Dal'nevostochnom Federal'nom okruge: ozhidanie i real'nost' [Migration processes in the Far Eastern Federal District: expectation and reality]. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo = Scientific Review. Series 1: Economics and law*, 2019, no. 6, pp. 32-40.

18. Irodov M. I., Korechkov Y. B. Vysshee obrazovanie v tsifrovoi ekonomike [Higher education in the digital economy]. *Vestnik Evraziiskoi nauki = Bulletin of Eurasian Science*, 2018, no. 1, p. 13.

19. Karavay A. V. Sostoyanie chelovecheskogo kapitala rossiiskikh professionalov [State of human capital of Russian professionals]. *Terra Economicus*, 2021, vol. 19, no. 1, pp. 124-137.

20. Iohin V. Ya. Vliyanie tsifrovizatsii na ekonomiku, obshchestvo i gosudarstvo [Influence of digitalization on economy, society and state]. *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN = IE RAS Scientific and Analytical Bulletin*, 2020, no. 3, pp. 62-67.

21. Tamozhnikov I. A. [Transformation of the educational process in the context of the introduction of worldskills standards]. *Sovremennye tendentsii razvitiya obshchestva: obrazovanie, kommunikatsiya, psikhologiya. Sbornik po itogam nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [Modern trends in the development of society: education, communication, psychology. Collection of scientific-practical conference with international participation]*. Rostov-on-Don, The South Russian Institute of Management is a Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Publ., 2020, pp. 80-82. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Ванчикова Елена Николаевна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В. Р. Филиппова, г. Улан-Удэ, Российская Федерация,
e-mail: evanch@mail.ru

Нагаслаева Ирина Олеговна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Российская Федерация,
e-mail: nio_irina@list.ru

Золотарева Нина Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Российская Федерация,
e-mail: malinka_nk@bk.ru

Elena N. Vanchikova, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Management Department, Buryat State Academy of Agriculture, Ulan-Ude, Russian Federation,
e-mail: evanch@mail.ru

Irina O. Nagaslaeva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Management Department, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation,
e-mail: nio_irina@list.ru

Nina A. Zolotareva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Management Department, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation,
e-mail: malinka_nk@bk.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF MODERN SOCIETY

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-199-211>

Готовность населения к раздельному сбору твердых коммунальных отходов (на примере одноразовых подгузников)

В. В. Юшин¹ ✉, В. В. Зотов², Е. А. Преликова¹, У. В. Юшина³

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

² Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)
Институтский пер. 9, Московская область, г. Долгопрудный 141701, Российская Федерация

³ Национальный исследовательский университет «МЭИ»
ул. Красноказарменная 14, г. Москва 111250, Российская Федерация

✉ e-mail: ushinvv@mail.ru

Резюме

Актуальность исследования обусловлена *непрерывно растущим* вредом окружающей среде, наносимым использованными одноразовыми подгузниками.

Целью исследования стало определение потенциала участия населения к утилизации одноразовых подгузников.

Задачи: определить интенсивность и объёмы использования одноразовых подгузников, возможности отказа от них и перехода к альтернативам, готовность населения к утилизации бытовых отходов, в том числе и одноразовых подгузников.

Методология исследования базируется на научных концепциях реформы обращения с твердыми коммунальными отходами (мусорная реформа), предполагающей привлечение граждан к процессу решению общественно значимых экологических проблем. Анализ отношения населения к утилизации одноразовых подгузников осуществлялся на основе данных массовых социологических опросов, проведённых авторами в 2020 г.

Результаты исследования позволяют констатировать, что использование одноразовых подгузников стало составной частью жизни родителей и отказ от данного средства гигиены в ближайшей перспективе вряд ли произойдёт. Целевую аудиторию пользователей одноразовых подгузников составляют преимущественно замужние женщины в возрасте от 26 до 45 лет, проживающие в нуклеарной семье в составе 3-4 человек в многоквартирных домах без мусоропровода или частных домах. Доход на члена семьи в целевой группе колеблется от одного до двух минимальных оплат труда.

Исследуемая целевая группа проблему сортировки бытовых отходов считает важной и готова отделять от бытовых отходов одноразовые подгузники. В этих условиях нужны экономические стимулы для реализации раздельного сбора. Положительно повлиять на решение об отделении от бытовых отходов одноразового подгузника может возможность получения бонусов при покупке новой партии товара или бесплатное предоставление средств упаковки использованных памперсов.

Выводы. Авторы приходят к выводу, что органы власти должны учесть результаты проведённого опроса перед разработкой мер по утилизации одноразовых подгузников и сделать выводы о том, как прийти к компромиссному решению.

Ключевые слова: твёрдые коммунальные отходы; одноразовые подгузники; рециклинг; мусорная реформа; раздельный сбор; взаимодействие власти и населения.

© Юшин В. В., Зотов В. В., Преликова Е. А., Юшина У. В., 2021

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Юшин В. В., Зотов В. В., Преликова Е. А., Юшина У. В. Готовность населения к раздельному сбору твёрдых коммунальных отходов (на примере одноразовых подгузников) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 199–211. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-199-211>.

Поступила в редакцию 04.10.2021

Принята к публикации 02.11.2021

Опубликована 29.12.2021

Population Readiness for Separate Collection of Municipal Solid Waste (Example of Disposable Diapers)

Vasilii V. Ushin¹ ✉, Vitaly V. Zotov², Elena A. Prelikova¹, Ulyana V. Ushina³

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

² Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University)
9 Institutsky Per., Moscow Region, Dolgoprudny 141701, Russian Federation

³ National Research University Moscow Power Engineering Institute
14 Krasnokazarmennaya str., Moscow 111250, Russian Federation

✉ e-mail: ushinvv@mail.ru

Abstract

The relevance of the study is due to the constantly growing environmental damage caused by used disposable diapers.

The purpose of the study was to determine the potential of public participation in the disposal of disposable diapers.

Objectives: to determine the intensity and volume of use of disposable diapers, the possibility of abandoning them and switching to alternatives, to determine the readiness of the population for the disposal of household waste, including disposable diapers.

The research **methodology** is based on the scientific concepts of the reform of solid municipal waste management (garbage reform), which involves the involvement of citizens in the process of solving socially significant environmental problems. The analysis of the population's attitude to the disposal of disposable diapers was carried out on the basis of data from mass sociological surveys conducted by the authors in 2020.

The results of the study make it possible to state: the use of disposable diapers has become an integral part of parents' lives and the rejection of this hygiene product is unlikely to happen in the near future, therefore, the relevance of recycling and recycling of disposable diapers will not be reduced. The target audience of users of disposable diapers is mainly married women aged 26 to 45 years, living in a nuclear family of 3-4 people in apartment buildings without a trash or private houses. The income per family member in the target group ranges from one to two times the minimum wage.

The target group under study considers the problem of sorting household waste to be important and is ready to separate disposable diapers from household waste. Under these conditions, economic incentives are needed to implement separate collection. The possibility of receiving bonuses when buying a new batch of goods or providing free packaging of used diapers can positively influence the decision to separate a disposable diaper from household waste.

Conclusions. The authors conclude that the authorities should take into account the results of the survey before developing measures for the disposal of disposable diapers and draw conclusions about how to come to a compromise solution.

Keywords: solid municipal waste; disposable diapers; recycling; garbage reform; separate collection; interaction of the government and the population.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Yushin V. V., Zotov V. V., Prelikova E. A., Yushina U. V. Population readiness for separate collection of solid municipal waste (on the example of disposable diapers).. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(6): 199–211. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-199-211>.

Received 04.10.2021

Accepted 02.11.2021

Published 29.12.2021

Введение

В XXI в. обращение с твёрдыми коммунальными отходами (ТКО), в т. ч. их повторное использование, становится значимой социально-экологической проблемой, которая представляет интерес и с позиций ресурсосбережения. Нерационально выстроенная в нашей стране система обращения с отходами не позволяет реализовать экономический потенциал вторичного использования ресурсов, тем самым уменьшить антропогенную нагрузку на окружающую среду.

Сегодня проблемы обращения с ТКО актуальны практически для всех регионов и крупных городов Российской Федерации [1]. В первую очередь необходимо отметить, что вопреки приоритетности рециклинга наблюдается весьма низкая степень (менее 10 %) переработки ТКО.

В последнее время постоянно увеличивается содержание в ТКО такого компонента, как одноразовые подгузники, которые являются третьим по величине источником твёрдых отходов на свалке (после упаковок от еды и напитков и газет). Их доля в мусоре в определённых местах проживания может составлять около 4% [2]. При этом такая особенность разового подгузника, как многослойность, затрудняет его утилизацию. В России подавляющее большинство использованных одноразовых подгузников, период полного разложения которых от 250 до 500 лет, отправляются среди прочих твёрдых коммунальных отходов на полигоны (или незаконные свалки) [3]. За всю 40-летнюю историю производства этого изделия ни одно из них не разложилось на свалке естественным путём.

Согласно принятой на Западе прогрессивной концепции Zero Waste, отходы рассматриваются как сосредоточение

ценных ресурсов, вовлечение которых в хозяйственный оборот взамен первичных материалов позволит предотвратить надвигающийся экологический кризис [4]. По мере её реализации в таких странах, как Швеция, Германии, Швейцарии, Австрии, нормой становится ситуация, когда 97 % отходов перерабатывается, что ведёт к закрытию полигонов с мусором.

В России мусорная реформа, сущность которой заключается в ликвидации свалок и полигонов за счёт организации раздельного сбора твёрдых коммунальных отходов, стартовала 1 января 2019 г. Обновлённая система обращения с ТКО построена на процессе раздельного сбора, где первичным звеном выступает самостоятельная сортировка гражданами образованных отходов и помещение в соответствующие баки. Поэтому для успешной реализации мусорной реформы важно сознательное отношение граждан к утилизации бытового мусора, которое достигается при правильной организации взаимодействия населения и органов власти при реализации мусорной реформы.

Определение научной проблемы и цели исследования

Новизна связана с тем, что сегодня уделяется внимание социально-экологическим аспектам утилизации ТКО в целом [5; 6; 7], исследуется отношение населения к различным вопросам утилизации ТКО [8; 9; 10; 11], но специальных исследований по социально-экологическим аспектам утилизации и рециклинга именно подгузников нет. С другой стороны, есть специальные работы по утилизации и рециклингу подгузников [2; 12], однако они не затрагивают именно социально-экологические аспекты проблемы.

Организация раздельного сбора мусора в части одноразовых подгузников не бу-

дет достаточно эффективна без налаженной коммуникации с целевой аудиторией. А для того чтобы коммуникация была веренной, предельно точной и действенной, необходимо выявить посредством социологического опроса отношение населения к утилизации одноразовых подгузников, выявить особенности поведения целевых аудиторий и оценить возможные дальнейшие шаги. Полученная в ходе исследования социальная информация позволяет взглянуть на проблему по-новому и оптимизировать пути её разрешения при принятии решений органами власти.

Целью нашей работы явилось социологическое исследование отношения населения к утилизации одноразовых подгузников. В ходе опроса решались исследовательские задачи:

- определение интенсивности и объёмов использования одноразовых подгузников, возможности отказа от них и перехода к альтернативам;
- определение готовности населения к утилизации бытовых отходов, в т. ч. и одноразовых подгузников, а также факторов, оказывающих влияние на данный процесс.

Материалы и методы

В ходе исследования был использован метод массового социологического опроса, инструментарием которого выступила комплексная формализованная анкета. Опрос респондентов проводился в г. Москве, Московской и Курской областях в марте 2020 г. Участниками исследования явилось взрослое население, в семьях которых живёт потенциальный пользователь одноразовых подгузников: ребёнок, тяжелобольной человек или пожилой человек. Генеральная совокупность определена таким образом. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), в 2019 г. численность детей в возрасте от 0 до 3 лет составляет 7 096 тыс. человек, из них 21% родились у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке. Соответственно количество родите-

лей, имеющих этих детей, можно определить путём следующих расчётов: $7096 \cdot 2 \cdot 0,79 + 7096 \cdot 1 \cdot 0,21 = 12701$ тыс. чел. Согласно данным Росстата, численность лиц старше 80 лет составляет 7 495. Таким образом, потенциальная аудитория лиц, которые могут использовать одноразовые подгузники, составляет $12701 + 7495 = 20196$ тыс. человек. Это свидетельствует, что целевая аудитория является достаточно большой, поэтому размер выборки при 95 % доверительной вероятности и 5 % доверительном интервале составит 384 чел. Объем репрезентативной выборки с учётом возможной отбраковки составил 400 чел.

В исследовании также использованы данные исследовательского холдинга «Ромир» [13] и «Левада-центра» [14].

Результаты и их обсуждение

Проведённый анализ характерологических черт целевой аудитории одноразовых подгузников позволяет с учётом социально-демографических черт охарактеризовать данную группу следующим. Это преимущественно женщины (80%) в возрасте от 26 до 45 лет (49%). Преобладающее семейное положение в данной группе – зарегистрированный брак (73%). Тип семьи (80%) – простой нуклеарный (родители и дети), в которых совместно проживает либо трое (41%), либо четверо (30%) чел. Место их жительства либо многоквартирный дом без мусоропровода (46%), либо частный дом (40%). Доход на 1 члена семьи у 50% представителей целевой группы составил от 12 до 25 тыс. руб., т. е. от одного до двух минимальных оплат труда.

Первой решаемой в ходе социологического исследования задачей было определение интенсивности и объёмов использования одноразовых подгузников, возможности отказа от них и перехода к альтернативам. В ходе опроса ожидаемо наибольшей категорией, являющейся потребителями одноразовых подгузников, стали родители с детьми (рис. 1).

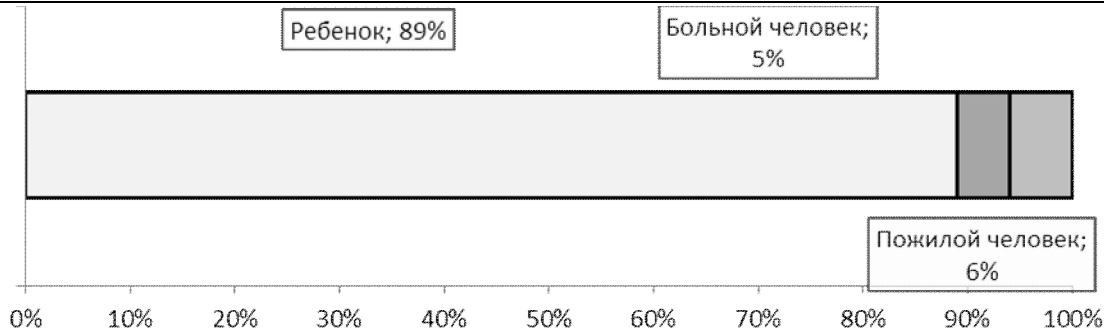

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Для какой категории вы используете одноразовые подгузники?», %

На рисунках 2 и 3 представлено распределение ответов на вопрос о текущем и планируемом времени использования одноразовых подгузников. Обращает на себя внимание, что только каждый десятый опрошенный является противником их использования.

По их мнению, уход за ребёнком, выполнение гигиенических требований возможны без подгузников. Данные опроса показывают, что существенная часть опрошенных пользуется одноразовыми подгузниками либо от полутора до года (33%), либо от года до двух (22%).

В том случае, если речь идёт о ребёнке, то, как правило, продолжительность использования данным изделием определяется возрастом ребёнка. Родители следуют рекомендации и используют одноразовые подгузники в период жизни малыша от рождения до достижения им полуторагодовалого возраста [15]. Это хорошо иллюстрируют ответы родителей на вопрос о возрастных рамках использования подгузников: 53% опрошенных считают, что отказываться от использования подгузников надо, когда ребёнку исполнится от 1,5 до 2 лет.

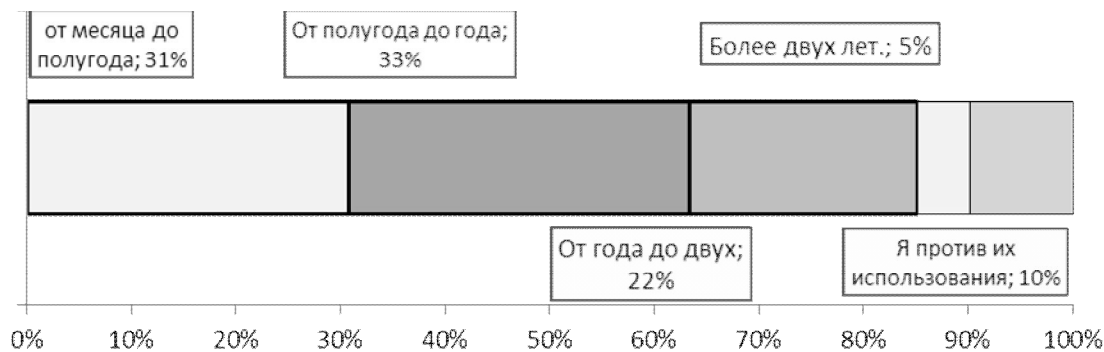

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Сколько времени вы используете одноразовые подгузники?», %

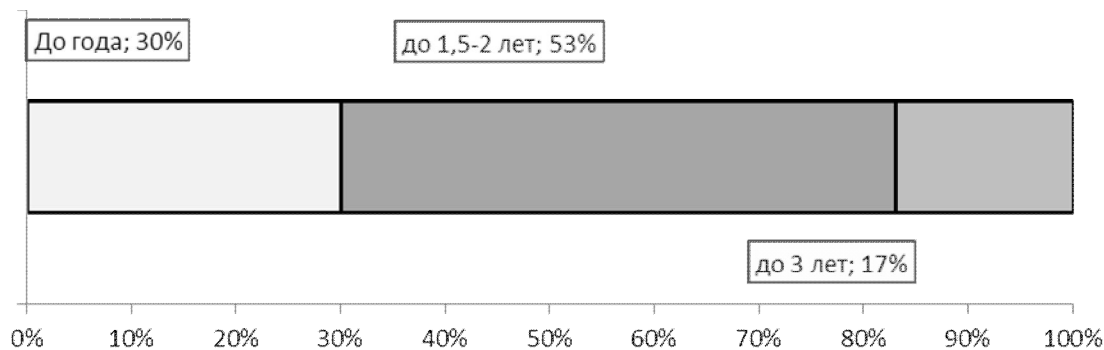

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Сколько времени вы планируете использовать одноразовые подгузники?», %

Значительная часть респондентов (40%) используют подгузники только лишь в определённых жизненных ситуациях: во время прогулки, при посещении врача. Постоянно в течение дня пользуется 38% опрошенных, одевают только на ночь – 22% опрошенных.

По рекомендациям детей врачей одноразовый подгузник подлежит замене в среднем через каждые 4–5 ч [16]. Опрошенные нами респонденты в среднем в день меняют 3,25 подгузника (рис. 4).

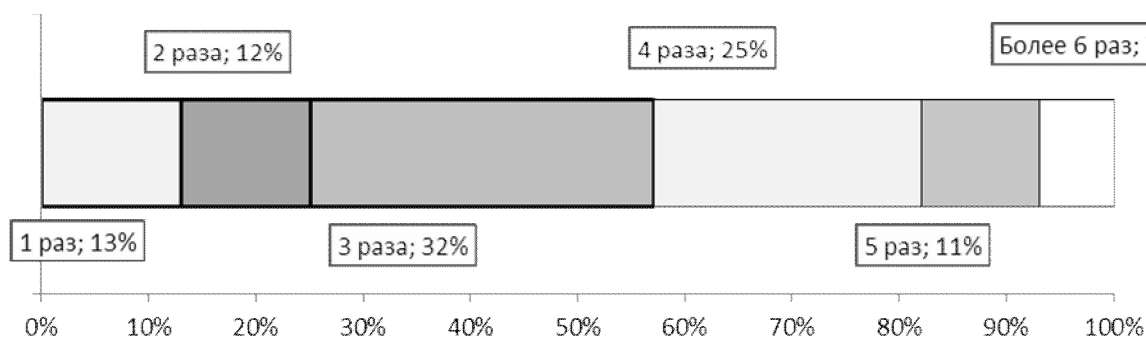

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Сколько раз в день вы меняете одноразовые подгузники?», %

Таким образом, проведённое исследование показывает, что одноразовые подгузники значительно переменяли жизнь родителей, что связано с удобством и лёгкостью в использовании, экономией сил и времени матери и отца, комфортом для ребёнка. И отказ от данного средства гигиены в ближайшей перспективе вряд ли произойдёт, следовательно, актуальность утилизации и переработки одноразовых подгузника не будет снижена.

Заключительным блоком стали вопросы, касающиеся непосредственно утилизации бытовых отходов, в т. ч. и одноразовых подгузников, а также факторов, оказывающих влияние на данный процесс. На сегодня проблема экологии вошла и закрепилась в фокусе общественного мнения. При этом, как показывают результаты нашего опроса для опрошенных граждан, наиболее значимо в решении проблемы утилизации бытовых отходов – это охрана окружающей среды (87%) в сравнении с возможностью получения прибыли при сдаче утилизируемых отходов (13%). Для сопоставления приведём данные, полученные О. Г. Тимофеевой. Так, согласно данным

её опроса, наиболее важным мотивом для побуждения к раздельному сбору отходов выступили забота об окружающей среде (43%) и сохранение ресурсов для будущих поколений (35%), а вот материальное вознаграждение важно для 17 % [17]. Это свидетельствует о преобладании ценностных представлений о необходимости защиты природы над прагматическими, при которых в первую очередь преследуются узкопрактические интересы.

В рамках данной работы исследовалось отношение российского потребителя к проблеме утилизации и переработки одноразовых подгузников в контексте общей проблемы утилизации ТКО. По результатам опроса, проведённого исследовательским холдингом «Ромир», раздельный сбор мусора поддерживают 88% россиян (рост с 2019 г. на 15 %), не поддерживают 12% (снижение на 15 %). Существенно за два года изменились и практики обращения с отходами. Если в 2019 г. 91% опрошенных граждан России выбрасывали весь мусор в одном пакете, то сейчас так делают чуть больше половины (52%) [13]. Опросы «Левада-Центра» показывают, что большая часть

(70%) тех, у кого установлены контейнеры рядом с домом, начали сортировать отходы, и почти половина от тех, кто собирает отходы отдельно, делают это регулярно [14].

Проведённый нами опрос показывает, что население в своём большин-

стве (86%) проблему сортировки бытовых отходов считает важной. Опрос показывает, что на сегодня в случае введения обязательного раздельного сбора бытовых отходов готовность к его сортировке демонстрируют 72% опрошенных (рис. 5–7).

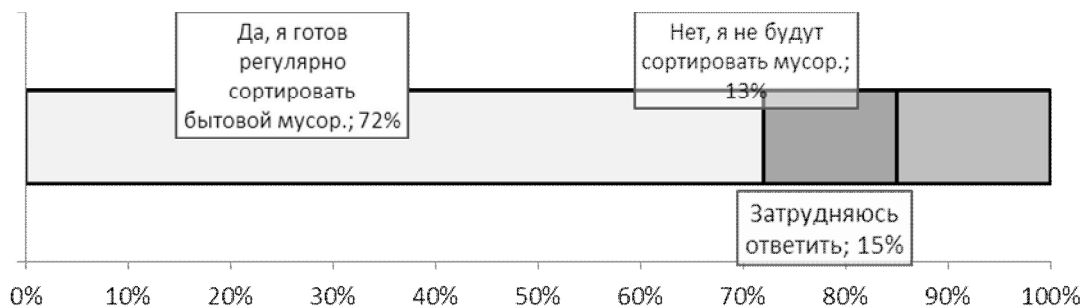

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Если будет введён обязательный раздельный сбор бытовых отходов, готовы ли вы сортировать бытовые отходы дома?», %

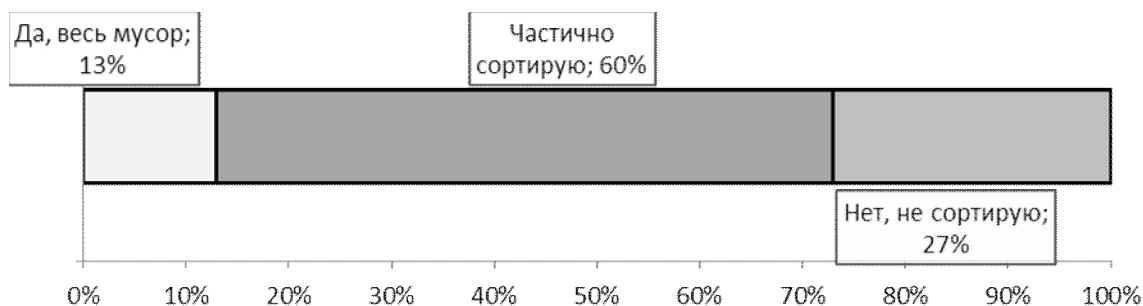

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Сортируете ли вы бытовые отходы для раздельного сбора?», %

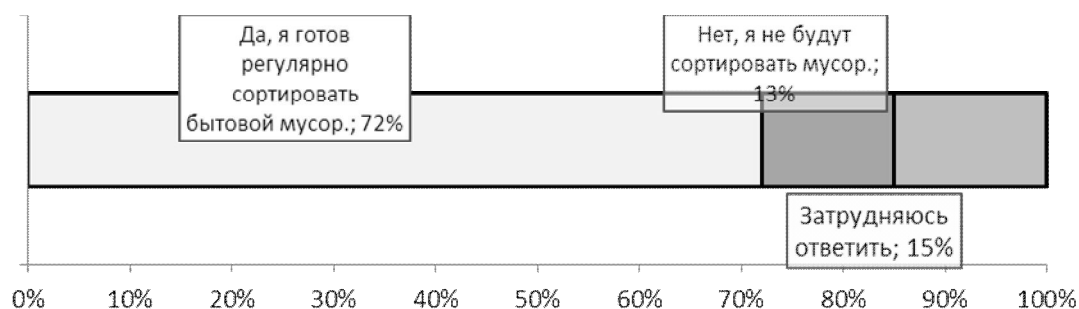

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «Готовы ли Вы отделять от бытовых отходов одноразовые подгузники?», %

Это совпадает с результатами опроса в Нижегородской области, в ходе которого отмечено, что положительной тенденцией следует считать готовность 83% респондентов раздельно утилизировать бытовой

мусор [18]. Но одновременно с этим опрос также фиксирует, что на сегодня только 13% опрошенных сортирует бытовые отходы для раздельного сбора. Ещё 60% респондентов делают это частично. Как по-

казывают результаты опроса, на сегодня 70% опрошенных готовы отделять от бытовых отходов одноразовые подгузники.

Помимо широкой осведомлённости о проблеме бытовых отходов, наличия со-

ответствующей мотивации, нужны экономические стимулы как одни из наиболее эффективных механизмов. Именно это и демонстрируют результаты проведённого исследования (рис. 8).

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос: «Что может, на ваш взгляд, в первую очередь положительно повлиять на решение об отделении от бытовых отходов одноразового подгузника?» (выбрать не более трёх вариантов ответов), %

57% опрошенных указало, что в первую очередь положительно повлиять на решение об отделении от бытовых отходов одноразового подгузника станет возможность получения бонусов при покупке новой партии товара. Часть опрошенных людей (52%) в форме материального стимула рассматривают возможность бесплатного предоставления специализированных средств упаковки использованных подгузников для раздельного сбора. Отметим, что и другие исследования показывают готовность значительной части граждан уже сегодня принимать участие в раздельном сборе ТКО, но «выдвигают встречные запросы на наличие доступной и удобной инфраструктуры, а также информирование в этой сфере» [19].

Опрос показывает, что отрицательно повлиять на решение об отделении от бытовых отходов одноразовых подгузников в первую очередь может отсутствие эко-

номических стимулов (рис. 9). Такого мнения придерживаются 56%. На второй позиции среди факторов, препятствующих организации раздельного сбора и утилизации одноразовых подгузников, находится отсутствие информации о местах сдачи использованных памперсов (53%). Поэтому согласимся с мнением Г. П. Тимофеева и О. Г. Тимофеевой, что «сочетание организации пунктов приёма вторсырья от населения с экспериментальным размещением контейнеров для покомпонентного сбора в некоторых районах смогут постепенно подготовить население к повсеместному внедрению селективного сбора отходов» [20, с. 287].

Кроме того, опрошенное население отталкивает от идеи раздельной утилизации невозможность организации в квартире (доме) места для раздельного хранения мусора. Пока граждане, особенно жители многоквартирных домов, не гото-

вы собирать отходы раздельно, поскольку это требует наличия нескольких му-

сорных вёдер, чего многие из-за небольшой жилплощади могут себе позволить.

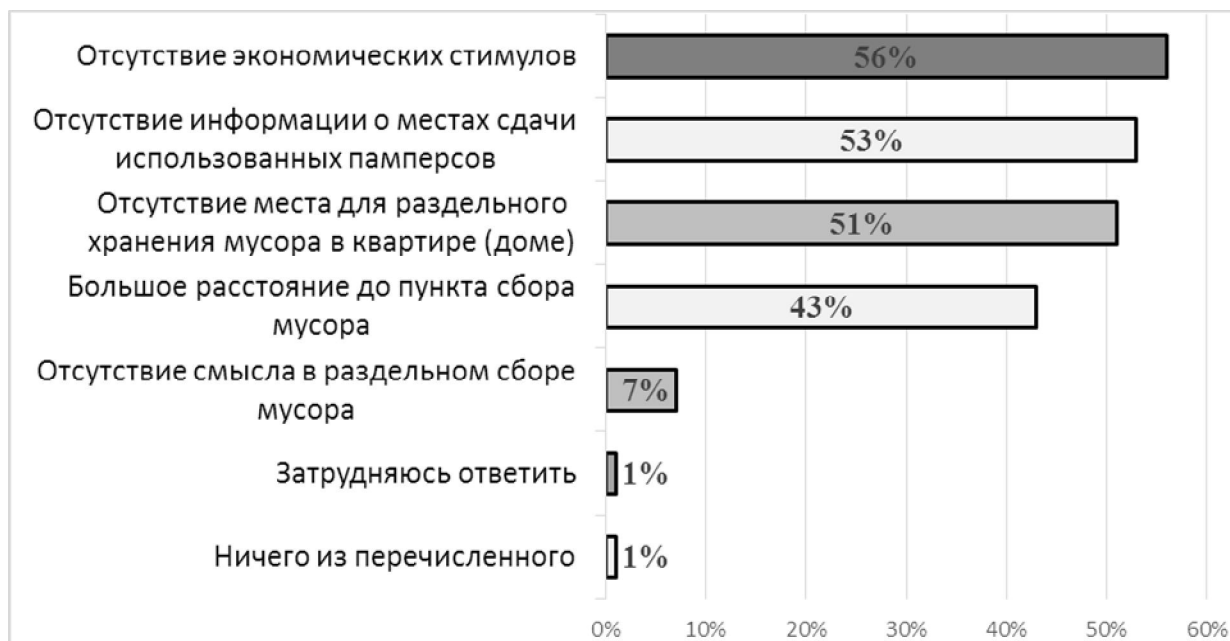

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос: «Что может, на ваш взгляд, в первую очередь отрицательно повлиять на решение об отделении от бытовых отходов одноразовых подгузников?» (выбрать не более трёх вариантов ответов), %

Но в то же время, когда респондентам задавался вопрос о том, что он готов сделать для того, что уменьшить вред от использованных одноразовых подгузников, преобладающим ответом (51%) стал выбор позиции «выделить отдельное место для складирования памперсов в своей квартире/доме» (рис. 10). Более глубокий анализ показывает, что подавляющее большинство – жители частного сектора. Приобрести ароматизированные пакеты для утилизации использованных подгузников готова 1/3 опрошенных. Хотя обозначенное и не решает проблему утилизации, но служит определённым шагом к её решению, поскольку характеризует готовность населения к раздельной сортировке бытовых отходов с выделением в отдельную категорию одноразовых подгузников.

Таким образом, проведённый опрос показывает, что население в своём большинстве (86%) проблему сортировки бытовых отходов считает важной. 70% опрошенных готовы отделять от бытовых отходов одноразовые подгузники, а в случае введения обязательного раздель-

ного сбора бытовых отходов готовность к его сортировке демонстрируют 72% опрошенных. Но при этом надо понимать, что данный показатель завышен ввиду того, что респонденты, ответившие положительно, осознают важность и значимость данного процесса, но только часть из них реально будет участвовать в раздельном сборе. В настоящее время только 13% опрошенных сортирует бытовые отходы для раздельного сбора, 40% делают лишь частично. Это свидетельствует о наличии широкой осведомлённости о проблеме бытовых отходов и сформировавшейся мотивации.

В этих условиях нужны экономические стимулы как одни из наиболее эффективных механизмов реализации проекта по раздельному сбору одноразовых подгузников. По результатам опроса положительно повлиять на решение об отделении от бытовых отходов одноразового подгузника станет возможность получения бонусов при покупке новой партии товара или бесплатное предоставление средств упаковки использованных памперсов.

Рис. 10. Распределение ответов на вопрос: «Что из перечисленного ниже вы готовы сделать для того, что уменьшить вред от использованных одноразовых подгузников?» (выбрать не более трёх вариантов ответов), %

Выводы

В настоящее время одноразовые подгузники, благодаря удобству и лёгкости использования, экономии сил и времени, комфорту для ребёнка, значительно переменили жизнь родителей. И отказ от данного средства гигиены в ближайшей перспективе вряд ли произойдёт, следовательно, актуальность утилизации одноразовых подгузника не будет снижена.

Целевая аудитория одноразовых подгузников представлена преимущественно женщинами в возрасте от 26 до 45 лет, находящимися в зарегистрированном браке. Они живут в нуклеарной семье, состоящей 3-4 чел. Преимущественное место их жительства – либо многоквартирный дом без мусоропровода, либо частный дом. Доход на 1 члена семьи составляет от одного до двух минимальных оплат труда.

В своём большинстве целевая аудитория считает важной проблему сортировки бытовых отходов. Её представители в целом готовы отделять от бытовых отходов одноразовые подгузники, а введение обязательного раздельного сбора бытовых отходов такую готовность может перевести в реальные социальные практики. Но в настоящее время граждане сортируют бытовые отходы для раздельного сбора лишь частично. В этих условиях нужны экономические стимулы для запуска проекта по раздельному сбору одноразовых подгузников. По результатам опроса положительно повлиять на решение об отделении от бытовых отходов одноразового подгузника станет возможность получения бонусов при покупке новой партии товара или бесплатное предоставление средств упаковки использованных памперсов. Органы власти должны учесть результаты проведённого опроса при разработке мер по утилизации одноразовых подгузников.

Список литературы

1. Обоснование выбора оптимального способа обезвреживания твёрдых бытовых отходов жилого фонда в городах России. URL: <http://rpn.gov.ru/node/6481> (дата обращения: 10.09.2021).
2. Лапова Е. В., Нор П. Е. Загрязнение окружающей среды использованными одноразовыми подгузниками и обзор мирового опыта их утилизации // Молодой учёный. 2016. № 27. С. 194–197.

3. Бершадская М. Б. Утилизация одноразовых подгузников. URL: <https://dezh.ru/86-dezinfektsiya-v-lpu/77-utilizatsiya> (дата обращения: 25.09.2021).
4. Мюррей Р. Цель – Zero Waste. М.: Совет Гринпис, 2004. 232 с.
5. Фесенко Р. С. Рециклинг как механизм эколого-экономической сбалансированности регионального развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 5. С. 161–169.
6. Холяк Т. И. Утилизация твердых бытовых отходов в Санкт-Петербурге, Стокгольме, Токио и Хельсинки // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2014. № 19. С. 89–93.
7. Бабанин И. В. Мусорная революция. Как решить проблему бытовых отходов с минимальными затратами. М.: Совет Гринпис, 2018. 22 с.
8. Волков В. Р., Андреева М. М., Глебов А. Н. Отношение населения Республики Татарстан к утилизации ТБО: социальный анализ // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 1. С. 180–186.
9. Гусева А. Ю., Полищук А. А. О готовности жителей Петербурга к раздельному сбору отходов: социально-экологические аспекты утилизации пластика // Ученые записки Российского государственного гидрометеорологического университета. 2017. № 47. С. 205–215.
10. Копытова А. И., Арышева Г. В., Копытова Е. М. Результаты социологического исследования населения г. Томска о сортировке мусора // Энергоресурсоэффективность в интересах устойчивого развития: сборник научных трудов Международной научной конф., Томск, 12–16 ноября 2018 года. Томск: Национальный исследовательский Томский политехнический университет, 2018. С. 303–304.
11. Аладышкина А. С., Лакшина В. В., Леонова Л. А. Исследование готовности жителей Нижнего Новгорода к раздельному сбору твердых коммунальных отходов // Стратегии и инструменты экологически устойчивого развития экономики: сборник трудов XV Международной научно-практической конференции Российского общества экологической экономики. Ставрополь: АГРУС, 2019. С. 178–182.
12. Чарнецкий В. В., Юшина У. В. Методы и средства утилизации одноразовых подгузников // Актуальные проблемы экологии и охраны труда: сборник статей XII Международной научно-практической конференции. Курск, 20 мая 2020 года / Юго-Западный государственный университет. Курск, 2020. С. 149–153.
13. Россияне стали больше заботиться об экологии. URL: <https://romir.ru/studies/rossiyane-stali-bolshe-zabotitsya-ob-ekologii> (дата обращения: 20.09.2021).
14. Раздельный сбор отходов. URL: <https://www.levada.ru/2020/05/13/razdelnyj-sbor-othodov/> (дата обращения: 20.09.2021).
15. Вертегел А. А. Психологические и гигиенические проблемы, связанные с использованием современных средств ухода за ребенком // Клиническая и специальная психология. 2012. № 1. С. 76–83.
16. Кешишян Е. С., Сахарова Е. С., Афанасьева Н. В. Одноразовые подгузники: за и против. Роль медицинской сестры в патронаже младенца // Медицинский совет. 2019. № 11. С. 34–40.
17. Тимофеева О. Г. Определения мотивационного фактора при разработке системы селективного сбора твердых бытовых отходов // Молодой ученый. 2013. № 11 (58). С. 470–472.
18. Табекина О. А., Федотова О. В. Исследование отношения российских потребителей к вопросу утилизации и переработки отходов (на примере г. Нижнего Новгорода) // Дайджест-финансы. 2014. № 2 (230). С. 57–63.
19. Шабанова М. А. Раздельный сбор бытовых отходов как добровольная практика россиян: динамика, факторы, потенциал // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 103–117.
20. Тимофеев Г. П., Тимофеева О. Г. К вопросу разработки системы управления твердыми бытовыми отходами в рамках устойчивого развития региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Техника и технологии. 2012. № 2-3. С. 286–289.

References

1. Obosnovanie vybora optimal'nogo sposoba obezvrezhivaniya tvyordykh bytovykh othodov zhilogo fonda v gorodakh Rossii [Justification of the choice of the optimal method of neutralization of solid house-

hold waste of the housing stock in the cities of Russia]. Available at: <http://rpn.gov.ru/node/6481>. (accessed 10.09.2021)

2. Lapova E. V., Nor P. E. Zagryaznenie okruzhayushchej sredy ispol'zovannymi odnorazovymi podguznikami i obzor mirovogo opyta ih utilizacii [Environmental pollution by used disposable diapers and a review of the world experience in their disposal]. *Molodoj uchenyj = A Young Scientist*, 2016, no. 27, pp. 194–197.

3. Bershadskaya M. B. Utilizaciya odnorazovyh podguznikov [Disposal of disposable diapers]. Available at: <https://dezr.ru/86-dezinfektsiya-v-lpu/77-utilizatsiya>. (accessed 25.09.2021)

4. Myurrej R. Cel' – Zero Waste [Goal-Zero Waste]. Moscow, Greenpeace Council Publ., 2004. 232 p.

5. Fesenko R. S. Recikling kak mekhanizm ekologo-ekonomicheskoy sbalansirovannosti regional'nogo razvitiya [Recycling as a mechanism of ecological and economic balance of regional development]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz = Economical and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2011, no 5, pp. 161–169.

6. Kholyavko T. I. Utilizaciya tverdyh bytovykh othodov v Sankt-Peterburge, Stokgol'me, Tokio i Hel'sinki [Solid waste disposal in St. Petersburg, Stockholm, Tokyo and Helsinki]. *Strategiya ustojchivogo razvitiya regionov Rossii = The Strategy of Sustainable Development of The Regions of Russia*, 2014, no. 19, pp. 89–93.

7. Babanin I. V. Musornaya revolyuciya. Kak reshit' problemu bytovykh othodov s minimal'nymi zatratami [Garbage Revolution. How to solve the problem of household waste with minimal costs]. Moscow, Greenpeace Council Publ., 2018. 22 p.

8. Volkov V. R., Andreeva M. M., Glebov A. N. Otnoshenie naseleniya Respubliki Tatarstan k utilizacii TBO: social'nyj analiz [The attitude of the population of the Republic of Tatarstan to the disposal of solid waste: a social analysis]. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 2015, no. 1, pp. 180–186.

9. Guseva A. Yu., Polishchuk A. A. O gotovnosti zhitelej Peterburga k razdel'nomu sboru othodov: social'no-ekologicheskie aspekty utilizacii plastika [On the readiness of St. Petersburg residents for separate waste collection: socio-ecological aspects of plastic recycling]. *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo gidrometeorologicheskogo universiteta = Scientific Notes of the Russian State Hydrometeorological University*, 2017, no. 47, pp. 205–215.

10. Kopytova A. I. Arysheva G. V., Kopytova E. M. [Results of a sociological study of the population of Tomsk on garbage sorting]. *Energo-resursoeffektivnost' v interesah ustojchivogo razvitiya. Sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Energy Resource Efficiency in the Interests of Sustainable Development. Collection of scientific papers of the International Scientific Conference]*. Tomsk, National Research Tomsk Polytechnic University Publ., 2018, pp. 303–304. (In Russ.)

11. Aladyshkina A. S., Lakshina V. V., Leonova L. A. [A study of the readiness of Nizhny Novgorod residents to separate collection of solid municipal waste]. *Strategii i instrumenty ekologicheskogo ustojchivogo razvitiya ekonomiki. Sbornik trudov KhV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Rossijskogo obshchestva ekologicheskoi ekonomiki [Strategies and tools for environmentally sustainable economic development. Proceedings of the XV International Scientific and Practical Conference of the Russian Society of Ecological Economics]*. Stavropol, Publishing House AGRUS, 2019, pp. 178–182. (In Russ.)

12. Charnetskiy V. V., Yushina U. V. [Methods and means of disposal of disposable diapers]. *Aktual'nye problemy ekologii i ohrany truda. Sbornik statei XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kursk, 20 maya 2020 goda [Actual problems of ecology and labor protection. Collection of articles of the XII International Scientific and Practical Conference]*. Kursk, Southwest State University Publ., 2020, pp. 149–153. (In Russ.)

13. Rossiyanе stali bol'she zabotit'sya ob ekologii [Russians have become more concerned about the environment]. Available at: <https://romir.ru/studies/rossiyane-stali-bolshe-zabotitsya-ob-ekologii>. (accessed 20.09.2021)

14. Razdel'nyj sbor othodov [Separate waste collection]. Available at: <https://www.levada.ru/2020/05/13/razdelnyj-sbor-othodov/>. (accessed 20.09.2021)

15. Vertegel A. A. Psihologicheskie i gigienicheskie problemy, svyazannye s ispol'zovaniem sovremennykh sredstv uhoda za rebenkom [Psychological and hygienic problems associated with the use of modern means of child care]. *Klinicheskaya i special'naya psihologiya = Clinical and Special Psychology*, 2012, no. 1, pp. 76–83.

16. Keshishyan E. S., Sakharova E. S., Afanasyeva N. V. Odnorazovye podguzniki: za i protiv. Rol' medicinskoj sestry v patronazhe mladenca [Disposable diapers: pros and cons. The role of a nurse in the patronage of an infant]. *Medicinskij sovet = Medical Advice*, 2019, no. 11, pp. 34–40.

17. Timofeeva O. G. Opredeleniya motivacionnogo faktora pri razrabotke sistemy selektivnogo sbora tverdyh bytovyh othodov [Determination of the motivational factor in the development of a system of selective collection of solid household waste]. *Molodoj uchenyj. = Young Scientist*, 2013, no. 11 (58), pp. 470–472.

18. Tabekina O. A., Fedotova O. V. Issledovanie otnosheniya rossijskih potrebitelej k voprosu utilizacii i pererabotki othodov (na primere g. Nizhnego Novgoroda) [Research of the attitude of Russian consumers to the issue of waste disposal and recycling (on the example of Nizhny Novgorod)]. *Dajdzhest-finansy = Digest-Finance*, 2014, no. 2 (230), pp. 57–63.

19. Shabanova M. A. Razdel'nyy sbor bytovykh otkhodov kak dobrovol'naya praktika rossiyan: dinamika, faktory, potentsial [Separate waste collection as russians' voluntary practice: the dynamics, factors and potential]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological Research*, 2021, no. 8, pp. 103–117.

20. Timofeev G. G., Timofeeva O. G. K voprosu razrabotki sistemy upravleniya tverdymi bytovymi otkhodami v ramkakh ustoychivogo razvitiya regiona [The question of the development of municipal solid waste management in the sustainable development of the region]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Tekhnika i tekhnologii = Proceedings of the Southwest State University. Series: Engineering and Technologies*, 2012, no. 2-3, pp. 286–289.

Информация об авторах / Information about the Authors

Юшин Василий Валерьевич, кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой охраны труда и окружающей среды, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: otios@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1391-4229

Vasilii V. Yushin, Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Labor Protection and Environment, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: otios@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1391-4229

Зотов Виталий Владимирович, доктор социологических наук, профессор, профессор департамента философии учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук, Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет), Московская область, г. Долгопрудный, Российская Федерация, e-mail: om_zotova@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1083-1097, Researcher ID: E-6506-2014

Vitaly V. Zotov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor at the Department of Philosophy, Educational and Scientific Center for the Humanities and Social Sciences, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), Moscow Region, Dolgoprudny, Russian Federation, e-mail: om_zotova@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1083-1097, Researcher ID: E-6506-2014

Преликова Елена Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры охраны труда и окружающей среды, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: elena_prelikova@bk.ru, ORCID: 0000-0003-1398-4312

Elena A. Prelikova, Candidate of Social Sciences, Associate Professor of the Department of Labor Protection and Environment, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: elena_prelikova@bk.ru, ORCID: 0000-0003-1398-4312

Юшина Ульяна Васильевна, студент, Национальный исследовательский университет «МЭИ», г. Москва, Российская Федерация, e-mail: yushina2000@list.ru

Ulyana V. Yushina, Student, National Research University "MEI", Moscow, Russian Federation, e-mail: yushina2000@list.ru

Теоретические предпосылки возникновения феномена прокрастинации: сущность и классификация

О. А. Ветрова¹ ✉, М. В. Обозная¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: oksana7vet@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Сегодня состояние прокрастинации становится все более распространено и носит аккумулирующий характер, напрямую влияя на успешность деятельности личности, при этом выделяя ее эмоционально-когнитивные характеристики, связанные с мотивационной сферой личности. Несмотря на массовую распространенность и типичность данного феномена при современном общественно-технологическом укладе, отечественная социологическая наука скудна в исследованиях причин возникновения прокрастинации, поскольку является относительно новым явлением в научном осмыслении и требует развернутого анализа.

Цель – определить сущность, особенности и факторы академической прокрастинации и выявить значение мотивации в структуре данных факторов.

Задачи исследования заключаются в анализе зарубежных и отечественных научных исследований для интерпретации феномена прокрастинации в определении основных компонент, влияющих на формирование прокрастинирующего поведения, а также в рассмотрении классификации прокрастинации по различным теоретическим основаниям.

Методология. Написание статьи базировалось на применении традиционных общеметодологических принципах объективности, научного анализа и синтеза литературы по данной проблематике. Применение системного подхода дало возможность рассмотреть прокрастинацию как систему, в которой выделены элементы, внутренние и внешние связи, и выявить функциональное назначение ее элементов.

Результаты. На основании анализа и синтеза научных публикаций по данной проблематике в статье предложена авторская интерпретация феномена прокрастинации, а также обоснована классификация типов прокрастинаторов, которые наиболее целостно отражают тенденцию к промедлению.

Выводы. Анализ научной литературы позволил сформулировать авторскую трактовку феномена прокрастинации, прагматично обосновать классификацию прокрастинации, которая отражает поведенческие тенденции людей, имеющих склонность к промедлению, а также позволяет применить данную типологию прокрастинаторского поведения относительно областей и сфер проявления прокрастинации.

Ключевые слова: прокрастинация; академическая прокрастинация; прокрастинатор; промедление; откладывание; прокрастинирующее поведение; студенческая молодежь.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Ветрова О. А., Обозная М. В. Теоретические предпосылки возникновения феномена прокрастинации: сущность и классификация // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 212–222. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-212-222>.

Поступила в редакцию 09.10.2021

Принята к публикации 07.11.2021

Опубликована 29.12.2021

Theoretical Prerequisites for the Emergence of the Phenomenon of Procrastination: the Essence and Classification

Oksana A. Vetrova¹ ✉, Mariya V. Oboznaya¹

¹ Southwest State University,
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: oksana7vet@yandex.ru

Abstract

Relevance. Today, the state of procrastination is becoming more widespread and has an accumulative character, directly affecting the success of the personality's activity, while highlighting its emotional and cognitive characteristics associated with the motivational sphere of the personality. Despite the mass prevalence and typicality of this phenomenon in the modern socio-technological way, domestic sociological science is scarce in research on the causes of procrastination, since it is a relatively new phenomenon in scientific understanding and requires detailed analysis.

The purpose is to determine the essence, features and factors of academic procrastination and to identify the significance of motivation in the structure of these factors.

The objectives of the study are to analyze foreign and domestic scientific studies for the interpretation of the phenomenon of procrastination, to determine the main components that affect the formation of procrastinating behavior, as well as to consider the classification of procrastination on various theoretical grounds.

Methodology. The writing of the article was based on the application of traditional general methodological principles of objectivity, scientific analysis and synthesis of literature on this issue. The application of a systematic approach made it possible to consider procrastination as a system in which elements, internal and external connections are highlighted, and to identify the functional purpose of its elements.

Results. The analysis of the scientific literature allowed us to formulate the author's interpretation of the phenomenon of procrastination, to pragmatically justify the classification of procrastination, which reflects the behavioral tendencies of people with a tendency to procrastination, and also allows us to apply this typology of procrastinatory behavior regarding the areas and spheres of procrastination.

Conclusions. The analysis of the scientific literature allowed us to formulate the author's interpretation of the phenomenon of procrastination, to pragmatically justify the classification of procrastination, which reflects the behavioral tendencies of people who have a tendency to procrastination, and also allows us to apply this typology of procrastinatory behavior regarding the areas and spheres of procrastination.

Keywords: procrastination; academic procrastination; procrastinator; procrastination; procrastinating behavior; student youth.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Vetrova O. A., Oboznaya M. V. Theoretical Prerequisites for the Emergence of the Phenomenon of Procrastination: the Essence and Classification. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(6): 212–222. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-212-222>.

Received 09.10.2021

Accepted 07.11.2021

Published 29.12.2021

Введение

На каждом этапе личностно-профессионального развития рациональное распределение человеком своего времени позволяет определять планы и сроки их реализации, что связано с выстраиванием временной перспективы. Потеря контроля за временем мешает более глубокому осмыслению задач, их детальности,

лишая возможности посмотреть на проблему с другой точки зрения, вынуждая откладывать намеченные дела на более поздний срок, тем самым загоняя в рамки «отложенной жизни» или феномена прокрастинации.

В настоящее время состояние прокрастинации крайне многомерно, поскольку распространяется практически на все сферы человеческой деятельности, тем самым

препятствуя жить настоящим и извлекая от жизни максимум материально-духовного удовлетворения и пользы, приводит к необратимому чувству утраты ценного времени, упущенным возможностям и перспективам, а также способно вносить ложные приоритеты и маскировать многие психологические проблемы.

В попытке разобраться в сущности прокрастинации прослеживается актуальность данного исследования, заключающаяся в том, что прокрастинация, закрепляясь в сознании человека как социально-психологическая установка, имеет негативные физические (несделанная работа) и психоэмоциональные (возникающее из-за этого чувство вины и стыда) последствия. Подобное поведение подразумевает подмену долгосрочных планов на краткосрочные порывы для бесцельного времяпровождения. Так, несоблюдение установленных сроков, систематический отказ от рационального использования времени приводят к рассогласованию внутренних личностных установок, снижая уровень продуктивности. В целом данное состояние имманентно присуще практически каждому индивиду и до определенного момента считается нормальным, пока прокрастинация не перерастет в повседневное состояние, в котором человек проводит большую часть времени, и не станет насущной проблемой.

Несмотря на массовую распространенность и типичность данного феномена, отечественные прикладные исследования в социологической науке довольно скудны в исследованиях причин возникновения прокрастинации, поскольку данная проблемная область является относительно новой в научной рефлексии, что требует более развернутого и детального анализа.

Актуальность заключается в том, что состояние прокрастинации становится все более распространено и носит аккумулярующий характер, напрямую влияя на успешность деятельности личности и оказывая влияние на личностно-профессиональные достижения, эмоционально-моти-

вационный и поведенческий компонент внутреннего мира человека, выражаясь в переживаниях собственных неудач, непреодолимого чувства неудовлетворенности результатами своей работы.

Материалы и методы

Теоретический базис данной работы составили такие источники, как научная литература, специализированные научно-практические издания и обзоры в периодических журналах. В ходе исследования использовались традиционные общеметодологические принципы объективности, детерминизма, научного анализа и синтеза литературы по данной проблеме, обобщения и научного абстрагирования. Применение структурно-функционального подхода дало возможность рассмотреть прокрастинацию как систему, в которой выделены элементы, внутренние и внешние связи, и выявить функциональное назначение ее элементов.

Результаты и их обсуждение

Изучение феномена прокрастинации началось во второй половине XX в. в США. В 1977 г. американский писатель П. Рингенбах в своей книге «Прокрастинация в жизни человека» вводит в научный оборот само понятие прокрастинации, однако исторический обзор был сделан только в 1992 г. Н. Милграмом в книге «Прокрастинация: болезнь современности».

В своей работе Дж. Феррари, Дж. МакКаун утверждают, что феномен прокрастинации существовал на протяжении всей истории общества, и в технически развитых странах к личности предъявляется большое количество требований, обязательств и сроков, что непременно ведет к промедлению. Но в аграрных обществах подобных явлений не наблюдалось ввиду того, что человечество отличалось алертностью, и для выживания обществу требовалось большие масштабы физических работ: не выполнил работу вовремя — не взойдет урожай или скот погиб. Следовательно, дедлайны и вы-

полнение задач вовремя позволяли обществу выжить. Прокрастинацию можно определить как намеренное затягивание начала или завершения предполагаемого действия [1].

Трактовки феномена прокрастинации с точки зрения социологических наук довольно скудны и в целом обусловлены тем фактом, что большинство зарубежных теоретиков чаще склоняются к общему знаменателю – прокрастинация носит массовый характер, имеет негативные последствия, а именно: нарушение поставленных сроков, общая неудовлетворенность деятельностью и непродуктивность выполняемых действий [2].

Теоретически рациональное и верное представление феномена прокрастинации представляется довольно сложным в формулировке и идентификации. С одной стороны, в континууме находятся прокрастинирующие люди, но они не переживают по этому поводу, так как качественно преуспевают в том, чтобы быть максимально загруженными дедлайнами, любящими сильное повседневно-бытовое давление, не желая при этом что-либо менять. С другой стороны, существуют индивиды, которые легко и спокойно относятся к течению своей жизнедеятельности – для них требуется намного больше времени для выполнения действий, выполняя их не спеша и без давления. Иногда некоторые индивиды рационально предпочитают медлить и продумывают тщательно, прежде чем принимать какие-либо решения, прикрываясь прокрастинацией, с целью сосредоточиться и продумать более продуктивные и лучшие варианты. Однако есть и такие личности, не страдающие от прокрастинации, так как промедляют в тех областях, которые не имеют для них большого значения, при этом ведя себя довольно оптимистично и являясь социально активными оптимистами.

Целесообразным рассмотреть разносторонность понятийного аппарата, который используют различные исследовате-

ли для описания и интерпретации интересующего объекта исследования.

Психологи Дж. Б. Бурка и Л. М. Юэнь, отталкиваясь от консультативной практики со студентами, определяли природу прокрастинации как реакцию на страх неудачи или отказа, уверяя, что сущность промедления кроется во внутренних переживаниях, страхах, комплексах и неуверенности. Также они пришли к однозначному выводу, что сложно выявить истинные причины промедления и почему так сложно приступить к выполнению дел, если человек действительно этого желает, а также что невозможно составить типичный портрет прокрастинатора [3].

П. Стил считает, что прокрастинация – распространенная и пагубная форма нарушения саморегуляции, добровольная задержка намеченного курса действий, несмотря на то, что, промедляя, индивид находится в невыгодном для себя эмоционально-психологическом состоянии. В своих исследованиях он проводит обширный анализ возможных корреляционных взаимосвязей различных индивидуально-психологических факторов с прокрастинацией. Сильными и постоянными предикторами прокрастинации были неприятие задачи, задержка выполнения задачи, самоэффективность и импульсивность, а также добросовестность и ее аспекты самоконтроля, отвлекаемости, организации и мотивации достижения [4].

Н. Шухова называет прокрастинацию другим, схожим термином – промедление, а тех, кто прокрастинирует, – промедлители, и определяет данный феномен как склонность или привычка откладывать задачи, действия до какого-нибудь срока, который не определен, вследствие чего возникает острая нехватка времени [5].

Р. Келси считает, что прокрастинатор – это личность, которая откладывает выполнение задач на завтрашний срок, при этом используя кажущиеся на первый взгляд уважительные причины в ка-

честве отговорки от своего бездействия. Однако данные отговорки являются именно намеренными, рациональными задержками, которые маскируют настоящие причины откладывания дел [6].

Исходя из теоретического анализа была сформулирована авторская трактовка феномена прокрастинации – это склонность личности к иррациональному и добровольному откладыванию запланированных действий или намерений на неопределенный срок, рамки выполнения которых были ранее установлены, и при этом индивид понимает важность поставленных целей и задач, приводящую к серьезным социально-психологическим последствиям. Кроме того, индивид все чаще отвлекается на бытовые мелочи, бессмысленные занятия или развлечения [7].

Опираясь на понятийно-категориальный аппарат данного феномена, целесообразно выделить классификацию:

- откладывание в принятии решений (невротическая, компульсивная);
- откладывание в выполнении заданий (академическая, бытовая) [8].

Данная классификация не является исчерпывающей, и под различными видами прокрастинации подразумеваются типы прокрастинирующих личностей: активный (выстраивание психолого-поведенческой стратегии на осознанном промедлении выполнения поставленных задач, чтобы сфокусироваться на решении более важных и срочных задач) и пассивный прокрастинатор (изначальное рациональное намерение не откладывать выполнение задач на неопределенный срок и неумение быстро реагировать и принимать осознанные решения) [9].

В. В. Барабанщикова и Г. И. Марусанова на основе полученных эмпирических данных в своих исследованиях приводят обширную сравнительную характеристику психологических особенностей активных, пассивных прокрастинаторов и непрокрастинаторов. Определяют характеристику каждого вида прокрастинации, отталкиваясь от того, что при похожих внешне признаках проявления в какой-либо деятельности определенные стратегии в промедлении задач имеют различный внутренний регуляторный механизм [10].

Таблица. Сравнительная характеристика психологических особенностей различных типов прокрастинаторов

Психологические особенности	Активный прокрастинатор	Пассивный прокрастинатор	Непрокрастинатор
Мотивационная сфера	–	Выраженная внешняя мотивация деятельности	Низкий уровень внешней мотивации деятельности
Самозффективность	Высокая оценка уровня собственной эффективности	Невысокая оценка уровня собственной эффективности	Высокая оценка уровня собственной эффективности
Временный контроль	Целенаправленное распоряжение временем; высокий уровень временного контроля; высокая оценка собственного уровня контроля времени; высокий уровень структурирования времени	Малая целенаправленность использования времени; невысокий уровень временного контроля; высокий уровень структурирования времени	Целенаправленное распоряжение временем; высокий уровень временного контроля; низкая оценка уровня собственного контроля над временем; низкий уровень структурирования времени
Индивидуальные характеристики	Высокий уровень удовлетворенностью жизнью; низкий уровень депрессии и стресса	Низкий уровень удовлетворенностью жизнью; выраженное чувство стресса и депрессии	Высокий уровень удовлетворенностью жизнью; низкий уровень депрессии и стресса

Психологические особенности	Активный прокрастинатор	Пассивный прокрастинатор	Непрокрастинатор
Стратегии совладания со стрессом	Малая степень использования стратегии избегания в стрессовых ситуациях	Малая степень использования стратегии совладания со стрессом, ориентированных на достижение цели	Использование продуктивных стратегий совладания со стрессом, ориентированных на достижение цели

Традиционное, закрепившееся в обыденном сознании понимание прокрастинации раскрывает сущность «пассивного» типа промедлителя, кроющееся в изначальном намерении не откладывать выполнение намеченных действий и неспособности своевременно принимать рациональные, взвешенные решения. Понятие «активной» раскрывается через психологическую стратегию осознанности своевременного выполнения поставленных задач с целью достижения более важных и первоочередных задач.

М. Б. Колесниченко и О. Ю. Паршкова верифицировали типологию прокрастинаторов на основе продуктивности выполняемых ими действий, осознанности негативных последствий, и в результате чего была представлена следующая типология:

– абсолютный не прокрастинатор (не нарушает заранее определенные сроки выполнения задач, продуктивно выполняя ряд необходимых действий или принятия решений);

– продуктивный прокрастинатор (также обладает высоким уровнем продуктивности, может отсрочить выполнение действий или принятия решений на небольшой срок, при этом избегая негативных последствий);

– непродуктивный прокрастинатор (отличается непродуктивностью, не придерживается установленных сроков, ввиду чего возникают негативные последствия, предпочитая решать неважные и несрочные дела) [11].

Исследователи рассматривали прокрастинацию с социологической точки зрения, что позволяет значительно рас-

ширить область научной рефлексии природы прокрастинации. По нашему мнению, данная классификация наиболее прагматично отражает поведенческие тенденции людей, имеющих склонность к промедлению, а также позволяет применить данную типологию прокрастинаторского поведения относительно областей и сфер проявления прокрастинации.

Ввиду того что данное явление носит преимущественно индивидуально-личностный характер, выделим следующие признаки, присущие прокрастинирующей личности:

– чувство мнимой безопасности (субъективное ощущение четко неограниченного времени, ложная апперцепция восприятия времени);

– апатичное состояние (чувство «боевой» готовности, смешенное с чувством мнимой безопасности);

– тревожное состояние;

– ложные оправдания (жалость к себе, чересчур занятая личность);

– самообман (неоцененное восприятие ограниченного времени, переоценка собственных возможностей);

– беспорядочная торопливая беготня (суетливые хлопоты, выполнение дел в дедлайне).

Расширение изучения причинно-следственных связей прокрастинации и социально-личностных детерминант следует по пути предположения или подтверждения и уточнения ряда гипотез, что позволяет многим исследователям констатировать сложность, многогранность и перспективность изучения данного феномена с точки зрения социально-психологических наук.

Н. А. Чернышева выделяет ряд актуальных направлений, имеющих весомую значимость как в зарубежных, так российских исследованиях:

- ситуативные причины (исследование совокупности характеристик задач, способствующих прокрастинации);
- индивидуально-личностные особенности прокрастинаторов;
- последствия прокрастинации;
- социально-культурные и демографические различия прокрастинации [12].

И. А. Усатов подразделяет факторы, влияющие на формирование прокрастинации, на внутренние (психологические, индивидуально-личностные) и внешние (ситуативные, т. е. особенности выполняемых задач: степень их сложности, неприязни к данной деятельности, приближающийся крайний срок сдачи и т. д.) [13]. При исследовании характерных особенностей проявления прокрастинации он отмечает, что тревожность как черта личности выступает в качестве детерминирующего фактора прокрастинации, а высокий уровень тревожности может явиться ее последствием, что неизбежно приводит к промедлению [14].

А. В. Пушкина, основываясь на данных прикладного исследования, попыталась установить взаимосвязь показателей перфекционизма (общий уровень, нормальный и патологический перфекционизм) и прокрастинации при помощи корреляционного анализа (коэффициент Спирмена) и ряда психодиагностических методик. Результаты исследования позволили установить зависимость: чем выше уровень прокрастинации, тем выше склонность индивида к различным нарушениям саморегуляции, где прокрастинаторы стремятся соответствовать ожиданиям других людей (0,53), ориентации на самых успешных (0,56) и концентрируются на собственных неудачах (0,52) [15].

Интересным представляется рассмотрение взаимосвязи между прокрастинацией и демографическими характеристиками личностями, такими как возраст, пол или национальность. Результа-

ты исследований в различии уровня промедления и пола будут различаться в зависимости от той культуры, которая их окружает с самого рождения. Так, П. В. Раевский в результатах своей работы описывает неоднозначность выводов о взаимосвязи пола и уровня прокрастинации, где матрица корреляций выявляет значимую взаимосвязь оценок с полом, однако тесты и модели не выявляют значимой зависимости [16].

Н. А. Руднова рассматривала промедление с точки зрения компонентов саморегуляции как важного системообразующего явления, а также ставит вопрос о связи прокрастинации и гендерной принадлежности, применяя корреляционный анализ Пирсона для определения специфики данной взаимосвязи. Однако связи промедления и пола не было обнаружено. Регрессионный иерархический анализ показал наличие значимых связей промедления и компонентов саморегуляции путем последовательного включения пола в качестве независимой переменной. Результаты наглядно демонстрировали, что уровень прокрастинации не зависит от самостоятельности личности, но такие компоненты саморегуляции (моделирование, программирование, планирование, оценка результата и гибкость) являются предикторами [17].

Взаимосвязь прокрастинации и временной перспективой рассматривали с позиции профессионального плато, должностного статуса личности. А. А. Чевре-ниди представила выводы на основании корреляционного анализа связи промедления, временной перспективы и рефлексии у респондентов трех разных групп – студентов, мидл-менеджеров и топ-менеджеров. Корреляция показала сильную положительную связь промедления и гедонистического настоящего в группе студентов, а также отрицательную связь с позитивным прошлым, самоэффективностью и рефлексией. Иными словами, так как респонденты данной группы составляли преимущественно студенты старших курсов и сотрудники с опытом рабо-

ты менее трех лет, то очевидно, что низкий должностной статус и маленький опыт работы являются предикторами формирования прокрастинации ввиду малой доли профессиональной ответственности, низкой социально-психологической зрелости и несформированности отлаженной временной перспективы. Похожие результаты были получены и во второй группе – средних менеджеров, но с ориентацией на негативное прошлое, а в группе топ-менеджеров значимых корреляционных связей не было обнаружено, что, возможно, и послужило продвижению их по карьерной лестнице и успешности [18].

Д. С. Корниенко и Н. А. Руднова ставят вопрос об особенностях личностных факторов, формирующих зависимость от социальных сетей, где прокрастинация и саморегуляция выступают предикторами интенсивности использования социальных сетей. Результаты корреляционного анализа показали умеренную отрицательную связь прокрастинации и саморегуляции ($-0,605$, при $p < 0,05$), что говорит о том, что чем выше уровень саморегуляции, тем ниже уровень промедления. Относительно интенсивности и навязчивости использования социальных сетей во взаимосвязи с прокрастинацией была установлена слабая положительная связь, что говорит о том, что чем выше уровень интенсивности и навязчивости использования социальных сетей, тем выше уровень прокрастинации. Таким образом, полученные взаимосвязи показывают, что активное использование социальных сетей напрямую связано с отсутствием должного уровня саморегуляции и промедлением, и при этом увлеченность социальными сетями в большей степени выражена у женщин [19].

Анализ научной литературы позволил прийти к выводу, что феномен прокрастинации в настоящее время является многогранным понятием, включающим множества аспектов, основанных на социально-психологических [20] и индивидуально-личностных предикаторах, та-

ких как: общий, нормальный и патологический перфекционизм, лень, мотивация достижения успеха или избегания неудач, самооценка, тревожность, эмоциональный интеллект, демографические характеристики личности (возраст, пол, национальность), личностная или осознанная саморегуляция и самоорганизация времени, показатели временной компетентности и временная перспектива, связь с позиции профессиональной и образовательной сферы, невротизм и сниженный уровень контроля над ситуацией.

Выводы

Современные условия развития социума и активные трансформационные процессы предъявляют довольно серьезные требования к самостоятельности и ответственности личности во всех сферах жизнедеятельности. Ввиду этого прокрастинация в большинстве случаев носит деструктивный характер, плавно закрепляющийся как характерная, устойчивая черта личности, которая препятствует эффективному развитию и адаптации человека к новым условиям.

Интерпретация феномена прокрастинации уточняется и обобщается и по сей день, накоплен достаточно большой багаж теоретических знаний, выстраиваются гипотезы относительно анализа структуры прокрастинирующего поведения, особенно актуально рассматривается вопрос о поиске всевозможных взаимосвязей прокрастинации с социальными и личностными особенностями личности, характере этих связей, о причинах прокрастинации.

Основное противоречие состоит в том, что состояние промедления выражается в большинстве случаев через негативные последствия в профессиональной, образовательной, повседневно-бытовой и в других сферах деятельности индивидуума, снижая общий уровень продуктивности, трудоспособности, что проявляется в остром эмоциональном переживании личной неудачи и неудовлетворенности собственной работой, результатами в

профессиональной среде. Помимо этого, корни прокрастинирующего поведения могут быть направлены и в сторону социального взаимодействия индивида с окружающими: сложности общения, нелогичность, неестественность, странные заторможенные реакции, что приводит к снижению качества жизни человека, основанной на его собственной степени удовлетворенности, даже общение со своими родственниками, друзьями, налаживание тесных межличностных контактов, что можно откладывать до бесконечности.

Успешность современного адаптационного процесса личности зависит от целого комплекса индивидуально-личностных ресурсов, которые требуют рационального принятия решений или выпол-

нения конкретных действий. Как правило, откладывание на неопределенный срок важных дел оборачивается для личности негативными последствиями. В связи с этим исследования, посвященные феномену прокрастинации, являются высокоактуальными и социально значимыми.

Наиболее интересным и важным с социологической точки зрения видится вопрос о рассмотрении феномена прокрастинации в связи с мотивационной сферой личности, а также с полом и возрастом и проявлением данного симбиоза в различных областях общественной жизни, а именно в образовательной среде, где прокрастинация выступает в качестве академического промедления у студенческой молодежи.

Список литературы

1. Ferrari J. R. Christmas and procrastination: Explaining lack of diligence at a "real-world" task deadline // *Personality and Individual Differences*. 1993. N 14. P. 25–33.
2. Обозная М. В. Подход к академической прокрастинации с точки зрения социологии // *Гуманитарные проблемы современности. сборник материалов Международной научно-практической конференции и круглого стола*. Курск: Университетская книга, 2019. С. 98–101.
3. Джейн Б. Б., Ленора М. Ю. Прокрастинация. Почему вы прибегаете к ней и что можно сделать с этим уже сегодня. Львов: Старый Лев, 2019. С. 11.
4. Steel P. The nature of procrastination: a meta-analytic and theoretical review of quintessential self-regulatory failure // *Psychological Bulletin*. 2007. N 133(1). P. 65–94.
5. Шухова Н. Организация времени старшеклассника. Спецкурс по психологии. Новосибирск: Научно-учебный центр психологии НГУ, 1996. С. 46.
6. Келси Р. Код уверенности. Почему умные люди бывают не уверены в себе и как это исправить. М.: 5 редакция, 2014. С. 17.
7. Обозная М. В. Феномен прокрастинации или тенденция к «откладыванию на потом» // *Наука молодых – будущее России: сборник научных статей IV Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых: в 8 т.* Курск: Университетская книга, 2019. С. 185–188.
8. Milgram N. A., Batori G., Mowrer D. Correlates of academic procrastination // *Journal of School Psychology*. 1993. Vol. 31, N 4. P. 487–500.
9. Milgram N., Tenne R. Personality correlates of decisional and task avoidant procrastination // *European Journal of Personality*. 2000. N 14. P. 141–156.
10. Барабанщикова В. В., Марусанова Г. И. Перспективы исследования феномена прокрастинации в профессиональной деятельности // *Национальный психологический журнал*. 2015. № 4(20). С. 130–140.
11. Колесниченко М. Б., Паршакова О. Ю. Социологический подход к студенческой прокрастинации // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2018. № 2. С. 17–26.
12. Чернышева Н. А. Прокрастинация: актуальное состояние проблемы и перспективы изучения // *Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Психологические и педагогические науки*. 2016. № 1. С. 17–26.

13. Усатов И. А. Психологические детерминанты прокрастинации: теоретический обзор // Современные научные исследования и разработки. 2017. № 8 (16). С. 818–820.
14. Усатов И. А. Тревожность и перфекционизм как детерминанты прокрастинации личности // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 2. С. 185–191.
15. Раевский П. В. Прокрастинация: теория и эмпирическое исследование на выборке из студентов МИЭФ. URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/153011213> (дата обращения: 25.09.2021).
16. Пушкина А. В. Взаимосвязь показателей перфекционизма и прокрастинации // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 3. С. 71–74.
17. Руднова Н. А. Характеристики саморегуляции деятельности как факторы прокрастинации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 4 (36). С. 550–561.
18. Чевренди А. А. Взаимосвязь временной перспективы и прокрастинации у сотрудников разного должностного статуса: дис. ... канд. психол. наук. М., 2019. 196 с.
19. Корниенко Д. С., Руднова Н. А. Особенности использования социальных сетей в связи с прокрастинацией и саморегуляцией // Психологические исследования. 2018. № 59 (11). С. 9–13.
20. Обозная М. В. Влияние прокрастинации на социально-психологическое здоровье личности // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы V Международной научно-практической интернет-конференции: в 2 ч. Вологда: ФГБУН ВолНИЦ РАН, 2020. Ч. 1. С. 226–229.

References

1. Ferrari J. R. Christmas and procrastination: Explaining lack of diligence at a "real-world" task deadline. *Personality and Individual Differences*, 1993, no. 14, pp. 25–33.
2. Oboznaya M. V. [Approach to academic procrastination from the point of view of sociology]. *Gumanitarny'e problemy' sovremennosti. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii i kruglogo stola 55-letiyu obrazovaniya kafedry' filosofii i sociologii posvyashhaetsya* [Humanitarian problems of our time. The collection of Materials of the International scientific and Practical Conference and the round table is dedicated]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2019, pp. 98–101. (In Russ.)
3. Dzhejn B. B., Lenora M. Yu. Prokrastinaciya. Pochemu vy` pribegaete k nej i chto mozjno sdelat' s e`tim uzhe segodnya [Procrastination. Why do you resort to it and what can be done about it today]. Lviv, StaryyLev Publ., 2019, p. 11.
4. Steel P. The nature of procrastination: a meta-analytic and theoretical review of quintessential self-regulatory failure. *Psychological Bulletin*, 2007, no. 133(1), pp. 65–94.
5. Shuxova N. Organizaciya vremeni starsheklassnika. Speczkurs po psixologii [Organization of high school student's time. A special course in psychology]. Novosibirsk, Scientific and Educational Center of Psychology of NSU Publ., 1996, p. 46.
6. Kelsi R. Kod uverenosti. Pochemu umny'e lyudi by` vayut ne uvereny` v sebe i kak e`to ispravit' [The confidence code. Why smart people are not confident in themselves and how to fix it]. Moscow, 5 redakciya Publ., 2014, p. 17.
7. Oboznaya M. V. [The phenomenon of procrastination or the tendency to "postpone for later"]. *Nauka molody`x – budushhee Rossii. Sbornik nauchny`x statej 4-jIV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii perspektivny`x razrabotok molody`x ucheny`x* [Science of the Young – the Future of Russia, a Collection of Scientific Articles of the 4th International Scientific Conference of Promising Developments of Young Scientists]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2019, pp. 185–188. (In Russ.)
8. Milgram N. A., Batori G., Mowrer D. Correlates of academic procrastination. *Journal of School Psychology*, 1993, vol. 31, no. 4, pp. 487–500.
9. Milgram N., Tenne R. Personality correlates of decisional and task avoidant procrastination. *European Journal of Personality*, 2000, no. 14, pp. 141–156.
10. Barabanshnikova V. V., Marusanova G. I. Perspektivy` issledovaniya fenomena prokrastinacii v professional'noj deyatel'nosti [Prospects for the study of the phenomenon of procrastination in professional activity]. *Nacional'nyj psixologicheskij zhurnal = National Psychological Journal*, 2015, no. 4(20), pp. 130–140.

11. Kolesnichenko M. B., Parshakova O. Yu. Sociologicheskij podxod k studencheskoj prokrastinacii [A sociological approach to student procrastination]. *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Social'no-e'konomicheskie nauki = Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Socio-Economic Sciences*, 2018, no. 2, pp. 17-26.
12. Cherny'sheva N. A. Prokrastinaciya: aktual'noe sostoyanie problemy i perspektivy izucheniya [Procrastination: the current state of the problem and prospects for studying]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Psixologicheskie i pedagogicheskie nauki = Bulletin of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Psychological and Pedagogical Sciences*, 2016, no. 1, pp. 17-26.
13. Usatov I. A. Psixologicheskie determinanty prokrastinacii: teoreticheskij obzor [Psychological determinants of procrastination: a theoretical review] *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i razrabotki = Modern Scientific Research and Development*, 2017, no. 8 (16), pp. 818-820.
14. Usatov I. A. Trevozhnost i perfekcionizm kak determinanty prokrastinacii lichnosti [Anxiety and perfectionism as determinants of personal procrastination]. *Ustojchivoe razvitie nauki i obrazovaniya = Sustainable Development of Science and Education*, 2019, no. 2, pp. 185-191.
15. Raevskij P. V. Prokrastinaciya: teoriya i empiricheskoe issledovanie na vyborke iz studentov MIEF [Procrastination: theory and empirical research on a sample of ICEF students]. Available at: <https://www.hse.ru/edu/vkr/153011213>. (accessed 25.09.2021)
16. Pushkina A. V. Vzaimosvyaz pokazatelej perfekcionizma i prokrastinacii [The relationship of indicators of perfectionism and procrastination]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Bryansk State University*, 2015, no. 3, pp. 71-74.
17. Rudnova N. A. Xarakteristiki samoregulyacii deyatel'nosti kak faktory prokrastinacii [Characteristics of self-regulation of activity as factors of procrastination]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psixologiya. Sociologiya = Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 2018, no. 4 (36), pp. 550-561.
18. Chevrenidi A. A. Vzaimosvyaz vremennoj perspektivy i prokrastinacii u sotrudnikov raznogo dolzhnostnogo statusa. Diss. kand. psihol. nauk [The relationship of time perspective and procrastination in employees of different official status. Cand. psychol. sci. diss.]. Moscow, 2019. 196 p.
19. Kornienko D. S., Rudnova N. A. Osobennosti ispol'zovaniya social'nyx setej v svyazi s prokrastinaciej i samoregulyaciej [Features of the use of social networks in connection with procrastination and self-regulation]. *Psixologicheskie issledovaniya = Psychological Research*, 2018, no. 59 (11), pp. 9-13.
20. Oboznaya M. V. [The influence of procrastination on the socio-psychological health of the individual]. Global'nye vyzovy i regional'noe razvitie v zerkale sociologicheskix izmerenij. Materialy V mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy internet-konferencii [Global 'nye calls' and regional'noe razvitie v zerkale sociologicheskix izmerenij. Materials of the V International Scientific and Practical Internet Conference]. Vologda, FSBI VolSC RAS Publ., 2020, pt. 1, pp. 226-229. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Ветрова Оксана Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: oksana7vet@yandex.ru

Oksana A. Vetrova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: oksana7vet@yandex.ru

Обозная Мария Владимировна, аспирант кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: manayoboz@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-1122-0397

Mariya V. Oboznaya, Post-Graduate Student of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: manayoboz@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-1122-0397

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-223-232>

Контуры цифровой реальности: теоретико-методологические аспекты

О. А. Гримов¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: grimoleg@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Цифровая реальность и цифровые технологии становятся всё более заметной частью общественной жизни, порождая новые типы социальности, формы социальных практик и взаимодействий. Именно цифровизация становится сейчас главным направлением технологического развития и поэтому является объектом исследовательской рефлексии. Однако, несмотря на значительный интерес самых многочисленных научных дисциплин к проблеме цифровизации и цифровых технологий, до сих пор сам «цифровой» концепт остаётся крайне размытым, отсутствуют чёткие теоретические и методологические очертания цифровой реальности как объекта исследования, не разработан в полной мере соответствующий категориальный аппарат. На восполнение данных пробелов направлена настоящая статья.

Целью статьи является исследование наиболее важных теоретико-методологических контуров цифровой реальности как концепта социогуманитарной науки.

Задачи: рассмотрение концептуальных рамок проблематизации цифрового дискурса, проявляющихся в разнообразных программных текстах, описывающих опыт пользовательской, экспертной и иной рефлексии; анализ потенциальных институциональных трансформаций, вызванных цифровизацией; выявление форм субъектности, порождаемых цифровыми технологиями; оценка общего потенциала цифровой социологии и «цифровых» методов социологического исследования.

Методология. В статье используются общенаучные методы (индуктивный и дедуктивный метод, анализ, синтез, идеализация).

Результаты. Рассмотрены основные теоретико-методологические контуры исследования цифровой реальности, которые могут служить отправкой точкой дальнейшей разработки цифровой проблематики в социогуманитарной мысли как в теоретическом, так и в прикладном аспекте.

Выводы. Изучение цифровой реальности напрямую определяется оценкой порождаемых ею форм субъектности, анализом возможных перспектив и рисков цифровизации, а также рассмотрением наиболее широких контекстов проблематизации цифрового дискурса. Развитие цифровой социологии как отдельной социологической отрасли пока не имеет под собой достаточных оснований, в то время как приобретают всё большее значение основанные на цифровых технологиях социологические методы.

Ключевые слова: цифровая реальность; цифровые технологии; дискурс; цифровая социология; актор.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Финансирование: Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ, проект № 19-18-00504.

Для цитирования: Гримов О. А. Контуры цифровой реальности: теоретико-методологические аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 223–232. <https://doi.org/10.21896/2223-1552-2021-11-6-223-232>.

Поступила в редакцию 05.10.2021

Принята к публикации 02.11.2021

Опубликована 29.12.2021

© Гримов О. А., 2021

Contours of Digital Reality: Theoretical and Methodological Aspects

Oleg A. Grimov¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: grimoleg@yandex.ru

Abstract

Relevance. Digital reality and digital technologies are becoming a more significant part of social life, bringing to life new types of sociability, forms of social practices and interactions. It is digitalization that is becoming now the main vector of technological development and thus becoming an object of research reflection.

However, despite significant interest of numerous scientific disciplines to the problem of digitalization and digital technologies, still the “digital” concept stays utterly vague, there is no clear theoretical and methodological outline of digital reality as an object of research, the categorical framework has not been developed yet. This article is aimed to close these gaps.

The purpose of this article is to study the most important theoretical and methodological outlines of digital reality as a concept of socio-humanistic studies.

Objectives: studying the conceptual framework of digital discourse problematization that appears in various program texts which describe the experience of users’, experts’ and other types of reflection; analyzing potential institutional transformations caused by digitalization: exposing forms of subjectivity created by digital technologies; evaluating the general potential of digital sociology and “digital” methods of sociological research.

Methodology. In the article general scientific methods are used (induction, deduction, analyses, synthesis, idealization).

Results. The basic theoretical and methodological outlines of digital reality research have been studied, which can become a starting point of further development of digital problematic in socio-humanistic studies in theoretical as well as in practical aspect.

Conclusions. Studying digital reality is directly determined by evaluating forms of subjectivity brought by it, by analyzing possible perspectives and risks of digitalization, as well as by studying the broadest contexts of digital discourse problematization. The development of digital sociology as a separate sociological branch does not have significant basis, while sociological methods based on digital technologies are becoming more important.

Keywords: digital reality; digital technologies; discourse; digital sociology; actor.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Funding: The article was prepared with the support of the RGNF grant, project No. 19-18-00504.

For citation: Grimov O. A. Contours of Digital Reality: Theoretical and Methodological Aspects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(6): 223–232. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-223-232>.

Received 05.10.2021

Accepted 02.11.2021

Published 29.12.2021

Введение

Современная цифровая реальность является объектом исследования множества научных дисциплин. В то же время анализ этой реальности основывается также на повседневном опыте, характеризующемся режимом пользовательских практик. Однако разнообразие исследовательских подходов, открытость дисциплинарных границ всё чаще приводят к размыванию изучаемого объекта и кон-

струированию множества цифровых реальностей, осуществляющихся в перформативном режиме. Возникает парадоксальная ситуация: цифровые технологии всё активнее входят в нашу жизнь, но понятия цифровой реальности и цифровых технологий становятся всё менее ясными, конкретными и, напротив, часто становятся объектом обыденного или конспирологического дискурса, уже имея мало общего со своим первоначальным значе-

нием. Именно непрояснённая сама́я «цифровая» концепта, отсутствие чётких теоретических и методологических очертаний цифровой реальности, размытость категориального аппарата – все это объясняет актуальность предпринятого в статье исследования, которое направлено на проработку основных теоретико-методологических аспектов цифровой проблематики, а также определение релевантности и перспективности цифровых методов в социологии и «цифровой социологии» как попытки концептуализации цифрового дискурса в социологии.

Материалы и методы

Методологической основой статьи являются современные социальные теории, отражающие социально-конструкционистский подход к развитию технологий (акторно-сетевая теория, теория социального конструирования технологий), ряд общенаучных методов и подходов (индуктивный и дедуктивный метод, анализ, синтез, идеализация, системный подход).

Результаты и их обсуждение

Одним из направлений теоретической рефлексии цифровой реальности и цифровых технологий [1; 2; 3; 4; 5], в частности, является анализ последствий их развития. Прогностические практики, описывающие грядущее (пост)цифровое общество, достигающее крайней точки развития благодаря размыванию подлинно человеческой субъектности и вытеснению её цифровой, роботизированной («машинной») субъектностью, весьма характерны для художественного, научного, философского и публицистического дискурса, хотя границы между данными дискурсами следует признать условными. Характерными жанрами являются разнообразные утопии и антиутопии – в зависимости от технооптимизма или технопессимизма автора. Особой разновидностью следует признать манифесты – программные тексты, содержащие описание (почти всегда – оптимистичное) контуров

грядущего общества, популяризацию идей технологического развития. Объектами манифестаций, имевших различную темпоральную протяжённость и ориентацию, становились: этика криптоанархистов, суверенитет киберпространства, общие параметры ускорения технологических, социальных и политических трансформаций, новые конфигурации субъектности и т. д. [6]. Однако подобные программные тексты, как правило, становятся со временем лишь одним из элементов гетерогенной темпоральности общего технологического дискурса. В итоге все темпоральные модусы (прошлое – настоящее – будущее) в своих различных конфигурациях могут являться для таких манифестов значимыми коррелятами. Именно возможность взглянуть на программный текст по прошествии времени позволяет значимо ощутить, с одной стороны, его предсказательную силу (если заявленные в нём прогнозы сбылись), с другой – увидеть наиболее устойчивые в прошлом технологические мифологемы, которые часто кажутся нелепыми, наивными и попадают в итоге в копилку прогностических недоразумений или входят в перечень теоретически вероятных, но очень немногих достижений. Такая судьба, например, постигла многочисленные предсказания о космической экспансии человечества, межзвёздных перелётах уже к началу XXI в., о развитии технологий телепортации и иные несбывшиеся проекты, мечта о которых стала как технологически максимально несвоевременной (как в приведённых примерах), так и максимально нецелесообразной (как представления Т. Ф. Андерсона о широком распространении дирижаблей к концу второго тысячелетия [7, с. 9]). В каждом из случаев прогноз не выдерживает проверку практикой: он оказывается или слишком «быстрым», оптимистичным, или, напротив, слишком запаздывает относительно темпов технологического развития и потому стремительно устаревает

уже через незначительное время. Так, по мысли К. Ратти и М. Клодела: «сценарии будущего быстро становятся палеобудущим – древними представлениями о вариантах будущего, которые никогда не воплотятся в жизнь» [7, с. 10].

Важным аспектом анализа программных текстов цифровой технологии и общей прогностики на эту тему является рефлексия социально-экономических последствий широкого внедрения цифровых технологий. Одним из следствий пролиферации цифрового дискурса становится формирование особых конспирологических нарративов – дискурсивных ниш, в которых локализуются наиболее существенные страхи, связанные с цифровизацией, – те артефакты массового сознания, которые не сопрягаются с повседневным опытом напрямую, но имманентно сопровождают всевозможные социальные практики (например, потребительские) и выходят за рамки подлинно научного знания. Поиск главных бенефициаров развёрнутой цифровизации, разъяснение их интересов и связанные с этим мрачные прогнозы будущего составляют важную часть современной массовой культуры относительно цифрового дискурса. Вместе с тем даже часто будучи абсолютно абсурдными по своему содержанию подобные конспирологические мифологемы являются важной частью общего социально-культурного ландшафта, определяющего пределы акцепции технологий и инструментальные образцы связанных с ними практик. Примером подобного рода мифов следует признать конспирологические рассуждения об умышленном вреде 5G-технологий, насильном чипировании населения и т. д. Как показывает И. Яблоков, несмотря на общемировые и цивилизационные страхи, конспирология может иметь национальный оттенок и колорит, особенно в отношении политических мифов [8]. В целом распространение конспирологического дискурса созвучно тезису о «конце истории» [9], согласно ко-

торому проект либеральной демократии воплотил в себе идеальную и завершённую политическую конструкцию. В итоге реакцией на данный тезис является синтез ностальгии по проектам будущего (в том числе смелым и радикальным), утраченным вместе с «концом истории», и утопическому мышлению в целом. В то же время общественное восприятие будущего в значительной мере инспирируется алармистскими воззрениями, описывающими разнообразные катастрофы: с данными настроениями и связано широкое распространение конспирологических мифов, выступающих для подобного алармизма значимой питательной средой.

Одновременно радужными и тревожными (в зависимости от спектра экономико-политических взглядов и общей веры в технологический прогресс) оказываются образы будущих социально-экономических трансформаций, следующих за глобальной цифровизацией. Одной из главных мифологем в этом поле является представление о замене человека машиной (роботом, искусственным интеллектом) и связанные с этим оценки. В. Вахштайн рассуждает на эту тему: «... в науке эта идея закрепились совсем недавно благодаря исследованиям Всемирного экономического форума и Маккинзи. ВЭФ пять лет назад сообщил, что до 2020 года новые технологии позволят сократить около семи миллионов рабочих мест. Маккинзи за три года до этого обещал еще более внушительные сдвиги: от 110 до 140 миллионов сокращений. И главный удар придется якобы именно на «средний сегмент»: работу сохранят только самые высокооплачиваемые и самые низкооплачиваемые сотрудники. Первые – потому что алгоритм пока не может их заменить, вторые – потому что это экономически невыгодно» [10]. Однако, как отмечает Вахштайн, в реальности всё происходит совсем наоборот. Рутинный, стандартизированный интеллектуальный труд вполне может быть заменён нейросетью, а более сложный – уже

едва ли. Так, может быть заменён труд переводчика или интервьюера, а работа социолога-аналитика или редактора пока не может быть выполнена искусственным интеллектом лучше, чем человеком. Вытеснение наименее квалифицированного труда новыми автоматизированными технологиями Вахштайн сравнивает с офшоризацией, которая служит способом повышения экономической эффективности, а также открывает широкие просторы для новых правовых прецедентов в области труда. Вспомним расширительную трактовку понятия «офшор» социологом Дж. Урри, который в определённой мере развивает идею гетеротопии Фуко и фактически определяет офшор как пространство «не-здесь», на которое не распространяется порядок и закон (экономический, политический, социальный) субъекта-резидента [11]. Распространение подобной офшорной логики на делегирование человеческих функций искусственному интеллекту позволяет обнаружить значительный онтологический суверенитет последнего, потенции которого в социальном и правовом поле с очевидностью требуют новых оптик анализа, которые только начинают вырабатываться.

Не менее важным в этой связи является рассмотрение институциональных трансформаций, связанных с внедрением цифровых технологий. Действительно ли благодаря им возникают новые практики, новые институты, новые ценности? В вышеупомянутой работе В. Вахштайн указывает: «Самые прорывные, революционные, как принято сейчас говорить “дизруптивные”, технические инновации возвращают к жизни самые консервативные, архаичные и, казалось бы, бесповоротно похороненные практики и институты. Соцсети должны были сделать мир прозрачнее, а людей — более «осведомлёнными». Вместо этого они вернули к жизни племенные ритуалы коллективного негодования, побивания камнями, травли и наветов. Искусственный интеллект воплотил в себе вековую мечту о

расколдовывании, демистификации мира. Но лишь для того, чтобы тут же возникла новая религия — датаизм — и новая церковь искусственного интеллекта (созданная инженером Энтони Левандовски). Прогресс технологий — далеко не всегда социальный прогресс» [10]. Таким образом, современные технологии могут не только создавать новые смыслы, но и воспроизводить, казалось бы, давно неактуальные. Именно таким образом транслируется столь распространённый сюжет о возвращении к тоталитаризму и обществу контроля, но уже в новом цифровом облики. Сакрализация и фетишизация современных технологий, проявляющаяся в числе прочего в некритичном восприятии и анализе рисков технологизации, коммерческом культе модных гаджетов, отражает реставрацию архаичных форм массового сознания и ставит под сомнение общий прогрессистский дискурс цифровизации.

Отдельного рассмотрения достойна тема формирующихся в цифровой среде форм субъектности. Значительным методологическим потенциалом в этом вопросе обладает акторно-сетевая теория [12; 13], постулирующая субъектность и онтологический суверенитет любых человеческих и не-человеческих акторов, признавая последними даже крайне маргинальные для классического социологического дискурса объекты (включая животных, технологии, предметы, идеи и т. д.). Каждый из них является актором в составе сложной, онтологически полимодальной сети, которая также может выступать важным средством и условием развития знания [14]. Таким образом, вопросы о возможности наделения техники самостоятельной субъектностью в современной социогуманитарной мысли решаются вполне однозначно. Более того, активно ведётся поиск методологических инструментов, оптик анализа и языка описания конкретных конфигураций субъектности в новых цифровых реалиях. Значительные трансформации субъектно-

сти очевидны уже при переходе от информационно-технологической парадигмы WEB 2.0 к WEB 3.0, формирующей новые практики экспертной, коллективной деятельности. Внедрение технологий «Интернета вещей» (условного WEB 4.0) приводит к сети распределённой технической субъектности, приводящей к появлению новых видов акторов, которые представляют собой сложные гетерогенные системы. В. И. Игнатьев называет их техносубъектами: «...техносубъекты ведут себя подобно актёрам, поскольку не только учатся исполнять социальные роли, предписанные им алгоритмами, но и сами создают систему интеракций, конструируя систему социальных взаимодействий, становясь новым видом агента социальных отношений... Его наиболее сложная и разветвленная форма представлена технологической системой “Интернета вещей”» [15, с. 3150]. Важно, что новые акторы, таким образом, не просто сводятся к выполнению той или иной функции, а становятся важными творцами социального, определяя формат социальных отношений и взаимодействий. Примером подобных техносубъектов В. И. Игнатьевым называются: «роботы, алгоритмы работы с большими данными, программы машинного обучения, агенты искусственного интеллекта, создаваемые на основе генетического программирования, “Интернет вещей”, промышленный Интернет, устройства мобильных коммуникаций со встроенным искусственным интеллектом» [15, с. 3150]. В итоге разнородными взаимодействующими между собой человеческими и нечеловеческими (в т. ч. гибридными, например, киборгами [16]) актёрами формируются новые виды социальности; социальное становится симметрично технологическому по своей организации. На основе этого высказывается гипотеза о структурном подобии социальной и технологической стратификаций [15, с. 3153]. Принципиальным оказывается тот факт, что гетерогенной оказывается не только сеть взаи-

модействий, но и система темпоральных режимов участвующих акторов. А. Евангели отмечает: «Не существует общего знаменателя и общей почвы для разных акторов, непрерывно взаимодействующих друг с другом в темпорально неоднородной цифровой среде, кроме самой этой среды. В этом взаимодействии они постепенно переопределяют её, обеспечивая становление новых конвенций, протоколов, алгоритмов и обновляя технологии» [17, с. 19].

Важной концептуальной рамкой социогуманитарного анализа цифровой реальности и цифровых технологий являются отраслевые социологические дисциплины. Ключевой из них является социология техники. Однако всё чаще как некий ответ на расширяющуюся эмпирическую реальность цифрового опыта в общесоциологическом дискурсе звучит утверждение о формировании новой дисциплины – цифровой социологии. Но насколько целесообразно и оправданно, методологически корректно выделение данной дисциплины? Решение данного вопроса может послужить отправной точкой дальнейшего поиска наиболее релевантных теоретико-методологических ориентиров исследования новейших технологий, характеризующих дискурс цифровизации, выработки адекватных измерительных инструментов эмпирического характера. Однако насколько уместна онтологизация «цифрового» объекта исследования в контексте новой дисциплины?

Ряд современных исследователей утверждают самостоятельность цифровой социологии как социологической дисциплины. Так, Л. Ю. Шураева пишет: «Цифровая социология является междисциплинарным направлением, опирающимся на историю изучения Интернета, информации и коммуникации, теорию медиаисследований и культурных исследований, социологию науки и технологии, мониторинговые исследования и компьютерную науку. Цифровая социология основывается на изучении новых

медиакоммуникаций и форм коммуникации социальных сетей и сообществ, социальных институтов и индивидов» [18, с. 174]. Таким образом, цифровая социология в данном примере в качестве своего предмета исследования имеет цифровые артефакты, а методологически определяется синтезом уже сформировавшихся социологических направлений. Также цифровая социология может быть представлена и сферой практических исследований: «...в свою очередь, цифровая социология является и практикой, которая отражает основные проблемы социологии, позволяя одновременно исследовать и экспериментировать с новыми методами» [18, с. 174].

Практическая ориентированность цифровой социологии и рассмотрение её как важного элемента эмпирической науки – все это обладает несомненной значимостью. В условиях стремительной гибридизации онлайн и офлайн-сред, стирания между ними границ формируется единое пространство цифрового (социального, культурного, экзистенциального) опыта современного индивида. В контексте новых форматов социологических данных, порождаемых цифровизацией, перспективным становится изучение так называемых цифровых следов, т. е. фиксируемых активностей пользователя. Вследствие этого особую значимость могут приобретать «нереактивные методы» исследования [19], технологии анализа больших данных, разработка которых (технологий) становится одним из магистральных направлений современной социальной науки, важной для изучения цифровой реальности как таковой.

Такое прикладное понимание цифровой социологии является весьма плодотворным. Однако релевантность самого термина «цифровая социология» (или «дигитальная социология») может также определяться и новизной самого объекта исследования, и исходных принципов его изучения. Так, В. Вахштайн пишет: «Мне словосочетание “дигитальная социоло-

гия” кажется неудачным. Отчасти из-за самой его конструкции. ... видно, что, если “цифровой мир”, “технологические инновации”, “искусственный интеллект” для нас являются объектами исследований, то речь не идет ни о какой “дигитальной социологии”. Речь идет о старой доброй “социологии техники”. ... Дигитальная социология появится в тот момент, когда сама идея “цифрового” будет противопоставлена идее “социального”, более того, “социальное” будет объяснено через “цифровое»» [10]. Мы полагаем данный подход более корректным. Именно акцент на новой объяснительной модели, переписывании самой социологической аксиоматики может стать основанием для провозглашения цифровой или дигитальной социологии новой самостоятельной отраслью социологического знания. Социальное же может быть объяснено через цифровое, по нашему мнению, в случае становления подлинно новых, цифровых институтов, которые вытеснят прежние социальные. Пока этого не происходит и «цифра» лишь дополняет устоявшиеся социальные практики, институты и отношения, развивает для них соответствующую сетевую инфраструктуру, но не заменяет их. Поэтому, как мы полагаем, цифровая социология на данном этапе технологического развития может рассматриваться скорее в аспекте новых эмпирических методик сбора и анализа социологической информации (рассмотренных выше), но не формирования новой социологической отрасли. Некоторые исследователи также фиксируют потенциал социологии в связке с новыми «цифровыми» методами. Так, Л. А. Василенко пишет: «Big Data и парсинг данных (метод автоматического сбора баз данных из социальных сетей) значительно расширяют эмпирическое поле исследователя, обеспечивают наибольшую полноту комплексных анализируемых данных в цифровом виде (государственной и корпоративной статистики, документов, обращений граждан к орга-

нам власти и ответы на них, дискуссии в социальных сетях и т. п.), предназначенных для применения компьютерных алгоритмов, прогнозирования, моделирования. Широкое применение датчиков в технологиях «Интернета вещей» в перспективе расширят эмпирическое поле практически до размеров генеральных совокупностей. Алгоритмы искусственного интеллекта, построенные на методах выявления закономерностей, уже сегодня позволяют исследователю извлечь принципиально новое знание» [20, с. 3090]. Полагаем, что именно грамотное и своевременное освоение социологией новейших цифровых методов может способствовать на перспективу революционным сдвигам в эмпирических исследованиях. Статус же «цифровой социологии» как отраслевой дисциплины будет оставаться спорным.

Выводы

Подводя итоги статьи, можно сделать ряд выводов. Сам концепт цифровой реальности по-прежнему остаётся размытым по содержанию, что сказывается на опыте теоретических и эмпирических исследо-

ваний цифровизации. Важными теоретико-методологическими контурами изучаемого объекта являются:

- концептуальные рамки проблематизации цифрового дискурса, проявляющиеся в программных текстах, описывающих опыт пользовательской, экспертной и иной рефлексии;
- оценка потенциальных институциональных трансформаций, вызванных цифровизацией;
- анализ форм и категорий субъектности, порождаемых цифровыми технологиями;
- общий статус и потенциал цифровой социологии и «цифровых» методов эмпирического исследования в социологии.

Таким образом, нами представлены наиболее общие теоретические очертания концепта цифровой реальности и методологические подходы к её исследованию. Результаты проведённого в статье анализа не исчерпывают всей полноты и сложности изучаемого объекта и могут служить отправкой точкой дальнейшей разработки цифровой проблематики в социогуманитарной мысли как в теоретическом, так и в прикладном аспекте.

Список литературы

1. Kamensky E. Digital technologies in the Russians' everyday life: analysis based on the opinion surveys // *Economic Annals-XXI*. 2020. N 186 (11-12). P. 134-142.
2. Aseeva I., Budanov V. Digitalization: potential risks for civil society // *Economic Annals-XXI*. 2020. N 186 (11-12). P. 36-47.
3. Mayakova A., Grimov O. Digital reality: temporal aspects of discursive representation, social construction, predictive experience // *Proceedings of the 36th International business information management association (IBIMA)*: 4-5 November 2020. Granada, Spain, 2020. P. 3793-3797.
4. Социотехнический ландшафт цифровой реальности: этико-аксиологические регулятивы, адаптационные механизмы, социотехнические модели управления процессами цифровизации: монография / В. И. Аршинов, М. В. Артеменко, И. А. Асеева, В. Г. Буданов, О. А. Гримов, Е. Г. Каменский, Н. А. Корневский, Т. Н. Конаныхина, А. В. Маякова, С. Н. Родионова, В. В. Чеклецов; отв. ред. В. Г. Буданов, И. А. Асеева. Курск: Университетская книга, 2020. 302 с.
5. Разин А. В. Этические проблемы искусственного интеллекта и цифровых технологий // *Философская аналитика цифровой эпохи: сборник научных статей* / отв. ред. Л. В. Шиповалова, С. И. Дудник. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2020. С. 154-163.
6. Гримов О. А. Цифровая реальность как объект манифестации // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2020. Т. 10, № 5. С. 218–228.

7. Ратти К., Клодел М. Город завтрашнего дня: Сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 248 с.
8. Яблоков И. Русская культура заговора. Конспирологические теории на постсоветском пространстве. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 430 с.
9. Fukuyama F. The end of history and the last man. New York: Free Press, 1992. 418 p.
10. Вахштайн В. Прогресс технологий – далеко не всегда социальный прогресс. URL: <https://www.colta.ru/articles/society/26183-iz-zhizni-algoritmov-denis-kurenov-viktor-vahshtayn-dataizm-slepota-postradayut-slabeyshie> (дата обращения: 15.09.2021).
11. Урри Дж. Офшоры. М.: Издательский дом «Дело»: РАНХиГС, 2017. 286 с.
12. Law J. After method: mess in social science research. London: Routledge, 2004.
13. Latour B. Reassembling the social. An introduction to actor-network-theory. Oxford: Oxford Press, 2005.
14. Руденко Н. И. Сети, знание и реальность: проблематика социальной топологии в концепции Джона Ло // Социология власти. 2012. № 6-7 (1). С. 38-51.
15. Игнатьев В. И. Техносубъекты социальной структуры гибридного социума // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / под ред. В. А. Мансурова, Е. Ю. Ивановой. М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 3148-3157.
16. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
17. Евангели А. Формы времени и техногенная чувственность. Н. Новгород: Красная ласточка, 2019. 272 с.
18. Шураева Л. Ю. Развитие цифровой социологии в современной науке // Вестник университета. 2020. № 3. С. 174-177.
19. Дудина В.И. Цифровые данные – потенциал развития социологического знания // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 21-30.
20. Василенко Л. А. Социология цифрового общества как отрасль социологического знания // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / под ред. В. А. Мансурова, Е. Ю. Ивановой. М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 3084-3096.

References

1. Kamensky E. Digital technologies in the Russians' everyday life: analysis based on the opinion surveys. *Economic Annals-XXI*, 2020, no. 186 (11-12), pp. 134-142.
2. Aseeva I., Budanov V. Digitalization: potential risks for civil society. *Economic Annals-XXI*, 2020, no. 186 (11-12), pp. 36-47.
3. Mayakova A., Grimov O. Digital reality: temporal aspects of discursive representation, social construction, predictive experience. Proceedings of the 36th International business information management association (IBIMA): 4-5 November 2020. Granada, Spain, 2020, pp. 3793-3797.
4. Arshinov V. I., Artemenko M. V., Aseeva I. A., Budanov V. G., Grimov O. A., Kamenskij E. G., Korenevskij N. A., Konanyhina T. N., Mayakova A. V., Rodionova S. N., Cheklevov V. V. *Sociotekhnicheskij landshaft cifrovoj real'nosti: etiko-aksiologicheskie regulyativy, adaptacionnye mekhanizmy, sociotekhnicheskie modeli upravleniya processami cifrovizacii* [Socio-technical landscape of digital reality: ethical and axiological regulatories, adaptation mechanisms, socio-technical models of managing digitalization processes]; ed. by V. G. Budanov, I. A. Aseeva. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2020. 302 p.
5. Razin A. V. [Ethical problems of artificial intelligence and digital technologies]. *Filosofskaya analitika cifrovoj epohi. Sbornik nauch. statej* [Philosophical analytics of digital era. Collection of scientific articles]; ed. by L. V. Shipovalova, S. I. Dudnik. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg University, 2020, pp. 154-163. (In Russ.)
6. Grimov O. A. *Cifrovaya real'nost' kak ob"ekt manifestacii* [Digital reality as an object of manifestation]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya.*

Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management, 2020, vol. 10, no. 5, pp. 218–228.

7. Ratti K., Klodel M. Gorod zavtrashnego dnya: Sensory, seti, hakery i budushchee gorodskoj zhizni [City of tomorrow: Sensors, networks, hackers and the future of urban life]. Moscow, Publishing House of Gaidar Institute, 2017. 248 p.

8. Yablokov I. Russkaya kul'tura zagovora. Konspirologicheskie teorii na postsovetskom prostranstve [Russian culture of plot. Conspirological in former Soviet Union]. Moscow, Alpina non-fiction Publ., 2020. 430 p.

9. Fukuyama F. The end of history and the last man. New York, Free Press, 1992. 418 p.

10. Vahshtajn V. Progress tekhnologij – daleko ne vseгда social'nyj progress [Technological progress does not always mean social progress]. Available: <https://www.colta.ru/articles/society/26183-iz-zhizni-algoritmov-denis-kurenov-viktor-vahshtajn-dataizm-slepota-postradayut-slabeyshie>. (accessed 15.09.2021)

11. Urri Dzh. Ofshory [Offshores]. Moscow, Delo Publishing House, RANEPa Publ., 2017. 286 p.

12. Law J. After method: mess in social science research. London, Routledge, 2004.

13. Latour B. Reassembling the social. An introduction to actor-network-theory. Oxford, Oxford Press, 2005.

14. Rudenko N. I. Seti, znanie i real'nost': problematika social'noj topologii v koncepcii Dzhona Lo [Nets, knowledge and reality: problematics of social topology in John Law's concept]. *Sociologiya vlasti = Sociology of power*, 2012, no. 6-7 (1), pp. 38-51.

15. Ignat'ev V. I. [Technosubjects of social structure of hybrid society]. *Sociologiya i obshchestvo: tradicii i innovacii v social'nom razvitii regionov. Sbornik dokladov VI Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa* (Tyumen', 14–16 oktyabrya 2020 g.) [Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions. Conference proceedings of VI All – Russian sociological congress (Tyumen, 14–16 October 2020)]; ed. by V. A. Mansurov, E. Yu. Ivanova. Moscow, RSS, FRCS RAS Publ., 2020, pp. 3148-3157. (In Russ.)

16. Harauej D. Manifest kiborgov: nauka, texnologiya i socialisticheskij feminizm 1980-h [Manifesto for cyborgs: science, technology, and socialist feminism in the 1980s]. Moscow, Ad Marginem Press, 2017.

17. Evangeli A. Formy vremeni i tekhnogennaya chuvstvennost' [Forms of time and technogenic sensibility]. Nizhnij Novgorod, Red Swallow Publ., 2019. 272 p.

18. Shuraeva L. Yu. Razvitie cifrovoj sociologii v sovremennoj nauke [Development of digital sociology in modern science]. *Vestnik universiteta = University Bulletin*, 2020, no. 3, pp. 174-177.

19. Dudina V. I. Cifrovye dannye – potencial razvitiya sociologicheskogo znaniya [Digital data – the potential of sociological knowledge development]. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*, 2016, no. 9, pp. 21-30.

20. Vasilenko L. A. [Sociology of digital society as a branch of sociological knowledge]. *Sociologiya i obshchestvo: tradicii i innovacii v social'nom razvitii regionov. Sbornik dokladov VI Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa* (Tyumen', 14–16 oktyabrya 2020 g.) [Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions. Conference Proceedings of VI All – Russian sociological congress (Tyumen, 14–16 October 2020)]; ed. by V. A. Mansurov, E. Yu. Ivanova. Moscow, RSS, FRCS RAS Publ., 2020, pp. 3084-3096. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Гримов Олег Александрович, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: grimoleg@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-6883-9898,
Researcher ID: M-6190-2016

Oleg A. Grimov, Candidate of Sociology Sciences, Associate Professor of the Department of the Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: grimoleg@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-6883-9898,
Researcher ID: M-6190-2016

Климатическая миграция: тенденции и прогнозы

В. Ю. Леденева¹ ✉

¹ Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
ул. Фотиевой 6, корп. 1, г. Москва 119333, Российская Федерация

✉ e-mail: ledeneva@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В статье анализируется одна из быстро развивающихся сфер исследований в области изменения климата, уязвимости и миграции людей. Акцентируется внимание на взаимосвязи между климатической миграцией и ее последствиями для социально-экономического развития стран. Климатическая миграция – это уже больше, чем предположение о будущем. Аналитики определяют изменение климата как один из основных факторов миграционных перемещений из развивающихся стран в развитые. Существуют разногласия ведущих мировых держав в решении климатических проблем и вероятных сценариев экологических угроз.

Цель исследования – выявить и проанализировать причины, тенденции и прогнозы климатической миграции, предложить рекомендации для будущих исследований данной проблематики.

Задачи: выделить ряд актуальных методологических вопросов, которые изучают исследователи, работающие в области климатической миграции; проанализировать факторы, влияющие на климатическую миграцию; провести сравнительный анализ развивающихся и развитых стран в контексте поставленной цели; показать возможные сценарии развития климатической миграции.

Методология. Методологическую основу составили классические и современные теоретические положения, позволяющие рассмотреть основы миграционных процессов в контексте глобализации. Комплексное изучение проблемы опирается на общенаучные методы сравнительного и системного анализа и включает индивидуальные тематические исследования, статистические данные, отчеты международных организаций.

Результаты: обозначены методологические проблемы, вызванные неопределенностью научных и управленческих подходов, отсутствием международной нормативно-правовой базы, терминологического обозначения данного явления.

Сделана попытка определить ключевую роль климатических факторов в принятии решения о миграции. Представлены возможные сценарии развития климатической миграции. Даны рекомендации исследователям, изучающим взаимосвязь климата и миграции. Предложены актуальные подходы, отражающие локальные климатические проблемы.

Выводы. Результаты обзорного исследования на основе сравнительного анализа показали взаимосвязь изменения климата и мобильности населения. Целесообразно в выборе методологии исследования ориентироваться на вопросы, связанные с концептуализацией, измерением ключевых показателей или моделированием данных взаимосвязей.

Ключевые слова: климатическая миграция; экология; МГЭИК; климатические риски.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-01006.

Для цитирования: Леденева В. Ю. Климатическая миграция: тенденции и прогнозы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 233–242. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-233-242>.

Поступила в редакцию 07.10.2021

Принята к публикации 05.11.2021

Опубликована 29.12.2021

© Леденева В. Ю., 2021

Climate Migration: Trends and Forecasts

Viktoria Yu. Ledeneva¹ ✉

¹ Institute for Demographic Research of the FSRC RAS
6 Fotievoi str., b. 1, Moscow 119333, Russian Federation

✉ e-mail: ledeneva@yandex.ru

Abstract

Relevance. The article analyzes one of the fastest growing areas of research in the field of climate change, vulnerability and human migration. Attention is focused on the relationship between climate migration and its consequences for the socio-economic development of countries. Climate migration is more than a speculation about the future. Analysts identify climate change as one of the main drivers of migration from developing countries to developed ones. There are disagreements among the world's leading powers in dealing with climate problems and likely scenarios of environmental threats.

The purpose of the study is to identify and analyze the causes, trends and predictions of climate migration. Suggest recommendations for future research on this issue.

Objectives: to highlight a number of topical methodological issues that are being studied by researchers working in the field of climate migration; analyze the factors affecting climate migration, conduct a comparative analysis of developing and developed countries in the context of the goal, show possible scenarios for the development of climate migration.

Methodology. The methodological basis was formed by classical and modern theoretical provisions that allow considering the foundations of migration processes in the context of globalization. A comprehensive study of the problem is based on general scientific methods of comparative and systemic analysis, and includes individual case studies, statistical data, reports of international organizations.

Results: identified methodological problems caused by the uncertainty of scientific and managerial approaches, the lack of an international regulatory framework, terminological designation of this phenomenon.

An attempt is made to determine the key role of climatic factors in the decision to migrate. Possible scenarios for the development of climatic migration are presented. Recommendations are given to researchers studying the relationship between climate and migration. Topical approaches reflecting local climatic problems are proposed.

Conclusions. The results of a survey study based on a comparative analysis showed the relationship between climate change and population mobility. It is advisable in choosing a research methodology to focus on issues related to conceptualization, measurement of key indicators or modeling of these relationships.

Keywords: climate migration; ecology; IPCC; climate risks.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Funding: The article was prepared with the financial support of RFBR, project № 20-010-01006.

For citation: Ledeneva V. Yu. Climate migration: trends and forecasts. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(6): 233–242. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-233-242>.

Received 07.10.2021

Accepted 05.11.2021

Published 29.12.2021

Введение

Климатические изменения в последнее столетие фиксируются учеными, специалистами, метеорологами практически повсеместно на планете. Для простого обывателя эти изменения реальны и заметны в связи с увеличением проявления экстремальных погодных явлений: засухи, вызывающие, в том числе, крупные лесные пожары (Калифорния, США,

2018 г.; Австралия, 2019 г.; Россия, 2021 г.; и др.), паводки и наводнения (КНДР, Индия, Нигерия, 2018 г.; Индия, Китай, 2019 г.; Бразилия, 2020 г.; Европа (Германия, Бельгия, Австрия), 2021 г.; Россия, 2021 г.; и др.). Межправительственная группа экспертов по изменению климата (далее – МГЭИК) прогнозирует, что при нынешних темпах глобальные температуры к 2050 г. повысятся в среднем на 1,5 °C. Даже такое небольшое по-

вышение температуры может привести к необратимым последствиям и изменениям экосистемы на планете [1].

Климат является той оболочкой, где происходит вся экономическая деятельность человека, и сегодня становится понятным, что глобальные климатические изменения могут стать серьезными потрясениями для экономик развитых и развивающихся стран. В то же время в научном дискурсе существует мнение о способности человека адаптироваться к природным и антропогенным системам в ответ на фактическое или ожидаемое воздействие изменений климата или его последствий, которое позволяет снизить вред и использовать благоприятные возможности [2].

Нельзя в полной мере согласиться с позицией авторов, популяризирующих идею климатического детерминизма, определяющего влияние климата на историю развития человечества, и усматривающих прямую параллель между прогнозируемыми изменениями климата и будущей миграцией. Напротив, адаптация к климатическим обстоятельствам создает новые возможности для экономики страны, и именно эти обстоятельства определяют решение человека или группы о миграции. При этом интенсивность миграционных потоков может как возрастать, так и снижаться.

Академическая литература по климатической миграции возникла на основе различных школ классической и современной мысли, которые концептуализируют миграцию с разных сторон. В натуралистических теориях и концепциях XIX – начала XX вв. факторы географической среды рассматривались как необходимые для формирования социально-экономических отношений. Считалось, что климат, рельеф местности, доступность водных ресурсов влияют на образование определенных этнических групп [3].

К. Риттер считал, что климатические условия играют существенную роль в деятельности и воспитании человека [4]. Ф. Ратцель связывал природные условия с формированием определенного полити-

ческого устройства государства, формированием внутренней и внешней политики [5]. В фокусе внимания Э. Реклю – влияние географической среды на общество. В книге «Новая всеобщая география. Земля и люди», удостоенной золотой медалью Парижского географического общества, он доказывал зависимость развития человечества от географической среды проживания [6].

Б. Видаль путем изучения локальных территорий сосредоточил внимание на взаимосвязях между человеком и непосредственно окружающей его средой и утверждал, что именно локальная природная среда предполагает тот или иной образ жизни [7].

Международное признание получила географическая теория русского ученого Л. Мечникова [8]. Среди многих факторов воздействия географической среды на эволюцию общества наиболее значимый он называл водный фактор, гидросферу. Все цивилизации в истории человечества возникли на берегу рек, морей и океанов, и именно такие цивилизации получили мощный толчок к развитию.

В середине XX века У. Брокер провел исследования и доказал доминирующую позицию потепления климата на планете. Именно постепенно потепление, а не охлаждение, как думали многие ученые до 1975 г., будет оказывать огромное влияние на человеческую деятельность [9].

Сегодня в научных дискуссиях нет сомнений, что в масштабах планеты климатические особенности будут все больше определять характер человеческой деятельности, мобильности и поиски безопасного проживания [10]. Положение национальных экономик будет все больше зависеть от климатических изменений, природных катастроф и умения бороться с ними [11].

В современных исследованиях изучается весь цикл миграции: от намерений, решения о миграции, самого путешествия до адаптации на новом месте и последствий климатической миграции. Эмпирические подходы изучения клима-

тической миграции включают методы глубинного интервью, сравнительный анализ, агент-ориентированные модели.

Материалы и методы

В статье использованы и проанализированы эмпирические исследования миграции климата, которые в общих чертах можно разделить на микроисследования, в основном сосредоточенные на миграции отдельных лиц и домашних хозяйств, и макроисследования, которые рассматривают миграцию на региональном или национальном уровне. В зависимости от уровня анализа в работе использовались различные формы исследовательских данных, начиная от тематических исследований с высокой степенью локализации, использующих опросы для сбора данных, в частности библиографическая база данных CliMig, которая содержит исчерпывающий список литературы по миграции, окружающей среде и изменению климата, до глобальных сравнений, основанных на статистических данных на уровне страны, полученных из отчетов и международных докладов [12]. Особое внимание в исследованиях уделяется странам Западной и Восточной Африки, Южной Азии и отдельным странам Латинской Америки и Карибского бассейна.

Результаты и их обсуждение

Вопрос о том, как климатические факторы влияют на миграцию, чреват настолько многими контекстуальными особенностями, что необходимо определиться с термином. Термин «климатическая миграция» впервые возник в работах британского географа Э. Равенштайна, который исследовал законы и принципы возникновения миграций и отмечал роль климата как одной из причин, которые побуждают человека сменить место проживания [13]. Уже в XX в. появилось отдельное направление исследований по изучению и прогнозированию климатической миграции. В 1988 г. в рамках Всемирной метеорологической организации была создана Межправительственная

группа экспертов по изменению климата (МГЭИК) [14].

В 1995 г. Норман Майерс концептуализировал понятие «экологический мигрант» [15]. По его версии, это лицо, которое «находится не в безопасности в своём обычном месте проживания в связи с экологическими факторами чрезвычайного характера». Боннская конференция 2008 г. углубила предложенное определение, добавив в него различные субкатегории. Постоянная экологическая миграция – это миграция с целью изменения места жительства, связанная с невозможностью пребывания в зоне экологического бедствия и невозможностью возвращения на прежнее место. Экологическая миграция обычно рассматривается как вынужденная. По этой же причине термины, часто связанные с климатической миграцией, включают климатическое перемещение, массовую миграцию, миграцию в условиях бедствия и климатических беженцев – популярный, но проблемный термин, поскольку «беженец» – это юридическая категория, ограниченная людьми, спасающимися от преследований из-за таких факторов, как их расовая принадлежность, этническая принадлежность, вероисповедание или политические убеждения.

Примеры экологической миграции можно встретить сегодня практически в любом регионе, что трансформирует эту проблему в общемировую, а следовательно, и возлагает ответственность на мировое сообщество по поиску её решения. Согласно данным Центра мониторинга перемещённых лиц (IDMC18), в 2019 г. вследствие природных явлений и катастроф 24,8 млн чел. поменяли место жительства. При рассмотрении во временном континууме с 2008 г. пик приходился на 2010 г. с цифрой 42,3 млн, а самый низкий показатель зафиксирован в 2011 г. – 15 млн. При этом стоит отметить, что с 2008 г. ежегодно возникали новые случаи, связанные с вынужденной экологической миграцией [16].

Климатическая миграция – это подгруппа экологических мигрантов, вы-

нужденных бежать с места своего постоянного проживания в другие регионы в связи с природными катастрофами.

Согласимся с позицией А. С. Лукьянца в том, что термины «климатическая миграция» и «экологическая миграция» не являются синонимами. Если в первом случае упор делается на миграционные процессы, зависящие от природно-климатических факторов, но во втором случае миграция вызвана экологическими катастрофами, загрязнением окружающей среды (например, крупнейшая экологическая катастрофа в Норильске в мае 2021 г.). Подмена одних факторов другими приводит к неправильной идентификации мигрантов и, соответственно, к неправильным управленческим решениям [17].

Прежде чем рассуждать о климатических факторах, влияющих на мобильность населения, необходимо понять, как климатические риски и угрозы пересекаются с социальной уязвимостью общества.

Выделяют две большие группы климатических рисков: **физические риски** (physical risks) – риски, связанные с природными явлениями, возникающими вследствие изменения климата, и **риски перехода** (transition risks) – риски, связанные с переходом к низкоуглеродной экономике.

Климатические риски можно классифицировать по месту, времени, продолжительности и интенсивности событий. Социальная уязвимость, т. е. неспособность людей или организаций противостоять неблагоприятным факторам или стрессам, зависит от социально-демографических характеристик населения (возраст, пол, этническая принадлежность, раса, образование и основные средства к существованию), а также от наличия финансовых и других ресурсов и способности к адаптации в новых условиях.

В отчете Foresight говорится, что климатические явления можно разделить на экстремальные и медленно наступающие. Экстремальные наступают быстро и подготовиться к ним заранее практически невозможно. Это могут быть засухи, наводнения, цунами и другие природные яв-

ления. Медленно наступающие явления – это постепенные изменения климатических режимов: повышение температуры или более длительные колебания количества осадков. К медленно развивающимся явлениям относятся таяния ледников, опустынивание, высыхание водоемов и т. д.

Все эти виды климатических рисков напрямую связаны с миграционной интенсивностью. Но если экстремальные риски приводят к краткосрочному и быстрому перемещению населения на другие территории с последующим его возвращением в исходные районы, то медленное изменение климата может привести к долгосрочной или постоянной миграции. Население с большей вероятностью покинет территорию проживания навсегда, поскольку постепенное изменение климата способствует сокращению ресурсов и домашних активов и, соответственно, стимулирует долгосрочную миграцию.

Экологические (включая климатические) факторы могут иметь прямое влияние на перемещение населения, но с большей долей вероятности можно говорить о промежуточных факторах – экономических, социальных, демографических и политических [18]. Главный вклад проекта «Форсайт» состоял в том, чтобы подчеркнуть, что факторы окружающей среды редко действуют изолированно, а скорее, существуют как часть более широкой совокупности факторов макро-, мезо- и микроуровня.

Еще одна концепция, выдвинутая в рамках проекта «Форсайт», заключается в концепции «попавших в ловушку людей». Люди из бедных семей, не имеющие финансовых и других ресурсов для переезда, вынуждены оставаться на месте, несмотря на ухудшение условий проживания и желания уехать. Между тем финансово-обеспеченные люди, казалось бы, имеющие больше стимулов для переезда, скорее всего, останутся на месте, т. к. у них больше возможностей обеспечить себе лучшую жизнь, чем они будут переезжать в незнакомую местность и начинать все сначала. Климати-

ческая миграция более вероятна для тех, кто находится в середине спектра богатства и возможностей.

Миграцию чаще всего рассматривают как движение населения, обусловленное социально-экономическими причинами. В связи с изменением климата миграция рассматривается как адаптационная стратегия потенциальных мигрантов или как форма адаптации в условиях климатических рисков. В таком случае миграция может выполнять несколько целей:

- во-первых, переезд в более безопасную климатическую среду снизит возможные угрозы и риски для жизни человека.;

- во-вторых, в случае миграции одного или нескольких членов семьи другие родственники получают денежные переводы, которые являются не только источником средств к существованию, но и некоторой финансовой стабильностью и устойчивостью к возникающим природным опасностям;

- в-третьих, при миграции одного или нескольких членов семьи количество оставшихся родственников сокращается, и существенно повышается их продовольственная безопасность.

Большая часть исследований, посвященных миграции климата, проводится в развивающихся странах. Согласно прогнозам экспертов МГЭИК, ожидается, что от нехватки воды в Африке и Азии в ближайшие годы пострадает от 74 до 250 млн чел., а «доступность свежей пресной воды в Центральной, Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии, в частности в больших речных бассейнах, уменьшится вследствие факторов, связанных с изменением климата» [19]. Все это приведет к массовой миграции из Африки, Южной Америки, Среднего Востока и других климатически неблагоприятных регионов. Эмиграция может быть ограничена с точки зрения того, кто мигрирует, из каких районов и в какие места назначения. В статистическом исследовании, проведенном в Мексике, Р. Навроцкий и др. [20] обнаружили, что более длительные засухи и периоды аномально высоких температур

увеличивают склонность к миграции из сельских районов в города, но оказывают относительно небольшое влияние на другие формы миграции. Однако другие эксперты не проводят такой тесной корреляции между засухами и эмиграцией, указывая на наличие множества других факторов, вызывающих миграцию.

Статистический анализ обнаруживает тесную корреляцию между климатическими аномалиями и миграцией, их влияние варьируется от места к месту. Предполагается, что экономические, политические и культурные факторы по-прежнему доминируют при принятии решений о миграции. По мнению экспертов, климатические факторы выявляют основные уязвимости и дифференциации в обществе, и пандемия COVID-19 только усилила этот процесс [21]. Другими словами, неравенство экономических систем в мире, преобладание богатства в развитых странах и бедность в странах третьего мира изначально не дают стимула к миграции, но проявляющиеся факторы климата все-таки склоняют чашу весов в пользу миграции.

Наиболее изученным с точки зрения взаимосвязи климата и миграции остаются исследования, посвященные сельскохозяйственным деформациям и доказывающие, что засуха приводит к росту числа людей, которые вовлекаются в кратковременную миграцию, связанную с сельскохозяйственными или иными подобными причинами. С другой стороны, она не влияет на международную миграцию на дальние расстояния или даже уменьшает ее [22].

В последние годы появляется много работ, посвященных климатической миграции из успешных урбанизированных регионов, где доходы и средства к существованию людей в меньшей степени зависят от местных условий окружающей среды благодаря расширенным международным торговым цепочкам [23].

Большое и постоянно растущее количество исследований посвящено относительному влиянию климатических факторов на стимулирование миграции. Они ва-

рыруются от антропологических тематических исследований и обследований восприятия климата и миграции до статистического анализа, основанного на данных переписи или обследований, которые контролируют факторы, которые, как известно, влияют на миграцию, а затем вводят климатические факторы для определения их относительного воздействия. В одном статистическом исследовании, проведенном в Мексике, Raphael J. Nawrotzki et al. обнаружили, что более длительные засухи и периоды аномально высоких температур увеличивают склонность к миграции из сельских районов в города, но оказывают относительно небольшое влияние на другие формы миграции.

Миграция, вызванная изменениями окружающей среды, является предметом миграционной политики, и интерес ученых связан не столько с проблемами мигрантов, покидающих зоны, подверженные климатическим изменениям (например, лесные пожары в Калифорнии в 2019 и 2020 гг.; наводнения и ураганы – ураган «Синди» в США в 2010 г. или «Ксинтия» в Европе в 2010 г.; наводнение в Европе в 2021г. и др.), сколько с управляемыми процессами в результате такой миграции. Исследования в этой области сосредоточены на механизме выкупа пострадавших домов, разработке новых инженерных решений, экологических вопросах социальной справедливости, планировании государственных и муниципальных бюджетов и других вопросах государственной политики [24].

Прогнозы динамики климатической миграции

Основной вопрос, который ставят исследователи и эксперты: станем ли мы свидетелями массовой миграции в результате изменения климата в ближайшие десятилетия? По прогнозам, опубликованным Международной организацией миграции (International Organization of Migration, IOM), на начало 2019 г. количество климатических мигрантов в мире достигло 18,2 млн чел., а к 2050 г., согласно прогнозам Всемирного банка, их количе-

ство может составить 140 млн. Такой масштаб вполне четко иллюстрирует проблему, которую влекут за собой негативные изменения климата [10].

Более сложные статистические модели оценки миграции прогнозируют различные сценарии будущей миграционной динамики. Новые подходы к моделированию включают агентно-ориентированные модели, динамику системы, модели гравитации населения [25].

У каждого сценарного прогноза есть свои сильные и слабые стороны, и не все из них можно легко применить в любом контексте миграции. Большинство ученых сейчас отвергают апокалиптические прогнозы, их предположение состоит в том, что воздействие изменения климата будет развиваться по более или менее плавной дуге, без каких-либо серьезных переломных моментов или пороговых значений, которые переворачивают климатическую систему на новую (в т. ч. на сельскохозяйственную, экономическую и другие системы) и на менее предсказуемые пути.

Однако пандемия COVID-19 показала, что в любом прогнозе надо учитывать различные возможные политические потрясения, конфликты или пандемии, которые могут пересекаться с климатическими воздействиями и добавлять неожиданные сценарии действия к уже существующим системам.

Выводы

Проведенное обзорное исследование показало, что изменение климата влияет на миграцию всех типов и направлений. В этом смысле неправильно говорить о «климатических мигрантах» как об отдельной группе людей, вынужденных перемещаться исключительно из-за климатических факторов. Важно подчеркнуть, что общество и институты плохо подготовлены к решению предстоящих задач. До сих пор не существует международной правовой основы в отношении климатической миграции, не определен порядок полномочий властей в случае массовой климатической миграции. Отдельные программы и

стратегии адаптации существуют, но они предназначены для предотвращения эмиграции из сельской местности и в основном разрабатываются странами сельскохозяйственных регионов.

Рассмотренные в статье методологические подходы, используемые в литературе по климатической миграции, выделяют основные проблемы и анализируют возможные их решения. Выбор методологии может иметь далеко идущие последствия: вопросы, связанные с концептуализацией, измерением ключевых показателей или моделированием взаимосвязей, могут играть важную роль. При выборе методологии следует руководствоваться вопросами и локальной спецификой исследования. Необходимо:

– во-первых, в исследованиях климатической миграции опираться на статистические данные о климате и миграции, которые актуальны для ситуации на местах. Это

влечет за собой рассмотрение соответствующих климатических воздействий и соответствующих форм миграции, а также их правильное представление в отношении временных и географических масштабов;

– во-вторых, необходимо использовать модели, учитывающие пространственную неоднородность и временные тенденции, чтобы интерпретировать причины климатических воздействий;

– и-третьих, в исследованиях климатической миграции следует использовать экономические и сопоставимые модели, отражающие общие климатические воздействия на миграцию без чрезмерного учета промежуточных факторов. Такие данные важны не только для точной оценки масштабов климатической миграции в различных частях мира, они также могут использоваться в качестве основы для будущих прогнозов и сценариев миграции в условиях изменения климата.

Список литературы

1. Preparing for resettlement associated with climate change / Sherbinin A. de [et al.] // Science. American Association for the Advancement of Science, 2011. Vol. 334, N 6055. P. 456–457.
2. Катцов В. М., Порфирьев Б. Н. Адаптация России к изменению климата: концепция национального плана // Труды Главной геофизической обсерватории им. А. И. Воейкова. 2017. № 586. С. 7–20.
3. Бокль Г. Т., Нотович О. К. История цивилизации в Англии. СПб.: Русская художественная типография И. Гольдберга, 1876. 196 с.
4. Чичагов В. П. Выдающийся Немецкий географ и геоморфолог XIX века Карл Риттер (1779–1859) // Геоморфология. 2020. № 3. С. 106–116.
5. Выжлецов П. Г. Ратцель Ф. как основатель антропогеографического подхода к изучению культуры. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2016. С. 33–38.
6. Реклю Ж. Ж. Э. Богатство и нищета / под ред. Л. П. Никифоров. М.: Л. О. Крумбюгель и Н. Н. Худяков, 1906. 60 с.
7. Migration as adaptation: 7370 / R. Black [et al.] // Nature. Nature Publishing Group. 2011. Vol. 478, N 7370. P. 447–449.
8. Мечников Л. И., Евдокимов В. И. Цивилизация и великие исторические реки: статьи. М.: Прогресс Пангея, 1995. 459 с.
9. Broecker W. S. Climatic Change: Are We on the Brink of a Pronounced Global Warming? // Science. American Association for the Advancement of Science. 1975. Vol. 189, N 4201. P. 460–463.
10. Зворыкина Ю. В., Тетерятников К. С. Климатическая (или экологическая?) миграция: проблемы и перспективы // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 216, № 2. С. 236–256.
11. Очирова Г. Н., Моисеева Е. М., Максимова А. С. Взаимосвязь природно-климатических изменений и миграционной ситуации в Океании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27, № 2. С. 313–325

12. Migration&Climate Change. URL: https://www.unine.ch/geographie/Migration_and_Climate_Change (дата обращения: 09.09.2021).
13. Ravenstein E. The Laws of Migration. URL: <https://www.scribd.com/doc/197685277/E-G-Ravenstein-JRSS-1889-The-Laws-of-Migration> (дата обращения: 17.09.2021).
14. Утопия многообразного мира: как продолжается история: доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <https://globalaffairs.ru>...content/uploads/2020/10/doklad...> (дата обращения: 16.09.2021).
15. Pimm S., Raven P. Norman Myers (1934–2019) // *Nature Ecology & Evolution*. 2020. Vol. 4. P. 177–178.
16. Global Report on Internal Displacement – GRID 2016 / A. Bilak [et al.]. URL: http://www.researchgate.net>...Global...on_Internal_Dis_placement... (дата обращения: 05.09.2021).
17. Лукьянец А. С. Климатическая миграция в условиях пандемии Covid-19 // *Научное обозрение. Серия 1: Экономика и Право*. 2020. № 3. С. 22–33.
18. Центр международной информационной сети по наукам о Земле (CIESIN). URL: <http://www.ciesin.org> (дата обращения: 11.09.2021).
19. Пиге Э., Пеку А., Де Гюктенер П. Миграция населения и изменение климата // *География и природные ресурсы*. 2013. № 2. С. 5–14.
20. Climate shocks and rural-urban migration in Mexico: Exploring nonlinearities and thresholds / R. J. Nawrotzki [et al.] // *Clim Change*. 2017. Vol. 140, N 2. P. 243–258.
21. Climate change and migration: improving methodologies to Estimate Flows / R. Black [et al.] // *Climate Change and Migration*. 2008. P. 29–36.
22. Lipka O., Kokorin A. Adaptation to climate changes for biodiversity conservation // *Use and Protection of Natural Resources in Russia*. 2018. P. 54–60.
23. Mastrandrea M., Tavoni M. Foreword to the special issue: Climate change, extremes, and energy systems // *Climatic Change*. 2013. Vol. 121 (1).
24. Climate Policy in a Global Risk Society / М. Ю. Апанович, О. Н. Барабанов, Е. А. Маслова, Р. О. Райнхардт, Е. В. Саворская, П. А. Черемисин. М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2020.
25. Хавинсон М. Ю., Кулаков М. П. Концепция динамической гравитационной модели миграции населения // *Региональные проблемы*. 2016. Т. 19, № 4. С. 12–19.

Reference

1. Sherbinin A. de, eds. Preparing for resettlement associated with climate change. *Science. American Association for the Advancement of Science*, 2011, vol. 334, no. 6055, pp. 456–457.
2. Kattsov V. M., Porfiriev B. N. Adaptatsiya Rossii k izmeneniyu klimata: kontseptsiya natsional'nogo plana [Adaptation of Russia to climate change: the concept of the national plan]. *Trudy Glavnoi geofizicheskoi observatorii im. A. I. Voeikova = Proceedings of the Main Geophysical Observatory named after A. I. Voeikov*, 2017, no. 586, pp. 7–20.
3. Bogle G. T., Notovich O. K. Istoriya tsivilizatsii v Anglii [History of civilization in England]. St. Petersburg, Russian Art Printing House of I. Goldberg, 1876. 196 p.
4. Chichagov V. P. Vydayushchiysya Nemetskii geograf i geomorfolog XIX veka Karl Ritter (1779–1859) [Outstanding German geographer and geomorphologist of the XIX century Karl Ritter (1779–1859)]. *Geomorfologiya = Geomorphology*, 2020, no. 3, pp. 106–116.
5. Vyzhletsov P. G. Rattsel' F. kak osnovatel' antropogeograficheskogo podkhoda k izucheniyu kul'tury [Ratzel F. as the founder of the anthropogeographic approach to the study of culture]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation Publ., 2016, pp. 33–38.
6. Reclu Zh. Zh. Bogatstvo i nishcheta [Wealth and poverty]; ed by L. P. Nikiforov. Moscow, L. O. Krumbugel and N. N. Khudyakov Publ., 1906. 60 p.
7. Black R., eds. Migration as adaptation: 7370. *Nature. Nature Publishing Group*, 2011, vol. 478, no. 7370, pp. 447–449.
8. Mechnikov L. I., Evdokimov V. I. Tsivilizatsiya i velikie istoricheskie reki: stat'i. [Civilization and great historical rivers: articles]. Moscow, Progress Pangea Publ., 1995. 459 p.

9. Broecker W. S. Climatic Change: Are We on the Brink of a Pronounced Global Warming? *Science. American Association for the Advancement of Science*, 1975, vol. 189, no. 4201, pp. 460–463.
10. Zvorykina Yu. V., Teteryatnikov K. S. Klimaticheskaya (ili ekologicheskaya?) migratsiya: problemy i perspektivy [Climatic (or ecological?) Migration: problems and prospects]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 2019, vol. 216, no. 2, pp. 236–256.
11. Ochirova G. N., Moiseeva E. M., Maksimova A. S. Vzaimosvyaz' prirodno-klimaticheskikh izmenenii i migratsionnoi situatsii v Okeanii [Interrelation of natural and climatic changes and migration situation in Oceania]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics*, 2019, vol. 27, no. 2, pp. 313–325.
12. Migration&Climate Change. Available at: https://www.unine.ch/geographie/Migration_and_Climate_Change. (accessed 09.09.2021)
13. Ravenstein E. The Laws of Migration. Available at: <https://www.scribd.com/doc/197685277/E-G-Ravenstein-JRSS-1889-The-Laws-of-Migration>. (accessed 17.09.2021)
14. Utopia of a diverse world: How History goes on: report of the Valdai International Discussion Club December 2020 [Utopia of a diverse world: how the story goes on: report of the Valdai International Discussion Club]. Available at: <https://globalaffairs.ru>...content/uploads/2020/10/doklad> ... (accessed 16.09.2021)
15. Pimm S., Raven P. Norman Myers (1934–2019). *Nature Ecology & Evolution*, 2020, vol. 4, pp. 177–178.
16. Bilak A., eds. Global Report on Internal Displacement – GRID 2016. Available at: <http://www.researchgate.net>...Global...on Internal Displacement...> (accessed 05.09.2021)
17. Lukyanets A. S. Klimaticheskaya migratsiya v usloviyakh pandemii Covid-19 [Climate migration in the context of the Covid-19 pandemic]. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i Pravo = Scientific Review. Series 1: Economics and Law*, 2020, no. 3, pp. 22–33.
18. Tsentr mezhdunarodnoi informatsionnoi seti po naukam o Zemle (CIESIN) [Center for the International Information Network on Earth Sciences (CIESIN)]. Available at: <http://www.ciesin.org>. (accessed 11.09.2021)
19. Piguet E., Pecu A., De Guctener P. Migratsiya naseleniya i izmenenie klimata [Population migration and climate change]. *Geo-grafiya i prirodnye resursy = Geography and Natural Resources*, 2013, no. 2, pp. 5–14.
20. Nawrotzki R. J., eds. Climate shocks and rural-urban migration in Mexico: Exploring nonlinearities and thresholds. *Clim Change*, 2017, vol. 140, no. 2, pp. 243–258.
21. Black R., eds. Climate change and migration: improving methodologies to Estimate Flows. *Climate Change and Migration*, 2008, pp. 29–36.
22. Lipka O., Kokorin A. Adaptation to climate changes for biodiversity conservation. *Use and Protection of Natural Resources in Russia*, 2018, pp. 54–60.
23. Mastrandrea M., Tavoni M. Foreword to the special issue: Climate change, extremes, and energy systems. *Climatic Change*, 2013, vol. 121 (1).
24. Apanovich M. Y., Barabanov O. N., Maslova E. A., Reinhardt R. O., Zaworska E. V., Chermisin P. A. Climate Policy in a Global Risk Society [Climate Policy in a Global Risk Society]. Moscow, Fund development and support of the International discussion club "Valdai", 2020.
25. Khavinson, M. Yu., Kulakov M. P. Kontseptsiya dinamicheskoi gravitatsionnoi modeli migratsii naseleniya [Concept of dynamic gravity model of migration]. *Regional'nye problemy = Regional Problems*, 2016, vol. 19, no. 4, pp. 12–19.

Информация об авторе / Information about the Author

Леденева Виктория Юрьевна, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник – руководитель отдела Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: ledeneva@yandex.ru

Viktoria Yu. Ledeneva, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Chief Researcher – Head of the Department of the Institute for Demographic Research of the FSRC RAS, Moscow, Russian Federation, e-mail: ledeneva@yandex.ru

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА

PHILOSOPHICAL STUDY OF NATURE, SOCIETY AND HUMAN

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-243-259>

Цифровая сетевая платформа: классификация опасностей социотехнической конвергенции

В. В. Зотов¹ ✉, И. А. Асеева², В. Г. Буданов³

¹ Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)
Институтский пер. 9, Московская область, г. Долгопрудный 141701, Российская Федерация

² Институт научной информации по общественным наукам РАН
Нахимовский проспект 51/21, г. Москва 117418, Российская Федерация

³ Институт философии РАН
ул. Гончарная 12, стр.1, г. Москва 109240, Российская Федерация

✉ e-mail: zotov.vv@mipt.ru

Резюме

Актуальность исследования обусловлена тем, что создание цифровых сетевых платформ сопровождается неоднозначным процессом социотехнической конвергенции, в ходе которого возникают как положительные, так и неблагоприятные последствия, как преднамеренные, так и непреднамеренные.

Цель данной статьи – выявить и структурировать наиболее серьезные неблагоприятные опасности социотехнической конвергенции цифровых сетевых платформ.

Задачи: уточнить понятия опасности и рисков социотехнической конвергенции; определить внутренние и внешние предметные сферы их проявления.

Методология исследования базируется на концепции платформенных исследований, дополненных авторами идеями социотехнической конвергенции. Для классификации рисков использовался метод таксономии, источником информации для которой стал аналитический обзор академической литературы и публицистики по проблемам цифровизации.

Результатом исследования стала классификация опасностей социотехнической конвергенции. В зависимости от положения источника опасности были разделены на внешние и внутренние. Внешние опасности классифицировались в зависимости 1) от положения источника опасностей, 2) от состава цифровой сетевой платформы, которая обладает определённой структурой, и 3) от уровня субъектности опасностей, то есть уровня влияния пользователя на процессы функционирования, возможность контролировать наступления тех или иных результатов. Внешние опасности были также классифицированы по двум основаниям – уровню субъектности и объекту её проявления. Итогом таксономического деления стала классификация по таким предметным областям, как цифровые данные, цифровой надзор, цифровая мораль, цифровая идентификация, цифровая конфиденциальность, цифровая коммуникация, цифровая доступность, цифровая компетентность, цифровые кластеры.

Вывод. Авторы приходят к выводу, что таксономия может стать основой для дальнейших исследований по выявлению и управлению побочными эффектами цифровизации.

Ключевые слова: цифровые сетевые платформы; цифровые данные; цифровой надзор; цифровая мораль; цифровая идентификация; цифровая конфиденциальность; цифровая коммуникация; цифровая доступность; цифровые кластеры; цифровая компетентность.

© Зотов В. В., Асеева И. А., Буданов В. Г., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(6): 243–259

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31719 «Социотехническая конвергенция в условиях цифровизации сетевых пространств».

Для цитирования: Зотов В. В., Асеева И. А., Буданов В. Г. Цифровая сетевая платформа: классификация опасностей социотехнической конвергенции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 243–259. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-243-259>.

Поступила в редакцию 18.10.2021

Принята к публикации 16.11.2021

Опубликована 29.12.2021

Digital Network Platform: Classification of Sociotechnical Convergence Hazards

Vitaly V. Zotov¹ ✉, Irina A. Aseeva², Vladimir G. Budanov³

¹ Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University)
9 Institutsky Per., Moscow Region, Dolgoprudny 141701, Russian Federation

² Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
51/21 Nakhimovsky Prospekt, Moscow 117418, Russian Federation

³ Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
12 Goncharnaya str., p. 1, Moscow 109240, Russian Federation

✉ e-mail: zotov.vv@mipt.ru

Abstract

The relevance of the study is due to the fact that the creation of digital network platforms is accompanied by an ambiguous process of socio-technical convergence, during which both positive and negative consequences arise, both intentional and unintended.

The purpose of this publication is to identify and structure the most serious adverse dangers of socio-technical convergence of digital network platforms.

Objectives: to give definitions of the concept of danger and risks of socio-technical convergence; determine the internal and external subject areas of their manifestation.

Methodology. The research methodology is based on the concept of platform research, supplemented by the authors with the ideas of sociotechnical convergence. To classify risks, the taxonomy method was used, the source of information for which was an analytical review of academic literature and journalism on digitalization problems.

The result of the study was the classification of the dangers of sociotechnical convergence. Depending on the position of the source, the hazards were divided into external and internal. External hazards were classified depending 1) on the position of the source of hazards, 2) on the composition of the digital network platform, which has a certain structure, and 3) on the level of subjectivity of hazards, that is, the level of user influence on the functioning processes, the ability to control the occurrence of certain results. External dangers were also classified on two grounds: the level of subjectivity and the object of its manifestation. The taxonomic division resulted in the classification according to such subject areas as digital data, digital surveillance, digital morality, digital identity, digital privacy, digital communication, digital accessibility, digital competence, digital clusters.

Conclusion. The authors conclusion that taxonomy can form the basis for further research to identify and manage the side effects of digitalization.

Keywords: digital networking platforms; digital data; digital surveillance; digital morality; digital identity; digital privacy; digital communication; digital accessibility; digital clusters; digital competence.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Funding: The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project №21-011-31719 "Sociotechnical convergence in the conditions of digitalization of network spaces".

For citation: Zotov V. V., Aseeva I. A., Budanov V. G. Digital Network Platform: Classification of Sociotechnical Convergence Hazards. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(6): 243–259. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-243-259>.

Received 18.10.2021

Accepted 16.11.2021

Published 29.12.2021

Введение

В цифровом обществе новые информационно-телекоммуникационные и цифровые технологии объединены для повышения эффективности функционирования экономики, социальной сферы и публичного управления. Развитие таких цифровых технологий, как «Интернет вещей» (IoT), искусственный интеллект и большие данные (big data), обуславливает содержание трансформации современного общества. Благодаря им новым трендом информатизации, пришедшем на смену компьютеризации, интернетизации и сетевизации, следует признать цифровизацию – создание цифровых сетевых платформ, которые могут обладать аналитическими и прогностическими функциями [1]. Большие возможности цифрового представления информации приводят к тому, что идёт создание цифровых сетевых платформ как системы сетевого информационного взаимодействия пользователей. Сегодня именно благодаря цифровым сетевым платформам человек, не выходя из дома, приобретает билеты, совершает покупки, управляет финансами, получает услуги. Основная декларируемая цель цифровизации общества – сделать жизнь человека максимально комфортной и безопасной, повысить её качество. С этой целью цифровые сетевые платформы собирают различные данные, получаемые из всевозможных источников: от датчика до суперкомпьютера, от индивида за персональным компьютером до рассредоточенных в пространстве групп людей, пользующихся гаджетами.

Отметим, что социальные сети («ВКонтакте», «Одноклассники» и «Фейсбук»), государственные порталы

(«Госуслуги»), коммерческие интернет-порталы и веб-службы («Яндекс», «Сбер») уже превращаются в цифровые сетевые платформы, которые используют технологии, собирающие, агрегирующие и анализирующие без ведома своих пользователей большие объёмы персональных данных для создания их цифровых профилей. Цифровые сетевые платформы – это совокупность технико-технологических решений, обеспечивающих ведение реестра пользователей, задание алгоритмов их взаимодействия и хранение информации об осуществлённых ими онлайн-транзакциях (цифровых следах). В их основе лежит взаимодействие между акторами и актантами, которое реализуется благодаря не только прямому вводу информации человеком в стационарное или мобильное устройство, но и информации, получаемой со смарт-устройств и датчиков.

Материалы и методы

В процессе работы над исследованием мы опирались на концепцию «новой экологической парадигмы» – направление, которое начало развиваться с конца XX в. в связи с глобальными средовыми изменениями и их социокультурной интерпретацией (Р. Данлоп, У. Каттон, Л. Милбрес, О. Яницкий). Также методология исследования базируется на концепции платформенных исследований, дополненных авторами идеями социотехнической конвергенции. Для классификации рисков использовался метод таксономии, источником информации для которой стал аналитический обзор академической литературы и публикации по проблемам цифровизации.

Результаты и их обсуждение

В данном исследовании выявлены и структурированы наиболее серьёзные неблагоприятные опасности социотехнической конвергенции цифровых сетевых платформ, а также уточнены понятия опасности и рисков социотехнической конвергенции, определены внутренние и внешние предметные сферы их проявления. Опишем результаты детально.

Определение научной проблемы и цели исследования

Проектирование цифровых сетевых платформ должно осуществляться таким образом, чтобы не противоречили друг другу эффективность технологий и гуманитарные аспекты жизни человека. Это достигается за счёт «конвергенции» (от английского converge – «сводить в одну точку», «сводить воедино»), т. е. под цифровой конвергенцией мы понимаем объединение возможностей человека и цифровых технологий в одной системе для более эффективного решения определённого класса задач. Соответственно, концепт социотехнической конвергенции по своей сути подразумевает синергетическую коэволюцию человека, наделённого цифровыми компетенциями, способного взаимодействовать с другими акторами на сетевой платформе, и, собственно, технико-технологической и программно-алгоритмической составляющих цифровых сетевых платформ. Но такая социотехническая конвергенция содержит в себе определённые вызовы для человека, требующие осмысления и научного исследования.

Признание того, что социотехническая конвергенция может иметь как положительные, так и неблагоприятные последствия, как преднамеренные, так и непреднамеренные, углубляет наше поле теоретизирования в этой области [2, р. 273]. Дело в том, что сегодня назревает необходимость регулирования «темной стороны» последствий внедрения цифровых сетевых платформ. Термин *nightside*

(«тёмная сторона») относится к «совокупности негативных явлений, которые связаны с использованием ИТ и могут нанести ущерб благополучию людей, организации и общества» [3, р. 61].

В условиях цифровизации общества порождаемые современными технологиями опасности и угрозы становятся в такой степени очевидными, что их последствия могут далеко превосходить описанное Джорджем Оруэллом в его антиутопии «1984». Поэтому риски и побочные эффекты, связанные с все более широким использованием цифровых сетевых платформ, требуют более тщательного анализа. Целью исследования является выявление и структурирование опасностей, угроз и рисков социотехнической конвергенции в условиях цифровизации социально- сетевого пространства.

Структура цифровой сетевой платформы

Цифровая сетевая платформа как совокупность цифровых технологий используется для создания специализированной системы сетевого взаимодействия представителей заинтересованных сторон в рамках определённой предметной сфере. Отсюда её ключевыми элементами являются непосредственно цифровая инфраструктура как совокупность цифровых технологий хранения и обработки данных, цифровые пользователи как заинтересованные стороны и цифровой интерфейс как множество устройств, обеспечивающих вход и взаимодействие пользователей.

Цифровая инфраструктура обеспечивает хранение больших данных и аналитическую обработку информации с помощью комплекса информационно-телекоммуникационных и цифровых технологий.

Влияние цифровизации на жизнь людей возможно только тогда, когда они станут цифровыми пользователями. Цифровой пользователь – это человек, осуществивший процедуру регистрации и последующей авторизации на цифровой

сетевой платформе в целях доступа к её информационным ресурсам и функционалу. Крайне важно понимать, что само сообщество пользователей является важной частью цифровой платформы, поскольку без совокупности представителей заинтересованных сторон цифровая платформа не имеет ценности. При этом, чем больше и разнообразнее сообщество, тем большую ценность платформа может представлять для её участников.

Ввод и вывод данных обеспечивают благодаря цифровому интерфейсу как совокупности средств и правил, обеспечивающих взаимодействие пользователя и цифровой платформы посредством сети Интернет. Передача информации от пользователя в цифровую платформу довольно часто является аспектом, определяющим комфортабельность жизнедеятельности пользователя. Доступ в сеть Интернет эволюционировал от модемного, доступного для одного устройства или локальной сети, к беспроводным сетям по технологии Wi-Fi. Сейчас у пользователя возможность «выхода в Интернет» появляется благодаря функционалу смартфонов, планшетов и других современных технологичных устройств. В последние годы наблюдается значительный рост использования «Интернета вещей» (IoT), что меняет традиционный образ жизни на более высокотехнологичный [4]. Сегодня на потребительский рынок выводится все больше технических новинок: дистанционно контролируемая бытовая техника, носимые устройства (браслеты, часы, очки, брелоки), элементы «умного дома», включая измерительные приборы для сферы ЖКХ, мультимедийные системы, системы управления климатом и безопасностью, а также устройства для автомобилей [5]. Люди на цифровых платформах начали общаться не только друг с другом, но и с техническими устройствами, принадлежащими как им самим, так и другим людям. Технология «Интернета вещей» подсоединяет к сети устройства, которым разрешается собирать, анализировать, об-

рабатывать и передавать данные другим гаджетам сети. Сами гаджеты все чаще общаются между собой, информируя человека о результатах такого контакта постфактум.

На функционирование цифровых сетевых платформ оказывают воздействия внешние и внутренние опасности.

Опасности, угрозы и риски

Прежде всего, обозначим наше понимание терминов «опасность», «угроза» и «риск». Понятие «опасность» часто связывают с совокупностью определённых факторов и условий, которые обладают объективно существующей возможностью оказания негативного воздействия на человека, среду его обитания. В рамках данного исследования мы рассматриваем опасность как проявление различных дестабилизирующих, дисфункциональных факторов, способных вывести из строя или нанести значительные повреждения цифровой сетевой платформе. Угроза является выражением чьего-либо намерения причинить вред [6]. Понятие «угроза» рассматривается как опасность, обуславливающая намерения субъекта с определённой вероятностью нанести ущерб / вред объекту. Опасности и угрозы – это внешние, объективные для субъекта обстоятельства, риск же является субъективно переживаемой проекцией этих обстоятельств. «Индивид учитывает лишь те вероятности, которые он себе представляет, а не те, какие существуют в действительности. При этом нет никакого основания полагать, что субъективные вероятности должны быть равны вероятностям объективным» [7, с. 217]. Риск есть ожидание проявления опасностей и угроз, постоянно присутствующее в настоящем, и страх перед возможными негативными их последствиями, проецируемый на будущее своё поведение. Поэтому будет справедливо определить риск как эскапацию человеком наступления жизненных событий, которые могут привести к деструкции сложившихся социальных практик повседневной жизни.

недеятельности [8]. Жизненные события – это тот момент, когда проявляются опасности или реализуются угрозы.

Предложим свою классификацию опасностей социотехнической конвергенции, отталкиваясь 1) от положения источника опасностей, 2) от состава цифровой сетевой платформы, которая обладает определённой структурой, и 3) от уровня субъектности опасностей, т. е. уровня влияния пользователя на процессы функционирования, возможности контролировать наступления тех или иных результатов.

Внешние и внутренние опасности для функционирования цифровых сетевых платформ

К внешним следует отнести опасности, исходящие из природной и общественно-политической среды, в которой происходит функционирование цифровых платформ. Эти опасности составляют непреодолимую силу для разработчиков, владельцев и пользователей цифровых платформ. В настоящий момент к природным опасностям следует отнести такие стихийные комплексные форс-мажорные обстоятельства, как пандемия Covid-19, а также такие антропогенные процессы, как ухудшение экологической ситуации и сокращение природных ресурсов, экономические кризисы и военные действия.

Ход процесса цифровизации может быть изменён под влиянием внутренних факторов развития общественно-политической сферы общества (например, смена власти, наличие госпрограммы цифровизации, внутренняя политика, коррупция) и путём воздействия внешних факторов (например, экономический кризис в стране и мире, санкции западных стран). Противодействие цифровизации может исходить от различных акторов политического пространства, поэтому глубокое понимание общественно-политического контекста имеет решающее значение для успеха цифровизации. Но самое страш-

ное – это цифровизация ради самой цифровизации. Например, при проектировании и строительстве нового квартала используются цифровые технологии дополненной реальности, больших данных и искусственного интеллекта, одевая AR-очки, но при этом жилые дома связываются с остальным городом единственным шоссе. Или в медицине применяются современные средства связи, аналитические приложения, но прописываются ангажированные или несертифицированные лекарства и процедуры.

Внутренние же опасности можно классифицировать в зависимости от уровня субъектности на сервисные, интенциональные и ментальные. К сервисным опасностям следует отнести те, где нет явного присутствия человека, т. е. уровень субъектности низкий. Такие опасности носят объективный и абсолютный характер, распространяющийся на цифровую инфраструктуру платформ. Эти опасности могут быть вызваны последствиями функционирования технико-технологических систем и (или) их нарушениями. Сюда, например, относятся ошибки при сборе данных, их учёте, утрата базы данных, причиной которой становятся сбои в программном обеспечении и работе аппаратной части, а также любое иное нарушение алгоритмов работы, связанных с применением цифровыми платформами своего функционала. Появление таких опасностей вызывает проведение превентивных мероприятий, профилактику оборудования, проверку надёжности алгоритмов. Источники опасностей, возникающие по вине программно-аппаратной части цифровых платформ, менее прогнозируемы, напрямую зависят от свойств применяемых цифровых технологий.

К интенциональным опасностям относятся опасности, обусловленные преднамеренными действиями субъекта, которые могут привести к причинению ущерба как непосредственно пользователям цифровой платформы, так и их владель-

цам и/или различным социальным группам. Они связаны с неправомерным, несанкционированным доступом к информации как путем разработки специального программного обеспечения, так и путем использования технологий социальной инженерии. Интенциональные опасности создают возможности для различных преступлений и правонарушений.

Ментальные опасности – это опасности, возникающие в силу особенностей восприятия человеком мира и его поведения в цифровом мире. В этом случае человек сам своими действиями или бездействием может поставить под угрозу свою жизнедеятельность.

Рассмотрим основные опасности социотехнической конвергенции, возможность их превращения в угрозы, а также формирующиеся под их воздействием риски.

Опасность некорректного использования цифровых данных

В отличие от принятого понимания информационного общества основная идея сбора данных в цифровом обществе заключается в том, что информация накапливается и применяется в реальном мире, но обрабатывается посредством цифровых технологий в киберпространстве. Именно объемом и возможностями обработки данных и ценна та или иная цифровая платформа. Более того, формирующаяся «экономика данных» характеризуется масштабной синхронизацией баз данных, вследствие чего повышается цена ошибки утраты важной информации, так как даже один сбой способен привести не только к «обрушению» цифровой платформы, но к коллапсу всего цифрового сетевого пространства. Это особенно важно и ответственно в настоящий период, когда на государственном уровне создается единая распределённая база данных на всех граждан России [9]. Реестр граждан будет содержать как базовые (фамилия, имя, отчество, дата и место рождения и смерти, пол, реквизиты записи актов гражданского состояния о

рождении и смерти, СНИЛС, ИНН, так и дополнительные (семейное положение, родственные связи, состояние здоровья и иные) сведения о физическом лице. С одной стороны, предполагается, что использование такого полного архива информации о человеке должно ускорить и улучшить качество оказания государственных услуг, но с другой – хранилище будет открыто для чиновников разного уровня, спецслужб, МФУ, словом, для всех заинтересованных сторон.

Вместе с тем в числе первостепенных сервисных опасностей функционирования подобных баз данных – это защищённость цифровой информации. Можно привести массу примеров сбоев в работе таких платформ, например в деятельности Федеральной службы судебных приставов, где технические заминки, совпадение персональных данных приводят к блокировке банковских карт граждан. Цифровая платформа должна гарантировать целостность данных, т. е. не допускать их разрушение или изменение в случае сбоев или некорректной работы непрофессионального пользователя.

Конвергенция человека и цифровой платформы стала настолько естественной, что ощущается их тесная взаимозависимость только в момент непредсказуемых сбоев. Невозможно прогнозировать, когда и в какой части социотехнических систем произойдёт разрыв и как он повлияет человека и его поведение в социуме. Таким образом, цифровизация данных граждан России создаёт реальную опасность для каждого гражданина в виде сбоя работы цифровой платформы и перманентную погруженность в рискогенную социотехническую среду.

Опасность чрезмерного цифрового надзора

Ещё четверть века назад сеть Интернет была местом, где можно было существовать под всевозможными никами, принимать новые «обличия», ведя диалоги с другими такими же анонимами. Сегодня же благодаря тому, что в любом

месте мира к каждому человеку можно получить доступ с помощью цифровых инструментов, развивается система тотального контроля за жизнедеятельностью граждан. Обратим внимание, что на любой цифровой сетевой платформе фактически имеет место полная идентификация человека, вследствие чего любое действие персонализировано, то есть можно определить, кто, что и когда делал на цифровой платформе. Информация о гражданах становится «прозрачной» для владельцев баз, а в случае взлома – и для злоумышленников. Также внедряются системы биометрии, распознавания лиц, которые позволяют идентифицировать личность человека на основе имеющихся сведений. Параллельно с этим идёт развитие системы контроля перемещения, позволяющее на основе геолокации мобильных устройств или при помощи устройств «Интернета вещей» (IoT) отследить перемещение граждан и предложить им услуги в зависимости от их текущего местоположения. А пандемия показала ещё одну возможность цифрового контроля – установление контактов конкретного человека в диапазоне от случайного пересечения до интимных отношений. Ранее задача выявления круга общения человека признавалась трудно выполнимой и финансово высокоч затратной. Теперь же появление цифрового сетевого пространства делает её технически элементарной.

Безусловно, сегодня цифровой надзор предназначен для использования информации в целях защиты государственной безопасности, стимулирования производственной деятельности, повышения эффективности работы организаций. Но сам факт возможности осуществления цифрового надзора настораживает часть населения, особенно если его начинают осуществлять спецслужбы, которые считают, «чем больше граждан будут проявлять активность в Интернете, особенно в социальных сетях, тем проще собирать установочные данные, прово-

дить оперативно-розыскные мероприятия и заниматься аналитикой» [10, с. 86]. Но это рождает сопротивление со стороны правозащитников и лидеров гражданского общества, осознающих угрозы благополучию гражданского общества [11]. Поэтому возникают опасения того, что контроль цифровой инфраструктуры государством и крупными корпорациями приведёт к эрозии демократии и гражданских свобод [11, р. 214].

Опасность непрозрачности принятия решений

Недалеко то время, когда в жизни человека появятся цифровые платформы, которые будут принимать решение о возможности продажи спиртного, необходимости замены паспорта, назначении пенсии, доступности кредита, выдаче лицензии на оружие, продлении трудового контракта, т. е. решение принимается на основе данных о человеке и той жизненной ситуации, в которую он попал. Поэтому проблема ответственности за действия систем искусственного интеллекта – самая обсуждаемая. Такие системы имеют технический потенциал к самообучению, совершенствованию и развитию, что делает их все сложнее и менее прозрачными в плане алгоритмов принятия решения. Ожидания общества таковы, что «действия ИИ должны быть прозрачными для широкого круга заинтересованных сторон, в том числе для повышения доверия граждан к ИИ и цифровым технологиям вообще» [12, с. 17]. Иначе появятся непреодолимое препятствие для цифровизации общества и реальные риски для гражданского общества [13].

Но самое главное – алгоритм будет принимать решения в нестандартной жизненной ситуации, которые раньше являлись этическим выбором лица, принимающего решения. Например, назначать или не назначать пособие на детей от 3 до 7 лет при «нулевом доходе» его родителей? Другой пример: продавать

или не продавать оружие, если человек в последнее время в цифровом сетевом пространстве явно выражает угрозы в чей-либо адрес? Пока решение может принимать оператор-человек, можно рассчитывать на сочувствие, понимание, интуицию. Машина же не склонна к сентиментальности, ее алгоритм зависит программных настроек. А поскольку корпорации, в т. ч. государственные, очень активно занимаются внедрением цифровых сервисов, то именно они в ближайшие годы будут настраивать «практику правоприменения» алгоритмов искусственного интеллекта. Это действительно серьёзная проблема, поскольку речь идёт о делегировании права принятия этического решения алгоритмам искусственного интеллекта. При этом в случае ошибки сделать ответственной интеллектуальную систему вряд ли получится. С юридической точки зрения виноват, скорее всего, будет владелец цифровой платформы, «программист» или «эксперт», создающий алгоритмы принятия решений. Но первый никакие правила принятия решений не создавал, оператор лишь закладывает правила поведения в алгоритмы цифровых платформ, определяемые экспертом, специалистом в некоторой предметной области. А эксперт основывает логику принятия решений на тех законах, нормах и правилах, которые действуют в обществе. Таким образом, в проигрыше всегда останется рядовой гражданин как самый незащищённый и некомпетентный участник процесса тотальной цифровизации.

Опасность ошибки идентификации

Необходимость цифровой идентификации постепенно укладывается в сознании людей. Все больше граждан становятся пользователями цифровых сетевых платформ, используя электронную подпись, биометрию, коды и пароли. Однако с признанием данных форм идентификации растёт озабоченность граждан по поводу возможных рисков «кражи личности», когда к персональным данным (особенно биометрическим) цифровой

платформы получает доступ совершенно посторонний человек. Например, если человек давно не посещает свой аккаунт в социальной сети, мошенники могут до него добраться и украсть вместе с личными данными пользователя.

Современный «Интернет вещей», помимо потрясающих возможностей, приносит в этот цифровой мир много новых, малоизученных опасностей. Умные устройства, персональный компьютер и бытовая техника, подключённая к сети, все чаще становятся мишенью для хакеров. Из-за несовершенства и технических сбоев человек может стать заложником в собственном «умном доме». Так, осенью 2017 г. была обнаружена уязвимость в мобильном и облачном приложениях дистанционного управления домашней интеллектуальной системы, которая позволила злоумышленнику удалённо войти в облачное приложение и, завладев учётной записью, получить контроль над его устройствами. В частности, стало доступным управление пылесосом и, главное, встроенной в него видеокамерой, которая снимала видео в режиме реального времени и сохраняла его в приложении. При взломе устройств пользователя опасности подвергается персональная информация о человеке: злоумышленникам доступна информация о его местонахождении, состоянии здоровья, ведущихся разговорах, в т. ч. деловых, и т. д. [14]. Именно из-за риска постороннего вмешательства в работу миниатюрных медицинских приборов, в частности, электронного кардиостимулятора кардиолог вице-президента США Дика Чейни не одобрил его использование пациентом. Эксперты по безопасности демонстрируют, что с помощью легкодоступного оборудования, руководства для пользователя и знания кода прибора они могут взять под контроль прибор или осуществлять мониторинг посылаемых им данных [15, р. 499]. Поэтому в новом цифровом деловом мире потребуются технологии для аутентификации не только

личности людей, но и личных вещей граждан.

Опасность несанкционированного доступа и использования персональных данных

Вопрос о нарушении цифровой конфиденциальности также связан с несовершенством современных информационно-коммуникативных технологий. Спектр организаций, имеющих доступ к личной информации, расширяется, и если не управлять этим процессом должным образом, то это может подорвать доверие и репутацию цифровой платформы.

Понятие цифровой конфиденциальности лучше всего можно охарактеризовать как защиту информации о частных лицах, которая собирается от них непосредственно, от информационных датчиков или в результате аналитической деятельности. Цифровая конфиденциальность основана на том факте, что использование цифровых носителей для ведения дел, будь то личных или профессиональных, может оставить следы в цифровой форме (цифровые следы). Например, многие интернет-пользователи не осознают, что информация о них и их привычках поведения в Сети постоянно регистрируется и хранится. IP-адрес компьютера может быть прослежен до определённого пользователя, и таким образом, его привычки и предпочтения при просмотре веб-сайтов могут отслеживаться. Такая информация, как дата и время его поиска, какой браузер он использовал для доступа к веб-сайтам и даже сколько времени он просматривал веб-сайты, может храниться на серверах поисковой системы. Опасность несанкционированного использования персональных данных будет только увеличиваться с ростом числа цифровых сервисов, поскольку каждое устройство становится потенциальной точкой утечки данных. К такой «внезапной сверхпрозрачности» никто не готов.

Сегодня каждая цифровая платформа ведёт свою базу данных пользователей, хотя ее создание идёт вразрез не только с Законом «О персональных данных», но и положениями Конституции РФ о праве на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и недопущении сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия [16]. Вместе с тем «манипуляции с данными обеспечивают платформе не только возможность создавать качественные платформенные инструменты взаимодействия пользователей, но и извлекать дополнительную выгоду от данных путём реализации извлечённых знаний третьим лицам, не всегда являющихся участниками платформы» [17]. Кроме того, стремление к повышению прибыли от сбора и обработки данных приводит к возникновению новой формы монополии, называемой цифровой монополией [18], которая стремится к более полному контролю сети и расширенному использованию данных, собранных прямо и косвенно в цифровых экосистемах (Amazon, Facebook). Появляются такие веб-сайты, которые специализируются на формировании профилей частных лиц, включающих не только актуальные полные имена, даты рождения, адреса, псевдонимы, изображения и карты в домах людей и многое другое, но и хранении информации, описывающей последние 10 лет жизни запрашиваемого человека. А поскольку российская программа «Цифровая экономика» в значительной степени связана с деятельностью госкорпораций, данная опасность приобретает актуальность и в плане политического контроля [19].

Таковыми услугами могут воспользоваться заинтересованные лица в корыстных целях, таких как дискредитация хозяина аккаунта цифровой платформы, для незаконного получения выгод от компаний/государства или мошенничество в отношении пользователя платформы для получения денежных средств граждан.

Поэтому в публичной сфере сохранность персональных данных становится основным предметом «конфликтов и противоречий основных участников в лице национальных государств, технологических компаний (включая Big Tech), коммерческих организаций, криминальных структур, институтов гражданского общества» [20, с. 148].

Так или иначе, с определённой периодичностью происходят утечки информации, даже несмотря на наличие соглашения об обработке личных данных, в котором фиксируется, что организация обязуется хранить эти данные и по требованию пользователя уничтожать их. Понятно, что данные о приватной жизни пользователей стараются оберегать через внедрение систем кибербезопасности. Некоторые исследования показали, что принимаемые меры недостаточны и не обеспечивают необходимой защиты [21].

Осознание этой опасности всеми участниками цифрового сетевого взаимодействия может ощутимо замедлить скорость и конечные цели развития цифровых технологий, сконцентрировав большую часть усилий на разработке и реализации стратегии обеспечения кибербезопасности.

Опасность виртуализации социальных контактов

Процесс опосредования социальных контактов цифровыми информационными технологиями усиливает их виртуализацию. Значительная часть социальных коммуникаций может быть осуществлена без физического присутствия коммуникантов. Данный тип взаимодействия неизменно реализуется посредством таких технических средств, как планшет, компьютер или иное мобильное устройство с выходом в сеть Интернет. Это реализуется в интернет-магазинах, электронном банкинге, сервисах онлайн-знакомства, обучающих дистанционных курсах. Без сомнения, коммуникации в виртуальном пространстве удобны дистантностью, мобильностью, интерак-

тивностью, мультисубъектностью, трансграничностью. Эти характеристики позволили создать совершенно новые форматы коммуникаций, изменив природу человеческих отношений. Сеть Интернет предоставляет среду, в которой люди могут изображать себя иначе, чем они есть на самом деле, а также даёт возможность в произвольный момент времени прекратить своё участие в актах коммуникации (даже на стадии расчёта за приобретённый товар или услугу). Ясно, что процесс налаживания контактов и формирования социальных связей в виртуальном сетевом пространстве требует от индивида гораздо меньше материальных затрат, физических усилий и «нервных клеток». Но в то же время виртуализация социальных коммуникаций ведёт к росту обособленности. Реальный мир быстро теряет свою привлекательность, поскольку виртуальный мир кажется все более удобным для общения в рамках любой деятельности человека.

Опасность цифрового неравенства

Цифровизация определяет включенность людей в современную жизнь, что стало особенно заметно в период нынешней пандемии и самоизоляции. Инклюзия как процесс социализации граждан подразумевает и доступность цифровых сервисов с учётом всех объективных ограничений. Таким объективным ограничением может выступать, например, технико-технологическая отсталость, которая наблюдается у определённых категорий граждан: жителей отдалённых территорий, у граждан с низким уровнем дохода, людей с ограниченными возможностями здоровья.

Так, жителям небольших хуторов, поселков или аулов нужен не просто выход в сеть Интернет, а возможность пользоваться целым рядом онлайн-сервисов. Это достигается внедрением широкополосного доступа в сеть Интернет. Но здесь проявляется другой фактор: низкий уровень дохода ведёт к тому, что человек реже использует широкополосный Интернет, а

это значительно затрудняет обратную связь при использовании цифровых сервисов. А людям с ограниченными возможностями или с особыми потребностями не всегда удобно пользоваться цифровыми сервисами, так как они создаются без учета их особенностей. Не только инвалидность, но и травмы, болезни, возрастные изменения, появление детей влияют на возможности человека ориентироваться в интернет-пространстве, пользоваться гаджетами и потреблять медиаконтент. Поэтому многим из них необходимы соответствующие пользовательские сценарии. Когда цифровые сервисы изначально проектируются с учётом различных сценариев использования, то они будут продолжать оставаться доступны человеку, даже если со временем у него изменятся возможности и потребности.

Если в обществе существуют достаточно большие группы граждан, которые имеют ограниченные возможности доступа к современным цифровым средствам коммуникации, то можно констатировать наличие «цифрового неравенства» [22]. Фактически «те, кто задействован в данной системе, получают дополнительное преимущество в виде скорости получения необходимой информации, те, кто исключен из данной системы, вынуждены затрачивать больше средств и усилий в таких поисках, что соответственно делает их менее эффективными в современном мире» [23]. При этом цифровое неравенство превращается в перманентную проблему [24]. Например, сегодня пользователь должен быть обеспечен не просто мобильным телефоном, а девайсом с расширенным функционалом, не просто доступом в сеть, а высокоскоростным Интернетом. А это значит, что мы имеем дело с «проблемой движущейся цели».

Опасность цифрового аутсайдерства

Развитие цифровых сервисов связано не только с инфраструктурой, но и с культурой пользователей, практикой исполь-

зования современных цифровых сервисов, цифровой грамотностью. Намечающийся люфт между темпами развития цифровых технологий и трансформацией компетенций человека порождает опасность цифрового аутсайдерства, когда человек не находит своего места в обществе.

Отметим, пользователи даже ментально не успевают за цифровым прогрессом. У определённой части населения внутреннее растёт страх и сопротивление, когда приходится сталкиваться с цифровыми технологиями. Это может принимать форму футурофобии, что находит выражение в устойчивом предубеждении, негативном отношении к цифровым технологиям в целом или каким-то конкретным сервисам, а может и в переживании тревоги в связи с использованием технологии, которая может лишить самостоятельности, контроля над своими поступками и ответственности, сохранения частной, потаённой информации. Футурофобию отличает от других фобий то, что человек осознаёт неизбежность контакта с цифровыми технологиями. У него уже нет выбора, поскольку цифровизацию уже не остановить. Преодолению страха перед будущим будет способствовать цифровая компетентность. Она состоит в непрерывном овладении знаниями, умениями, навыками, формировании соответствующей мотивации для того, чтобы уверенно, эффективно, критично и безопасно применять цифровые сервисы в разных сферах своей жизнедеятельности. Именно отсутствие цифровой компетентности порождает неспособность перерабатывать большое количество информации, которая ведет к затрате большого количества личного времени при работе с сервисами.

При этом знание, как именно работает цифровая технология, решающего значения здесь не имеет. Для пользователя важны «рецепты» использования цифровых сервисов, а также ему важно понимать, насколько легко ими овладеть,

можно применить в определённой жизненной ситуации, насколько можно довериться их разработчикам и владельцам.

Опасность сегментации социально-сетевого пространства

Аккумулированная на цифровых платформах личная информация может быть использована и для манипулирования выбором и предпочтениями человека. К этому добавляется таргетирование информации на основе больших данных и «Интернет вещей», т. е. персональные гаджеты пользователей становятся ценным источником информации для формирования цифровых профилей. Не стоит также забывать, что цель любого владельца коммерческой цифровой платформы – это извлечение прибыли, а не обеспечение конституционных прав граждан в области неприкосновенности личной жизни. Поэтому каждый человек хотя бы один раз сталкивался с рекламными предложениями по телефону или электронной почте от посторонних лиц, кому явно не оставлял своих контактов и не давал согласие на обработку персональных данных. Подвергаются атакам рекламных агентов даже те люди, которые крайне осторожно и бережно относятся к распространению своих личных данных. В этом случае наблюдается так называемая персонализация контента, т. е. идёт адаптации выдачи информации с веб-ресурса под определённые категории интернет-пользователей на основе предсказания возможных интересов и предпочтений, которые даются на основе их персональных данных, цифрового поведения и цифровых следов.

Но цифровой мир идёт дальше. Персонализация сопровождается особым эффектом: крупные цифровые платформы окружают каждого пользователя его собственным информационным «пузырём» [25], внутри которого индивиду демонстрируется отредактированная информационная картина мира на основе анализа его пользовательской активности. Сегодня возникают технологические возможности создания индивидуальных цифро-

вых капсул с учётом индивидуальных особенностей восприятия информации и предпочтений форм и контента её потребления [26]. По мнению А. А. Мовчан, каждый находится «в зоне комфорта собственных предубеждений», «подменяя реальность, паразитируя на страхах и слабостях людей, последние при этом расплачиваются не только потраченным временем, но и реальным положением дел в жизни своей семьи и страны» [27].

Выводы

Главное отличие цифровизации в том, что человек имеет дело не с отдельной информационно-телекоммуникационной технологией, а с комплексом цифровых и информационно-телекоммуникационных технологий, обеспечивающим создание конкретизированной и специализированной системы взаимодействия между акторами и актантами сетевого пространства. В цифровом обществе люди, IoT-устройства и цифровые платформы взаимосвязаны в киберпространстве, и по большому счёту результаты, полученные с помощью цифровых сервисов, должны быть возвращены в физическое пространство для обеспечения комфортной среды обитания человека. Именно такая социотехническая конвергенция призвана разрешить основные вызовы глобального цивилизационного развития. Но её сопутствующим элементом выступает повышенная опасность, которая может сформировать рискогенное поведение пользователей цифровых платформ. В этом случае обозначенные нами опасности, которые могут привести к деструкции сложившихся социальных практик повседневной жизнедеятельности в цифровом сетевом пространстве, сильно замедлят темпы цифровизации.

Современному обществу необходимо найти способы сосуществования людей и технологий в цифровом мире, ибо цифровизация – это необратимый процесс. И не исключено, что выбора здесь попросту нет: обозначенные нами опасности идут в

одном пакете с цифровизацией. Однако, вероятнее всего, признание уязвимости цифровых платформ не приведёт к тому, что люди согласятся жертвовать своим

новым технологическим комфортом, но станут искать возможности компенсации рисков и более безопасных стратегий развития цифровой техносферы.

Список литературы

1. Зотов В. В. Информационно-аналитические платформы как основа цифровизации общества // Труды 63-й Всероссийской научной конференции МФТИ. 23–29 ноября 2020 года. Гуманитарные науки и педагогика. М.: МФТИ, 2020. С. 71-72.
2. Majchrzak A., Markus M. L., Wareham J. Designing for digital transformation: Lessons for information systems research from the study of ICT and societal challenges // MIS Quarterly. 2016. Vol. 40, N 2. P. 267–277.
3. The dark side of information technology / Tarafdar M., D'Arcy J., Turel O., Gupta A. // MIT Sloan Management Review. 2015. Vol. 56, N 2. P. 61-69.
4. Kumar S., Tiwari P., Zymbler M. Internet of Things is a revolutionary approach for future technology enhancement: a review // Journal of Big Data. 2019. N 6. P.111. <https://doi.org/10.1186/s40537-019-0268-2>.
5. Собиров Б. Ш. Homo digital: поведение в цифровую эпоху // Modern Science. 2021. № 1-2. С. 112-116.
6. Battistelli F., Galantino M. G. Dangers, risks and threats: An alternative conceptualization to the catch-all concept of risk // Current Sociology. 2018. Vol. 67, N 1. P. 64-78. <https://doi.org/10.1177/0011392118793675>.
7. Алле М. Поведение рационального человека в условиях риска: критика постулатов и аксиом американской школы // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 217-241.
8. Зотов В. В., Каменева Т. Н. Социокультурный риск: понятие и классификация // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления: материалы Международной научно-практической конференции, Белгород, 19–20 ноября 2015 года / ответственный редактор Ю. А. Зубок. Белгород: ПТ, 2015. С. 392-396.
9. Климашевская О. В. Цифровая модернизация российского государства и общества: плюсы, вызовы и риски // Власть. 2020. Т. 28, № 1. С. 92-96. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i1.7047>.
10. Винник Д. В. Социальная феноменология цифровой эпохи: риторика ненависти, анонимусы, копирайт и полицейский надзор // Философия образования. 2014. № 4(55). С. 79-88.
11. Pasquale F. The Black Box Society. The Secret Algorithms That Control Money and Information. Cambridge: Harvard University Press, 2016. 320 p.
12. Этика и «цифра» — коротко о главном. Робот-врач, робот-учитель, робот-полицейский: социальные риски и отраслевые этические вызовы: аналитическая записка к тому 2 доклада «Этика и „цифра“: этические проблемы цифровых технологий». М.: РАНХиГС, 2020. 45 с.
13. Aseeva I., Budanov V. Digitalization: potential risks for civil society // Економічний часопис-XXI. 2020. Т. 186, № 11-12. С. 36-47.
14. Бевза Д. Скрытая угроза: Интернет вещей: Чем очень опасен Интернет вещей для современного общества. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2018/01/06/11573180/iot_is_not_safe.shtml (дата обращения: 10.09.2021).
15. Clery D. Could your pacemaker be hackable? // Science. 2015. Vol. 347, is. 6221.
16. Асеева И. А. Проблема приватности в цифровую эпоху // Научно-исследовательские исследования, 2020: ежегодник / отв. ред. Е. Г. Гребенщикова; ИНИОН РАН. М., 2020. С. 36-50.
17. Рындина С. В. Уязвимости цифровых платформ // Современные инструменты, методы и технологии управления знаниями. 2020. № 3. С. 1-5.
18. Loertscher S., Marx L. M. Digital monopolies: Privacy protection or price regulation? // International Journal of Industrial Organization. 2020. Vol. 71, N 3. P. 102623.

19. Мухаметов Д. Р. Политические риски и барьеры цифровизации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10, № 4. С. 58-64. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-4-58-64>.
20. Мухаметов Д. Р. Технологии big data в политических процессах: риски и ограничения // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9, № 9. С. 143-149. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-6-143-149>
21. Minoli D., Sohraby K., Kouns J. IoT security (IoTSec) considerations, requirements, and architectures // Proceeding 14th IEEE annual consumer communications & networking conference (CCNC). Las Vegas, 2017. P. 1006-1007. <https://doi.org/10.1109/ccnc.2017.7983271>.
22. Bucy E. P. Social Access to the Internet // The Harvard International Journal of Press-Politics. 2000. Vol. 5, N 1. P. 50-61. <https://doi.org/10.1162/108118000568967>.
23. Pippa N. Digital divide: civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide. New York: Cambridge University Press, 2001. 303 p.
24. Compaine B. M. The Digital Divide: Facing a Crisis or Creating a Myth? Cambridge: The MIT Press, 2001. 374 p.
25. Pariser E. The Filter Bubble: What The Internet Is Hiding From You. New York: Penguin Press, 2011. 294 p.
26. Володенков С. В., Артамонова Ю. Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 188-196. <https://doi.org/10.17223/1998863X/53/20>.
27. Мовчан А. А. Россия в эпоху постправды. Здравый смысл против информационного шума. М.: Альпина Паблишер, 2019. 598 с.

References

1. Zotov V. V. [Information and analytical platforms as the basis for the digitalization of society]. Trudy 63-y Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii MFTI. 23–29 noyabrya 2020 goda. Gumanitarnyye nauki i pedagogika [Proceedings of the 63rd All-Russian Scientific Conference of MIPT. November 23–29, 2020. Humanities and pedagogy]. Moscow, MIPT Publ., 2020, pp. 71-72. (In Russ.)
2. Majchrzak A., Markus M. L., Wareham J. Designing for digital transformation: Lessons for information systems research from the study of ICT and societal challenges. *MIS Quarterly*, 2016, vol. 40, no. 2, P.267–277.
3. Tarafdar M., D'Arcy J., Turel O., Gupta A. The dark side of information technology. *MIT Sloan Management Review*, 2015, vol. 56, no. 2, pp. 61-69.
4. Kumar S., Tiwari P., Zymbler M. Internet of Things is a revolutionary approach for future technology enhancement: a review. *Journal of Big Data*, 2019, no. 6, p.111. <https://doi.org/10.1186/s40537-019-0268-2>
5. Sobirov B. Sh. Homo digital: povedeniye v tsifrovuyu epokhu [Homo digital: behavior in the digital age]. *Modern Science*, 2021, no. 1-2, pp. 112-116.
6. Battistelli F., Galantino M. G. Dangers, risks and threats: An alternative conceptualization to the catch-all concept of risk. *Current Sociology*, 2018, vol. 67, no. 1, pp. 64-78. <https://doi.org/10.1177/0011392118793675>
7. Allé M. Povedeniye ratsional'nogo cheloveka v usloviyakh riska: kritika postulatov i aksiom amerikanskoy shkoly [Behavior of a rational person in conditions of risk: criticism of the postulates and axioms of the American school]. *THESIS*, 1994, is. 5, pp. 217-241.
8. Zotov V. V., Kameneva T. N. [Socio-cultural risk: concept and classification]. Riski v izmenyayushcheysya sotsial'noy real'nosti. Problema prognozirovaniya i upravleniya. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Belgorod, 19–20 noyabrya 2015 goda [Risks in a changing social reality. The problem of forecasting and management. Proceedings of the international scientific-practical conference, Belgorod, November 19–20, 2015]; ed. by Yu. A. Zubok. Belgorod, PT Publ., 2015, pp. 392-396. (In Russ.)

9. Klimashevskaya O. V. Tsifrovaya modernizatsiya rossiyskogo gosudarstva i obshchestva: plyusy, vyzovy i riski [Digital modernization of the russian state and society: positive aspects, challenges and risks]. *Vlast' = Power*, 2020, vol. 28, no. 1, pp. 92-96. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i1.7047>
10. Vinnik D. V. Sotsial'naya fenomenologiya tsifrovoy epokhi: ritorika nenavisti, anonimusy, kopi-rayt i politseyskiy nadzor [Social phenomenology of the digital age: rhetoric of hatred, anonymus, copy-right and police supervision]. *Filosofiya obrazovaniya = Philosophy of Education*, 2014, no. 4 (55), pp. 79-88.
11. Pasquale F. The Black Box Society. The Secret Algorithms That Control Money and Information. Cambridge, Harvard University Press, 2016, pp. 214-218.
12. Etika i "tsifra" – korotko o glavnom. Robot-vrach, robot-uchitel', robot-politseyskiy: sotsial'nyye riski i otraslevyye eticheskiye vyzovy: analiticheskaya zapiska k tomu 2 doklada "Etika i „tsifra“: eticheskkiye problemy tsifrovyykh tekhnologiy". [Ethics and "digital" – briefly about the main thing. Doctor robot, teacher robot, police robot: social risks and sectoral ethical challenges: analytical note to volume 2 of the report "Ethics and the digital: ethical problems of digital technologies"]. Moscow, RANEPa Publ., 2020. 45 p.
13. Aseeva I., Budanov V. Digitalization: potential risks for civil society. *Економічний часопис-XXI = Economic Magazine-XXI*, 2020, vol. 186, no. 11-12, pp. 36-47.
14. Bevza D. Skrytaya ugroza: internet veshchey: Chem ochen' opasen internet veshchey dlya sovremennogo obshchestva [The Latent Threat: the Internet of Things: Why the Internet of Things is very dangerous for modern society]. Available at: https://www.gazeta.ru/tech/2018/01/06/11573180/iot_is_not_safe.shtml. (accessed 10.09.2021)
15. Clery D. Could your pacemaker be hackable? *Science*, 2015, vol. 347, is. 6221.
16. Aseeva I. A. [The problem of privacy in the digital age]. *Naukovedcheskie issledovaniya*, 2020. Ezhegodnik [Scientific research, 2020. Yearbook]; ed. by E. G. Grebenshchikova. Moscow, ISSS RAS Publ., 2020, pp. 36-50. (In Russ.)
17. Ryndina S. V. Uyazvimosti tsifrovyykh platform [Vulnerabilities of digital platforms]. *Sovremennyye instrumenty, metody i tekhnologii upravleniya znaniyami = Modern Knowledge Management Tools, Techniques and Technologies*, 2020, no. 3, pp.1-5.
18. Loertscher S., Marx L. M. Digital monopolies: Privacy protection or price regulation? *International Journal of Industrial Organization*, 2020, vol. 71, no. 3, pp. 102623.
19. Mukhametov D. R. Politicheskkiye riski i bar'yery tsifrovizatsii [Political risks and barriers of digitalisation]. *Gumanitarnyye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 58-64. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-4-58-64>
20. Mukhametov D. R. [Big Data technologies in political processes: risks and opportunities]. *Gumanitarnyye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2019, vol. 9, no. 9, pp.143-149. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-6-143-149>
21. Minoli D., Sohraby K., Kouns J. IoT security (IoTSec) considerations, requirements, and architectures. Proceeding 14th IEEE annual consumer communications & networking conference (CCNC). Las Vegas, 2017, pp. 1006-1007. <https://doi.org/10.1109/ccnc.2017.7983271>
22. Bucy E. P. Social Access to the Internet. *The Harvard International Journal of Press-Politics*, 2000, vol. 5, no. 1, pp. 50-61. <https://doi.org/10.1162/108118000568967>
23. Pippa N. Digital divide: civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide. New York, Cambridge University Press, 2001. 303 p.
24. Compaine B. M. The Digital Divide: Facing a Crisis or Creating a Myth? Cambridge, The MIT Press, 2001. 374 p.
25. Pariser E. The Filter Bubble: What The Internet Is Hiding From You. New York, Penguin Press, 2011. 294 p.
26. Volodenkov S. V., Artamonova Yu. D. Informatsionnyye kapsuly kak strukturnyy komponent sovremennoy politicheskoy internet-kommunikatsii [Information capsules as a structural component of contemporary political internet communication]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya = Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2020, no. 53, pp. 188-196. <https://doi.org/10.17223/1998863X/53/20>

27. Movchan A. A. Rossiya v epokhu postpravdy. Zdravyy smysl protiv informatsionnogo shuma [Russia in the era of post-truth. Common sense versus information noise]. Moscow, Alpina Publisher, 2019. 598 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Зотов Виталий Владимирович, доктор социологических наук, профессор, профессор департамента философии учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук, Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет), Московская область, г. Долгопрудный, Российская Федерация,
e-mail: om_zotova@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1083-1097

Асеева Ирина Александровна, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: irinaaseeva2011@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-4172-7762

Буданов Владимир Григорьевич, доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник ИФ РАН, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: budsyn@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-2371-8659

Vitaly V. Zotov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Educational and Scientific Center for the Humanities and Social Sciences, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), Moscow Region, Dolgoprudny, Russian Federation,
e-mail: om_zotova@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1083-1097

Irina A. Aseeva, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Leading Researcher at ISS RAS, Moscow, Russian Federation,
e-mail: irinaaseeva2011@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-4172-7762

Vladimir G. Budanov, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Main Research Fellow IPh RAS, Moscow, Russian Federation,
e-mail: budsyn@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-2371-8659

О возможности интегральной этики Большого антропологического перехода

В. Г. Буданов¹ ✉

¹ Институт философии РАН
ул. Гончарная 12, стр.1, г. Москва 109240, Российская Федерация

✉ e-mail: budsyn@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В условиях цивилизационного кризиса глобальной мир-системы происходит хаотизация всех сфер человеческой жизни. Наши времена характеризуются его небывалыми масштабами и информационными синхрониями, принятыми называть Большим антропологическим переходом. Происходят распад и столкновение огромного числа ценностных матриц, этик и идентичностей, создавая травматичный внутренний мир миллионов людей, обреченных долгое время быть в состоянии перманентной неопределенности. Стабилизация внутреннего мира людей становится крайне важной задачей, которая решается переосмыслением и обновлением этических норм взаимоотношений с миром и людьми.

Цель – определение онтологического статуса и возможности построения интегральной этики, позволяющей создать оптику понимания и коммуникацию носителей уже известных этик.

Задачи: осуществить анализ понятия интегральной этики, ее роли в процессах адаптации человека в условиях неопределенности; предложить системно-функциональную модель интегральной этики.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались историко-философский, синергетический, системно-функциональный, компаративистский и культурологический подходы к проблеме.

Результаты: проведен компаративистский анализ свойств адаптивности к кризису для различных мировоззренческих этических систем; предложена модель софийного этического ключа как критерия целостности и степени интегральности этики; обсуждается эффективность интегральной этики в условиях Большого антропологического перехода.

Выводы. В результате исследования выяснилось, что предложенная в работе модель интегральной этики является наиболее полной и холистичной для задач гармоничного прохождения кризисных фаз Большого антропологического перехода.

Ключевые слова: интегральная этика; Большой антропологический переход; экзистенциальный кризис.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Финансирование: Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00904а «Методология сложно-сетевого мышления: Большой антропологический переход и вызовы цифровой эпохи».

Для цитирования: Буданов В. Г. О возможности интегральной этики Большого антропологического перехода // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 260–269. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-260-269>.

Поступила в редакцию 04.10.2021

Принята к публикации 02.11.2021

Опубликована 29.12.2021

On the Possibility of Integral Ethics The Great Anthropological Transition

Vladimir G. Budanov¹ ✉

¹ Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
12 Goncharnaya str., p. 1, Moscow 109240, Russian Federation

✉ e-mail: budsyn@yandex.ru

Abstract

Relevance. In the conditions of the civilizational crisis of the global world-system, all spheres of human life are chaotic. Our times are characterized by its unprecedented scale and informational synchronicities, which are called the great anthropological transition. A huge number of value matrices, ethics and identities are disintegrating and colliding, creating a traumatic inner world of millions of people who are doomed to be in a state of permanent uncertainty for a long time. The stabilization of the inner world of people becomes an extremely important task, which is solved by rethinking and updating the ethical norms of relations with the world and people.

The purpose is determination of the ontological status and the possibility of building an integral ethics that allows creating the optics of understanding and communication of carriers of already known ethics.

Objectives: to analyze the concept of integral ethics, its role in the processes of human adaptation in conditions of uncertainty; to propose a system-functional model of integral ethics.

Methodology. In the process of working on the research, the following methods were used historical-philosophical, synergetic, system-functional, comparative and culturological approaches to the problem.

Results: a comparative analysis of the properties of adaptability to crisis for various ideological ethical systems is carried out; a model of the Sophia ethical key is proposed as a criterion of integrity and the degree of integrality of ethics; the effectiveness of integral ethics in the conditions of a Large Anthropological Transition is discussed.

Conclusion. As a result of the study, it turned out that the model of integral ethics proposed in the work is the most complete and holistic for the tasks of harmonious passage of the crisis phases of a large anthropological transition.

Keywords: Integral ethics; Great anthropological transition; existential crisis.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Funding: The publication was prepared with the support of RFBR grant No. 20-011-00904a "Methodology of complex network thinking: the Great anthropological transition and challenges of the digital age".

For citation: Budanov V. G. On the Possibility of Integral Ethics The Great Anthropological Transition. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(6): 260–269. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-260-269>.

Received 04.10.2021

Accepted 02.11.2021

Published 29.12.2021

Введение

Природа происхождения Большого антропологического перехода, помимо перманентного системного глобального кризиса капитализма, соизмеримого с эпохой Великой депрессии 30-х годов прошлого века, имеет глубинные антропологические, исторические и метафизические основания, порожденные глобальным цивилизационным кризисом мира потребительства и эгоизма, завершением эпохи Модерна, кризисом техноантропо-

сферы, уничтожающим планету, культуру и человеческое естество. Сроки его начала связывались с идеей радикальной смены закона взрывного роста народонаселения Земли к 20-м годам нашего столетия, предсказанные еще Джей Форестером [1] почти полвека назад, далее эта идея развивалась Э. Ласло [2] в его теории макросдвига и в модели С. П. Капицы [3]. Сергей Петрович отмечал в первую очередь информационную основу этого поливариантного перехода, имею-

щего тектонические социальные и культурные цивилизационные последствия. Подобный бурный переход от Античности к Средневековью провел народы средиземноморской ойкумены чередой массовых миграций, войн, эпидемий, экзистенциальных кризисов, смен культурных матриц и религиозных представлений, в которых родилась первая мировая религия – христианство. Вполне можно сказать, что это было время глобализации краха Римской империи. Сегодня наблюдаем аналогичную глобализацию краха империи западной цивилизации, когда не существует уголка планеты, избежавшего кризиса. В этот период турбулентных процессов столкновения и контактов многих ценностно-культурных матриц особое значение имеет диалог культур, взаимное понимание этик многих народов, выявление их инвариантного, всечеловеческого, по Достоевскому, ядра, способного гармонизировать культурные разногласия и быть основой их диалогов. Сетевая природа Большого антропологического перехода и его ритмокаскадное обоснование можно найти, в частности, в наших работах [4; 5; 6]. Данное исследование посвящено проблеме возможности построения интегральной этики, которая призвана выявить инварианты множества исторически различных этических форм. Таким образом, необходим переход к стратегии взаимопомощи людей, активации в людях духовных ценностей и высших состояний перед лицом смертельной угрозы самоуничтожения человечества. Впрочем, так преодолевался любой экзистенциальный кризис во все времена, в этих состояниях рождались религии и духовные учения, дающие людям опору и надежду. Так закалялась вера первых христиан. Конечно, мы не претендуем на создание нового учения, все уже сказано основателями и пророками мировых религий, этических и философских учений, но напоминаем главное, на наш взгляд, для сегодняшнего дня. Понимание и следование своей духовной природе в наше

время поможет человеку гармонично пройти начавшийся Большой антропологический переход. Люди впервые в своей истории должны научиться понимать свой коллективный Разум и осознанно, в согласии с высшим замыслом, творить новую реальность.

Духовные основания Большого антропологического перехода

Для дальнейшего обсуждения необходимо напомнить, что человек живет одновременно в двух взаимосвязанных мирах – внешнем и внутреннем. Когда кризис происходит в одном из них, человек может найти прибежище в другом. Так, драму личной утраты в физическом мире далеко не всегда можно компенсировать в этом мире, но может помочь обращение личности во внутреннем мире к философии или религии, активировании чувства любви или заботы, обращению к ярким впечатлениям искусства и творчества. И наоборот, психосоматические эффекты оздоровления или отвлекающий физический труд часто являются целительным для лечения психической травмы. В любом случае кризис во внешнем мире проходит оптимально при благополучии внутреннего мира. Если же внутренний мир находится в кризисе, то внешний мир может как стабилизировать внутренний (например, за счет замещения причин кризиса), так и сам может быть хаотизирован внутренним миром при неадекватном поведении личности. Яркий пример такой взаимосвязи миров является любая пандемия, которая сразу же активизирует психодемию, кратно увеличивая число жертв.

Особенность глобального кризиса Большого антропологического перехода заключается в его комплексности и затяжном характере перманентной неопределенности. Это хорошо известно в теории управляемого хаоса С. Манна, который искусственно создается в психике для манипулятивных целей [7]. В хаосе находится как внешняя реальность, так и

внутренняя, и в длительной ситуации кризиса изменить внешний мир можно, только начав со стабилизации внутреннего мира людей, а именно с культивирования гармоничных стабильно-позитивных состояний надежды и состояния метафизического понимания происходящего. Именно эти регулятивные функции во все времена выполняла этика, позволяя противостоять хаосу внешнего, стабилизируя внутреннее. Именно такую роль играло раннее христианство как религиозно-этическая система, ставшая позже идеологией Рима.

Материалы и методы

Методологической основой исследования служит интеграция историко-философского подхода с этическим, системно-функциональным, культурологическим, цивилизационным, антропологическим, компаративистским и синергетическим подходами в их взаимопроникновении и взаимообогащении. В качестве главного теоретико-методологического ориентира используется структурно-функциональный подход и концепция этического многообразия взаимодействующих культур как в синхронном, так и диахронном рассмотрении истории эволюции этических представлений, что создало возможность построения концепции интегральной этики и ее модели.

Результаты и их обсуждение

Итак, необходимым условием прохождения экзистенциального кризиса и жизни в условиях неопределенности является нормативное отношение к ценностям и антиценностям, прошлому и будущему, отношению к миру (включая природу, общество, ближних и самого себя), что и задается этикой.

Для наших целей мы используем максимум одного современного сельского священника, в которой, конечно, Нагорная проповедь Христа и его заповеди любви к Богу и ближнему остаются основным этическим кодексом. Но допол-

нительно предложен собирательный образ ключа к пониманию духовного пути и удержания целостности внутреннего мира человека. Это своеобразная памятка человека на пути вечности – как следует относиться к базовым категориям жизни в любых обстоятельствах для православного христианина: к высшему – с верой; к будущему – с надеждой; к прошлому – с благодарностью; к низшему – с покаянием; к своей душе (внутреннему) – с вниманием; к миру (внешнему) – с любовью.

Его объемное символическое изображение дано ниже (рис. 1).

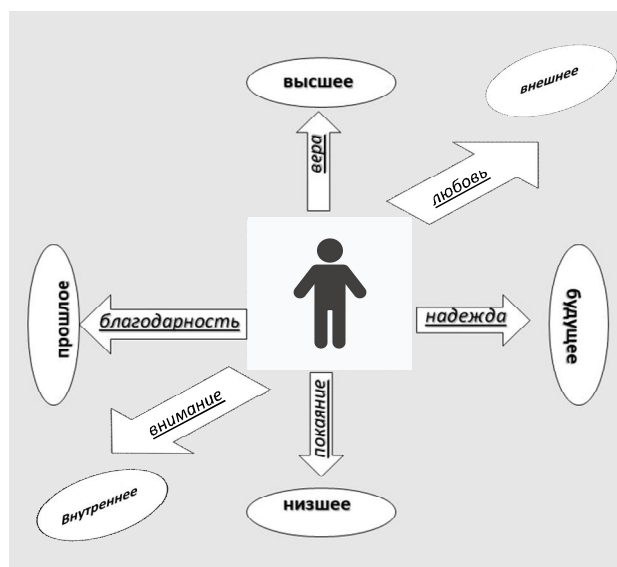

Рис. Символическое представление базовых отношений в православном христианстве

Поскольку эта сборка-ключ этических отношений к базовым категориям должна осуществляться не механистически, но самосогласованно и гармонично, т. е. мудро, софийно (тем более, что в этой сборке уже наличествуют категории вера, надежда и любовь), можно было бы назвать эту сборку софийным ключом этики. Тем более, что в православии синергия названных категорий глубоко проработана, и можно было бы говорить вообще о софийной этике христианства, но как мы покажем ниже, софийный ключ наиболее полон и может открывать понимание других этических и мировоззренческих систем.

Идея софийного ключа

Итак, мы имеем шесть базовых категорий (БК) – высшее, низшее, будущее, прошедшее, душа, мир, и соответствующих им шесть форм категориальных отношений к ним или категории отношений (КО): вера, надежда, благодарность, покаяние, внимание, любовь.

Сразу отметим, что любая этика задается отображением шести базовых категорий (БК), общих для всех возможных этик, с помощью шести категориальных отношений к ним (КО) специфичных для каждой конкретной этики. В притчах Евангелия мы находим прямые указания, какими должны быть эти категориальные отношения в христианстве. Однако существует множество других форм духовного понимания реальности, именно выбор категориальных отношений определяется культурой, задает тип этики и тип ключа этики, уже не обязательно софийного. Например, поставив в христианской этике антонимы в категориальных отношениях, получим полную манифестацию антихристианской этики, хотя достаточно уже и одного антонима, чтобы нарушить софийный ключ.

Близость или родство этик разных народов нами предлагается определять по разным основаниям, например по общности одного из шести КО или нескольких их комбинаций. Можно также ранжировать КО в каждой этике, вводя относительные веса категориальных отношений, создавая тем самым профили конкретных этик.

Например, императив любви к миру, включая любовь ко всем людям и природе, мы явно находим лишь в христианстве, буддизме, некоторых формах индуизма (путь Бхакти), нерадикального экологизма. В большинстве других этик всеобщая любовь имеет небольшой удельный вес. Причем любовь ко всем людям – удел лишь мировых религий (каждая душа христианка или каждая душа мусульманка). Этноплеменные этики и религии, например иудаизм, разделяют людей на своих и чужих.

Благодарность к прошлому имеет большой удельный вес и ярко манифестирует в архаических и традиционных культах предков, например в китайской культуре, в монархических традициях, консервативных взглядах, в церковных преданиях о святых и пророках. Однако в протестантизме существует в очень редуцированной форме, где из духовных книг и преданий, кроме Библии, почти ничего не значимо. Например, современная доминирующая либеральная этика прагматизма, транслируемая и в общеобразовательных школах Запада, меньше всего интересуется прошлым и любовью к миру, категории высшего и низшего все больше релятивизируются, вера и покаяние становятся анахронизмами, происходит деградация культуры. При этом в будущее обычно принято смотреть не просто с надеждой, а взором конструктора его созидającego, в то время как, например, древние греки времен Илиады Гомера, напротив, в будущее смотрели обреченно, полагая себя влекомыми роком, судьбой и волей богов [8].

Обращаясь к социалистической идеологии или технократическому мировоззрению, мы также видим не просто доминанту надежды, но рационального, созидательного, конструктивистского отношения к будущему и относительно снисходительное отношение к прошлому, в то время как, говоря о консервативных этических концепциях, мы замечаем более однородную степень активации всех шести КО по отношениям к базовым категориям БК.

Связка внимание – душа предполагает пробуждение внутреннего человека и рефлексию над своими состояниями и мыслями, что требует любая религиозно-духовная практика. Однако это почти невозможно в архаике в силу неразвитости рефлексии в те времена, и как ни прискорбно, все меньше наблюдается в современной массовой светской культуре: психологическая проза уступает место экшену и триллеру, игровой субкультуре.

Совершенно особо стоят этические проблемы оси высшее – низшее, задающей нравственные регулятивы и категории добра-зла в каждой этике. В религиях, да и до недавнего времени в светской этике, они задаются табуирующими и поощряющими заповедями, образцами блага и его нарушениями. В некоторых современных либеральных этических тенденциях предлагается полная свобода и толерантность к личностному выбору спектра высших и низших категорий, добра и зла либо вообще отказ от формирования этих понятий. Например, в чисто прагматической ситуационной этике общества в насущной иерархии высшего может быть предложена самая значимая цель: деньги, карьера, секс и т. д. Тогда мы имеем дело с редуцированным религиозным сознанием фетишизма, которое становится нормой современного общества потребления, а фетиш меняется по мере его достижения. В таком мировоззрении нет места высокой культуре, метафизике и духовному росту личности, а этический ключ и культура используются чисто функционально для манипулятивных целей и развития компетенций при достижении фетиша. Выравнивание статуса людей и вещей мы находим, например, в акторно-сетевой модели Б. Латура [9], в которой вполне удобно рассматривать подобные этики прагматического функционализма.

Мы видим, что возможно было бы построить культурно-семиотический ландшафт размещения этик разных народов и традиций в шестимерном пространстве БКхКО, прямого произведении категориальных отношений и базовых категорий этического ключа. Тем самым каждая этика задается своим ключом или точкой в этом шестимерном пространстве. Кроме того, ее внутреннее пространство задается шестимерным вектором или профилем активности, относящимся к соответствующей точке пространства КО. Подобные ландшафты профилей оценки рисков цифровизации в техноантропосфере мы

развивали, например, в коллективной монографии [10].

Можно сказать, что конкретная этика представляется шестимерным векторным отображением над БКхКО. Такая форма репрезентации важна для эффективного моделирования возможных диалогов представителей различных этнокультурных традиций либо людей, отождествляющих себя с ними. В глобальных социальных сетях подобная идентичность должна, несомненно, учитываться.

Подчеркнем, что жизнь в наступающей цифровой реальности Большого перехода также приводит к этической деградации хотя бы потому, что долговременная память выносится в Google, а это означает неявное перемещение туда базовых культурных ценностей, парадигмальных примеров и смыслов, в то время как духовная жизнь предполагает постоянное соотнесение себя с ними. Эмпатия, являющаяся основой любви к миру и людям, также страдает, клиповое сознание в быстрых потоках информации не способствует рефлексии и логическому мышлению, необходимому для самооценки, мы все больше доверяем искусственному интеллекту, ослабляя свой собственный.

Этика Большого антропологического перехода

Особенности возвращения людям внутреннего духовного статуса для прохождения длительного антропологического кризиса имеет свою стратегию. В традиционных религиях эти стратегии, безусловно, есть. Самый простой способ – обратиться к примеру активации христианской (и не только) онтологии жизненного пути.

Обращаясь к людям, верующим в Бога – Творца, а их более половины живущих на нашей планете, образно это звучит так: Человек создан по образу и подобию Бога, со свободной волей и жаждой творчества, сыновней любовью к Творцу и Миру, который он наследует. Человек на пути к Отцу творит в Духе

гармонию и благо, посвящая свою жизнь стяжанию Духа Святого. Человек живет в любви с Миром и ближними, совместно возделывает мировое Древо Жизни. Человек живет во времени и культуре, но принадлежит Вечности Творца, где в каждом мгновении находит прибежище. Здесь совершенно необходимо обратиться к становящейся повсеместной этике помысла, этике намерений, о которой много говорится, например, в Евангелии от Матфея [11], когда осуждается сама мысль о возможности греха. Ранее нами уже было показано, что этика помысла и высокие состояния души являются необходимым условием существования интуитивного канала и возможности высокого творчества людей будущего [12]. Очевидно, что эти идеи полностью созвучны софийному ключу этики, описанному нами ранее.

Подчеркнем универсальность изложенного выше. Как это ни странно, но эти принципы разделяют и атеисты, если под Богом понимать проснувшуюся Совесть и следование вечной максиме, сформулированной Конфуцием: «Не делай другому того, чего себе не пожелаешь» (золотое правило нравственности) [13]. Для иных мировых традиций, где нет прямых упоминаний Творца, есть иные высшие начала: Абсолют, Воля Неба, большое Я и т. д., мы также находим камертоны блага и самосовершенствования со сходными онтологическими образами. «Пути восхождения к Высшему Началу через самосовершенствование и преображение хорошо известны в тысячелетних традициях духовных практик в культурах всех народов, а искреннее и настойчивое их применение позволит людям стяжать дух и защиту свыше, быть в гармонии с Миром» [14].

На путях Большого перехода следует помнить принципы целостности: Ты никогда не один, не оставлен и не забыт – Бог с тобою. Достаточно обратиться искренне и беззаветно, и дана будет тропа в Небо: «Надежды маленький оркестрик под

управлением Любви». «Когда наш внешний материальный человек отчаялся и мир разрушил все основания жизни, наш внутренний духовный человек крепнет и всегда найдет опору в Боге, прибежище вечной жизни. Помогая ближнему и Миру, ты уподобляешься Всевышнему, выполняя свою земную миссию. Помогите людям, и помощь вернется свыше. Анонимная помощь другим – это дар высшей радости нашему сердцу. Творчество без Бога в душе есть безумие, любое дело начинается с молитвы. Наша задача – обожение этого мира, сотворчество с Богом в каждом мгновении и помысле, в каждом дыхании и движении, в каждом общении и сотрудничестве. Познавая себя, ты познаешь Бога и Мир, находишь ключи самосовершенствования» [11]. Познание соборное, коллективное есть новая зарождающаяся форма проявления божественного Духа, Воли и Разума в грядущем Человечестве.

Для реализации гармоничного будущего необходимо вернуть людям их внутреннего человека, живущего в мирах восхождения, духовного творчества и созидания. «Свет культуры всегда имел духовную природу и пронизывал всю жизнь и традиции любых народов. Культурный человек – всегда творец, он распознает и создает красоту и гармонию в мире, в других людях, в себе самом» [15]. «Вернуть людям понимание целостного человека, творящего во всех мирах, через гармонию взаимодействия науки, философии, религии, искусства, мастерства в повседневности. Вернуть людей на пути духовного воспитания и образования своих детей, пути жизни в Духе. Культура будущего общества вернется в нашу повседневность, станет нормой жизни людей-творцов, иначе они просто не смогут творить, и начинать прививать культуру надо уже с младенчества. Вернуть людям радость совместного творчества и соборного строительства Древа Жизни. Возрождение духовных основ жизни целостного просвещенного человека через воспитание, культуру и рели-

гиозное образование на примерах личного и коллективного героизма и служения, подвигов и достижений общин и народов» [14]. Необходимо вернуть людям смыслы происходящего Большого антропологического перехода, перехода к эпохе преображения в духе любви и творчества, в которой практики соборной синергии людей и высшего начала окажутся краеугольным камнем новой идеологии софийной России [16].

Интегральная этика в социальных сетях

Практики братского единства и служения ближнему были характерны для первых христиан. Перед лицом тотальной неопределенности и разобщенности, современного кризиса, эпидемических форм изоляции людей они становятся все больше востребованными через сетевые социальные информационные технологии [16; 17]. Сетевой уклад не отторгает окончательно предыдущие уклады, скорее, позволяет интегрировать их, причем неожиданно приспособлен к активации коллективных форм духовной жизни [18]. «Для России этот синтез наиболее естественен, т. к. в нашей социальной памяти еще живут все формы предыдущих укладов» [19]. Сеть – лишь инструмент, и ярким примером ее духовной самоорганизации и самоочищения являются волонтерские движения. «Идеалы духовного единства в память тех, кто "отдал жизнь за други своя" манифестируют в многомиллионных шествиях Бессмертного полка 9 мая, который стал вселенским

праздником памяти жертвы России и Мира во многих странах – это возрождение архетипов общинного строительства жизни по Сергию Радонежскому. Идея соборности и синергии – сотворчества человека и Бога – должна стать основой софийной идеологии России» [15].

Выводы

В результате исследования выяснилось, что предложенная выше модель интегральной этики является наиболее полной и холистичной для задач гармоничного прохождения кризисных фаз Большого антропологического перехода. Структурно-функциональная конструкция софийного этического ключа, который задает наиболее целостный образ отношения человека и реальности, позволяет вводить метрические характеристики компонент ключа, тем самым редуцируя его до любых известных форм этики. Может показаться странным, что не использованы категории свободы и красоты, но, на наш взгляд, они могут вполне учитываться как стили реализации матрицы категориальных отношений (КО). Сравнение этических ключей разных этик может помочь взаимопониманию и гармонизации отношений коммуникации представителей разных культур в бурную сетевую эпоху Большого антропологического перехода. Кроме того, предложенная нами конструкция этических ключей является развитием и экспликацией мета-этического подхода восходящего к Львовско-Варшавской школе [20].

Список литературы

1. Форестер Д. Мировая динамика / под ред. Д. М. Гвишиани, Н. Н. Моисеева. М.: АСТ, 2003. 384 с.
2. Ласло Э. Макросдвиг: К устойчивости мира курсом перемен. М.: Тайдекс Ко, 2004. 206 с.
3. Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: Едиториал УРСС, 2003. 288 с.
4. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Сетевая цивилизация и природа Большого антропологического перехода // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 1. С. 220-231.

5. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Сетевые информационные революции и Большой антропологический переход: эволюционный аспект // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2020. № 4. С. 40-51.
6. Буданов В. Г. Архетипическое эхо в истории: метод ритмокаскадов и природа Большого антропологического перехода // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2020. № 4. С. 29-39.
7. Mann, Steven R. Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters (US Army War College Quarterly). 1992. Vol. XXII. P. 54-68.
8. Элиаде М. История веры и религиозных идей: в 3 т. М.: Критерион, 2002. Т. 1. 464 с.
9. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / под ред. С. Гавриленко. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
10. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Социотехнические ландшафты в оптике семиотически-цифровой сложности // Вопросы философии. 2020. № 8. С. 106-116.
11. Евангелие от Матфея. URL: <http://www.bible>> Библия (дата обращения: 11.09.2021).
12. Буданов В. Г. Конструирование сложности в антропной сфере. В кн. Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности. М.: Прогресс-Традиция. 2011. С. 158-178.
13. Конфуций. Афоризмы и высказывания. М.: Амрита-Русь, 2021. 128 с.
14. Новый общественный договор / под редакцией А. В. Щербакова, Л. А. Колесовой, В. Г. Буданова. М.: Грифон, 2020. 56 с.
15. Апрельские тезисы 2020 / под ред. В. Г. Буданова, Л. А. Колесовой, А. В. Щербакова. URL: <https://spkurdyumov.ru/future/aprelskie-tezisy-2020-priglasenie-k-shirokoj-diskussii/> (дата обращения: 10.09.2021).
16. Россия-2112. Анализ современного этапа развития человечества (к формированию новой концепции Русской цивилизации) / А. И. Агеев, В. Г. Буданов, О. А. Булыгин, Л. А. Колесова, В. С. Курдюмов, А. В. Олескин, Д. С. Чернавский, А. В. Щербаков; под ред. А. В. Щербакова. М.: Грифон, 2017. 92 с.
17. Олескин А. В. Сетевое общество: необходимость и возможные стратегии построения. Сетевая (ретикулярная) социально-экономическая формация: квазисоциалистические принципы и меритократия. М.: URSS, 2016. 194 с.
18. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Academia, 1999. С. 494-505.
19. Летуновский В. В. Будущее: синтез анализа // Государственная служба. 2021. Т. 23, № 1 (129). С. 70-78.
20. Васюков В. Л. Ситуации, события, факты: Формальная феноменология ситуаций. М.: Наука, 2019. 239 с.

References

1. Forester D. Mirovaya dinamika [World Dynamics]; ed. by D. M. Gvishiani, N. N. Moiseeva. Moscow, AST Publ., 2003. 384 p.
2. Laslo E. Makrosdvig: K ustojchivosti mira kursom peremen [Macroshift: Towards the stability of the world by the course of change]. Moscow, Tajdeks Ko Publ., 2004. 206 p.
3. Kapica S. P., Kurdyumov S. P., Malintecy G. G. Sinergetika i prognozy budushchego [Synergetics and forecasts of the future]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 288 p.
4. Arshinov V. I., Budanov V. G. Setevaya civilizaciya i priroda Bol'shogo Antropologicheskogo Perekhoda [Network civilization and the nature of the Great Anthropological Transition]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University Series: Economics, Sociology and Management*, 2021, vol. 11, no. 1, pp. 220-231.
5. Arshinov V. I., Budanov V. G. Setevye informacionnye revolyucii i Bol'shoj Antropologicheskij Perekhod: evolyucionnyj aspect [Network information revolutions and the Great Anthropological Transition: an evolutionary aspect]. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika = Complexity. Mind. Postnonclassics*, 2020, no. 4, pp. 40-51.

6. Budanov V. G. Arhetipicheskoe ekho v istorii: metod ritmokaskadov i priroda priroda Bol'shogo antropologicheskogo perekhoda [Archetypal echo in history: the method of rhythmic cascades and the nature of the nature of the Great Anthropological Transition]. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika = Complexity. Mind. Postnonclassics*, 2020, no. 4, pp. 29-39.
7. Mann, Steven R. Chaos Theory and Strategic Thought. *Parameters (US Army War College Quarterly)*, 1992, vol. XXII, pp. 54-68.
8. Eliade M. Istoriya very i religioznykh idej [The history of faith and religious ideas]. Moscow, Kriterion Publ., 2002, vol. 1. 464 p.
9. Latur B. Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu [The reassembly of the social: an introduction to actor-network theory]; ed. by S. Gavrilenko. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. 384 p.
10. Arshinov V. I., Budanov V. G. Sociotekhnicheskie landschafty v optike semioticheski-cifrovoy slozhnostnosti [Sociotechnical landscapes in optics of semiotic-digital complexity]. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*, 2020, no. 8, pp. 106-116.
11. Evangelie ot Matfeya [The Gospel of Matthew]. Available at: <http://www.bible> >The Bible. (accessed 11.09.2021)
12. Budanov V. G. Konstruirovaniye slozhnosti v antropnoy sfere [Constructing complexity in the anthropic sphere]. *Sinergeticheskaya paradigma. Sinergetika innovacionnoy slozhnosti [The synergetic paradigm. Synergetics of innovative complexity]*. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2011, pp. 158-178.
13. Konfucij. Aforizmy i vyskazyvaniya [Aphorisms and sayings]. Moscow, Amrita-Rus' Publ., 2021. 128 p.
14. Novyj obshchestvennyj dogovor [New Social contract]; ed. by A. V. Shcherbakova, L. A. Kolesovoj, V. G. Budanova. Moscow, Grifon Publ., 2020. 56 p.
15. Aprel'skie tezisyy 2020 [April Theses 2020]; ed. by V. G. Budanova, L. A. Kolesovoj, A. V. Shcherbakova. Available at: <https://spkurdyumov.ru/future/aprelskie-tezisyy-2020-priglasenie-k-shirokoj-diskussii/>. (accessed 10.09.2021)
16. Ageev A. I., Budanov V. G., Bulygin O. A., Kolesova L. A., Kurdyumov V. S., Oleskin A. V., Chernavskij D. S., Shcherbakov A. V. Rossiya-2112. Analiz sovremennogo etapa razvitiya chelovechestva (k formirovaniyu novoy koncepcii Russkoj civilizacii) [Russia-2112. Analysis of the modern stage of human development (towards the formation of a new concept of Russian Civilization)]; ed. by A. V. Shcherbakova. Moscow, Grifon Publ., 2017. 92 p.
17. Oleskin A. V. Setevoe obshchestvo: neobhodimost' i vozmozhnye strategii postroeniya. Setevaya (retikulyarnaya) social'no-ekonomicheskaya formaciya: kvazisocialisticheskie principy i meritokratiya [Network society: necessity and possible strategies of construction. Network (reticular) socio-economic formation: quasi-socialist principles and meritocracy]. Moscow, URSS Publ., 2016. 194 p.
18. Kastel's M. Stanovlenie obshchestva setevykh struktur [The formation of a society of network structures]. *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade [The new post-industrial wave in the West]*. Moscow, Academia Publ., 1999, pp. 494-505.
19. Letunovskij V. V. Budushchee: sintez analiza [The future: synthesis of analysis]. *Gosudarstvennaya sluzhba = State Service*, 2021, vol. 23, no. 1 (129), pp. 70-78.
20. Vasyukov V. L. Situacii, sobytiya, fakty: Formal'naya fenomenologiya situacij [Situations, events, facts: Formal phenomenology of situations]. Moscow, Nauka Publ., 2019. 239 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Буданов Владимир Григорьевич, доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник ИФ РАН, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: budsyn@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-2371-8659

Vladimir G. Budanov, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Main Research Fellow IPh RAS, Moscow, Russian Federation,
e-mail: budsyn@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-2371-8659

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

SCIENTIFIC RESEARCHES OF YOUNG SCIENTISTS

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-270-278>

Стратегическое регулирование цифрового проектного управления в условиях инновационного развития региона

О. С. Приходченко¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: olgaprikhodchenko@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Информационно-цифровые технологии являются эффективными инструментами развития всех сфер жизнедеятельности общества. В современных условиях цифровая трансформация выступает залогом успешного социально-экономического развития региона. Цифровые технологии позволяют региональным органам государственной власти эффективно решать управленческие задачи стратегического характера и достигать поставленные цели инновационного социально-экономического развития.

Цель выполненного исследования состоит в разработке теоретико-методических положений формирования цифровой системы управления экономикой региона, построенной на основе платформенного подхода, обеспечивающего эффективное взаимодействие участников и позволяющего решать управленческие задачи стратегической направленности.

Задачи исследования: изучение сущности и целей проектного управления в органах исполнительной власти; изучение существующего информационного ресурса, обеспечивающего взаимодействие участников в процессе решения задач стратегического характера; характеристика платформенного подхода как эффективной цифровой модели регионального управления.

Методология. Исследование базируется на использовании методов системного и структурно-функционального подходов к рассмотрению информационных ресурсов, а также общенаучных методов анализа и синтеза.

Результаты. В данной статье рассмотрены цели и принципы проектного управления в органах исполнительной власти. Выявлена роль единого информационного ресурса по планированию и мониторингу исполнения государственных программ и национальных проектов Российской Федерации в цифровой трансформации региональной системы управления экономикой. На основе проведенного исследования автором предложен платформенный подход как эффективный механизм управления экономическими процессами на региональном уровне.

Выводы. Активные процессы цифровой трансформации меняют архитектуру системы управления экономики региона. Функционирование системы стратегического управления экономикой региона предполагает создание информационно-аналитической модели, базирующейся на применении совокупности информационно-цифровых технологий.

Ключевые слова: управление региональной экономикой; проектное управление; цифровая трансформация; цифровые технологии; платформенный подход.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

© Приходченко О. С., 2021

Для цитирования: Приходченко О. С. Стратегическое регулирование цифрового проектного управления в условиях инновационного развития региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 270–278. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-270-278>.

Поступила в редакцию 07.10.2021

Принята к публикации 04.11.2021

Опубликована 29.12.2021

Solving Strategic Tasks of Regional Economic Management in the Context of Digital Transformation

Olga S. Prikhodchenko¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: olgaprikhodchenko@yandex.ru

Abstract

Relevance. Information and digital technologies are effective tools for the development of all spheres of society. In modern conditions, digital transformation is the key to the successful socio-economic development of the region. Digital technologies allow regional government bodies to effectively solve strategic management tasks and achieve their goals of socio-economic development.

The purpose of the study is to develop theoretical and methodological provisions for the formation of a digital system for managing the region's economy, built on the basis of a platform approach that ensures effective interaction between participants and allows solving strategic management tasks.

Objectives. Research objectives: study of the essence and goals of project management in executive authorities; study of the existing information resource that ensures the interaction of participants in the process of solving problems of a strategic nature; characteristic of the platform approach as an effective digital model of regional governance.

Methodology. The study is based on the use of methods of systemic and structural-functional approaches to the consideration of information resources, as well as general scientific methods of analysis and synthesis.

Results. This article discusses the goals and principles of project management in executive authorities. The role of a single information resource for planning and monitoring the execution of state programs and national projects of the Russian Federation in the digital transformation of the regional economic management system is revealed. On the basis of the study, the author proposes a platform approach as an effective mechanism for managing economic processes at the regional level.

Conclusions. Active processes of digital transformation are changing the architecture of the regional economic management system. The functioning of the system of strategic management of the region's economy presupposes the creation of an information and analytical model based on the use of a set of information and digital technologies.

Keywords: regional economy management; project management; digital transformation; digital technologies; platform approach.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Prikhodchenko O. S. Solving Strategic Tasks of Regional Economic Management in the Context of Digital Transformation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(6): 270–278. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-270-278>.

Received 07.10.2021

Accepted 04.11.2021

Published 29.12.2021

Введение

Амбициозность утвержденного Правительством Российской Федерации

национального проекта «Цифровая экономика» [1] и анонсирование на высшем уровне старта реформы государственного

управления диктуют требования к поиску новой модели регионального управления и устойчивого развития на основе комплексного внедрения цифровых технологий во все сферы функционирования экономики и общества.

В России система стратегического планирования, включая и ее территориальный уровень, на данный момент находится в стадии становления, претерпевает изменения и нуждается в существенной доработке с учетом стремительного развития цифровых технологий.

Сегодня в научно-публицистическом пространстве все чаще можно встретить исследования [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10], посвященные вопросам влияния цифровой трансформации на процессы развития и управления экономической, финансовой, социальной и другими сферами.

Цифровой подход к управлению экономикой и социальной сферой регионов страны получил наибольшую популярность, начиная с декларирования концепции Центра стратегических разработок «Государство как платформа» в 2018 г.

Настоящее исследование опиралось на научные разработки, представленные в трудах И. В. Борис, Т. В. Немыкиной [11], Н. П. Молчановой [12], С. А. Измалковой [13], Н. М. Баклаевой [14], Н. В. Островской, С. Е. Барыкина, А. Ю. Буровой [15], И. Г. Ершовой [16], С. В. Дедова, Е. В. Харченко [17].

Материалы и методы

Объектом исследования выступает процесс управления региональной экономикой в условиях цифровой трансформации.

Исследование базируется на использовании методов системного и структурно-функционального подходов к рассмотрению информационных ресурсов, а также общенаучные методы анализа и синтеза.

Исследование опиралось на действующую законодательную базу (национальная программа «Цифровая эконо-

мика Российской Федерации» [1], распоряжение Министерства экономического развития РФ от 14 апреля 2014 г. № 26Р-АУ «Об утверждении Методических рекомендаций по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти» [18] и др.).

Материалами для исследования послужили научные труды авторов, представленные в монографиях и публикациях периодической печати, посвященные вопросам формирования цифровой экономической системы региона, развития региональной системы социально-экономического развития в условиях цифровизации.

Результаты и их обсуждение

Сформировать единую государственную систему стратегического планирования возможно на основе интеграции ретроспективных теоретических наработок и практического опыта стратегического планирования с реалиями цифровой трансформации.

В современных условиях глобальной цифровизации возрастает необходимость развития в стране системы государственного стратегического управления (планирования) социально-экономическим развитием.

Современная система стратегического планирования в сфере управления экономикой государства и регионов базируется на программно-проектном подходе.

Под проектно-целевым подходом понимается профессиональная деятельность, основанная на применении теоретических знаний и практических навыков [10, с. 48], методологического инструментария, которая направлена на исполнение проектов, ориентированных на достижение стратегических целей.

Проектный подход к управлению экономических процессов подразумевает эффективное взаимодействие всех заинтересованных сторон, гарантирует экономию ресурсов и предсказуемость результатов.

В Методических рекомендациях, утвержденных Минэкономразвития РФ,

по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти [18] отражены цели и принципы, которые поз-

воляют унифицировать процесс проектного менеджмента на государственном уровне (рис. 1).

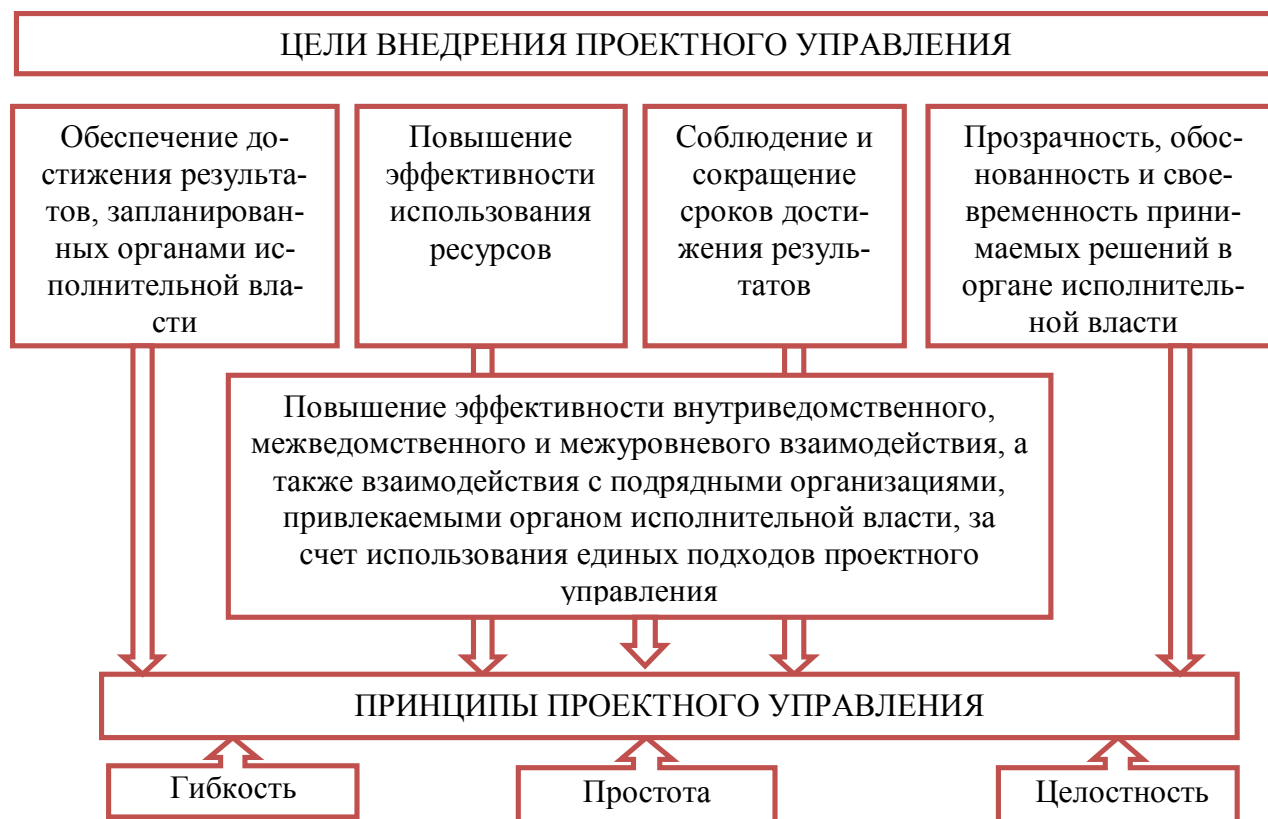

Рис. 1. Основные цели и принципы внедрения проектного управления [18]

Указанные принципы означают, что реализуемые проектные решения типизированы, интегрированы между собой, способствуют повышению эффективности друг друга, при этом устойчивы к влиянию внешних изменений, способны приспосабливаться к ним в короткий промежуток времени.

Успешное социально-экономическое развитие зависит от уровня развития бюджетной системой, поскольку бюджетные ресурсы являются финансовой базой, обеспечивающей реализацию стратегических целей.

В условиях развития в России концепции цифровой трансформации важным аспектом является создание электронной среды стратегического планирования, обеспечивающей учет, взаимоувязывание показателей и индикаторов, открытость отчетных данных. Наибольшую

актуальность этот вопрос приобретает при реализации государственных программ и национальных проектов.

По мнению финансовых органов России, единый информационный ресурс позволит обеспечить взаимодействие участников в процессе планирования, исполнения и мониторинга государственных программ и национальных проектов (рис. 2).

Формирование ГИИС «Электронный бюджет» является важным этапом цифровой трансформации экономики на государственном и региональном уровнях [11, с. 13].

Сегодня ряд регионов добились значительных результатов в части цифровизации экономической сферы. На региональном уровне в целях эффективного управления бюджетными ресурсами успешно используется информационная система «Электронный бюджет».

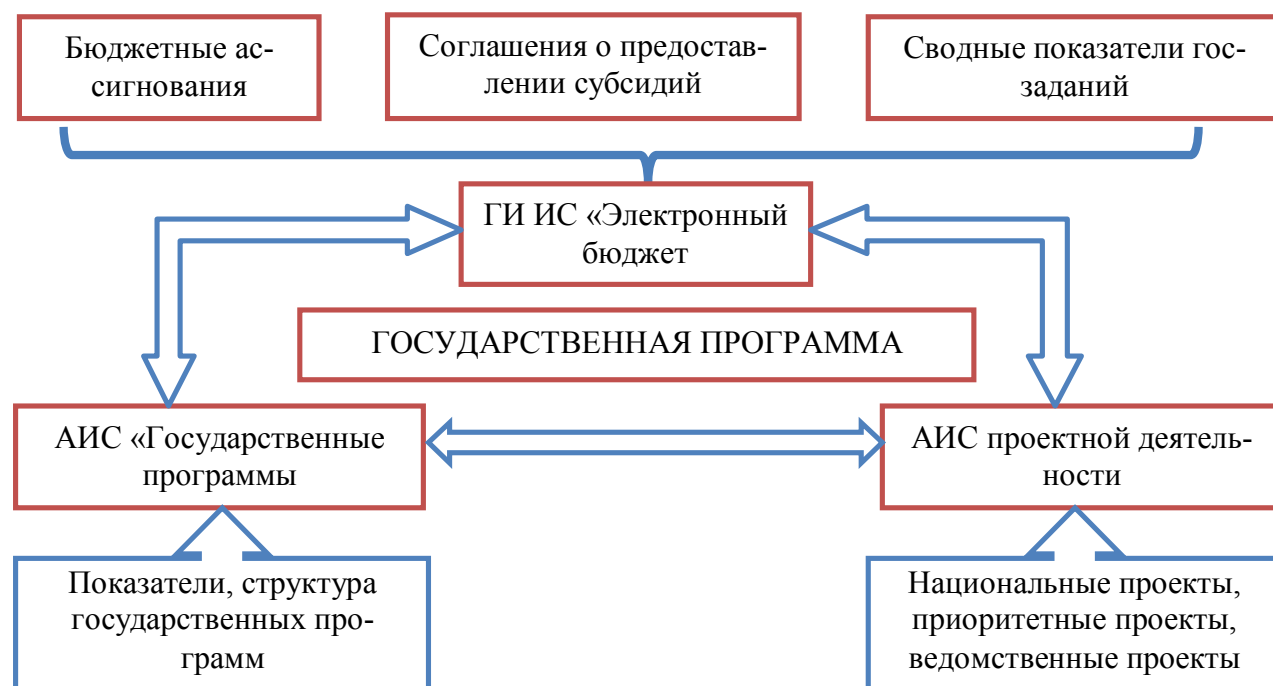

Рис. 2. Взаимосвязь и реализация национальных проектов и государственных программ Российской Федерации в едином информационном поле [19]

В целях выполнения поручений президента 84 субъекта в 2021 г. разработали и утвердили региональные стратегии цифровой трансформации. В стратегиях представлено 6 направлений цифровой трансформации, среди которых есть и государственное управление.

Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» реализуется в регионах в рамках соглашений между руководителями федерального и регионального уровней (424 соглашения в 2020 г.).

Цифровая трансформация в современных условиях затрагивает различные сферы финансово-экономической деятельности государства, не является исключением и бюджетная сфера.

В докладе Центра стратегических разработок (2018 г.) отмечается, что цифровая трансформация приведет к повышению прозрачности в использовании бюджетных ресурсов, а именно все больше будет прозрачной цепочка поставщиков и конечных бенифициаров, доступная не только Росфинмониторингу, и станет понятно, насколько узкими

являются границы формального конфликта интересов.

Традиционные информационные системы не позволяют решать современные задачи в управлении цифровым контентом, нацеленным, прежде всего, на обмен информацией, представленной большими массивами данных в цифровой форме, а затем ее анализ и использование результатов анализа для достижения целей стратегического развития субъектов цифровизации [12, с. 262].

Считаем целесообразным на региональном уровне в сфере управления экономикой использовать платформенный подход, который доказал уже свою эффективность в коммерческом секторе. Платформенные решения в настоящее время являются доминирующим участником процессов.

Отметим следующие преимущества и возможности платформ, которые делают платформенный подход к региональному управлению привлекательным:

- обеспечение взаимодействия большого числа пользователей;

- создание для участников открытой инфраструктуры взаимодействия с четко заданными правилами;
- высокая производительность;
- гибкое сотрудничество пользователей платформы;
- мобилизация возможностей пользователей для достижения долгосрочных целей;
- сравнительно низкие издержки для участников платформы;
- аккумуляция информации о работе платформы в целях ее оптимизации.

Использование цифровых технологий в обеспечении процессов регионального стратегического управления способствует оперативному поступлению информации, необходимой для мониторинга социально-экономических параметров, своевременному принятию управленческих решений по их корректировке.

Достижению данных целей может способствовать инновационная цифровая технология блокчейн.

Участие государства в разработке и внедрении технологии блокчейна в конечном счете будет способствовать уменьше-

нию сложности и стоимости государственного управления [20, с. 91].

Важными преимуществами внедрения блокчейн-технологии в системе регионального управления являются наличие широких возможностей хранения массивных объемов информации, защищенность информации, открытость данных для аналитических и отчетных целей.

Выводы

Функционирование системы стратегического управления экономикой региона предполагает создание информационно-аналитической модели, которая содержит цели, совокупность мер, способствующих достижению этих целей, и позволяет своевременно аккумулировать отчетные данные.

При построении данной цифровой модели очевидна важность использования совокупности современных информационно-цифровых технологий на базе цифровой платформы, что позволит координировать управленческую деятельность различных структур региональных органов власти в сфере экономики.

Список литературы

1. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: [утверждено президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3194321 (дата обращения: 17.09.2021).
2. Трансформация управленческих систем под воздействием цифровизации экономики: монография / Ю. В. Вертакова, Т. О. Толстых, Е. В. Шкарупета, Е. В. Дмитриева; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2017. 155 с.
3. Стратегическое управление развитием цифровой экономики на основе умных технологий : монография / под ред. А. В. Бабкина. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021. 793 с.
4. Келеш Ю. В., Бессонова Е. А. Реализация стратегических приоритетов цифровой трансформации региональной экономики // Вестник НГИЭИ. 2021. № 5 (120). С. 111-125.
5. Афанасьева Л. В., Ткачева Т. Ю., Пияльцев А. И. Выявление и статистическая оценка факторов, сдерживающих экономический потенциал регионов в условиях цифровизации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 6. С. 32-41.
6. Беляева Е. С., Костюк Н. М. Тенденции развития цифровой экономики Российской Федерации // Стратегия формирования экосистемы цифровой экономики: сборник материалов II Международной научно-практической конференции / под ред. Т. С. Колмыковой [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2020. С. 15-20.

7. Лыгина Н. И., Измалкова С. А., Пьянова Н. В. Формирование цифровой экономической системы для целей стратегического управления регионом // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 1 (30). С. 47-56.
8. Ершова И. Г., Андросова И. В. Внедрение менеджмента знаний в инновационную деятельность организаций // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 8. С. 282-284.
9. Приходченко О. С. Цифровые платформы в региональной системе проектно-целевого управления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 2. С. 228-238.
10. Белоусова С. Н., Рыкунова В. Л., Трусова Н. С. Цифровизация контрольной деятельности налоговых органов Российской Федерации в целях мотивации налогоплательщиков к добровольному исполнению своих обязанностей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 2. С. 131-139.
11. Борис И. В., Немыкина Т. В. Разработка программы развития с использованием механизмов проектного управления // Вестник Белгородского института развития образования. 2017. № 2(4). С. 47-51.
12. Молчанова Н. П. Развитие общественных финансов в условиях становления цифровой экономики // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2017. Т. 9, № 3(25). С. 7-16.
13. Развитие цифровой экономики в условиях деглобализации и рецессии / А. А. Алетдинова, Д. А. Алехина, О. В. Андрухова, А. В. Бабкин, Н. И. Баирова, Р. М. Богданова, А. А. Борисов, С. В. Бочкова, Е. В. Быковская, Ю. В. Вертакова, А. А. Волкова [и др.]; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. СПб., 2019. С. 253-277.
14. Баклаева Н. М. Технологии блокчейн в практике межбюджетных отношений // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. № 8. С. 13-18.
15. Островская Н. В., Барыкин С. Е., Бутова А. Ю. Цифровизация проектного менеджмента в государственном и муниципальном управлении России // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2020. Т. 11, № 2. С. 206-215.
16. Ершова И. Г. Управление инновациями в социально-экономической системе региона. Курск: Университетская книга, 2020. 143 с.
17. Дедов С. В., Харченко Е. В. Моделирование управления инновационной деятельностью социально-экономических систем с учетом внешних факторов // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2019. № 5 (74). С. 30-38.
18. Об утверждении Методических рекомендаций по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти: Распоряжение Министерства экономического развития РФ от 14 апреля 2014 г. № 26Р-АУ. URL: <http://www.garant.ru>>Прайм>Документы ленты ПРАЙМ... (дата обращения: 11.09.2021).
19. Минфин России. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/> (дата обращения: 10.09.2021).
20. Приходченко О. С. Цифровые технологии в стратегическом управлении регионом // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 1. С. 85-94.

References

1. Pasport nacional'noj programmy "Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii" [Passport of the national program "Digital Economy of the Russian Federation"]. Approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects, Protocol of December 24, 2018 № 16]. Available at: <http://www.consultant.ru> > document/cons_doc_LAW_3194321. (accessed 17.09.2021)
2. Vertakova Yu. V., Tolstyh T. O., Shkarupeta E. V., Dmitrieva E. V. Transformaciya upravlencheskih sistem pod vozdejstviem cifrovizacii ekonomiki [Transformation of management systems under the influence of digitalization of the economy]. Kursk, Southwest State University Publ., 2017. 155 p.

3. Strategicheskoe upravlenie razvitiem cifrovoj ekonomiki na osnove umnyh tekhnologij [Strategic management of the development of the digital economy based on smart technologies]; ed. by A. V. Babkina. St. Petersburg, POLITEKH-PRESS Publ., 2021. 793 p.

4. Kelesh Yu. V., Bessonova E. A. Realizaciya strategicheskikh prioritetov cifrovoj transformacii regional'noj ekonomiki [Implementation of strategic priorities of digital transformation of the regional economy]. *Vestnik NGIEI = Bulletin of NGIEI*, 2021, no. 5 (120), pp. 111-125.

5. Afanas'eva L. V., Tkacheva T. Yu., Piyal'cev A. I. Vyyavlenie i statisticheskaya ocenka faktorov, sderzhivayushchih ekonomicheskij potencial regionov v usloviyah cifrovizacii [Identification and statistical assessment of factors constraining the economic potential of regions in the conditions of digitalization]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2020, vol. 10, no. 6, pp. 32-41.

6. Belyaeva E. S., Kostyuk N. M. [Trends in the development of the digital economy of the Russian Federation]. *Strategiya formirovaniya ekosistemy cifrovoj ekonomiki. Sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Strategy for the formation of the ecosystem of the digital economy. A collection of materials of the II International Scientific and Practical Conference]*; ed. by T. S. Kolmykova, eds. Kursk, Southwest State University Publ., 2020. pp. 15-20. (In Russ.)

7. Lygina N. I., Izmalkova S. A., P'yanova N. V. Formirovanie cifrovoj ekonomicheskoy sistemy dlya celej strategicheskogo upravleniya regionom [Formation of a digital economic system for the purposes of strategic management of the region]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2019, vol. 9, no. 1 (30), pp. 47-56.

8. Ershova I. G., Androsova I. V. Vnedrenie menedzhmenta znaniy v innovacionnuyu deyatel'nost' organizacij [Introduction of knowledge management into innovative activity of organizations]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 2014, no. 8, pp. 282-284.

9. Prihodchenko O. S. Cifrovye platformy v regional'noj sisteme proektno-celevogo upravleniya [Digital platforms in the regional system of project-target management]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 228-238.

10. Belousova S. N., Rykunova V. L., Trusova N. S. Cifrovizaciya kontrol'noj deyatel'nosti nalogovykh organov rossijskoj federacii v celyakh motivacii nalogoplatel'shchikov k dobrovol'nomu ispolneniyu svoih obyazannostej [Digitalization of the control activities of the tax authorities of the Russian Federation in order to motivate taxpayers to voluntarily perform their duties]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 131-139.

11. Boris I. V., Nemykina T. V. Razrabotka programmy razvitiya s ispol'zovaniem mekhanizmov proektnogo upravleniya [Development of a development program using project management mechanisms]. *Vestnik BellIO = Bulletin of the Belgorod Institute of Education Development*, 2017, no. 2(4), pp. 47-51.

12. Molchanova N. P. Razvitie obshchestvennykh finansov v usloviyah stanovleniya cifrovoj ekonomiki [The development of public finance in the conditions of the formation of the digital economy]. *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyy zhurnal = Scientific Research of the Faculty of Economics. Electronic Magazine*, 2017, vol. 9, no. 3, pp. 7-16.

13. Aletdinova A. A., Alekhina D. A., Andrukhova O. V., Babkin A. V., Bairova N. I., Bogdanova R. M., Borisov A. A., Bochkova S. V., Bykovskaya E. V., Vertakova Yu. V., Volkova A. A., eds. *Razvitie cifrovoj ekonomiki v usloviyah deglobalizacii i recessii [Development of the digital economy in conditions of deglobalization and recession]*. St. Petersburg, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University Publ., 2019, pp. 253-277.

14. Baklaeva N. M. Tekhnologii blokchejn v praktike mezhibyudzhnykh otnoshenij [Blockchain technologies in the practice of inter-budgetary relations]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and Business: Theory and Practice*, 2017, no. 8, pp. 13-18.

15. Ostrovskaya N. V., Barykin S. E., Burova A. Yu. Cifrovizaciya proektnogo menedzhmenta v gosudarstvennom i municipal'nom upravlenii Rossii [Digitalization of project management in the state

and municipal administration of Russia]. *Strategicheskie resheniya i risk-menedzhment = Strategic Decisions and Risk Management*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 206–215.

16. Ershova I. G. Upravlenie innovatsiyami v social'no-ekonomicheskoy sisteme regiona [Innovation management in the socio-economic system of the region]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2020. 143 p.

17. Dedov S. V., Harchenko E. V. Modelirovanie upravleniya innovacionnoj deyatel'nost'yu social'no-ekonomicheskikh sistem s uchedom vneshnih faktorov [Modeling of innovation management of socio-economic systems taking into account external factors]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the North Caucasus Federal University*, 2019, no. 5 (74), pp. 30–38.

18. Ob utverzhdenii Metodicheskikh rekomendacij po vnedreniyu proektnogo upravleniya v organakh ispolnitel'noj vlasti [On approval of Methodological recommendations for the implementation of Project management in Executive authorities]. Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation of April 14, 2014 № 26R-AU. Available at: <http://www.garant.ru> >Prime>Documents of the PRIME tape... (accessed 11.09.2021)

19. Minfina Rossii [The Ministry of Finance of Russia]. Available at: <https://minfin.gov.ru/ru/>. (accessed 10.09.2021)

20. Prihodchenko O. S. Cifrovye tekhnologii v strategicheskom upravlenii regionom [Digital technologies in strategic management of the region]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 85–94.

Информация об авторе / Information about the Author

Приходченко Ольга Сергеевна, старший преподаватель кафедры экономической безопасности и налогообложения, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: olgaprikhodchenko@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-1053-8317,
Researcher ID: AAC-5361-2019

Olga S. Prikhodchenko, Senior Lecturer of the Department of Economic Security and Taxation, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: olgaprikhodchenko@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-1053-8317,
Researcher ID: AAC-5361-2019

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-279-289>

Применение цифровых технологий при разработке и реализации государственной политики по снижению асимметрии регионального развития (на примере политики по адресному оказанию помощи бедным в Китае)

Лю Яи¹✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ly776124534@gmail.com

Резюме

Актуальность. В настоящее время асимметрия регионов стала приоритетной проблемой развития регионов и в России, и в Китае. В России проблема асимметрии регионов уже стоит достаточно остро и требует разработки и реализации мер государственной политики, направленной на снижение неравенства. В Китае неравномерность территориального развития тоже занимает одно из ключевых мест в политике руководства страны.

Цель – исследовать применение цифровых технологий при разработке и реализации государственной политики по снижению асимметрии регионального развития (на примере политики по адресному оказанию помощи бедным в Китае).

Задачи: проанализировать политику по адресному оказанию помощи бедным в Китае, выявить опыт использования цифровых технологий в данной политике; определить необходимость и неизбежность употребления цифровых технологий при разработке и реализации государственной политики по снижению асимметрии развития регионов.

Методология. В статье использованы инструменты аналитического, экономического, статистического и сравнительного анализа.

Результаты. В данной статье рассмотрена политика по адресному оказанию помощи бедным в Китае и показаны преимущества и важность применения цифровых технологий при разработке и реализации политики по снижению асимметрии регионов.

Выводы. Чтобы повысить эффективность и результативность политики по сокращению асимметрии, государство должно продолжать повышать уровень использования цифровых технологий при разработке и реализации политики по снижению асимметрии.

Ключевые слова: цифровые технологии; государственная региональная политика; асимметрия развития регионов.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Лю Яи. Применение цифровых технологий при разработке и реализации государственной политики по снижению асимметрии регионального развития (на примере политики по адресному оказанию помощи бедным в Китае) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 279–289. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-279-289>.

Поступила в редакцию 18.10.2021

Принята к публикации 14.11.2021

Опубликована 29.12.2021

© Лю Яи, 2021

The Use of Digital Technologies in the Development and Implementation of State Policies to Reduce the Asymmetry of Regional Development (on the Example of Policies for Targeted Assistance to the Poor in China)

Liu Yai¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation
✉ e-mail: ly776124534@gmail.com

Abstract

Relevance. At present, the asymmetry of regions has become a priority problem in the development of regions in both Russia and China. In Russia, the problem of regional asymmetry is already quite acute and requires the development and implementation of public policy measures aimed at reducing inequality. In China, the unevenness of territorial development also occupies one of the key places in the policy of the country's leadership.

The purpose is explore the use of digital technologies in the development and implementation of government policies to reduce the asymmetry of regional development (using the example of policies to target the poor in China).

Objectives: analyze the policy for targeted assistance to the poor in China, identify the experience of using digital technologies in this policy; determine the necessity and inevitability of the use of digital technologies in the development and implementation of state policy to reduce the asymmetry of regional development.

Methodology. The article uses the tools of analytical, economic, statistical and comparative analysis.

Results. This article examines policies to target the poor in China and shows the benefits and importance of using digital technologies in the design and implementation of policies to reduce regional asymmetries.

Conclusions. To improve the efficiency and effectiveness of asymmetry reduction policies, governments must continue to improve the use of digital technologies in the design and implementation of asymmetry reduction policies.

Keywords: digital technologies; state regional policy; asymmetry of regional development.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Liu Yai. The Use of Digital Technologies in the Development and Implementation of State Policies to Reduce the Asymmetry of Regional Development (on the Example of Policies for Targeted Assistance to the Poor in China). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(6): 279–289. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-279-289>.

Received 18.10.2021

Accepted 14.11.2021

Published 29.12.2021

Введение

В настоящее время асимметрия регионов стала приоритетной проблемой развития регионов и в России, и в Китае. В России проблема асимметрии регионов уже стоит достаточно остро и требует разработки и реализации мер государственной политики, направленной на снижение неравенства [1; 2]. В Китае неравномерность территориального развития тоже занимает одно из ключевых мест в политике руководства страны [3].

Асимметрия развития регионов обусловлена под влиянием воздействия множе-

ства факторов и условий, в том числе наличия и потенциала природно-сырьевых ресурсов, географического положения, региональной культуры, инвестиционного потенциала, институционального условия, эффективности систем управления, степени инфраструктурной развитости и т. д. [4]. По мере развития общества и экономики появились понятия «бедный регион», «депрессивный регион», «потенциальный депрессивный регион», «развитый регион» и т. д. И асимметрия развития между этими регионами в едином государстве создает

множество экономических и социальных проблем, снижая устойчивость его функционирования [5]. Ключевую роль в решении проблемы дифференциации регионов должно играть государство с его политикой регионального развития [6; 7].

Среди них ключевой проблемой бедных регионов является бедность. Чтобы снижать асимметрию между бедными регионами и другими регионами, то нужно сначала преодолеть бедность в этих регионах. Но бедные регионы всегда находятся в цикле накопления бедности [8]. Так что имеется необходимость разработки и реализации соответствующих государственных политик по снижению асимметрии развития регионов, в т. ч. политики борьбы с бедностью.

И особенное внимание надо обратить на то, что цифровые технологии могут способствовать эффективности государственной политики по снижению асимметрии регионов [9]. Поэтому в данной статье мы берем пример с Китая, рассматриваем политику по адресному оказанию помощи бедным и применению цифровых технологий при реализации данной политики.

Материалы и методы

Исследование применения цифровых технологий при разработке и реализации государственной политики по снижению асимметрии развития регионов проводилось с использованием инструментов аналитического, экономического, статистического и сравнительного анализа на материалах политики оказания адресной помощи бедным в Китае.

Результаты и их обсуждение

В ноябре 2013 г. Си Цзиньпин впервые выдвинул важную идею об «оказании адресной помощи нуждающимся». Это целый комплекс политических мер, направленных на разработку конкретных методов в соответствии с определенными причинами, которые привели к бедности. В зависимости от условий бедных райо-

нов осуществлялись соответствующие меры [10]. Это перераспределение национального богатства в пользу беднейшей части населения и беднейших регионов.

В 2011 г. правительство Китая установило порог абсолютной бедности в качестве годового располагаемого дохода на уровне 2300 юаней (около 356 долл. США). С тех пор это значение неоднократно повышалось и в настоящее время составляет для жителей сельских районов 4000 юаней в год (около 620 долл. США в год, 1,7 долл. США в день) [11].

С 1986 по 2013 гг. были запущены программы по сокращению сельской бедности, но региональная бедность все еще оставалась значимой [12].

Согласно порогу абсолютной бедности на конце 2013 г., 82,49 млн человек все еще жили в бедности. Среди них провинция Тибета, Ганьсу, Гуйчжоу, Синьцзян, Юньнань и Цинхай, которые находятся на западе Китая, имеют самую высокую частоту появления бедности [13]. И в 2014 г. были определены 14 бедных регионов (рис. 1), 832 бедных уезда и 128 000 бедных деревень [14].

Китай стремится равномерно развивать абсолютно все регионы страны, даже самые отдаленные. К 2020 г. власти намеревались вывести из списка бедных все сельские уезды, покончить с тотальной нищетой регионального характера и способствовать вступлению всех бедных людей и слаборазвитых регионов в «общество всеобщей средней зажиточности».

С 2013 г. Китай инвестировал в ликвидацию бедности 1,6 трлн юаней (около 246 млрд долл. США) [15]. Но правительство не просто раздавало деньги бедным. Программы по адресному оказанию помощи бедным включают множество аспектов. Сюда входят как строительство инфраструктурных объектов в деревне и повышение уровня доходов у бедных людей, так и предоставление социального обеспечения и общественных услуг в области здравоохранения, образования и культуры. Например, постройка современных дорог,

линий электропередачи и связи в наиболее отдаленные районы страны для повышения их транспортной доступности и уровня жизни жителей, переселение миллионов людей из труднодоступных районов, привлечение бизнеса в сельскую местность для создания рабочих мест, субсидии, специ-

альные курсы обучения и переподготовки фермеров для ведения современного хозяйства и вовлечения в торговую деятельность, построение школ, техникумов и других учебных заведений в малоимущих районах с бесплатным доступом детей и молодежи к образованию.

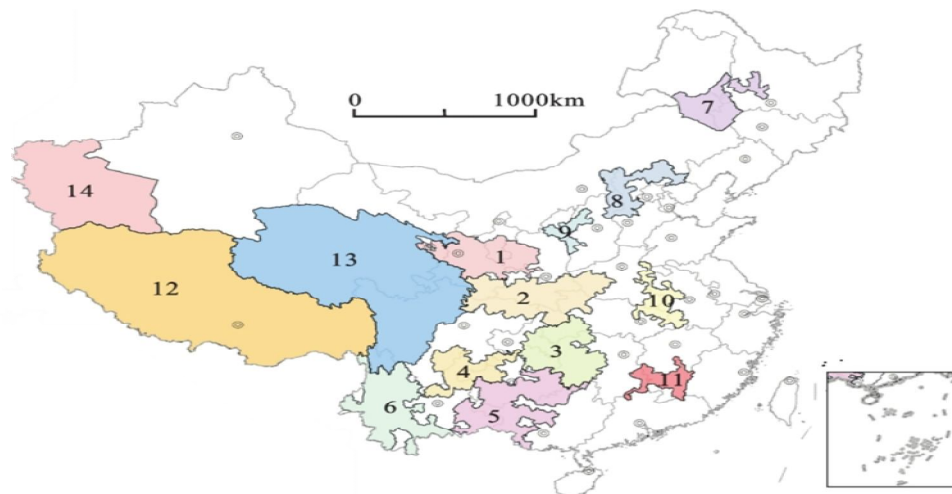

Рис. 1. Карта бедных регионов в Китае

Чтобы поддерживать оказание адресной помощи бедным за счет развития специфических производств, Китай вырабатывает ряд планов и политических установок по развитию специфических производств, предоставляя бедным районам возможности развития. Много программ были запущены в последние годы, в т. ч. политика борьбы с бедностью с помощью туризма, политика борьбы с бедностью в сфере занятости, политика борьбы с бедностью с помощью электронной коммерцией, политика борьбы с помощью Интернета и т. д. [16].

По данным Всемирного банка борьбы с бедностью, вклад Китая в сокращение бедности в мире превысил 70%. С 2012 до конца 2019 гг. (за короткие семь лет) численность малоимущего населения в Китае снизилась на 90 млн человек, уровень нищеты с 10,2% опустился до 0,6% [17].

Си Цзиньпин на собрании, посвященном итогам борьбы властей с бедностью, заявил, что благодаря общим усилиям Коммунистической партии Китая и ки-

тайского была одержана полная победа в борьбе с бедностью. Нищета в региональном масштабе преодолена. Из нищеты вывели 832 уезда и 128 000 деревень [18].

В бедных районах уровень базового общественного обслуживания непрерывно повышается, потребительские расходы и располагаемые доходы на душу населения сельских районах увеличиваются (рис. 2).

Цифровые технологии в определенной степени изменяют систему реализации политики по адресному оказанию помощи бедным, повышают эффективность кадров по борьбе с бедностью и открывают новые возможности и методы борьбы с бедностью. Внедрение информационных технологий позволяет координировать деятельность центральных и местных органов власти на всех уровнях и низовых автономных организаций для реализации совместного использования политик, обмена информацией, отслеживания распределения ресурсов, отслеживания эффективности сокращения бедности и прозрачного надзора в процессе управления бедностью.

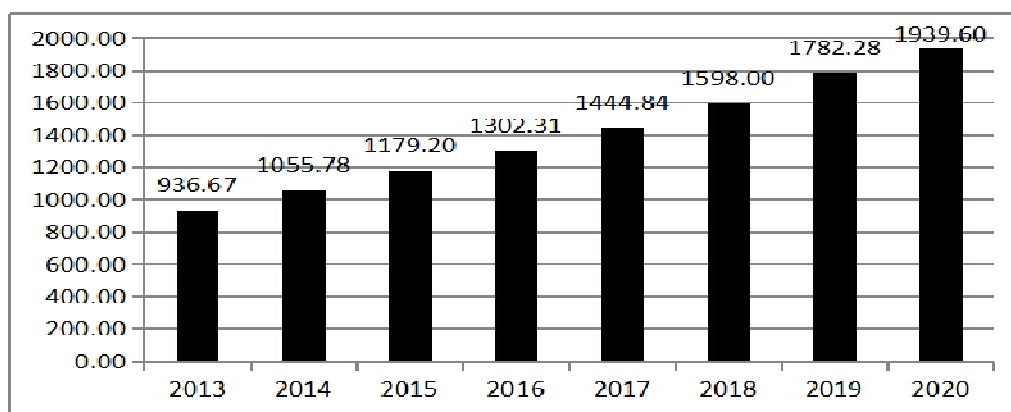

Рис. 2. Располагаемые доходы сельских жителей на душу населения в бедных регионах, долл. США [19]

В Китае для содействия динамичной ликвидации бедности и роста благосостояния в бедных районах широко используются цифровые технологии.

Директор Управления по борьбе с бедностью провинции Гуйчжоу сказал: «Применение технологии больших данных и технологии блокчейн значительно уменьшило человеческий фактор в работе по борьбе с бедностью. Все данные по борьбе с бедностью можно отследить, и нельзя подделать, что делает работу по борьбе с бедностью подлинной и заслуживает доверия. В настоящее время кадрам по борьбе с бедностью нужно только нажать на поиск в мобильном приложении, и соответствующая информация о бедных будет отображаться на экране

(компьютера или телефона), что не только повысит эффективность работы, но и снизит рабочую нагрузку» [20].

Активное применение технологии больших данных создает условия для получения новой информации малоимущих и бедных регионов и принятия эффективных управленческих решений (рис. 3). Данные технологии для точной и эффективной борьбы с бедностью в бедных регионах начали использовать с 2015 г.

Правительство Китая запустило специальную информационную систему по сокращению масштабов нищеты, которая осуществляется с помощью цифровых платформ, и можно использовать и в виде компьютерной программы, и в виде телефонного приложения.

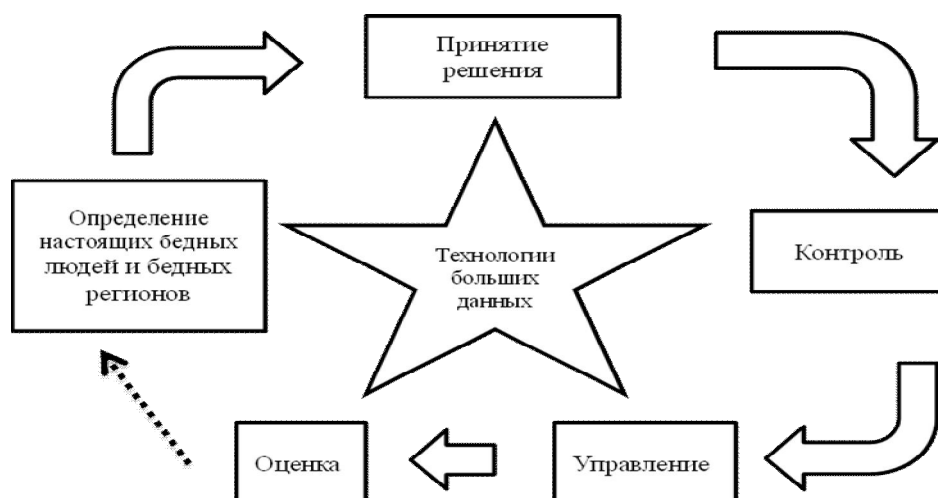

Рис. 3. Механизм работы информационной системы по адресному оказанию помощи бедным с помощью технологии больших данных

С помощью больших данных и других цифровых технологий система может автоматически собрать информацию о заявленном бедном населении: возраст, пол, состояние здоровья, доход, потребление, использование мобильных телефонов, семейное положение и т. д. – и потом точнее определить, нужно ли поддерживать этого человека. После выявления бедного населения в системе будут создаться архив и личная карта на каждого бедного, каждую бедную семью и собираться информация для оценки состояния бедности и эффективного управления.

На основе сбора информации правительство может заимствовать средства или организовывать исследования и разработки для создания базы данных источников информации о сокращении бедности, создания «модели идентификации бедного населения», определения того, является ли заявитель бедным человеком, и сведения к минимуму субъективности и искажения фактов в процессе выявления бедности.

Метод цифровой технологии не может гарантировать, что распознавание будет полностью правильным, но он может значительно уменьшить вмешательство человека и ошибочные данные. При необходимости машинная оценка и человеческая оценка могут быть объединены для выявления бедного населения и бедных регионов.

Возьмем в качестве примера платформу по борьбе с бедностью «Облако борьбы с бедностью» в провинции Гуйчжоу 2015 г. Эта платформа на основе данных о питьевой воде, жилье, транспорте, образовании и медицинском обслуживании, а также других подборных данных точно определяет бедное население. Кадры по борьбе с бедностью могут иметь четкое представление об автомобиле, доме, билетах, медицинском обслуживании, социальном обеспечении и т. д. Когда соответствующие данные не совпадают, система автоматически предупреждает и обнаруживает нарушения правил и дисциплин [21].

Данная платформа автоматически сравнивает источники данных, собранных на месте, со статистикой этих департаментов, что обеспечивает достоверность данных. Например, информация о бедности студента будет автоматически загружена в колледжи и университеты, офисы по борьбе с бедностью, учебные и финансовые бюро в провинции Гуйчжоу. Колледжи и университеты Гуйчжоу используют «Облако борьбы с бедностью» для сбора информации о бедных студентах в провинции и получения списка бедных студентов с платформы. При регистрации для определения бедных студентов им нужно только проверить основную информацию и объем финансирования бедных студентов, тем самым упростив процесс финансирования и повысив эффективность работы.

Можно с помощью технологий больших данных или прочих передовых современных технологий провести исследования и анализировать причины бедности малоимущих и бедных регионов, дать каждому бедному человеку конкретные советы, найти подходящее производство в каждом бедном регионе. Анализ позволит точно установить: что будет пользоваться спросом в этом году, а что – в следующем, и т. д. Лучше, если один бедный населённый пункт будет стремиться к созданию и продвижению какого-то одного уникального товара. Нельзя слепо гнаться за модой и трендами. Зачастую крестьяне, увидев тот или иной фрукт, который принесит выгоду, начинают массово его выращивать. Это неправильный путь развития, так успеха не добиться. Для увеличения доходов и реального повышения уровня жизни малоимущих в бедных регионах нужно реализовать более целенаправленные меры на основе разных ситуаций. Это наиболее эффективный способ искоренения нищеты.

Китай также использует блокчейн для борьбы с бедностью, и вместе с этим повышает эффективность и прозрачность. Одной из эффективных отраслей, где на

практике можно использовать блокчейн, безусловно, является финансовая сфера. Это важно, когда приходится рассматривать выделение огромных сумм денежных средств, особенно в том случае, когда для принятия решения необходимо согласие нескольких сторон.

В отличие от традиционных контрактов, требующих ручных операций, смарт-контракты могут быть развернуты в блокчейне и запускаться и исполняться в соответствии с письменными «сценариями». В процессе борьбы с бедностью средства для точного сокращения бедности записываются в смарт-контракт заранее в соответствии с суммой и временем платежа. Затем, когда условия выполнены, смарт-контракт автоматически выполняет ход сценария для завершения выдачи финансов из фондов по борьбе с бедностью.

Блокчейн может образовывать цепочку консорциума всех связанных организаций, и вся информация распределяется и хранится каждой организацией. Он может не только решить проблему обмена информацией, но также решить проблему открытости, прозрачности и отслеживаемости, а также реализовать экологию многостороннего одобрения и многостороннего контроля. Система эффективно улучшает динамическое отслеживание данных и эффективность работы, значительно снижает затраты на работу и реализует интеллектуальное управление и контроль над платформой.

В дополнение к проверке базы данных блокчейн будет управлять заявками на проекты, которые предназначены для финансирования и последующего распределения финансовых средств.

Например, в мае 2018 г. в Тибетском автономном районе Китая организован приватный блокчейн, состоящий из нескольких узлов, таких как Банк Китая, Банк сельскохозяйственного развития и пользовательские подразделения. Через технологию блокчейн реализовались утверждения и идентификация средств, а

также партийная проверка информации и весь процесс использования цепочки средств по борьбе с бедностью, чтобы обеспечить отслеживаемость и надежность всего процесса [22].

С развитием широкого употребления цифровых технологий электронная торговля становится основным драйвером экономического роста в бедных сельских районах Китая во время борьбы с бедностью. Она играет важную роль в преобразовании режима экономического развития, оптимизации структуры промышленности, поощрении торговли и товарооборота, стимулировании инновационной занятости, увеличении доходов фермеров и сбыте сельскохозяйственной продукции.

Государство очень поддерживает развитие платформ электронной коммерции в бедных регионах и поощряет существующие большие платформы электронной коммерции, помогать развивать электронную коммерцию бедных регионов, чтобы бедные люди и бедные регионы быстрее избавились от нищеты.

Например, Aliba приводит сельских жителей в онлайн-коммерцию, создавая необходимую инфраструктуру и технологии и обучая фермеров, как этим пользоваться. Начиная с 2014 г. развитием сельского онлайн-ритейла занимаются 20 подразделений компании, включая торговые площадки Taobao, Tmall и логистическую службу Cainiao. Начиная с 2018 г. Alibaba продолжила продвигать новую модель борьбы с бедностью, используя модель благотворительности в прямом эфире. Сегодня залы прямых трансляций Taobao выпустили более 100 000 селян, и ежедневно в среднем проводятся 13 000 прямых трансляций. Мобильные телефоны стали новым сельскохозяйственным орудием, прямые трансляции стали новым видом сельскохозяйственной деятельности, а данные – новыми сельскохозяйственными ресурсами, помогая миллиону фермеров избавиться от бедности и стать богатыми.

Alibaba сейчас уже стала крупнейшей в Китае платформой электронной коммер-

ции сельскохозяйственной продукции. По статистике на конец августа 2020 г. объем продаж сельскохозяйственной продукции Alibaba за последние три года превысил около 83,2 млн долл. США [23].

В октябре 2016 г. государство запустило программу сокращения масштабов нищеты с помощью Интернет, включая в себе пять крупных проектов: проект сетевого охвата, проект электронной коммерции в сельских районах, проект сетевого образования, проект информационных услуг и проект сетевого общественного благосостояния.

Как следует из доклада Китайского информационного центра сети Интернет (CNNIC), до конца 2020 г. покрытие широкополосной сети в бедных уездах уже повысило до 98%, подобный показатель в 2017 г. составил менее 70%. Внедрение электронной коммерции в сельской местности достигло полного охвата в 832 бедных уездах. Цифровой уровень государственных услуг в области сельского здравоохранения и образования постоянно повышается. Телемедицина охватила все бедные округа. Финансовыми услугами охвачено 99,2% всех бедных сел [24].

Цифровые технологии еще могут применяться во многих сферах при реализации целевой политики по адресному оказанию помощи бедному населению. Например, в программе борьбы с бедностью с помощью туризма в некоторых провинциях строилась специальная туристическая информационная платформа для сбора в реальном времени информации о потоках пассажиров в живописных местах в бедных районах и отправки собранной информации для туристов через социальные сети, такие как Weibo и WeChat. Таким образом, туристы могут в режиме реального времени понимать местную ситуацию и вовремя принимать меры, а также корректировать планы работы и поездок, чтобы достичь разумного восприятия всех видов туристической информации, и туристические компании тоже могут получать более качественные отзывы.

Выводы

При разработке политики по снижению асимметрии развития регионов прежде нужно выяснить уровень асимметрии с помощью анализа больших количеств данных. И в то же время нужно обеспечить подлинность и точность этих данных. Еще при реализации политики по снижению асимметрии требуется целенаправленность употребления финансов и проведения проектов, строгий контроль и точная оценка эффективности политики, чтобы обеспечить эффект политики и лучше регулировать политику.

В осуществлении политики по адресному оказанию помощи бедным мы можем видеть преимущество применения цифровых технологий при разработке и реализации политики по снижению асимметрии развития регионов:

1. При развитии и управлении регионами сами цифровые технологии могут реализовывать функции сбора информации, обмена информацией, анализа информации, точного управления, принятия политических решений, удаленного обслуживания, надзора и оценки.

2. С быстрого развития и широкого употребления цифровых технологий цифровая трансформация становится важным фактором регионального развития. В определенном смысле региональные разрывы будут в большей степени проявляться в будущем как различия в цифровой трансформации, и эти признаки можно увидеть уже сейчас. Цифровая трансформация вызвала изменения во взаимном расположении традиционных и новых факторов производства. Можно сказать, что цифровые технологии не только помогают разработке и реализации политики по снижению асимметрии, но и являются способом снижения асимметрии регионов. Таким образом, при разработке и реализации политики по снижению асимметрии государство должно продолжать повышать уровень применения цифровых технологий.

Список литературы

1. Положенцева Ю. С., Вертакова Ю. В. Управление пространственным социально-экономическим развитием территорий: монография / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2015. 218 с.
2. Плотников В. А., Лисина Е. А. Оценка уровня региональной дифференциации в Российской Федерации // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2018. № 2 (36). С. 5-15.
3. Коварда В. В., Минакова И. В. Направление совершенствования государственной политики по обеспечению сбалансированного регионального развития // Регион: системы, экономика, управление. 2020. № 1(48). С. 36-43.
4. Бестаева Л. И. Тенденции диспропорций социально-экономического развития регионов // Фундаментальные исследования. 2015. № 10, ч. 3. С. 564-569.
5. Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С. Повышение устойчивости регионального развития на основе сглаживания территориального неравенства: монография. Старый Оскол, ТНТ, 2009. 248 с.
6. Положенцева Ю. С. Государственное регулирование социально-экономической дифференциации регионов // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2017. № 2(32). С. 12-16.
7. Макенов М. М. Совершенствование государственного регулирования социально-экономической дифференциации регионов России // ЭКО. 2019. № 4(538). С. 173-191.
8. Сунь Цзювэнь. Региональная экономика. Пекин: Столичный университет экономики и деловой прессы, 2017. 361 с.
9. Фань Хэншань. Использование цифровых технологий для содействия региональному развитию и формирование новой структуры регионов. URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_6799059 (дата обращения: 11.09.2021).
10. Как Китай вывел 700 млн жителей страны из бедности. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0522/c95181-9693163.html> (дата обращения: 17.09.2021).
11. Китай заявил, что победил бедность, но по критериям Всемирного банка планка нищеты в этой стране занижена в 5 раз. URL: <https://newprospect.ru/news/aktualno-segodnya/kitay-zayavil-chto-pobedil-bednost-no-po-kriteriyam-vsemirnogo-banka-planka-nishchety-v-etoy-strane/> (дата обращения: 17.09.2021).
12. Лю Яньсуй, Чжоу Ян, Лю Цзилай. Характеристики региональной дифференциации сельской бедности и стратегия адресной борьбы с бедностью в Китае // Бюллетень Китайской академии наук. 2016. № 3(31). С. 269-278.
13. По состоянию на конец 2013 г. 82,49 миллиона человек в Китае все еще живут в бедности. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2014/1016/c64387-25850085.html> (дата обращения: 11.09.2021).
14. Имеют ли инвестиции бедных уездов инвестиционную ценность? URL: https://m.sohu.com/a/402773080_611449/?pvid=000115_3w_a (дата обращения: 11.09.2021).
15. Си Цзиньпин заявил, что Китай одержал полную победу над абсолютной бедностью. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10776803> (дата обращения: 17.09.2021).
16. Борьба с бедностью: опыт и вклад Китая. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/1108/c31521-9138861.html> (дата обращения: 11.09.2021).
17. «Китайское чудо» в глобальной ликвидации бедности. URL: https://www.trud.ru/article/23-10-2020/1395533_kitajskoe_chudo_v_globalnoj_likvidatsii_bednosti.html (дата обращения: 12.09.2021).
18. Си Цзиньпин заявил о победе над бедностью в Китае. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfree-news/603736a59a79475eb9faa787> (дата обращения: 11.09.2021).
19. Борьба с бедностью: опыт и вклад Китая. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2021-04/06/c_1127295868.htm (дата обращения: 10.09.2021).
20. Точно выявлять и помогать людям и районам, которые действительно бедны. URL: <http://szb.gzrb.com.cn/gzrb/gzrb/rb/20190526/ArticleT03004JQ.htm> (дата обращения: 10.09.2021).
21. Ли Сюэлинь, Ян Шию, Чжоу Си. Текущая ситуация, трудности и контрмеры при использовании технологий больших данных для содействия точному сокращению бедности в провинции Гуйчжоу // Журнал Педагогического университета Люпаньшуй. 2019. № 2(31). С. 1-9.

22. «Блокчейн» помогает Тибету бороться с бедностью. URL: https://www.sohu.com/a/232544550_160909 (дата обращения: 10.09.2021).
23. Увеличение доходов от электронной торговли в бедных округах на 310 миллиардов юаней: «отчет» Alibaba помогает сокращению масштабов нищеты с помощью пятилетних данных. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1680679162749223943&wfr=spider&for=pc&searchword=%E7%94%B5%E5%95%86%20%%20E6%%2089%%20B6%%20E8%%20B4%%20AB%%2020%%20E6%%2095%%20B0%%20E6%%208D%%20AE> (дата обращения: 10.09.2021).
24. CNNIC выпускает 47-й «Статистический отчет о состоянии развития Интернета в Китае». URL: http://cnnic.cn/gywm/xwzx/rdxw/20172017_7084/202102/t20210203_71364.htm (дата обращения: 17.09.2021).

References

1. Polozhentseva Yu. S., Vertakova Yu. V. Upravlenie prostranstvennym sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem territorii [Management of spatial socio-economic development of territories]. Kursk, Southwest State University Publ., 2015. 218 p.
2. Plotnikov V. A., Lisina E. A. Otsenka urovnya regional'noi differentsiatsii v Rossiiskoi Federatsii [Assessment of the level of regional differentiation in the Russian Federation]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii* = *Theory and Practice of Service: Economics, Social Sphere, Technologies*, 2018, no. 2 (36), pp. 5-15.
3. Kovarda V. V., Minakova I. V. Napravlenie sovershenstvovaniya gosudarstvennoi politiki po obespecheniyu sbalansirovannogo regional'nogo razvitiya [The direction of improving state policy to ensure balanced regional development]. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie* = *Region: Systems, Economics, Management*, 2020, no. 1 (48), pp. 36-43.
4. Bestaeva L. I. Tendentsii disproportsii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov [Trends in the disproportions in the socio-economic development of regions]. *Fundamental'nye issledovaniya* = *Basic Research*, 2015, no. 10, pt. 3, pp. 564-569.
5. Vertakova Yu. V., Polozhentseva Yu. S. Povyshenie ustoichivosti regional'nogo razvitiya na osnove sglazhivaniya territorial'nogo neravenstva [Increasing the sustainability of regional development based on smoothing territorial inequality]. Stary Oskol, TNT Publ., 2009. 248 p.
6. Polozhentseva Yu. S. Gosudarstvennoe regulirovanie sotsial'no-ekonomicheskoi differentsiatsii regionov [State regulation of socio-economic differentiation of regions]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii* = *Theory and Practice of Service: Economics, Social Sphere, Technology*, 2017, no. 2 (32), pp. 12-16.
7. Makenov M. M. Sovershenstvovanie gosudarstvennogo regulirovaniya sotsial'no-ekonomicheskoi differentsiatsii regionov Rossii [Improvement of state regulation of socio-economic differentiation of regions of Russia]. *EKO = ECO*, 2019, no. 4 (538), pp. 173-191.
8. Sun Juven. Regional'naya ekonomika [Regional Economics]. Beijing, Capital University of Economics and Business Press, 2017. 361 p.
9. Fan Hengshan. Ispolzovanie tsifrovyykh tekhnologii dlya sodeistviya regional'nomu razvitiyu i formirovanie novoi struktury regionov [Using digital technologies to promote regional development and the formation of a new structure of regions]. Available at: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_6799059. (accessed 11.09.2021)
10. Kak Kitai vyvel 700 mln zhitelei strany iz bednosti [How China brought 700 million people out of poverty]. Available at: <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0522/c95181-9693163.html>. (accessed 17.09.2021)
11. Kitai zayavil, chto pobedil bednost', no po kriteriyam Vsemirnogo banka planka nishchety v etoi strane zanizhena v 5 raz [China has declared that it has defeated poverty. but according to the criteria of the World Bank, the poverty line in this country is 5 times lower]. Available at: <https://newprospect.ru/news/aktualno-segodnya/kitay-zayavil-chto-pobedil-bednost-no-po-kriteriyam-vsemirnogo-banka-planka-nishchety-v-etoy-strane/>. (accessed 17.09.2021)
12. Liu Yansui, Zhou Yang, Liu Jilai. Kharakteristiki regional'noi differentsiatsii sel'skoi bednosti i strategiya adresnoi bor'by s bednost'yu v Kitae [Characteristics of regional differentiation of rural poverty

and a strategy for targeted poverty reduction in China]. *Byulleten' Kitaiskoi akademii nauk = Bulletin of the Chinese Academy of Sciences*, 2016, no. 3 (31), pp. 269-278.

13. Po sostoyaniyu na konets 2013 g. 82,49 milliona chelovek v Kitae vse eshche zhivut v bednosti [As of the end of 2013, 82.49 million people in China still live in poverty]. Available at: <http://cpc.people.com.cn/n/2014/1016/c64387-25850085.html> (accessed 11.09.2021)

14. Imeyut li investitsii bednykh uezdov investitsionnuyu tsennost'? [Does the investment of the poor counties have investment value?]. Available at: https://m.sohu.com/a/402773080_611449/?pvid=000115 3w a. (accessed 11.09.2021)

15. Si Tszin'pin zayavil, chto Kitai oderzhal polnuyu pobedu nad absolyutnoi bednost'yu [Xi Jinping said that China has won a complete victory over absolute poverty]. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/10776803>. (accessed 17.09.2021)

16. Bor'ba s bednost'yu: opyt i vklad Kitaya [Fighting poverty: experience and contribution of China]. Available at: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/1108/c31521-9138861.html>. (accessed 11.09.2021)

17. "Kitaiskoe chudo" v global'noi likvidatsii bednosti ["Chinese miracle" in the global elimination of poverty]. Available at: https://www.trud.ru/article/23-10-2020/1395533_kitajskoe_chudo_v_globalnoj_likvidatsii_bednosti.html. (accessed 12.09.2021)

18. Si Tszin'pin zayavil o pobede nad bednost'yu v Kitae [Xi Jinping announced the victory over poverty in China]. Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/603736a59a79475eb9faa787>. (accessed 11.09.2021)

19. Bor'ba s bednost'yu: opyt i vklad Kitaya [Fighting poverty: experience and contribution of China]. Available at: http://www.xinhuanet.com/politics/2021-04/06/c_1127295868.htm. (accessed 10.09.2021)

20. Tochno vyyavlyat' i pomogat' lyudyam i raionam, kotorye deistvitel'no bedny [Precisely identify and help people and areas that are really poor]. Available at: <http://szb.gzrbs.com.cn/gzrb/gzrb/rb/20190526/ArticleT03004JQ.htm>. (accessed 10.09.2021)

21. Li Xuelin, Yang Shiyu, Zhou Xi. Tekushchaya situatsiya, trudnosti i kontrmery pri ispol'zovanii tekhnologii bol'shikh dannykh dlya sodeistviya tochnomu sokrashcheniyu bednosti v provintsii Guichzhou [Current Situation, Challenges, and Countermeasures in Using Big Data Technologies to Promote Accurate Poverty Reduction in Guizhou Province]. *Zhurnal Pedagogicheskogo universiteta Lyupan'shui = Journal of Liupanshui University of Education*, 2019, no. 2 (31), pp.1-9.

22. "Blokchein" pomogaet Tibetu borot'sya s bednost'yu ["Blockchain" helps Tibet to fight poverty]. Available at: https://www.sohu.com/a/232544550_160909. (accessed 10.09.2021)

23. Uvelichenie dokhodov ot elektronnoi trgovli v bednykh okrugakh na 310 milliardov yuanei: "otchet" Alibaba pomogaet sokrashcheniyu masshtabov nishchety s pomoshch'yu pyatiletnikh dannykh [RMB 310 Billion in E-Commerce Revenues in Poor Counties: Alibaba's "Report" Helps Poverty Reduction with Five-Year Data]. Available at: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1680679162749223943&wfr=spider&for=pc&searchword=%E7%94%B5%E5%95%86%20%%20E6%%2089%%20B6%%20E8%%20B4%%20AB%%2020%%20E6%%2095%%20B0%%20E6%%208D%%20AE>. (accessed 10.09.2021)

24. CNNIC vypuskaet 47-i "Statisticheskii otchet o sostoyanii razvitiya Interneta v Kitae" [CNNIC publishes the 47th "Statistical Report on the State of Internet Development in China"]. Available at: http://cnnic.cn/gywm/xwzx/rdxw/20172017_7084/202102/t20210203_71364.htm. (accessed 17.09.2021)

Информация об авторе / Information about the Author

Лю Яи, аспирант, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: ly776124534@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-4375-350X

Liu Yai, Post-Graduate Student, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: ly776124534@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-4375-350X

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-290-299>**Онтологический статус художественного образа на примере актерской работы (I): проблема восприятия, синтез сознания и тела****Т. А. Сеницына¹** ✉

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Ломоносовский просп. 27, корп. 4, г. Москва 119234, Российская Федерация

✉ e-mail: famari.more@gmail.com

Резюме

Актуальность. С активным развитием современного искусства, включающего в себя новые области (в т. ч. современные технологии), все актуальнее вопрос: что является искусством? Чтобы очертить границы искусства, необходимо выяснить, имеют ли образы художественного творчества собственный онтологический статус или же являются лишь производными от комбинаций явлений внешней реальности. Мы обратимся к театральной практике, позволяющей выделить онтологические основания сценического образа.

Цель – определение онтологического статуса художественного образа посредством анализа проблемы восприятия, выявление взаимосвязи восприятия художественного образа с проблемой связи сознания и тела на примере актерской работы.

Задачи: осуществить анализ понятия «художественный образ»; показать взаимосвязь его онтологического статуса с проблемой восприятия; на примере сценического образа выявить важность взаимодействия тела и сознания при его создании.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались: историко-философский подход к проблеме восприятия, герменевтический метод, методология обобщенной телесности в работах театральных теоретиков.

Результаты: проведен историко-философский анализ проблемы восприятия; осуществлено приложение его результатов к ситуации восприятия художественного образа; выявлена связь восприятия и взаимодействия тела и сознания на примере сценического образа.

Выводы. В результате исследования выяснилось, что онтологический статус художественного образа предполагает единство его «вещности» и метафизической составляющей. Данное положение подтверждают исследования в области театра, демонстрирующие, что сценический образ предполагает синтез сознания и тела актера в момент театрального действия.

Ключевые слова: художественный образ; театральное действие; восприятие; проблема сознания и тела; обобщенная телесность.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Сеницына Т. А. Онтологический статус художественного образа на примере актерской работы (I): проблема восприятия, синтез сознания и тела // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 290–299. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-290-299>.

Поступила в редакцию 17.10.2021

Принята к публикации 15.11.2021

Опубликована 29.12.2021

© Сеницына Т. А., 2021

The Ontological Status of an Artistic Image on the Example of Acting (I): the Problem of Perception, Synthesis of Consciousness and Body

Tamara A. Sinitsyna¹ ✉

¹ Lomonosov Moscow State University
27 Lomonosovsky Ave., b. 4, Moscow 119234, Russian Federation

✉ e-mail: famari.more@gmail.com

Abstract

Relevance. Contemporary art develops so active and includes new areas. The question "what is art?" becomes more and more relevant. To outline the boundaries of art, it is necessary to find out whether the images of artistic creation have their own ontological status or are only combinations of phenomena of external reality. We turn to theatrical practice, which allows us to highlight the ontological foundations of the stage image.

The purpose is to determine the ontological status of an artistic image by analyzing the problem of perception. Revealing the relationship between the perception of an artistic image and the mind and body problem.

Objectives: to analyze the concept of "artistic image"; show the relationship of his ontological status with the problem of perception; using the example of a stage image to reveal the importance of the interaction of the body and consciousness in its creation.

Methodology. Philosophical approach to the problem of perception, the hermeneutic method, the methodology of generalized corporeality in the works of theatrical theorists.

Results: a historical and philosophical analysis of the problem of perception was carried out, its results were applied to the situation of perception of an artistic image; the connection between perception and interaction of the body and consciousness was revealed on the example of a stage image.

Conclusions. It became clear that the ontological status of an artistic image presupposes the unity of its "thingness" and its metaphysical component. This position is confirmed by studies in the field of theater, demonstrating that the stage image presupposes the synthesis of the consciousness and body of the actor.

Keywords: artistic image; theatrical action; perception; the mind-body problem; generalized corporeality.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Sinitsyna T. A. The Ontological Status of an Artistic Image on the Example of acting (I): the Problem of Perception, Synthesis of Consciousness and Body. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(6): 290–299. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-290-299>.

Received 17.10.2021

Accepted 15.11.2021

Published 29.12.2021

Введение

Данная работа является первой частью исследования, главная цель которого – определить онтологический статус сценического образа (исполняемого актером) как одного из видов художественного образа.

Согласно классическим концепциям эстетики, художественный образ представляет собой особую эстетическую категорию, описывающую форму мышления и взаимодействия с действительностью в искусстве. Как пишет представи-

тель отечественной эстетической и литературной мысли Ю. Боров, «х. о. – это иносказательная, метафорическая мысль, раскрывающая одно явление через другое» [1]. Под художественным образом иногда подразумевают некий общий принцип существования художественной реальности, но традиционно так называют отдельные, конкретные элементы произведения искусства (персонаж, фигура, мелодия). В эстетике Гегеля мы находим определение, наиболее близкое современным трактовкам данного понятия: «Искусство изображает истинно все-

общее, или идею, в форме чувственного существования, образа» [2]. Ранее в античной философии рассматривался преимущественно миметический аспект понятия образ (например, Платон и Аристотель писали о реальности и ее идеальном отображении, «эйдосе», в виде художественного творения). Позже в новоевропейской эстетике художественный образ начинают рассматривать уже в рамках различных конкретных практик искусства как конечный результат творческой деятельности художника. Такая точка зрения остается актуальной и в современных эстетических концепциях. Мы продолжим работу в данной традиции и продемонстрируем свое собственное понимание художественного образа. Для этого будем опираться на работы философов, анализирующих и описывающих творческий процесс (М. Хайдеггер, У. Джеймс, А. Бергсон, Ф. Гиренок и др.), а также на наработки театральных теоретиков и режиссеров XX в. Кроме того, мы используем результаты, представленные в цикле наших предыдущих работ в соавторстве с В. Г. Будановым, где мы уделили большое внимание систематическому построению онтологий обобщенной телесности, которые весьма эффективны для интерпретации различных концептов театрального искусства. [3; 4; 5]

Материалы и методы

В процессе дальнейшего исследования нами будут использоваться: историко-философский подход к проблеме восприятия, философская рефлексия, герменевтический метод, методология обобщенной телесности в работах театральных теоретиков.

Результаты и их обсуждение

Образ

Прежде чем приступить к нашей характеристике художественного образа, для начала необходимо разобраться с тем, что же означает понятие «образ» са-

мо по себе. Так часто говорится: «образ мыслей», «образ действий», «таким образом». При лексическом анализе подобных выражений становится очевидно, что даже в языковой структуре «образ» обозначает определенный порядок, организацию некоторых отдельных элементов, существующих хаотично. К примеру, образ моих мыслей – это то, как я мыслю, как выстроены мои мысли, их порядок, логика, построение. Построением чего же является художественный образ?

Для примера: возьмем нарисованную художником картину. С одной стороны, это построение действий, идей, мыслей художника, но с другой – та же картина – это построение художником реального материала (холст, краски). Художественный образ выстраивается его создателем, причем процесс творения, как мы видим, происходит в **двух областях – физической и ментальной**. Целостность восприятия художественного творения зрителем также предполагает соединение в этом восприятии материальной и воображаемой составляющих конкретного образа.

Восприятие

Художественный образ – это объект для восприятия как самого творца, его создающего, так и зрителя, его наблюдающего. Суть художественного образа не функциональная, а эстетическая. Она состоит в том, что этот образ наблюдают, им любуются, в него вглядываются и вслушиваются, им вдохновляются. Сущность образа раскрывается в «глазах смотрящего», будь то живописное произведение, скульптура, фильм, музыка (которую видят «внутренним взором») или театральная постановка. Поэтому, безусловно, определение статуса художественного образа тесно связано с проблемой восприятия. Когда зритель впервые видит произведение искусства, то он видит его как нечто новое, прежде неизвестное. Обладает ли это возникающее «нечто» собственным онтологическим статусом или же это лишь комбинация других,

уже существующих реальных объектов? Исчерпывается ли художественный образ сознанием этого образа или он представляет собой объект в реальности?

В истории философии проблема восприятия объекта является одной из базовых проблем, многие века мучившей мыслителей. Главным образом внимание уделялось соотношению нашего восприятия с реальностью. То, что мы видим, существует лишь в нашем восприятии или же само по себе, независимо от восприятия? Данную проблему рассматривал Р. Декарт [6] в рамках процедуры радикального сомнения. Скептическая позиция по отношению к реальности развивалась как в эмпиризме (наиболее ярко в «Новой теории зрения» Беркли [7]: объекты существуют лишь в восприятии либо нашем, либо Бога), так и в рационализме (наиболее ярко – в «Монадологии» Лейбница [8]: объекты – суть перцепции, которые изначально заложены в монады нашей души, а физический феномен есть лишь плохо объясненный феномен духа). Кант [9], примирив их, оставил для внешней нам реальности лишь «вещи в себе». Крайним проявлением такого скептицизма является солипсизм, который, правда, представляет собой скорее модель, чем реальное учение. В противоположность скептицизму существует философский реализм: нам даны не образы объектов, но они сами, мы можем познать объективную реальность. Реализм всегда развивался в рамках философии здравого смысла: Т. Рид, Д. Мур, Д. Серл, Х. Патнэм и др.

Рассматривая противоположные воззрения, мы наблюдаем следующую ситуацию: искомый онтологический статус художественного образа помещается где-то на «промежуточном расстоянии» между физической реальностью и ментальной сферой субъекта (в которой имеют место восприятие, впечатления, эмоции т. д.). Следовательно, анализ восприятия художественного образа подводит нас к актуальной философской проблеме —

соотношения ментального и физического, души и тела, духа и материи. Именно от взаимодействия тела и сознания (как у творца, так и у зрителя) зависят воплощение и убедительность художественного образа. Особенно актуальна данная проблема при описании сценического образа, воплощаемого актером на театральной сцене. Для этой цели мы обратимся к философии У. Джеймса, Ф. Гиренка, квантово-синергетической антропологии В. Г. Буданова и др.

В работах У. Джеймса [10], одного из основателей и ведущего представителя прагматизма, мы встречаемся с интересным ходом мысли. В статье «Мир чистого опыта» Джеймс называет свое мировоззрение «радикальный эмпиризм». Радикальность состоит в том, что данный эмпиризм не включает в себя ни одного элемента, который не может быть дан в непосредственном опыте, равно как и упускать какой-нибудь элемент, непосредственно в опыте данный [10, с. 374]. Наиважнейшим моментом в такой философии является то, что в опыте должны быть даны и все отношения, связывающие элементы этого опыта между собой. В едином непосредственном опыте даются как объекты, которые в нем представлены, так и субъект, который их представляет, познает. Свое видение предмета, образа, автор начинает с рассмотрения частей элементов и их связей, отводя целому второстепенную роль, хотя в своем исследовании восприятия художественного образа мы говорим о встрече доопытного и физического, а у Джеймса все редуцируется к наличному опыту, тем не менее нам интересно проследить, каким образом философ описывает саму динамику процесса восприятия. Также мы примем во внимание его вывод, что образ динамичен и зависит от фокуса сознания воспринимающего. Джеймс пишет, что «непосредственный опыт восприятия был ошибочно подменен множеством статических объектов для понимания» [10, с. 377]. Целостность непосредственного

опыта мимолетна и подвижна, в зависимости от вектора потока сознания и переживания субъекта. Поэтому автор не рассматривает образ как нечто целостное. Для Джеймса образ – это движущееся соединение в нашем восприятии множества отдельных элементов опыта. Движение, «жизнь» такого соединения зависят от субъекта, усилиями которого и возникают все внутренние связи отдельных частей непосредственного опыта. Опираясь на утверждения Джеймса, мы делаем вывод, что наблюдающий человек является сотворцом художественного образа в момент наблюдения. Восприятие чуткого зрителя как бы проходит тот же самый путь, по которому двигалось восприятие художника, создателя художественного творения. В момент такого наблюдения происходит повторение изначального акта творения. Подобную мысль мы находим в работе английского театрального режиссера и теоретика П. Брука «Пустое пространство» [11], который, описывая работу актера с текстами классических драматургов, утверждает, что «слова, написанные Шекспиром, – это письменное обозначение тех слов, которые он хотел слышать о виде звуков человеческого голоса определенной высоты, с определенными паузами, в определенном ритме, в сопровождении жестов, также несущих определенную смысловую нагрузку» [11, с. 41]. По мнению Брука, главная задача актера при работе с драматургическим или литературным текстом – быть внимательным и чутким наблюдателем, «воссоздавать первоначальный творческий процесс», который «нельзя ни обойти, ни упростить» [11, с. 41].

Как сказано выше, художественный образ создается в двух плоскостях реальности: и в сознании человека, и имеет реальное воплощение в материальном пространстве. В процессе своей работы художник не может ограничиваться лишь материальным воплощением образа. Выполняя необходимые физические действия, он должен быть одновременно со-

средоточенным и на другой части работы – концентрироваться на своих идеях, видеть «внутренним взором» то, что он создает, наблюдать свою идею и замысел и, ими руководствуясь и вдохновляясь, созидать. Соответственно, для того чтобы и зритель смог увидеть все творение целостно, а не его «вещность», он должен смотреть не только на ее физическое исполнение. Аналогично, с этим условием невозможно воспринимать лишь «идею» картины, минуя ее восприятие как физический объект. Целостность восприятия художественного образа предполагает единство его физической и воображаемой составляющих.

Творение и вещь

Для понимания принципа различения «вещности» художественного образа от его «жизни» в сознании художника и зрителя обратимся к работе М. Хайдеггера «Исток художественного творения» [12]. В отличие от вышеописанной концепции Джеймса Хайдеггер, анализируя природу произведения искусства, говорит не только о наличном опыте, но и выделяет его доопытную, метафизическую составляющую. Прежде всего, философ различает творение и вещь. Вещь для Хайдеггера отличается тем, что она безжизненна. «Мы не спешим назвать вещью и лань на лесной поляне, и жука в траве, и соломинку. Для нас вещь – это, скорее, молот и башмак, топор и часы. Но и такие вещи тоже не просто-напросто вещи. Просто вещами мы считаем только камень, глыбу земли, кусок дерева. Все безжизненное, что есть в природе и в человеческом употреблении» [12, с. 395]. У любого творения есть его «вещность». «Если взглянуть на творения в их незатронутой действительности и ничего себе не внушать, то окажется, что творения наличествуют столь же естественным образом, как и всякие прочие вещи. Картина висит на стене, как висят охотничье ружье и шляпа, путешествует с выставки на выставку» [12, с. 414]. Художественное творе-

ние, пишет Хайдеггер, на какую-то свою часть также является вещью, так как оно проявлено в мире и как предмет. Но у художественного творения есть нечто и «сверх того, нечто иное». Именно это «иное», присущее художественному творению сверх его предметности, и составляет его художественность. Другими словами, по Хайдеггеру, в художественном творении присутствует и предметность, и метафизика. Мы полагаем, что хайдеггеровское «иное» или надмирное, присущее, по мнению философа, любому подлинному образу искусства, относится не к миру вещей, а является метафизическим феноменом, который реализуется в пространствах нашего воображения.

Схожую мысль мы находим в сингулярной антропологии Ф. И. Гиренка [13], где философ уделяет особенное внимание творческим способностям человека. Ссылаясь на Канта, он пишет: «Человек устроен так, что в его знании всегда есть априорное знание, которое отличается от всякого другого знания тем, что позволяет человеку узнавать это знание до всякого опыта» [14]. Гиренок называет эти странные, вечно неисчерпаемые, трансцендентальные образы, избыточными формами воображения. Такие образы больше, чем внешняя реальность, и не порождаются внешними чувствами. Согласно Гиренку, искусство – это всегда соединение воображаемого и реального. Такое соединение не может быть статичным и неизменным, оно зависит от динамики внутренних процессов воображения у каждого конкретного человека, личности, воспринимающей художественный образ или его творщей.

Сценический образ

В приложении к театральной работе необходимо выполнить различие метафизического и «вещного», воображения и действительности в сценическом образе, создаваемом актером. Для чистоты анализа мы будем говорить о «бедном театре» в понимании Е. Грозовского, в кото-

ром все сосредоточено лишь на актере и его возможностях (без техники, без сложных декораций, без дополнительного музыкального оформления и т. д.) [15]. Обратимся к исследованиям театрального режиссера А. Васильева, который в своей практике и теоретической работе вводит термин «театральное действие» [16]. Так он называет «нечто происходящее на сцене», напрямую не зависящее от действий актера, режиссера и т. д. Речь идет о особом «театральном действии», являющемся как бы надстройкой над обыденными действиями актеров, имеющем метафизическую, логически необъяснимую природу. Васильев характеризует этот феномен как «акт перехода из материального присутствия в присутствие нематериального, трансцендентное – через конкретные человеческие действия» [16]. Мы заменим васильевский термин «**театральное действие**» на собственный термин «**театральное действо**». Во-первых, во избежание тавтологии, во-вторых, чтобы показать – феномен театрального **действия** принципиально отличается от действий, всегда происходящих в театре: взаимодействие актеров, перемещение по сцене и т. д. Если действие понимается нами как позитивистское, феноменологически объяснимое явление, то **действо** является метафизическим, трансцендентным и мистериальным. Феномен **театрального действия** выпадает за рамки причинного объяснения, простого психофизиологического объяснения здесь становится недостаточно. В терминологии Хайдеггера сценический образ всегда проявлен в мире предметно – это проявление мы можем наблюдать в любом театральном действии, на любом спектакле. Но проявиться метафизически, сверхпредметно он может лишь в театральном действе, разворачиваясь в пространствах воображения актера и зрителя.

Приведенные ранее свойства художественного образа можно наблюдать во всех видах искусства, пусть и с разной вариативностью. Действительно, и в жи-

вописи, и в музыке, и в литературе образы считываются посредством человеческого восприятия и представляют собой особый «сплав» внешней реальности и внутреннего мира личности. Мы же обратим пристальное внимание на особенности именно сценического образа, воплощаемого театральным актером.

В театральном искусстве проблема создания и воплощения художественного образа стала особенно актуальна в начале XX века. В России ей уделял пристальное внимание К. С. Станиславский. Из его книги «Работа актера над собой» мы узнаем, что художественный образ в театре – это прежде всего образ, создаваемый именно выразительными средствами актера [17]. Декорации, музыка, свет влияют на становление образа лишь второстепенно. Вопрос о создании сценического образа уже в то время был тесно связан с вопросом о связи тела и сознания у играющего артиста. Станиславский писал, что самое основное в актерском творчестве – это создание в условном пространстве сцены «жизни человеческого духа». Это является, по его мнению, единственной действительно значимой целью театрального искусства. Для этого должен быть задействован весь «психофизический аппарат» актера [18]. Он рассматривает актерское творчество как психофизический процесс, в результате которого «создается взаимодействие тела и души, действия и чувства, благодаря которому внешнее помогает внутреннему, а внутреннее вызывает внешнее» [18]. В терминологии квантово-синергетической антропологии, предлагаемой нами в цикле совместных с В. Г. Будановым работ [3; 4; 5], такое единство «психофизического аппарата» актера, исполнителя мы называем обобщенной телесностью. Человек понимается нами как «сложная система, объединяющая в себе множество разнонаправленных процессов – бессознательные соматические импульсы тесно переплетаются с реакциями сознания, с психоментальными реакциями, когнитивные

процессы с коммуникативными» [3]. Все вместе они и представляют собой единый антропологический феномен обобщенной телесности.

Исследования «психофизического аппарата» и дискуссии о нем были весьма актуальны среди современных Станиславскому деятелей и исследователей в области театра. Вс. Э. Мейерхольд создавал «биомеханику», посредством которой пытался открыть принципы взаимного влияния тела на сознание и сознания на тело. Он ставил вопрос: что является первопричиной «жизни» на сцене – «внутреннее» или «внешнее»? [19] Должен ли актер выполнять физические действия, чтобы вызвать посредством телесной памяти «правильные» органичные эмоции? Или, напротив, внутренняя жизнь должна быть основой, влияющей на физические действия и порождающей движения. Согласно предлагаемой нами объектно-телесной онтологии [3], различные компоненты обобщенной телесности (относящиеся как к физическому телу человека, так и к проявлениям его психоментально-эмоциональной сферы) взаимопроникают друг в друга, образуя сложное структурно-функциональное единство. «Каждое тело (обобщенной телесности) представлено в других телах и взаимодействует с ними посредством принадлежащих ему подтел. Например, второе тело энергии может быть проявлено во всех шести других телах – энергия может быть эмоциональной, интеллектуальной, физической и т. д. Это возможно, поскольку во втором теле собраны энергетические подтела всех остальных тел». Таким образом, каждое тело обобщенной телесности актера может активировать, «запускать» остальные тела, например эмоция или мысль может быть причиной движения или, напротив, энергичная физическая деятельность вызывает соответствующие переживания на сцене. Онтология обобщенной телесности помогает прояснить процессы, опи-

сываемые Мейерхольдом в его биомеханической концепции.

Позднее польский режиссер Е. Гротовский, исследуя в своей творческой лаборатории природу актерского творчества, утверждал, что морфемами для «партитуры» актера должны быть не жесты и не чувства, а «импульсы» [15, с. 560]. Он полагал, что чувства не зависят от нашей воли, а значит, их нельзя воспроизводить сознательно. Внешние жесты – это лишь финальная точка, завершение внутренних импульсов. «Мы считаем, что морфемами являются импульсы, поднимающиеся из недр тела навстречу тому, что снаружи. Речь здесь идет об определенной сфере, которую по аналогии с затаенной внутренней мыслью я бы определил, как затаенное внутреннее существование, как нечто обнимающее все побудительные мотивы внутренних недр тела и недр души» [15, с. 560]. Актерский образ, по мнению Гротовского, – это нерасторжимое единство психики и физиологии. При нарушении этого единства исчезает и «жизнь», что обесценивает и лишает смысла любую театральную постановку. Подобные вопросы мы также рассматривали в одной из статей вышеуказанного цикла [3; 4; 5], посвященной созданию психосемантического языка театра [5]. Итак, мы видим, что многочисленные поиски в работе различных театральных школ начала и середины XX века сводились к одному – выработке верной методики для появления подлинной сценической «жизни», в нашей терминологии – театрального действия, где возникает синтез сознания и тела актера. При всех авторских различиях и специфических методологических нюансах каждая из этих театральных концепций подчеркивает, что для создания и воплощения художественного образа в театре актеру необходимо «собрать» самого себя воедино, объединив внутренний мир и свою телесность, предъявить зрителю свою целостность.

Выводы

Мы выяснили, что онтологический статус художественного образа подвижен и зависит от интенсивности восприятия у субъекта, наблюдающего этот образ. Именно восприятие человека объединяет метафизическую и материальную составляющие художественного творения. Такой принцип актуален и в театральной практике. Чтобы действительно воспринимать сценический образ, зритель непременно должен проделать внутреннюю работу: не просто наблюдать актера на сцене, но и увидеть метафизический план этого образа в своем воображении. Театральная практика уникальна тем, что в ней зритель становится свидетелем того, как точно такой же синтез (материального и метафизического) совершает и сам актер, объединяя в процессе театрального действия свой внутренний мир и свое тело. Об этом мы подробнее поговорим в следующей части нашей работы.

Рассмотрев задачи актера в театральном действе, его восприятие и взаимодействие с драматургическим материалом, необходимо обязательно отметить важность роли зрителя, наблюдателя этого действия, находящегося с актером в эмпатической, коммуникативной, информационной связи. Зритель может в той или иной степени отождествляться не только с актером, но и с замыслом автора. На этом принципе основаны современные концептуальные перформансы, где основная роль отводится вовсе не актеру, а зрительским интерпретациям авторского замысла. Заданный контекст и осознанная, предварительная оценочная установка зрителя способны превратить в искусство то, что не было бы им в иных обстоятельствах. Как мы уже писали, «существует некая негласная “договоренность”: все происходящее в пространстве музея или театра является искусством» [4]. Тем не менее в нашем исследовании мы предпочтем остаться в более классических рамках, где зрительской установке не придается определя-

ющее значение, и сконцентрируемся на более универсальных процессах театрального творчества. Данная работа является скорее теоретическим введением в общий дискурс, тогда как во второй

части исследования мы разберем, каким образом происходит становление художественного образа на практике, в процессе работы актера над сценическим образом.

Список литературы

1. Боров Ю. Б. Эстетика. М.: Политиздат, 1981. 399 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Эстетика. М.: Искусство, 1973. Т. 4. 667 с.
3. Буданов В. Г., Синицына Т. А. Квантово-синергетическая онтология обобщенной телесности: От антропологии театра к очеловечиванию искусственного интеллекта, проблема границ // Культура и искусство. 2020. № 7. С. 13 - 28.
4. Буданов В. Г., Синицына Т. А. Квантово-синергетическая онтология обобщенной телесности (II): Постнеклассика, темпоральность, рефлексия театральной игры // Культура и искусство. 2020. № 10. С. 49 - 66.
5. Буданов В. Г., Синицына Т. А. Квантово-синергетическая онтология обобщенной телесности: От антропологии театра к очеловечиванию искусственного интеллекта, проблема границ // Культура и искусство. 2020. № 7. С. 13–28.
6. Декарт Р. Рассуждения о методе. М.: АСТ, 2019. 320 с.
7. Беркли Д. Трактат о принципах человеческого знания и другие сочинения. М.: Академический проект, Мир, 2016. 560 с.
8. Лейбниц Г. В. Монадология. М.: Рипол-Классик, 2018. 200 с.
9. Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2007. 736 с.
10. Джеймс У. Воля к вере. М.: Республика, 1997. 431 с.
11. Брук П. Пустое пространство. М.: Прогресс, 1976. 239 с.
12. Хайдеггер М. Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2005. 526 с.
13. Гиренок Ф. И. Введение в сингулярную антропологию: монография. М.: Проспект, 2021. 304 с.
14. Гиренок Ф. И. Что такое человек? // Философия хозяйства. 2016. № 5. С. 165-174.
15. Грозовский Е. От бедного театра к искусству-проводнику // Искусство режиссуры XX век. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2008. 768 с.
16. Богданова П. Логика перемен. Анатолий Васильев: между прошлым и будущим. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 376 с.
17. Станиславский К. С. Работа актера над собой // Собрание сочинений: в 9 т. М.: Искусство, 1990. Т. 3. 511 с.
18. Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве // Собрание сочинений: в 9 т. М.: Искусство, 1988. Т. 1. 511 с.
19. Мейерхольд В. Э. Статьи. Письма. Речи. Беседы: в 2 ч. М.: Искусство, 1968. 644 с.

References

1. Borev Yu. B. Estetika [Aesthetics]. Moscow, Politizdat Publ., 1981. 399 p.
2. Gegel' G. V. F. Estetika [Aesthetics]. Moscow, Iskustvo Publ., 1973, vol. 4. 667 p.
3. Budanov V. G., Sinicyna T. A. Kvantovo-sinergeticheskaya ontologiya obobshchennoj telesnosti: Ot antropologii teatra k ochelovechivaniyu iskusstvennogo intellekta, problema granic [Quantum-synergetic ontology of generalized physicality: From the anthropology of theater to the humanization of artificial intelligence, the problem of borders]. *Kul'tura i iskustvo = Culture and Art*, 2020, no. 7, pp. 13-28.
4. Budanov V. G., Sinicyna T. A. Kvantovo-sinergeticheskaya ontologiya obobshchennoj telesnosti (II): Postneklassika, temporal'nost', refleksiya teatral'noj igry [Quantum-synergetic ontology of general-

ized physicality (II): Postnonclassics, temporality, reflection of theatrical play]. *Kul'tura i iskusstvo = Culture and Art*, 2020, no. 10, pp. 49–66.

5. Budanov V. G., Sinicya T. A. Kvantovo-sinergeticheskaya ontologiya obobshchennoj telesnosti: Ot antropologii teatra k ochelovechivaniyu iskusstvennogo intellekta, problema granic [Quantum-synergetic ontology of generalized physicality: From the anthropology of theater to the humanization of artificial intelligence, the problem of borders]. *Kul'tura i iskusstvo = Culture and Art*, 2020, no. 7, pp 13-28.

6. Dekart R. Rassuzhdeniya o metode [Reasoning about the method]. Moscow, AST Publ., 2019. 320 p.

7. Berkli D. Traktat o principah chelovecheskogo znaniya i drugie sochineniya [A treatise on the principles of human knowledge and other writings]. Moscow, Akademicheskij Proekt, Mir Publ., 2016. 560 p.

8. Lejbnic G. V. Monadologiya [Monadology]. Moscow, Ripol-Klassik Publ., 2018. 200 p.

9. Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of pure reason]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 736 p.

10. Dzhejms U. Volya k vere [The Will to Faith]. Moscow, Respublika Publ., 1997. 431 p.

11. Bruk P. Pustoe prostranstvo [Empty space]. Moscow, Progress Publ., 1976. 239 p.

12. Hajdegger M. Istok hudozhestvennogo tvoreniya [The source of artistic creation]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2005. 526 p.

13. Girenok F. I. Vvedenie v singulyarnuyu antropologiyu [Introduction to singular anthropology]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 304 p.

14. Girenok F. I. Chto takoe chelovek? [What is a person?]. *Filosofiya hozyajstva = Philosophy of Economy*, 2016, no. 5, pp. 165-174.

15. Grotovskij E. Ot bednogo teatra k iskusstvu- provodniku [From poor theater to art-guide]. *Iskusstvo rezhissury XX vek = Art of Directing XX Century*. Moscow, Artist. Rezhisser. Teatr Publ., 2008. 768 p.

16. Bogdanova P. Logika peremen. Anatolij Vasil'ev: mezhdru proshlym i budushchim [The logic of change. Anatoly Vasiliev: between the past and the future]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 376 p.

17. Stanislavskij K. S. Rabota aktera nad soboj [The actor's work on himself]. *Sobranie sochinenij* [Collected works]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1990, vol. 3. 511 p.

18. Stanislavskij K. S. Moya zhizn' v iskusstve [My life in art]. *Sobranie sochinenij* [Collected works]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1988, vol. 1. 511 p.

19. Mejerhol'd V. E. Stat'i. Pis'ma. Rechi. Besedy [Articles. Letters. Speeches. Conversations]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1968. 644 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Синицына Тамара Андреевна, соискатель,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россий-
ская Федерация,
e-mail: famari.more@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-7573-6755

Tamara A. Sinitsyna, Applicant, Lomonosov
Moscow State University, Moscow, Russian
Federation,
e-mail: famari.more@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-7573-6755

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2 Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.

- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);

- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, материалы и методы, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

УДК 004.9:519.8

**Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами
градообразующего предприятия**

А.Л. Иванов¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск, 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ivanov@gmail.com

Актуальность. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.

...

Ключевые слова: агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail, ORCID, ResearcherID и т.д.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 10). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieconom/>.